

Региональный научный журнал

Решением Президиума ВАК
Министерства образования РФ
от 10, 17, 24 января 2003 г.
журнал «Культурная жизнь
Юга России»
включен в перечень
ведущих научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени доктора наук

Учредитель

КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № 77-13004
от 1 июля 2002 г.
ISSN: 2070-075X

Подписной индекс 20647
в каталоге Роспечати

Редакторы

О. А. ЗАМЕРОВА
В. Ю. НОВИКОВА
Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА

Корректор

В. А. ГУСАКОВА

Дизайн обложки

А. И. ШАНДРО

Дизайн внутренней стороны обложки

А. В. ГУСАКОВ

Адрес редакции

350072, г. Краснодар,
ул. 40-летия Победы, 33,
тел. (861) 252-66-30,
e-mail: cl2002krasn@rambler.ru
Краснодарский
государственный университет
культуры и искусств,
редакция журнала
«Культурная жизнь
Юга России»

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

№ 2 (31), 2009

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ТУРАВЕЦ Н. Р.,
д-р пед. наук, проф.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Чумаченко В. К.,
канд. филол. наук, проф. – первый зам. гл. ред.
Захарченко В. Г.,
народный артист России и Украины, композитор
Лихоносов В. И.,
лауреат Государственной премии России, писатель
Коробейников В. В.,
народный художник России,
член-корр. Российской академии художеств
Глецери А. З.,
министр культуры Республики Адыгея

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аронов А. А.,
д-р культурологии (Москва)
Ашхотов Б. Г.,
д-р искусствоведения (Нальчик)
Боук Б.,
Ph.D. of History (США)
Вакуленко Е. Г.,
д-р пед. наук (Краснодар)
Власова Т. И.,
д-р пед. наук (Ростов-на-Дону)
Головин В. В.,
д-р филос. наук (Санкт-Петербург)
Зенкин К. В.,
д-р искусствоведения (Москва)
Казакова А. Г.,
д-р пед. наук (Москва)
Курганский С. И.,
д-р пед. наук (Белгород)
Кучукова З. А.,
д-р филос. наук (Нальчик)
Мариупольская Т. Г.,
д-р пед. наук (Москва)

Краснодар

Regional scientific
periodical

Founder

KRASNODAR
STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

The Mass Media Registration
Certificate:

PI № 77-13004
06/01/2002
ISSN: 2070-075X

Index № 20647
in Rospechat subscription
catalogue

Editor

N. R. TURAVETS

Assistant editors

O. A. ZAMEROVA
V. YU. NOVIKOVA
E. YU. TRETYAKOVA

Editorial office

cl2002krasn@rambler.ru
(861) 252-66-30

Cultural Studies:
Russian South,

Krasnodar
State University
of Culture and Arts,
33, 40-letiya Pobedy st.,
Krasnodar, 350072,
Russia

CULTURAL
STUDIES:
RUSSIAN
SOUTH
№ 2 (31), 2009

Миц С. С.,
д-р ист. наук (Краснодар)

Мозгот В. Г.,
д-р пед. наук (Майкоп)

Морозов С. А.,
д-р филос. наук (Краснодар)

Павлов Ю. М.,
д-р филол. наук (Армавир)

Сломский В.,
д-р габилитации (Польша)

Сороко Э. М.,
д-р филос. наук (Белоруссия)

Супрун (Яремко) Н. А.,
д-р искусствоведения (Украина)

Трехбратов Б. А.,
д-р ист. наук (Краснодар)

Хагуров А. А.,
д-р социологии (Майкоп)

Шабалин Д. С.,
д-р искусствоведения (Краснодар)

Юнусова В. Н.,
д-р искусствоведения (Москва)

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Теория и история культуры

Науменко В. Е. (канд. ист. наук, проф.)

Философия, социология

Гриценко В. П. (д-р филос. наук, проф.)

Храмов В. Б. (д-р филос. наук, проф.)

Филология, искусствоведение

Волкова П. Ю. (д-р филос. наук, проф.)

Ветошкина Э. А. (канд. филол. наук, доц.)

Третьякова Е. Ю. (канд. филол. наук, доц.)

Тхорик В. И. (д-р филол. наук, проф.)

История

Еремеева А. Н. (д-р ист. наук, проф.)

Педагогика и психология

Зиновьева Н. Б. (д-р пед. наук, проф.)

Подлеснов А. А. (канд. пед. наук, доц.)

Стражникова Т. И. (канд. пед. наук, доц.)

Слуцкий А. И. (канд. пед. наук, проф.)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Т. Ю. Федина. Русско-украинские связи в художественном образовании (<i>юг Российской империи</i>)	4
М. А. Киндзерская. Охрана памятников в начальный период осуществления социалистических новаций	7
С. Н. Кгиторов. Создание первого зимнего драматического театра на Кубани	8
Н. Н. Васильченко. Герменевтическая природа системы Станиславского в ситуации театрального модерна	12
О. И. Луконина. К творческому портрету молодого М. Штейнберга	14
С. В. Анохина. Полистилистика в современной постмодернистской музыкальной культуре	18

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА

В. В. Голуб. Методологические аспекты прогнозирования и моделирования интегративных процессов в профессиональном образовании	20
М. Ю. Данилюк, О. Б. Зуева. Православная система образования как фактор приобщения народов Дагестана к христианской культуре (<i>вторая половина XIX – начало XX в.</i>)	21
Г. А. Бошук. Музыкальная речь как неотъемлемая составляющая коммуникативной компетентности студента-музыканта	26
Т. И. Стражникова. Инновационные технологии обучения в системе музыкального образования: перспективы развития	29
А. В. Скрипкина. Мобильность реагирования на изменения запросов потребителей образовательных услуг как фактор конкурентоспособности вуза	33
Е. Н. Гусарова. Факторы, влияющие на формирование творческого стиля специалиста социомической сферы деятельности	36
С. В. Костылев. Приоритетные направления деятельности руководящего и преподавательского состава военных училищ	38
В. М. Синько, В. А. Петьков. Проектирование культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования	41
Т. Н. Курицына. Современные педагогические технологии обучения студентов-менеджеров	43
И. В. Арцимович. Адаптивность как фактор склонности к девиантному поведению	45

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Д. В. Сень. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века	49
В. И. Колесов. Трансформация идентичности горских греков Северо-Западного Кавказа (<i>XIX–XX вв.</i>)	52
Ю. В. Приймак. «Греческий проект» в контексте включения Крымского ханства в состав Российской империи	54
В. В. Кулаков, Е. И. Каширина. Внешняя и внутренняя политика белого режима на Юге России (<i>1918–1920 гг.</i>)	56
А. А. Зайцев. Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (<i>1920–1922 гг.</i>)	61
А. Г. Бурмагин. К вопросу о формировании Кубанских кавалерийских дивизий в июле – августе 1941 года	67

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЖУРНАЛИСТИКА

В. К. Чумаченко. «Кубанская библиотека» в свете проблемы идентичности	71
Н. В. Свитенко. Архетип трикстера в сюжетных конструкциях Н. С. Лескова	74
М. В. Юрьева. Трансляция русской средневековой культуры в драматургии Д. В. Аверкиева	76
А. Г. Нагапетова. Проблема бесконфликтности и ее реализация в советской «производственной» прозе 1920–1930-х годов	78
З. Х. Джанхотова. Вещный мир в военной лирике К. Кулиева	80
З. А. Ветошкина. Переводческий цикл как поликультурный феномен (<i>на материале сборника «Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков»</i>)	82
Л. Х. Танкиева. Исторические корни образов социально обездоленных героев в волшебных сказках ингушей	84
М. В. Скороходов. Биография как исследовательская проблема в первой половине XIX века	87

ЛИНГВИСТИКА

А. А. Барагамян. Реализация жанровых форм в художественном дискурсе	89
Р. В. Патюкова. Принцип образного контраста в политическом дискурсе	91
Н. Н. Оломская. Лингвостилистические характеристики рекламного дискурса	94
Е. Н. Ежова. Рекламная дискурсия как фактор формирования рекламно-информационной картины мира: социально-культурный потенциал развития	97
Б. Дресслер. Особенности немецкого и русского словообразования: основные модели и термины	99
И. Ю. Апалько. Понятийное структурирование терминологической сферы в предметной области «Защита информации»	100
В. Ю. Новикова. К проблеме интерпретации абсурдных текстов	102
А. В. Бондаренко. Homo loquens vs. Homo ridens: язык и смех человека	104
А. В. Шаулов. Особенности обучения русской орфографии в условиях билингвизма	105
М. Е. Корнилов. Вариативность понимания текста в социокультурном аспекте	107
М. Ю. Симоненко Синтаксическая позиция вводности в предложении	109

Трибуна молодого ученого

С. И. Мальбахова. Кадровая ситуация в библиотеках Кабардино-Балкарии: проблемы и пути их решения	113
З. Ю. Кубашичева. Этнический состав Северо-Западного Кавказа в начале XIX века	115
А. В. Дечева. Театральная рубрика на страницах кубанской прессы 1970–1980-х годов и ее ведущие авторы	117
С. Г. Григоренко. Стилеобразующая роль пространственно-временной оппозиции в художественном нарративе (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	120
Ю. Ю. Бекузарова. Роман П. Остера «Призраки» как «неоконченное произведение»	123
Е. В. Дерюгина. Семантические сферы «животное – болезнь» и «животное – исцеление» в русской языковой картине мира	126
М. А. Кирюхина. Художественный текст как единица художественной речи	128
М. В. Репина. Обучение аудированию в подготовке будущих переводчиков	130
Л. Г. Новак. Лексико-семантическое поле «путешествие» в сфере туризма (на материале французского языка)	132
Т. А. Куликова. О некоторых аспектах исследования восприятия делового документа	133
Э. В. Выбыванец. Развитие историко-культурной направленности мышления студентов как фактор гуманизации музыкального образования	135
О. Ю. Афонина. Художественно-творческая деятельность как необходимое условие формирования творческой личности	137
А. Ю. Галиченко. Интегративные процессы в учебно-образовательной практике вузов культуры и искусств (на материале профессиональной подготовки руководителей музыкальных коллективов)	139
В. М. Подаюров. Деревянные музыкальные инструменты: кларнет и саксофон	141
Л. В. Шумная. Структура творческого воображения юных пианистов	145
А. И. Щербина. Основные подходы к изучению проблемы самосознания в отечественной психологии	146
П. Ю. Рыбачук. Здоровьеобразование студентов средних специальных учебных заведений	148
М. Н. Дегтярева. Плетение из растительных материалов Астраханской области	150

Библиография

Б. А. Ивченко. История не терпит дилетантства	152
Сведения об авторах	154

Теория и история культуры

Т. Ю. ФЕДИНА

РУССКО-УКРАИНСКИЕ СВЯЗИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ (юг Российской империи)

Начиная с середины 1860-х годов на юге Российской империи по инициативе частных лиц и общественных организаций открываются первые художественные учебные заведения. В их деятельности проявляются русские и украинские влияния, характерные для художественной жизни этого региона.

Ключевые слова: художественная жизнь, художественное образование, русско-украинские связи, Юг России.

Известный исследователь русской культуры XIX – начала XX века Г. Ю. Стернин отмечает, что художественная жизнь эпохи внешне выражается в многообразных повседневных явлениях, которые и есть ее составляющие. С одной стороны, ее можно представить в виде развернутого комментария к истории искусства, помогающего понять историко-культурную ситуацию изучаемого периода и позволяющего ввести в оборот факты, обычно остающиеся за пределами традиционных искусствоведческих работ. С другой стороны, художественная жизнь имеет собственное содержание, свои закономерности развития, благодаря которым она становится важным связующим звеном между творчеством и художественной культурой эпохи в целом, между искусством и обществом [1].

Нам представляется, что понятие «художественная жизнь» объединяет различные события, связанные с художественным творчеством, его пропагандой, художественным образованием, эстетическим воспитанием и т. д. Это – лекции об искусстве, встречи известных исполнителей со зрителями, публикации в печати, посвященные этим мероприятиям, отдельным событиям и явлениям в данной области, деятельность профессиональных и любительских объединений и др. Словом, это не только история искусства (всех его видов и жанров), но и история читателей, зрителей, слушателей со свойственным им восприятием и интерпретацией искусства.

В рамках данной статьи мы рассматриваем художественное творчество в узком смысле этого понятия – как изобразительное искусство и, соответственно, в этом же аспекте анализируем художественную жизнь. Создание и деятельность рисовальных школ, а позднее и художественных училищ является одним из направлений художественной жизни, в котором ярко проявилась инициатива частных лиц (художников, педагогов, меценатов) и общественных организаций. Развитию этой сферы на Юге России способствовало сотрудничество русских и украинских художников. Цель настоящей работы – выявить, в каких регионах Юга России и в каких направлениях и формах оно проявилось.

До середины 1860-х годов на Юге России, в том числе и в Украине, не было средних художественных учебных заведений.

В 1865 году при Обществе изящных искусств в Одессе открылась рисовальная школа, которая до 1885 года находилась в руках второстепенных художников, таких как Иорини, Бонни, Бауэр – воспитанников Миланской и Мюнхенской академий. И только благодаря инициативе, проявленной художником Г. А. Ладыженским, и вмешательству Императорской академии художеств в дела школы удалось кардинально изменить ее деятельность. Почти все преподаватели Одесской школы были уволены, а ведущими в ней стали Кириак Костанди и Геннадий Ладыженский. К этому времени Костанди был уже зрелым мастером, ярким представителем реалистического направления. Для своих учеников он являлся художественной совестью – символом честности и высокой требовательности к себе. В годы пребывания в Академии художеств Костанди учился у многих педагогов, но своим учителем считал П. П. Чистякова и последовательно воплощал его методы в Одесской рисовальной школе.

В разные годы здесь учились В. К. Розвадовский, С. И. Слободянюк-Подольян, П. А. Нилус, И. И. Мищенко, Ю. Р. Бершадский, В. И. Берингер, В. Г. Крихацкий, А. Г. Платонов, Р. Судковский, М. Б. Греков и др.

В 1869 году при первой прогимназии в Киеве рисовальную школу открыл художник Николай Иванович Мурашко. В первые годы своей педагогической деятельности он использовал метод копирования с оригиналов. Под влиянием И. Н. Крамского и П. П. Чистякова, советы которых он высоко ценил, украинский педагог отказался от устаревшего способа обучения и в дальнейшем строил обучение на рисовании с натуры. Кроме того, учащиеся делали зарисовки по памяти и эскизы композиции.

В 1875 году рисовальная школа при гимназии была реорганизована в самостоятельное учебное заведение. Мурашко продолжал развивать новую методику, и в этом ему помогали многие русские художники. Помимо Чистякова и Крамского он находился под влиянием И. Е. Репина, Н. Н. Ге, В. Е. Савинского. Вместе со своими учениками педагог посещал выставки передвижников и требовал, чтобы учащиеся не просто знакомились с картинами мастеров, а изучали их. Особенностью

школы Мурашко было и то, что здесь применялось не только рисование с натуры, но и с подвижных моделей, причем особое внимание уделялось изучению мимики.

Педагогическая деятельность Н. И. Мурашко, его бескорыстное служение искусству снискали ему уважение в художественной среде. В частности, В. Д. Поленов в письме Н. Н. Климентьевой (от 8 декабря 1881 г.) писал о подвижнической деятельности основателя Киевской рисовальной школы следующее: «Не обладая ни талантом, а еще меньше деньгами и имея при себе только терпение и страстную любовь к делу, Мурашко основал школу <...> и до сих пор ведет ее и преподает один-одинешенек. Нынешней весной двое его учеников получили в Академии большие золотые медали <...> Самое отрадное впечатление» [2]. Высоко ценил Н. И. Мурашко как педагога И. Е. Репин. Именно его он порекомендовал в качестве учителя для юного Валентина Серова.

Художественное образование в школе Мурашко получили украинские художники И. С. Ижакевич, Ф. С. Красицкий, А. А. Мурашко, Г. П. Светлицкий, А. Г. Лазарчук, Н. К. Пимоненко, А. А. Куренной, Ф. З. Коновалюк, И. Г. Яременко, Г. Г. Павлович, Ф. И. Данилов, Х. П. Платонов, В. Л. Масляников и др.

В Харькове первая рисовальная школа была открыта в 1869 году на средства М. Д. Раевской-Ивановой. Через несколько лет, в 1875-м, художник Е. Е. Шредер создал в этом городе студию. Отметим, что в этих учебных заведениях прошли подготовку к академии известные украинские художники С. И. Васильковский и П. А. Левченко.

В школе Раевской-Ивановой, как и в других художественных учебных заведениях того времени, учеников готовили для сдачи вступительного экзамена в Академию художеств, т. е. для дальнейшей профессиональной деятельности. Но основательница школы не считала эту задачу главной. Гораздо важнее, по ее мнению, было подготовить для художественной промышленности рисовальщиков, воспитанных на традициях украинского народного искусства. Очевидно, направленностью этого заведения объясняется тот факт, что из его стен вышло меньше живописцев, чем из школы Н. И. Мурашко.

М. Д. Раевская-Иванова в своем начинании пользовалась поддержкой известных русских художников Г. Г. Мясоедова, И. Н. Крамского, ее главным консультантом был секретарь Общества поощрения художеств Д. В. Григорович.

Создательница харьковской рисовальной школы была ограничена в средствах, и поэтому не все ее начинания воплотились в жизнь. Например, она открыла в своей школе класс декорационной живописи, но из-за отсутствия необходимых средств не смогла построить работу так, как было задумано.

О художественной школе в Миргороде (так называемом Гоголевском училище) М. М. Коцюбинский писал как о светлом явлении русской жизни, которое непосредственно связано с именем великого писателя. Здесь главными предме-

тами были живопись, ваение, скульптура, гончарное искусство, резьба по дереву. Учащимся, не имевшим аттестатов об окончании уездных училищ, преподавались также общеобразовательные дисциплины. Это обстоятельство позволяет рассматривать Гоголевское училище как среднее художественное учебное заведение.

Администрация Гоголевского училища периодически устраивала выставки ученических работ и присуждала за лучшие из них денежные награды. Другой наградой, не менее важной, было признание у населения: работы учащихся украшали дома многих миргородцев. Училище располагалось в прекрасном двухэтажном здании, в нише которого был установлен «отлично исполненный бюст Гоголя», служивший главной достопримечательностью города. Классы и мастерские были светлыми, высокими, отвечающими всем правилам гигиены.

В Гоголевском училище на 1 января 1898 года состояло 150 учащихся, из них 3 стипендиата, остальные обучались за счет собственных средств. Только 8 учеников окончили уездное училище, остальные – сельские или церковно-приходские школы. Социальный состав обучаемых был неоднородным: преобладали дети казаков и крестьян, вместе с ними обучались дети дворян, духовенства, мещан и т. д. [3]. Таким образом, художественное училище в Миргороде и по своей численности, и по социальному составу, и по набору изучаемых дисциплин представляло собой редкое для провинции явление. К тому же оно было создано в память о великом русском писателе, творчество которого питалось из двух источников – русской и украинской культуры.

Другим интересным примером (но уже не общественной инициативы, а частной) служит единственная в дореволюционной России рисовальная школа для крестьянских детей, основанная в 1905 году в г. Каменец-Подольский В. К. Розвадовским, выпускником Академии художеств, организатором передвижных народных выставок в Украине. Учащиеся этой школы содержались на полном пансионе. Вячеслав Константинович, как и М. Д. Раевская-Иванова, стремился приблизить обучение к традициям народного творчества, открыв при школе керамическое отделение. Педагогическая деятельность Розвадовского принесла первые плоды: 8 картин его учеников демонстрировались в Академии художеств. Однако в 1909 году он был отстранен от заведования школой как политически неблагонадежный.

Мы рассмотрели наиболее яркие примеры деятельности рисовальных школ в Украине, созданных по инициативе «снизу», а не «сверху», т. е. усилиями общественных организаций и частных лиц, а не государства. Н. Яворская отмечает, что после того, как в результате реформы Академии художеств (1893) в нее вошли художники-передвижники, «частные школы постепенно начинают преобразовываться в казенные художественные училища» [4]. Добавим, что этот позитивный процесс развивался медленно, как и все начинания в Российской империи. Академия принима-

ла под свою опеку в основном частные школы, выделяя им ежегодно определенные средства на необходимый инвентарь и материалы. Лишь в отдельных случаях организационные вопросы решались оперативно. В частности, художники Н. К. Пимоненко, В. Д. Орловский, В. К. Менк, О. И. Троицкая-Гусева и другие при поддержке Г. Г. Мясоедова достаточно быстро добились в Академии разрешения на открытие Киевского художественного училища.

Через 8 лет, в 1909 году, в Киевское художественное училище обратился за методической помощью кубанец Ф. А. Коваленко, организовавший при Екатеринодарской картинной галерее новое общественное объединение – художественный кружок и вдохновивший его участников на открытие рисовальной школы. Для разработки устава правлению был интересен опыт учебных заведений, находившихся в ведении Академии художеств. Поскольку Коваленко как организатор периодических выставок сотрудничал со многими украинскими художниками, он обратился именно в Киев. В своем письме от 16 сентября 1909 года Федор Акимович попросил прислать устав и смету на содержание учебного заведения, о чем известно из ответного письма училища [5]. Интересно, что в Киеве без промедления отозвались на просьбу екатеринодарцев, и уже 24 сентября того же года на имя председателя правления Екатеринодарского художественного кружка Ф. А. Коваленко был выслан печатный экземпляр просимого устава, а по поводу сметы в письме было сказано, что «таковая составляется ежегодно по мере действительной надобности» [6].

Решая вопрос об открытии художественного училища в Екатеринодаре, правление художественного кружка должно было учесть неудачный опыт местного художника-любителя Е. И. Посполитаки, который ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о назначении ежегодной субсидии в сумме 2000 руб. для учрежденной им школы рисования, являвшейся первым заведением такого рода на Кубани. В 1904 году Отделение по техническому и профессиональному образованию Академии признало его ходатайство «не подлежащим удовлетворению <...> вследствие отсутствия определенной программы, совершенно неустановившегося типа названной школы, тем более, что по соседству, в г. Ростове-на-Дону, уже имеется рисовальная школа, субсидируемая Академией художеств» [7].

Школа, о которой идет речь в ответе Академии, имеет свою историю. Это было первое общедоступное художественное заведение в Донской области, учрежденное по предложению ростовского головы А. М. Байкова, который мечтал создать художественный музей, но понимал, что для этого сначала нужно подготовить необходимую среду. В 1886 году городская дума постановила открыть в Ростове-на-Дону «рисовальные классы», а попечителем единогласно избрали Владимира Ивановича Асмолова. На

их содержание в год открытия местной властью было ассигновано 500 руб. [8]. Школа размещалась в Думском проезде, в одном здании с Артистическим обществом (на втором этаже). Художник и педагог А. С. Чиненов, выпускник Академии художеств, бесценно возглавлявший рисовальные классы, в 1900 году представил на Всемирной выставке в Париже собственный метод преподавания и коллекцию созданных им учебных пособий. И то, и другое было удостоено «бронзовой именной медали и почетного диплома, а министерство просвещения Франции закупило с выставки образцы экспонируемых пособий» [9]. В 1908 году рисовальные классы были переданы в ведение Ростовско-Нахичеванского общества изящных искусств, которое поддержало их, добившись продления ежегодных субсидий от Академии художеств и городского управления. На основе рисовальных классов впоследствии было организовано Ростовское-на-Дону художественное училище.

В 1900-е годы на Дону открылись и другие художественные школы, например, Ростовские художественные классы И. С. Богатырева. Учреждению Новочеркасской рисовальной школы способствовал художник Иван Иванович Крылов (1902). Это учебное заведение субсидировалось и контролировалось Академией художеств [10]. В 1910 году в Таганрог из Петербурга переехали художники Серафима Иасоновна Блонская (уроженка этого города) и Александр Михайлович Леонтовский, которые поставили своей целью открыть здесь частную школу живописи. Им это удалось, и художественная школа просуществовала около 20 лет [11].

В заключение можно сделать вывод о том, что в деятельности руководителей рисовальных школ Украины (К. К. Костанди, Н. И. Мурашко, М. Д. Раевская-Иванова) прослеживается влияние выдающихся русских художников и педагогов, их взаимный интерес к сотрудничеству. На Кубани русско-украинское сотрудничество проявляется в участии украинских художников в периодических выставках, а также при решении организационных вопросов по созданию городской школы живописи и рисования. На Дону такое сотрудничество, на первый взгляд, не отмечается, но не следует забывать о том, что Ростовско-Нахичеванское общество изящных искусств с 1911 года проводило весенние периодические выставки, на которые приглашались помимо петербургских и московских художников «видные художники из Киева, Одессы и Харькова» [12]. Учащиеся рисовальных классов посещали вместе с преподавателями все художественные выставки и имели возможность познакомиться с творчеством украинских художников.

Литература

1. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М., 1976. С. 6.
2. Цит. по: Серова В. С. Как рос мой сын. Л., 1968. С. 215–216.

3. Коцюбинский М. М. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1965. С. 98–99.

4. Яворская Н. Академия художеств и художественное образование на Украине во второй половине XIX в. // Русско-украинские связи в изобразительном искусстве. Киев, 1956. С. 60–78.

5. Государственный архив Краснодарского края. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

6. Там же.

7. Летопись областной жизни // Кубанские областные ведомости. 1904. 30 июля. № 166.

8. Чалхутьян Г. Х. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону // Донской временник. Ростов н/Д, 2002. С. 187.

9. Крымская Н. К 100-летию художественного образования на Дону. Чиненовы: портрет на фоне столетия // Молот. 1995. 2 дек. № 202–203.

10. Рудницкая Ю. Л. Художники Дона. Л., 1987. С. 10.

11. Художники земли донской. Ростов н/Д, 1980. С. 20.

12. Приазовский край. 1912. 26 марта.

T. YU. FEDINA. RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS IN ARTISTIC EDUCATION (SOUTH OF RUSSIAN EMPIRE)

At the beginning of the 1890-s the first artistic educational institutions were established in the South of the Russian empire by the private person's and public organization's initiative. One can see Russian-Ukrainian relations in their activities which are characteristics of the artistic life of this region.

Key words: *artistic life, artistic education, Russian-Ukrainian relations, the South of Russia.*

М. А. КИНДЗЕРСКАЯ

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ

Классовый подход к культуре в годы советской власти привел к утрате традиционных ценностей. Автор статьи анализирует ситуацию соотношения целей нового общества и проблем сохранения памятников искусства.

Ключевые слова: *государственная политика, идеологическая борьба, культурное наследие, охрана памятников.*

Охрана национальных культурных ценностей является одной из существенных задач историко-культурного процесса. Проблемы сохранения памятников старины в эпоху утверждения авторитарного режима управления в России пусть косвенно, но перекликаются с проблемами наших дней, поскольку сейчас вопрос о культурном наследии встает чрезвычайно остро. Вследствие распада СССР, демонтажа старой административно-управленческой системы, сведения к минимуму бюджетных ассигнований на культуру ухудшилось состояние культурно-исторического наследия. В интересах науки и народа требуется принятие конкретных мер, обоснованных беспристрастной всесторонней оценкой положительного и отрицательного опыта, накопленного в деле сохранения и использования памятников истории культуры.

Тотальная переоценка прошлого зачастую приводит к игнорированию или откровенному искажению исторических фактов. Долгое замалчивание серьезных просчетов и ошибок в работе по обеспечению охраны памятников старины привело к иной крайности: стремлению как можно быстрее заполнить образовавшийся информационный вакуум любой ценой. Стали повсеместно публиковаться работы по изучению случаев неоправданного сноса старинных особняков, уничтожения или продажи за границу уникальных образцов живописи, графики, прикладного искусства.

Не стоит забывать, что еще с первых дней советской власти правительство объявило охрану сокровищ культуры – памятников искусства и старины – важнейшей государственной задачей. В основу культурной политики советской России легли сформулированные В. И. Лениным принципы отношения коммунистической партии к художественно-творческой деятельности. Правительством был проведен ряд законодательных и организационных мер в области музейного строительства и охраны памятников [1], что послужило спасению уникальных художественных коллекций, созданию новых музеев и мемориальных комплексов.

Уже в ноябре 1917 года в опубликованном «Известиями ВЦИК» обращении Народного комиссариата просвещения «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России» говорилось, что трудящийся народ «кроме богатств естественных унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности, и т. д. Все это теперь воистину принадлежит народу». Комиссариат призывал «бдительно беречь это достояние народа», потому что «все это поможет бедняку и его детям перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему

сделаться новым человеком, обладателем <...> творцом еще невиданной новой культуры» [2].

Отношение к историко-культурному наследию в начальный период становления советской власти было сложным и противоречивым, что порой оборачивалось серьезными потерями. Луначарский в статье «Охраняйте народное достояние» пояснял: «Народные массы, оторванные от науки и красоты, часто не в состоянии осознать ценности таких произведений человеческого труда и портят их. Зачастую эти глубоко интересные вещи навлекают на себя гнев, вполне справедливый по отношению к недавним владельцам этих вещей» [3].

В ходе идеологической борьбы происходит отбор элементов культурного достояния, отвечающего интересам тех или иных социальных структур, и, соответственно, ведется критика идей оппонентов. Нередко в процессе революционной

ломки прежних социальных установок возникают политические теории, утверждающие бесполезность прежнего культурного достояния для нового общества.

Таким образом, культурные ценности прошлого наследуются новым обществом в соответствии с целями, достижение которых включает в себя не только освоение наследия, но и создание на этой основе новых феноменов культурно-исторического процесса.

Литература

1. Декреты и инструкции об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М., 1924. С. 78.
2. Цит. по: Кончин Е. В. Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981. С. 11.
3. Там же.

M. A. KINDZERSKAYA. WORKS OF ART PRESERVATION DURING THE EARLY PERIOD OF SOCIALIST'S INNOVATIONS

Class approach to the culture during the years of soviet power led to the loss of traditional values. The author analyzes correlation of the new society aims and the problems of works of art preservation.

Key words: state policy, ideological struggle, cultural heritage, works of art preservation.

С. Н. КТИТОВ

СОЗДАНИЕ ПЕРВОГО ЗИМНЕГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА НА КУБАНИ

В статье освещен начальный период истории Армавирского театра – первого зимнего драматического театра на Кубани. Автор рассматривает особенности становления профессионального сценического искусства в регионе в досоветский период.

Ключевые слова: театр, сценическое искусство, гастроли, театральный сезон, труппа, антрепренер.

В декабре 2008 года был отпразднован столетний юбилей Армавирского театра драмы и комедии – важная веха не только в истории города. Этому открытому в селении Армавир на средства купца М. И. Мисожникова просветительскому учреждению принадлежит особая роль как первому зимнему стационарному драматическому театру на Кубани.

Сценическое искусство вошло в жизнь кубанцев уже с середины XIX века, когда в городе Екатеринодаре начали выступать местные любители из числа казаков. Представления разыгрывали и сами жители и гастролировавшие в городах Кубани профессиональные артистические труппы. Лучшим гастрольным временем считался летний сезон, совпадавший с наплывом наемного рабочего и крестьянского люда, а также с приездом отдыхающих на Черноморское побережье. Сезонность театральной жизни была связана и с недостатком удобных помещений для драматических представлений. Как правило, театры представляли собой деревянные сооружения, функционировавшие только в теплые месяцы. Остальное время года спектакли шли в более или менее приспособленных наемных помещениях – различных

клубах, народных домах, залах учебных заведений и т. д.

Долгое время в Кубанской области не имелось стационарного зимнего драматического театра, дающего возможность для выступлений в любое время года и выстроенного с учетом необходимых требований акустики, освещенности, вентиляции, удобства для артистов и зрителей. Первый такой театр появился в селении Армавир в 1908 году на центральной улице – Почтовой (ныне это место по ул. Ленина между домами № 101 и 103). Он был сооружен на средства богатого промышленника, владельца машиностроительного и маслобойного заводов Михаила Иосифовича Мисожникова. Вскоре, в сентябре 1909 года, большой зимний театр начал действовать и в Екатеринодаре.

То, что первый зимний драматический театр появился не в столице Кубани, а в селе Армавир, обусловлено целым рядом причин. Тогда практически каждый город имел общественный сад с летним деревянным театром, открытой сценой, ротондой или иным сооружением, использовавшимся для постановки спектаклей. Каждый летний сезон проходили гастроли артистов, и местные поклонники сцены несколько месяцев в году

имели возможность приобщаться к любимому искусству. Перечисленные зрелищные сооружения возводились и содержались местными властями. Кроме того, на средства муниципалитета строились народные дома – просветительские учреждения широкого профиля, где также устраивались спектакли. В крупных городах функционировали и неформальные объединения жителей: общественные собрания, коммерческие, купеческие, дворянские и другие общества. Эти организации имели свои клубные помещения, где оборудовался зрительный зал со сценой, что тоже помогало разрешению «театрального вопроса».

В Армавире ситуация была несколько иной. Это селение являлось важным торгово-промышленным центром Северного Кавказа и соответствовало по размерам среднему российскому городу. К 1908 году оно насчитывало 32 000 чел., среди которых было немало образованных людей с высокими культурными запросами. Селение было расположено на главной магистрали Владикавказской железной дороги, по которой на курорты Минеральных вод и в Закавказье регулярно проезжали на гастроли многочисленные театральные труппы. Они могли на несколько дней останавливаться, однако условия для организации драматических представлений в Армавире были гораздо хуже, чем в городах, поскольку не имелось общественного сада с летним театром. Частные садики незначительных размеров не могли быть приспособлены для театральных представлений, поэтому в них обычно открывались кафешантаны. Большинство общественных объединений не располагали денежными средствами, достаточными для оборудования сценического помещения. Без материальной поддержки властей и постройка народного дома, который в городах выполнял функцию театра, оставалась лишь мечтой. Местное сельское правление формировалось из коренных жителей черкесогаев (черкесских армян), индифферентно относившихся к культурным нуждам многочисленных инородцев.

Постепенно Армавир приобрел значение крупнейшего торгового центра Северного Кавказа, где проживало немало обладателей миллионных состояний. Именно среди них нашелся инициативный человек, большой поклонник драматического искусства, не пожалевший средств на строительство капитального зимнего театра.

Освящение нового храма искусства состоялось в первых числах декабря 1908 года [1]. Об этом событии писала екатеринодарская газета «Новая заря»: «До сего времени все спектакли, концерты и вечера устраивались в зале общественного собрания на не приспособленной для этой цели сцене. Теперь все это найдет приют в новом театре г. Мисожникова, устроенном применительно ко всем требованиям сцены <...> Зрительный зал театра имеет 32 на 15 арш., сцена 12 на 16 арш. Вместимость 700–800 чел. Театр удобен и, можно сказать, даже комфортабелен. Правда, буфет и фойе маловаты в сравнении с зрительным залом, но зато все сделано изящно и с большой долей вкуса. Стены и потолки везде расписаны красками

(работа художника В. П. Вейдовского), отопление паровое. Освещение электрическое от собственной станции. В противопожарном отношении театр также устроен хорошо. Электрические провода, во избежание случайностей, проложены по тонким медным трубкам, водопроводная магистраль проведена от главной трубы <...> Сцена также не обижена благоустройством. Имеется много обстановочной мебели, декораций, все потребные для сцены технические приспособления и машины для световых и звуковых эффектов. Уборные для гг. артистов также удобны и хорошо оборудованы <...> по мнению многих, армавирский театр мог бы сделать честь даже некоторым губернским городам» [2]. Заметка о знаменательном событии появилась и в столичном журнале «Театр и искусство»: «Армавир. Здесь открылся театр, выстроенный компанией предпринимателей во главе с М. О. Мисожниковым. Помещение театра узкое, с низкими потолками, но отделано со вкусом, с небольшим фойе, буфетом и столовой и электрической вентиляцией. Вместимость театра 700–900 чел.» [3].

Армавирский театр представлял собой сооружение в стиле модерн. Ломаная линия уличного фасада и ризалиты, выявляющие планировочную композицию, богатая пластика и «напряженный» высотный силуэт отличали внешний облик сооружения [4].

Первый сезон в первом зимнем стационарном театре на Кубани открылся 4 декабря 1908 года спектаклями украинской труппы под управлением антрепренера П. В. Прохоровича [5]. Уже к середине декабря были поставлены пьесы М. Л. Кропивницкого «Дви семья», «Сорочинский ярмарок» и «Суета» [6].

После завершения гастролей Павел Васильевич Прохорович остался в Армавире на должности администратора театра. Этот человек внес неоценимый вклад в дело становления и популяризации сценического искусства в Армавире. П. В. Прохорович родился в 1871 или в 1872 году, на сцене стал выступать с 1895-го. Первоначально он гастролировал по России в составе малороссийских трупп, впоследствии (не позже 1908 года) возглавил собственный коллектив артистов. Помимо актерской и антрепренерской деятельности он занимался драматургией. Как отмечал сам автор, театральное искусство было главным делом его жизни. Сегодня известна только одна его пьеса «3 пид винця в труну» [7].

К сентябрю 1908 года по приглашению М. И. Мисожникова Павел Васильевич приехал в Армавир [8], а к моменту открытия театра прибыли и артисты его коллектива. Первый зимний сезон оказался весьма удачным как с точки зрения успеха у публики, так и в материальном отношении. В журнале «Театр и искусство» сообщалось: «С 4 декабря 1908 по 8 февраля 1909 года труппой г. Прохоровича дано 59 спектаклей вечерних и 13 утренних, всего взято 20 409 руб. 12 коп., на круг по 283 руб. 46 коп. Чистого заработка около 4000 руб. по уплате жалованья и вечерового расхода. Антрепренерскую деятель-

ность г. Прохорович прекратил и служит администратором Армавирского театра, куда подписал контракт на 3 года» [9].

Благодаря П. В. Прохоровичу армавиры смогли познакомиться с различными драматическими коллективами. В сценическом репертуаре заметное место занимала украинская тематика. Так, зимний сезон 1909–1910 годов открылся представлениями труппы Б. А. Бродерова, состоявшей из 70 человек. В числе сыгранных артистами произведений были украинские оперетты «Запорожец за Дунаем», «Наталка Полтавка», ее продолжение – «Свадьба Терпилыхы с Возным» и др.

Коллектив Б. А. Бродерова сменила труппа антрепренера П. И. Серова. С 1 октября 1910 года театр М. И. Мисожникова был снят на всю зиму антрепренером А. А. Кравченко, под руководством которого выступали 19 артистов [10].

Вскоре Прохорович решил возобновить антрепренерскую деятельность. 21 июля 1910 года в газете «Новая заря» появилась заметка о том, что на 1911 год Павел Васильевич формирует украинскую труппу в компании с дирижером Гайдамакой-Леванковским. Он оставляет пост заведующего театром и во главе украинской труппы отправляется в гастрольную поездку по городам России.

После отъезда П. В. Прохоровича новая администрация не смогла найти артистов, готовых отыграть целый сезон. Представления стали нерегулярными. Из-за отсутствия постоянной труппы 7 ноября 1912 года помещение было сдано в аренду под кинематограф «Новый театр Гранд-Электро» [11]. Местные любители сценического искусства пришли в уныние, стали появляться мысли о необходимости построить еще один «храм Мельпомены». Однако театр М. И. Мисожникова не утратил окончательно своей главной функции: зал по-прежнему снимали приезжавшие в Армавир артисты, хотя их гастроли продолжались теперь в лучшем случае 2–3 недели.

По некоторым сведениям, в течение 1913 года здесь выступали следующие коллективы:

- в январе труппа кисловодского курзала под управлением И. П. Гогина;
- в феврале Товарищество опереточных артистов И. П. Коганова; Миланская итальянская опера, привезенная братьями Гонсалес;
- в мае лирический тенор А. Аюпян;
- в августе труппа «Веселого театра» при участии В. В. Рамазанова, известного как писатель и артист Московского театра Корша;
- в сентябре труппа полного ансамбля Тифлисского казенного и Самарского городского театров под управлением Н. Д. Лебедева;
- в октябре труппа артиста Санкт-Петербургского Малого театра М. С. Кожевникова при участии К. А. Яновской;
- в ноябре – опять артисты кисловодского курзала;
- в декабре киевский ансамбль художественной драмы (дирекции А. Н. Морской); полный состав Ростовского Асмоловского и Екатеринодар-

ского театра О. П. Зарайской под общим управлением Н. И. Соболевского-Самарина [12].

До весны 1914 года в здании театра действовал кинематограф. Затем помещение было приобретено местным купцом С. П. Меснянкиным. 3 ноября 1914 года новый владелец сообщал в бюро Русского театрального общества, что здание «вмещает до 600 чел.; имеется 26 рядов в партере по 20 стульев в каждом ряду; 18 лож по 4 стула в каждой и балкон, вмещающий до 50 чел.», а общий сбор достигает 700 руб. [13].

Скромные размеры зала вызывали у обывателей массу острых шуток. В одном из стихотворных газетных фельетонов 1914 года говорилось: «Есть театрик здесь убогий, / На чулан скорей похожий, / Коль случайно забредешь, / Рад будь, если цел уйдешь. / Там, брат, боксом угощают, / Платье боем добывают, / Обдирают очень ловко. / Не театр, а мышеловка» [14].

Несмотря на все недостатки, армавиры очень любили свой театр: во время спектаклей в зале редко оставались свободные места. С аншлагом шли гастроли исполнительницы романсов Анастасии Вяльцевой, певицы Надежды Плевицкой, артиста Роберта Адельгейма, балерины Екатерины Гельцер, поэта Николая Клюева, армянских драматических трупп под управлением О. Абеяна, А. Шаэна, А. Армяняна, выступления других коллективов.

В марте и апреле 1915 года армавиры восторженно приветствовали своего старого знакомого П. В. Прохоровича с его артистами.

В 1915 году появилась постоянная труппа, выступавшая вплоть до революции 1917 года. 17 октября 1915 года зимний сезон был открыт спектаклями труппы «Современного театра миниатюр» Л. П. Баушева и Б. В. Радова. Этот коллектив, состоявший из 25 человек, возглавлял опытный антрепренер и артист М. И. Судьбинин. При театре миниатюр работал собственный струнный оркестр под управлением дирижера М. И. Соколова. Программа выступлений труппы была разнообразной, но преобладали оперетта, фарс и комедия [15].

В 1920 году после установления в Армавиры советской власти образовалась новая труппа из 36 чел., и зимний драматический театр С. П. Меснянкина был муниципализирован. С этого времени его деятельность уже не прерывалась. В мае 1922 года ему присвоили имя наркома просвещения А. В. Луначарского.

К сожалению, строение театра было уничтожено до основания во время налета фашистской авиации в 1942 году. После войны оно было отстроено снова. Коллектив ведет отсчет своей истории от того далекого дня 4 декабря 1908 года, когда усилиями М. И. Мисожникова и П. В. Прохоровича в селе Армавир открылся первый настоящий артистический сезон.

Литература и источники

1. Новая заря. Екатеринодар. 1908. № 651.
2. Там же. № 652.

3. Театр и искусство. СПб. 1909. № 3. С. 62.
4. *Казачинский В. П., Бондарь В. В.* Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв.: в 2 ч. Архитектура Кубани до 1985 г. Краснодар, 2002. Ч. 2. С. 36.
5. Театр и искусство. СПб., 1909. № 3. С. 62.
6. Новая заря ... 1908. № 652.
7. *Ктиторов С. Н.* Украинские страницы в истории первого зимнего театра на Кубани (штрихи биографии антрепренера П. В. Прохоровича) // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2. Краснодар, 2007. С. 124–125.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 641. Оп. 1. Д. 2608. Л. 9.
9. Театр и искусство ... 1909. № 11. С. 213.
10. *Ктиторов С. Н.* Украинские страницы ... С. 125.
11. Отклики Кавказа. Армавир, 1912. № 249.
12. Там же. 1913. № 18, 27, 35, 110, 189, 193, 201, 232, 266, 269, 276.
13. РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2608. Л. 18.
14. Отклики Кавказа. 1914. № 95.
15. Там же. 1915. № 224, 227, 232.

Иллюстрации к данной статье размещены на 3-й странице обложки журнала.

S. N. KTIOROV. FOUNDATION OF THE FIRST WINTER DRAMA THEATRE IN KUBAN REGION

The article deals with the early period of the Armavir Theatre history as the first winter drama theatre in Kuban region. The author examines the peculiarities of the professional dramatic arts formation in the region during the pre-Soviet period.

Key words: theatre, dramatic arts, tour, theatrical season, troop, impresario.

Н. Н. ВАСИЛЬЧЕНКО

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИСТЕМЫ СТАНИСЛАВСКОГО В СИТУАЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО МОДЕРНА

Автор с позиций герменевтики рассматривает специфику системы Станиславского и влияние этой сценической практики на развитие театральной культуры XX века.

Ключевые слова: система Станиславского, герменевтический разрыв, подтекст, сверхзадача.

В 2008 году исполнилось сто десять лет со дня открытия Московского Художественного театра, самого яркого события в театральной культуре модерна конца XIX века. На его сцене реализовалось явление, по сей день имеющее неопределимую значимость для русского и мирового искусства, – система К. С. Станиславского.

Искусствоведы, театральные педагоги, театроведы с пиететом относятся к творческому наследию этого великого актера, режиссера и реформатора сцены. Между тем далеко не все исследователи досконально знают сущность его взглядов по принципиальным для театра вопросам. Многие подвергают сомнению актуальность его системы. Суть сложившейся ситуации замечательно выражена в словах Г. А. Товстоногова: «Мы почти полностью утратили основополагающие для профессии режиссера знания. Создав великий театр своего времени, он открыл еще и вечные законы сценического творчества. Эти законы не зависят ни от времени, ни от эстетики. На Западе до этого стихийно доходят отдельные режиссеры, но мы-то на этом учении воспитаны. И когда мы разбазариваем собственное богатство, не владем им по-настоящему, мне это кажется преступлением против искусства. Это беда нашей профессии на сегодняшний день» [1].

Следует отметить, что исследователями в области театроведения предпринимались и пред-

принимаются самые разные попытки анализа отдельных положений и разделов системы. Но при всей несомненной научной значимости этих попыток не следует, на наш взгляд, забывать характеристику метода, данную самим автором: «Система не справочник, а целая культура, на которой надо расти и воспитываться долгие годы. Ее нельзя вы зубрить, ее можно усвоить» [2].

Очевидно, что при такой точке зрения есть существенные предпосылки для рассмотрения и изучения системы Станиславского с позиций культурологии.

Известно, что театр – художественная практика, восходящая к древнейшей истории человечества. Размышляя о функции театра в изменяющемся обществе, Г. Г. Гадамер особо выделяет понятие «подражание», представляющее собой бытийность, перевоплощенную таким образом, что она продолжает указывать нам на то, из чего возникла. «Но и она, в свою очередь, подвергается превращению, потому что благодаря ей выявляются новые возможности, которых прежде мы не видели. Поэтому современный театр <...> ни в какой мере не является второстепенным феноменом нашего общества и нашей культуры» [3].

«Преобразованная бытийность» в системе Станиславского – это, прежде всего, два взаимосвязанных и основополагающих понятия: «перевоплощение» и «переживание». Как подчеркива-

ет Станиславский, актер ни при каких условиях не должен отступить от самого себя. Теория театра предстает у Станиславского как «закодированная практика»; она утверждает и определяет непрерывность процесса взаимодействия между культурными формами, известными с незапамятных времен, и современными моделями театрального искусства и эстетики.

Позже, в конце жизненного пути, Станиславский вновь обратил внимание на значимость этой концептуально важной мысли для понимания сущности своей теории: «Никакой “моей” системы и “твоей” системы не существует. Есть одна система – *органическая творческая природа*» [4].

Развивая эту мысль, можно прийти к выводу о том, что творческий опыт Станиславского не сконденсирован в нескольких книжных томах. Скажем более: изучая раннюю «Работу актера над собой» или черновые варианты незаконченной «Работы актера над ролью», истинную сущность идей Станиславского не поймешь, его методологию не освоишь. И сколько бы ни ссылались так называемые пропагандисты системы на указанные работы как «наиболее доступные и популярные», факт остается фактом: в этих книгах Станиславского его идеи и методы выражены недостаточно ясно. (Не говоря уже о том, что такие понятия, как действенный анализ пьесы и роли, метод физических действий, в них не охарактеризованы вообще, хотя в последние годы Станиславский именно эти понятия выдвигал на первый план, считая главнейшими на пути к созданию «жизни человеческого духа» на сцене.)

Мы приходим к заключению, что по-настоящему постичь наследие Станиславского можно только изучая его собственное режиссерское искусство в развитии, в движении сквозь время: опираясь и на его труды, и на работы его учеников, последователей. Преемственность была утрачена поколениями художников и ученых.

Отметим, что это «движение сквозь время» при осмыслении системы Станиславского имеет двустороннюю направленность. То обстоятельство, что очень многое воспринято К. С. Станиславским из других источников – почерпнуто из сокровищницы русской и мировой общественно-научной, эстетической мысли, литературы, искусства, – никак, разумеется, не умаляет оригинальности его системы. Идеи предшественников оказались лишь предпосылками создания целостной теории сценического искусства. Главное же – подобная преемственность выявила общественную ценность, необходимость и всеобщность сделанных Станиславским открытий. По нашему мнению, этому способствовало становление режиссуры как самостоятельной и самоценной творческой деятельности на рубеже XIX–XX века. Именно таковой она представляется Станиславскому, по мнению которого вся ответственность за художественную цельность и выразительность спектакля лежит на режиссере. Но это должен быть режиссер-психолог, режиссер-литератор, режиссер-артист.

Рассмотрев, таким образом, наиболее концептуальные положения «системы», легко проследить в ней ту самую целостность, о которой так заботился Станиславский, а именно – синтез выразительных средств различных видов искусств, преобразующий отдельные художественные составляющие в новую культурную реальность.

В таком построении герменевтика классифицируется как последовательная целостность, определяемая Станиславским в ключевых положениях его системы, обозначаемых как «действие», «сквозное действие», «сверхзадача». Так, выдвигая тезис о том, что драматическое искусство актера зиждется на активном действии, Станиславский трактует его как психофизическое единство. Помимо этого, главное, полагает он, заключается в том, что зритель судит действующих лиц по их поступкам. В отношении других упомянутых нами выше понятий Станиславский категоричен в их абсолютной ценности для созданной им «системы».

На одной из последних в его жизни встрече с мастерами сцены на вопрос М. Н. Кедрова: в чем главные задачи будущего театра и за что публика любит МХАТ, Станиславский ответил: главными являются «сверхзадача» и «сквозное действие». Можно сделать вывод о том, что система Станиславского представляет собой методологически обоснованную серию интерпретаций на всех этапах создания спектакля. Правомерно говорить о «герменевтическом круге», так как изолированные элементы (у Станиславского – «сцены», «события») можно понять только при условии предварительного уяснения «глобального дискурса» спектакля. Необходимо постоянное выдвижение гипотез относительно знаков и ожидание подтверждения или опровержения их в процессе спектакля.

При рассмотрении приведенных положений о «сквозном действии» и «сверхзадаче» может возникнуть правомерный вопрос: не исходит ли автор «системы» из того, что хорошая в художественном отношении пьеса (текст) уже содержит в себе хорошую постановку. Однако при изучении разделов «системы», посвященных данной проблеме, нам представляется целесообразным признать существование герменевтического разрыва между текстом и постановкой. Едва лишь последняя освобождается от роли «служанки текста», возникает дистанция – нарушается равновесие между текстовыми и визуальными компонентами. В результате спектакль не только реализует текст, но и форсирует его осмысление. Спектакль всегда вопрошает зрителя, как бы сопоставляет себя с текстом и текст – с собой.

Размышления о соотношении текста и сцены предполагают глубокий и серьезный анализ положения слова в театре, требуют интерпретировать драматургический текст. Поскольку подобная проблема заслуживает самостоятельного исследования, то в настоящей статье мы лишь тезисно характеризуем соотношение, которое Станиславский определяет понятием «подтекст».

Театральный дискурс наиболее подвержен разьединению *высказывания* (того, что сказано) и *акта высказывания* (того, что при этом сделано). Режиссура посредством работы с актером выявляет множественность новых смыслов в сценических событиях, казавшихся ранее ясными и однозначными. Актер (персонаж) может одновременно демонстрировать зрителям художественный образ (роль) и действенную дискурсивную партию роли. Заметим, что все утверждаемое сценически в тексте или действии не всегда утверждается непосредственно. Сцена прибегает к различного рода импликациям, которые выходят за рамки простых высказываний и выводятся (условно или ассоциативно) из того, что очевидно или высказано. У Станиславского герменевтическая природа подобных импликаций отражена в понятии *атмосферы спектакля* – особой эмоционально-психологической среды происходящего действия (и, как следствие, соответствующего восприятия этого действия зрителем).

Стремление Станиславского сохранить верность традициям психологического реализма, с одной стороны, и поиск путей воплощения новой драматургии – с другой, требовали обогаще-

ния возможностей театрального дискурса, поиска новых выразительных средств. Отсюда и феноменальный успех новаторской драматургии А. П. Чехова.

Иными словами, герменевтическая природа системы Станиславского созвучна размышлению Г. Г. Гадамера о том, что подобно культу, театр является местом подлинного творения, местом, где из нас делают и предъявляют нам в виде образа нечто такое, «в чем мы узнаем и ощущаем реальность, превосходящую реальность нашего “Я”. Здесь мы слышим голос истины, стоящей как бы над жизнью, освобожденной из забвения, неподвластной забвению» [5].

Литература

1. *Товстоногов Г. А.* Беседы с коллегами. М., 1981. С. 140.
2. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М., 1955. С. 310.
3. *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 164.
4. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений ... Т. 3. С. 28.
5. *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного ... С. 159.

N. N. VASILCHENKO. HERMENEUTIC NATURE OF THE STANISLAVSKY'S SYSTEM IN THE MODERNISTIC THEATRE

The article embodies the hermeneutic analysis of the Stanislavsky's system and its influence on the evolution of the XXth century theatre culture.

Key words: *the Stanislavsky's system, hermeneutic gap, implication, Super-Objective.*

О. И. ЛУКОНИНА

К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ МОЛОДОГО М. ШТЕЙНБЕРГА

Творческое формирование молодого петербургского композитора происходило в атмосфере культуры Серебряного века. Цель статьи – вернуть незаслуженно забытое имя, воссоздать артистический облик Максимилиана Штейнберга.

Ключевые слова: *Серебряный век, театральность, символизм, стиль модерн в музыке.*

Творческое наследие композиторов, не столь ярких и масштабных, как С. Рахманинов, А. Скрябин, И. Стравинский, С. Прокофьев, и потому оставшихся в тени великих современников, – довольно значительный пласт русской художественной жизни XX столетия. Творчество М. Штейнберга, Н. Черепнина, М. Гнесина, С. Василенко, А. Станчинского, Ю. Вейсберг, Л. Штрейхер составило ту часть культуры, без которой едва ли были бы возможны вершинные достижения эпохи. Восстановление исторической памяти, возвращение забытых имен и сочинений – одна из характерных примет сегодняшнего музыковедения, которое интересуется композиторами разного ранга, фигурами первого и второго плана. Это мотивировано стремлением воссоздать «плотность» эпохи, понять ее дух.

Интерес отечественной науки к композиторам, не ставшим ключевыми фигурами, подтверждают работы последних лет (Р. Слонимская. «В. Щербачев: Статьи, материалы, письма»; О. Томпакова. «Владимир Иванович Ребиков: Очерки жизни и творчества»; Л. Корабельникова. «Александр Черепнин: долгое странствие» и др.). Согласимся с мыслью Т. Левоу о том, что в русской музыке долгое время замалчивалось историческое место второстепенных, таких как Ребиков, композиторов, «отсутствовала и необходимая информация» [1]. Когда стали доступны архивные материалы, внимание к малоизвестным именам возобновилось, что привело к публикации эпистолярного наследия, статей, диссертационных сочинений о художниках (работы М. Белодубровского о Н. Рославце, И. Нестьева

об А. Лурье, А. Мосолове, М. Матюшине, диссертация М. Мазур о Ю. Вейсберге).

Музыкальное творчество Максимилиана Осеевича Штейнберга (1883–1946) – ученика Римского-Корсакова и учителя Шостаковича, почти не изучено. В немногочисленной исследовательской литературе начала XX века он изображен как талантливый композитор-академист с некоторыми «модернистскими уклонами». Редкими по меткости и проницательности, на наш взгляд, являются очерки В. Богданова-Березовского «М. О. Штейнберг» (1947) и А. Римского-Корсакова «М. Штейнберг» (1928). Содержательные наблюдения встречаются в критических работах В. Каратыгина, А. Оссовского, М. Гнесина. В советском музыковедении Штейнберга называют приемником академизма.

Новые возможности для изучения произведений Штейнберга открываются по мере привлечения материалов из архивохранилищ и библиотек Санкт-Петербурга, обнаруживаются новые грани его дарования [2]. Анализ музыкального наследия молодого Штейнберга (1906–1918) позволяет охарактеризовать тип творческой личности этого яркого представителя эпохи «русского культурного ренессанса» – художника, отзывчивого к многообразным импульсам и впечатлениям своего времени.

Творческие дерзновения и подвижность интересов мастера раскрылись в его музыкально-театральных опусах. Увлеченный утопией «Театра будущего», идеей неосинтеза искусств, Штейнберг участвовал в создании спектаклей нового типа. Образцом такого синтеза стал балет «Мидас», созданный по «Метаморфозам» Овидия. Он был представлен на Дягилевских сезонах в Париже и Лондоне (преьера состоялась 2 июня 1914 года в театре Шатле). Творческое содружество сценариста Л. Бакста, художника М. Добужинского, хореографа М. Фокина и композитора М. Штейнберга воплотило новую систему синкретизма в мирискусническом балете и символистских действиях, активизировавших разные компоненты: музыку, декорационное искусство, «мир дизайна» – свет, занавес, костюм, пластику, – словом, всю организацию сцениума. Художественные порывы Штейнберга были обращены к «гиперболизации зрелищности» (выражение В. Хализева) и к «метафоричности театра как зеркала, создающего другой мир, похожий, но не совпадающий с реальным» (Ю. Лотман).

Сквозной идеей сочинений юного Штейнберга является приоритетная для культуры Серебряного века апология Красоты. Это априорное условие творчества и доминирующая эстетическая позиция. Поиски красоты устремлены в разнообразные временные слои европейской культуры. Тут и античное переживание идеи «золотого века», и уклон к «грациозным эпохам».

«Эхо ушедшего времени» – от рыцарского средневековья до галантного рококо – отзывается в музыке к символистской сказке Мориса Метерлинка «Принцесса Мален», поставленной в апреле 1916 года в Петербургском Старинном те-

атре. Этот спектакль был итогом творческого союза режиссера Н. Евреинова, художника Н. Рериха и композитора М. Штейнберга; их объединило «непрестанное горение к театрокрации», реализованное через движение, звук, цвет. Установка на стилизацию (реконструкцию художественного языка прошлых эпох) в музыке, декорациях, актерской пластике поднимала понятие Красоты на новый уровень.

Музыку этого спектакля Штейнберг посвятил Николаю Рериху. Присущее ей каллистическое начало созвучно мирискусническому гедонизму. Разделяя убеждения Н. Евреинова, А. Бенуа – создателей утопии «Театра будущего», композитор утверждал «маэстрию» красоты целью и средством преобразования жизни.

Тяготение к сказочной фантастике, таинственным образам воды, тишины проявилось в кантате «Русалка» (1907) по стихотворению М. Лермонтова. В симфонической поэме «Драматическая фантазия» (1910), навеянной творчеством норвежского драматурга Генрика Ибсена, прозвучала тема Севера. Образ и символика первозданной архаики столкнулись с сумеречным состоянием эпохи.

В мистерии «Небо и земля» (1916) Штейнберг коснулся экзистенциальных проблем и тайн космизма. Произведение писалось по одноименной поэме Джорджа Байрона на сюжет библейских апокрифов о конце света. В. И. Бельский (автор либретто этой мистерии, проникнутой апокалиптическими настроениями рубежной эпохи) предназначал текст для Н. А. Римского-Корсакова, имевшего еще до появления «Китежа» намерение создать оперу на этот сюжет. При написании произведения Штейнберг использовал сохранившиеся эскизы великого композитора. В 1921 году мистерия «Небо и земля» была поставлена режиссером П. Гайдебуровым в оперной студии Петроградской консерватории. В отзыве на спектакль Б. Асафьев подчеркивал, что сценография акцентировала принципы условного театра: актеры выступали в масках, статичность мизансцен была подчеркнута искусственными позами и жестами [3]. По замыслу Гайдебурова, статичность сценографии передавала вечное эпическое начало «неподвижной трагедии». Костюмы и декорации были выполнены художником-мирискусником Б. А. Альмедингом обобщенно-архаично.

Многообразие и разноплановость сюжетов (Овидий, Метерлинка, Ибсен, Байрон, Лермонтов) в музыкальном творчестве Штейнберга соответствовали эклектичному мировидению эпохи. В его музыке есть место религиозному экстазу и свободной игре ума, мрачной фантазмагии и утонченной иронии, позе и установке на «дух творчества». В «стране Арлекинии» мотив маски соседствует с романтической импульсивностью. Образы огня и солнца, заката и зари, мотивы смерти и неизведанного Востока в музыке композитора выступают конвенциональными знаками, характерными для поэтики Серебряного века. Рядом с культом Природы, Женщины, со сказочным началом – стремление к необычному, демоническому,

экстравагантному. Это симптом «катастрофического сознания».

Музыкальный язык молодого М. О. Штейнберга отличается «избыточностью красоты» (В. Гаевский), «магией театральности». Свойственная искусству Серебряного века «изысканность сюрпризов» (И. Северянин) сформировала эстетическое кредо композитора. Это сказалось в насыщенности звукового пространства, «аранжировке как концепции» (С. Душкин), эстетическом созерцании диссонанса. В его каллиграфии музыкального письма, во внимании к гиперболизированной детали усматривается аксиоматика модерна. Присутствует отпечаток «суггестии линейного орнамента» Скрябина (Т. Левая), «арабесочная гибкость» Дебюсси (С. Яроцинский). Принцип прихотливого подвижного орнамента воплотился в штейнберговской мелодической «линии без углов». Яркость фонизма и графизм орнаментальности – знаки аполлонического начала – говорят об импрессионизме и «нарциссизме» модерна. Музыкальный язык композитора, впитавший в себя «живые взволнованные голоса других» (М. Бахтин), показателен для своего времени.

Раскрыть облик композитора во всей многогранности его человеческой природы помогает изучение эпистолярия. Из переписки Штейнберга с М. Фокиным, С. Дягилевым, А. Зилоти, С. Кусевицким, С. Парнок, Н. Забелой-Врубель можно узнать о том, что сочинения Штейнберга были известны культурной элите Петербурга. Имя Штейнберга постоянно появлялось в «Северных записках», «Музыкальном современнике», «Аполлоне», «Слове», «Речи». Его сочинения входили в программы многих концертов («Вечера русского императорского общества», «Вечера современной музыки», «Кружок современной музыки», «Музыкальные новости»), звучали на подмостках музыкальных театров, в придворных залах и дворянском собрании, на общедоступных симфонических концертах Петербурга, Павловска, Сестрорецка. Их исполняли такие видные музыканты, как А. Зилоти, А. Никиш, А. Коутс, Г. Варлих, Ф. Блуменфельд, Н. Забела-Врубель, З. Лодий, К. Дорлик.

Рецензенты проявляли единодушие в оценке музыки композитора, отмечая «глубокое чутье стиля, гениальный гармонический дар» (Н. Финдейзен), «остроумие музыкальной фантазии и оркестровые изыски» (И. Крыжановский). Известный французский музыковед и пропагандист русской музыки на Западе М. Кальвокоресси, писавший о «Русских сезонах», предсказывал большое будущее автору «Метаморфоз», отмечал, что его «техника растет с каждым днем» и возможно «перекинёт <...> руки через Атлантический океан» («Ведь связывают же Чайковский и Глазунов современную русскую музыку с новейшей английской») [4].

Молодой Штейнберг был окружен плеядой именитых современников. Музыкально-артистический круг наиболее значим в культурном поле, сформировавшем художественный мир композитора. В собраниях редакции «Аполлона», в музы-

кальном магазине Я. Беккера, а позднее на квартире у В. Каратыгина он познакомился с прославленными звездами художественного Петербурга, с молодыми поэтами, деятелями «Мира искусства». В коллективном музицировании принимали участие и критики и исполнители (А. Бенуа, К. Сомов, М. Кузмин, А. Остроумова-Лебедева, Г. Чулков, А. Ремизов, Вс. Мейерхольд, О. Глебова-Судейкина). Духовная близость связывала композитора с Л. Бакстом, Н. Рерихом, М. Добужинским, который ввел юного музыканта в «кружок Бенуа» и помог сблизиться с Н. Черепнинным (сочинения последнего Штейнберг иногда аранжировал и корректировал). Студенческие связи на долгие годы объединили композитора с талантливыми сверстниками М. Черновым, А. Дроздовым, М. Гнесиным, К. Галковским.

Расшифровка и анализ записных книжек Штейнберга, его писем к супруге Н. Н. Римской-Корсаковой позволяют раскрыть человеческий и артистический облик мастера [5]. Со страниц юношеских дневников Максимилиан предстает утонченным аристократом. «Он создавал впечатление собранного, строгого, педантичного человека. Высокий, подтянутый, всегда элегантно, эстет по натуре, внешне он стремился походить на своего учителя Римского-Корсакова», – описывал облик композитора профессор Петрозаводской консерватории Ю. Г. Кон, знавший его в военные годы по работе в Ташкентской консерватории.

В эпоху модерна стремление перестраивать жизнь и мысль влекло к импровизациям и непрестанному актерству перед самим собой, к попыткам укутать мир в тогу театральности. Элементы маскарада, театрализации проникали в будничное существование. Желтая кофта В. Маяковского, красное домино и маска А. Белого, зеленый костюм А. Лурье, «хитон» М. Волошина представлялись вовсе не бытовыми деталями: они вносили в жизнь иллюзию театральной игры. Н. Евреинов призывал взрастить в себе «инстинкт Терпсихоры» и восклицал, что главное не быть самим собой!

Вяч. Иванов ездил «умирать» в Равенну к Данте. М. Кузмин «затворялся» в католическом монастыре Италии. Мир изощренной умственной игры интриговал участников «Обезьяньей Великой и Вольной палаты» (основанное Ал. Ремизовым в 1908 году фантастическое общество выдало свои «грамоты» Н. Гумилеву, В. Розанову, С. Прокофьеву, А. Ахматовой).

Проявление артистизма и эпатажности привито М. Штейнбергу эпохой: режиссура жизни становилась средством ухода в воображаемый мир истории и театра. Отправляясь в 1907 году в путешествие по Германии, Франции, Италии, Швейцарии, композитор ехал преклониться перед «великой Европой». Как истинный сын Серебряного века, он был влюблен в художественное великолепие давних эпох. Его восхищали древние романские и готические замки в Берлине, виллы Италии. Он зарисовывал, «чтобы не забыть никогда», развалины средневековой ротонды в Женеве. Чувство необыкновенной восторженнос-

ти вызывала и культура Древней Греции, Рима, Египта: «Благоговею пред античной скульптурой – Вахх, Венера Милосская!!! Очень занятна египетская древность», – восклицал Штейнберг [6]. Под гипнотическим воздействием увиденного он вскоре пишет романс «Из Анакреона» на греческий текст и набрасывает в записной книжке карандашом критский сосуд-амфору с причудливым орнаментом-меандром, а затем, возвратившись в Петербург, редактирует перевод «Пира» Платона. Позднее, упоенный сафическими строфами С. Парнок и архаическими изысками Л. Бакста, композитор создаст музыкальный «антик» – балет «Метаморфозы». Знаток и тонкий ценитель искусства, Штейнберг в 1910-х годах – частый посетитель «Исторических выставок архитектуры» в залах Академии художеств, завсегдатай Салона любителей русских изящных изданий, «Кружка изящной словесности» при Петербургском университете, где читал лекции А. Блок. Облечение событий общественно-культурной жизни в зрелищные формы говорит о ярко выраженной театральности Штейнберга – «театральности вне сцены».

Многосторонность интересов в те годы отличала многих: М. Кузмин, Н. Евреинов известны как создатели музыки к театральным постановкам, А. Бенуа талантливо импровизировал на фортепиано. П. Филонов, В. Кандинский, Д. Бурлюк, Е. Гуро проявили себя как литераторы. Столь же многогранна и творческая личность Штейнберга. Он прекрасно играл на альте, скрипке, фортепиано, органе, владел несколькими языками, всерьез занимался живописью, отличался незаурядным литературным дарованием [7]. Литературное наследие Штейнберга включает сценарий балета «Метаморфозы» (в соавторстве с Бакстом), публицистические очерки и рецензии, печатавшиеся в «Журнале музыкального искусства», «Музыкальном современнике», журнале «Музыка». С 1909 по 1916 год композитор завершил музыкально-теоретические работы Н. А. Римского-Корсакова «Практический учебник гармонии» и «Основы оркестровки».

Наследие молодого композитора объединило разнообразные творческие тенденции рубежа XIX–XX веков. Музыкально-театральная эстетика мастера репрезентировала переходные черты культуры рубежного двадцатилетия [8]. Десятилетия спустя в переживании рубежа иных столетий мы открываем многоликость и богатство русского модерна. Творческая личность Максимилиана Осеевича Штейнберга не теря-

ет своей притягательности и позволяет раскрывать новые грани художественных достижений Серебряного века.

Литература и примечания

1. *Левая Т.* Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М., 1991.

2. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки и в Рукописном отделе Научной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории хранятся рукописи Штейнберга: тексты либретто и литературные программы музыкально-сценических сочинений, автографы нотных записных книжек (1906–1915). Эпистолярное наследие композитора представлено в Кабинете рукописей Российского института истории искусств Санкт-Петербурга (РИИИ СПб.). Фонд Штейнберга содержит четыре записные книжки композитора на русском и немецком языках (1907–1920), тетради музыкальных набросков (1905–1920), письма Штейнберга к Н. Штейнберг, А. Глазунову, И. Стравинскому, В. Каратыгину, М. Фокину и другие материалы.

3. *Асафьев Б.* «Небо и Земля» М. Штейнберга (беседа с композитором) // Новая вечерняя газета. Петроград. 1925. 1 апр. С. 4–5.

4. *Calvocoressi M.* Masters of Russian Music. London, 1937. S. 344.

5. Жена М. Штейнберга, Надежда Николаевна Штейнберг, – младшая дочь Н. А. Римского-Корсакова. В Архиве Кабинета рукописей Российского института истории искусств Санкт-Петербурга хранятся 457 писем М. О. Штейнберга к Н. Н. Штейнберг за 1909–1946 гг.

6. *Штейнберг М.* Записная книжка № 1 (1907–1910) / Кабинет рукописей РИИИ СПб. Арх. М. О. Штейнберга. Ф. 28. Оп. 1. № 866. С. 39.

7. Штейнберг обучался в классе квартета Л. Ауэра, в 1920-х годах аккомпанировал на органе М. Юдиной, выступал как альтист в оркестре М. Купера, дирижировал при исполнении собственных сочинений.

8. Эта стихия ощущалась и в сочинениях М. Штейнберга советского периода. В восточных стилизациях вокальных сюит: «Девушка и путник» – на слова Р. Тагора (1925), «Из персидской поэзии» – на стихи О. Хайяма (1926); в обработках испанских, итальянских, фламандских, еврейских, русских народных песен. Интерес к театральной музыке нашел продолжение в балете «Тиль Уленшпигель» по роману Ш. де Костера (1936), «Пантомиме» по собственному сценарию (1921), музыке к драмам А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (1921), А. Луначарского «Фауст и город» (1922).

O. I. LUKONINA. M. STEINBERG'S ARTISTIC IMAGE REVISITED

The creative formation of the young composer took place in the cultural atmosphere of the Silver Age. The article is intent on retrieving Maximilian Steinberg's name and reconstruction his artistic image.

Key words: Silver Age, theatricality, symbolism, modernism in music.

С. В. АНОХИНА

ПОЛИСТИЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Современная музыкальная культура использует полистилистику как основополагающее художественное явление рубежа XX–XXI веков, которое автор рассматривает в аспекте музыкальной преемственности художественных эпох.

Ключевые слова: музыка, творчество, полистилистика, постмодернизм.

Полистилистика глубоко и точно выразила сущность постмодернизма, ознаменовавшего поворот в развитии мировой художественной культуры, судьба которого окончательно не изучена. В результате предшествующего культурно-исторического периода контекст художественного творчества усложнился, и в настоящее время художник вынужден учитывать стилистическую многомерность культуры, откликаться на стилевой плюрализм окружающего мира. Появляется возможность использовать в произведениях искусства одновременно несколько стилей, сопоставляя их. Расширяются границы представлений о традиции – хронологические, географические, стилевые. Учитываются почти все достижения мировой художественной культуры – от раннего Средневековья до последних десятилетий, осваивается фольклор различных регионов.

Одним из главных принципов постмодернизма стала культурная опосредованность. По словам современного исследователя, «мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», и поэтому каждое слово в постмодернистской культуре – это цитата [1]. Скрытое и полускрытое цитирование, разнообразие стилевые и лингвистические загадки создают самостоятельный содержательный слой в «Улиссе» постмодерниста Дж. Джойса. Герой романа Т. Манна «Доктор Фаустус» Адриан Leverkюн в разговоре со своим alter ego слышит сентенцию, которая превращается в его кредо: «Можно поднять игру на высшую ступень, играя с формами, о которых известно, что из них ушла жизнь» [2]. Поэтика «чужого слова» проанализирована в книгах литературоведов, сделавших из этого словосочетания своеобразный термин.

Другой принцип связан с расширением меж- и внутринациональных контактов. Например, в 1979 году Жак Ривэ выпустил роман-цитату «Барышни из А.», представляющий собой сборник 750 цитат из произведений 480 авторов.

Наблюдается свободное обращение (в формах коллажа, стилизации и т. д.) с разными художественными феноменами – от народной обрядовости до неоклассицизма. Например, процитированная в балете Р. Щедрина «Анна Каренина» музыкальная тема П. Чайковского играет роль лейтмотива, входит в своеобразие драматургической темы как знак трагической судьбы героини.

Действие цитаты – ассоциативное; она нередко наделена символическим смыслом. Это часто ис-

пользует в позднем творчестве Д. Шостакович. Например, элегическая тема финала Пятнадцатой симфонии постепенно «высвобождается» из круга вагнеровских ассоциаций: тема рока – цитата из тетралогии немецкого композитора – преобразуется в иностилевом контексте. Само начало главной темы финала, содержащее лейтмотивную оперы «Тристан и Изольда», воспринимается в элегической русской полноте, секстовости.

В последней трети XX века развитие музыки проходит этап трансформации. От собственно полистилистики с достаточно четко выявленной полярностью цитирования и аллюзий композиторы переходят к поискам органичности. Развитие идет от ярких коллажных эффектов к постепенному преодолению «швов» в композиции, к размыванию границ между «своим» и «чужим словом». Установка на инновации сменяется установкой на ассимиляцию. Работа с цитатами постепенно раскрывает более тонкие возможности их применения.

Оригинальные приемы полистилистики коллажного типа можно обнаружить в кантате «Бюрократиада» Р. Щедрина. В аналогах классических форм и жанров (прелюдия, ария, fuga, дуэт, хорал, монодия, двойной канон, постлюдия) композитор допускает рассогласованность между музыкальной формой и содержанием словесного текста. В основу кантаты положена «Памятка отдыхающим в пансионате “Курпаты”». Столкновение бюрократической лексики (по К. Чуковскому – «канцелярита») с высоким музыкальным стилем создает комический эффект.

В «Ангаре» А. Эшпая цитата из «Байки» И. Стравинского создает эффект «театра в театре», выступая как драматургический прием, придающий сценической ситуации искрометное веселье.

Цитата-символ может взять на себя роль кульминации. В Скрипичном концерте Э. Денисова это основано на введении отрывка из «Прекрасной мельничихи» в ирреальном тембровом убранстве.

Все более тонкая маскировка цитат приводит к уравниванию в правах собственно цитаты, автоцитаты, квазицитаты (сближает их с аллюзиями). Так, А. Шнитке в первом и третьем «Гимнах» использует стилизации, цитаты и квазицитаты из древнерусской церковной музыки, понятные лишь специально подготовленной аудито-

рии. Симфония-реквием кубанского композитора В. Магдалица – также пример удачного применения полистилистики. Уровень обобщения стирает острые стилистические противоречия, способствуя общей задаче образного воздействия. Отдельные страницы произведения содержат материал, характерный для католической музыки (органное соло), в других прослушивается линейный стиль древнерусского хорового письма. В финале симфонии происходит стечение разностилевых мелодических элементов в гетерофонной полифонической структуре [3].

Формы неярко выраженной стилизации и адаптации достаточно быстро переносятся в сферу прикладной музыки или инструктивных работ. Однако сам принцип сочетания / столкновения, контраста / конфликта различных стилей очень плодотворен. Один из ранних примеров его применения можно найти в «Солнце инков» Э. Денисова. Диалог, понимание / непонимание, конфликт / взаимодействие нескольких стилей – в основе многих концепций А. Шнитке (Первая симфония, Concerto grosso № 1, где смена стиля означает переключение в действии). В данном случае полистилистика также служит активизации драматургического развития. Взаимодействие разных высказываний, резко контрастирующих по стилю, но подчиненных строгому сюжетному развитию, присутствует во многих композициях С. Губайдуллиной, например, в ее Концерте для фагота и низких струнных.

Путь аллюзивного развития перспективен. Он укрепился в условиях полифонизма – усложненных взаимодействиях «своего» / «чужого» в композиции. В свое время М. М. Бахтин описывал их как смещение «границы между своим и чужим словом», постепенное забвение авторов – носителей «чужих слов», приводящее к тому, что «чужое слово» становится анонимным. В этих условиях постепенно размываются границы между аллюзией и цитатой. Цитата может быть воспринята не как «чужая» музыка, а как нарочито подчеркнутый намек.

И стиль может сблизиться с жанром, техникой композиции, заменить собой тему, стать

средством контраста, и немзыкальные факторы гораздо более высокого эстетического ранга способны сомкнуться со стилем. Идея пространственно-временного отдаления опирается на чувство исторической перспективы и порождает множество оригинальных стилизованных решений. Ключевой для «Lontano» Д. Лигети является концепция, намечающая связь с музыкой романтизма (эффект отдаления – излюбленный у К. Дебюсси и многих постромантиков). В Симфонической хронике «Киев» Г. Дмитриева «цитируются» куранты Киевско-Печерской лавры, контрастирующие с остальными стилистическими пластами произведения. Образные, смысловые, исторические, культурные планы намеренно поляризованы.

Вечное и преходящее в исторических событиях – такой диапазон смыслов символизирует отдаление в композиции. По словам А. Шнитке, «идея универсальности культуры и ее единства кажется <...> актуальной именно сейчас, в связи с изменением наших представлений о времени и пространстве» [4].

Можно отметить, что явление полистилистики, рожденное в среде авангардистов, получило широкое распространение в мировой художественной культуре XX века. Шло совмещение, сопоставление элементов искусства разных эпох и творческого наследия прошлых поколений. Оно внедрялось в ткань художественного (в нашем случае – музыкального) произведения через цитату – один из фундаментальных принципов постмодернизма.

Литература и примечания

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 221.
2. Манн Т. Новеллы. Доктор Фаустус. М., 2004. С. 520.
3. Подробнее см.: Ковалев Г. Симфония-реквием «Последние свидетели» Владимира Магдалица. Краснодар, 2001. С. 5.
4. Цит. по: Бородин Б. Три тенденции в инструментальном искусстве. Екатеринбург, 2004. С. 61.

S. V. ANOKHINA. MULTISTYLISTICS IN CONTEMPORARY POSTMODERN MUSICAL CULTURE

Author analyzes contemporary musical culture presuming multistylistics to be the major artistic phenomenon of XX–XXI centuries due to musical succession of different periods of art.

Key words: music, creation, multistylistics, postmodernism.

Культура и образование. Педагогика

В. В. ГОЛУБ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
И МОДЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

В статье рассмотрен метод прогнозирования как способ научного исследования, позволяющий моделировать интегративное содержание профессионального образования на основе принципа вариативности, многокритериальности, многофакторности.

Ключевые слова: прогнозирование, педагогическое моделирование, интеграция, методология.

Развитие профессионального образования и системное повышение его качества зависит от прогнозирования наиболее востребованной в будущем модели развития и осмысления цели практической педагогической деятельности. В связи с этим разработка моделей прогнозирования интегративных процессов в профессиональном образовании стала одной из актуальных задач научного исследования и методического обоснования педагогической практики ученых кафедры педагогики и психологии Ростовского военного института ракетных войск (РВИ РВ).

Методология является общей системой принципов и регулятивов всего многообразия видов человеческой деятельности и учением об этой системе, поскольку методологический аспект объективно присущ как педагогической деятельности, так и другим сферам в силу органической и многоплановой взаимосвязи всех структур системы профессионального образования [1]. В связи с этим предлагаемая нами концепция прогнозирования и моделирования базируется на двух основных методологических принципах. Первый из них – признание объективного характера педагогических процессов. Второй – признание превалирующей роли деятельностного подхода (деятельности, опирающейся на накопленный научный потенциал, результаты практической педагогической деятельности, культурные ценности, а также способности личности выбирать и определять перспективы развития и пути достижения собственных целей). Для совершенствования профессионального образования бесспорна необходимость интегрированного системного анализа, так как он позволяет увидеть и проследить тенденции и динамику развития образовательных процессов.

Для того чтобы разработать модель прогноза интегративного содержания профессионального образования, необходим ретроспективный анализ процессов его предшествующего развития. Отсутствие объективной оценки прошлого влечет за собой и неверное толкование настоящего, и неспособность заглянуть в будущее.

Научно-исследовательский метод прогнозирования представляется нам наиболее актуальным при исследовании методологических моделей

интегративного содержания профессионального образования, так как он ставит перед собой цель предусмотреть возможные варианты функционирования рассматриваемых явлений и процессов. Педагогическое прогнозирование находится в специфическом взаимодействии с целым рядом научно-теоретических подходов, концепций, систем, рассматривая в качестве основного объекта исследования предполагаемое в будущем содержание профессионального образования в теоретическом, психолого-интуитивном, практическом аспектах [2].

В основу исследовательского метода прогнозирования положен принцип системного комплексного рассмотрения объекта исследования: методология моделирования интегративного содержания, учет иерархической соподчиненности его дидактических единиц и их взаимосвязей как по вертикали (по уровню), так и по горизонтали (с содержанием гражданского образования), зависимость содержания от специфики военного образования и т. д. Ввиду многофакторности и исключительной сложности объекта исследования прогностические рекомендации носят вариантный характер. Поэтому в основу нашего исследования положен принцип вариативности, многокритериальности оценки стратегических решений. Используются на конкурсной основе различные технологии организационных форм, допускающие альтернативное видение возможных проблем и путей их преодоления. Данная методология может включать в себя, например, использование системного подхода для ретроспективного анализа исторических аналогий в содержании военного и гражданского профессионально-педагогического образования.

Создаваемые учеными-педагогами РВИ РВ модели взаимодействия военной педагогической науки и педагогической практики гражданского образования – один из интегративных подходов научно-исследовательской и практико-внедренческой деятельности в моделировании и прогнозировании учебного процесса.

Изучение методологических аспектов при моделировании интегративного содержания профессионального образования представляется исследованием сложной системы поисковых про-

гнозов, складывающихся из двух взаимосвязанных этапов.

Первый этап – концептуальный – обобщение концептуальных идей при разработке парадигмы, создающей предпосылки для формирования исходной нормативной модели.

Второй – процессуальный этап системного прогностического исследования, ориентированный на поиск и обоснование научно-методических факторов, обеспечивающих оптимальное моделирование интегративного содержания профессионального образования.

В целом исследование включает в себя множество организационных подходов, но методологической основой построения интегративного содержания профессионального образования является метод педагогического прогнозирования и моделирования.

Литература

1. Ильин Г. А. Проектное образование и развитие науки. М., 1993.
2. Зуев В. М. Методологические основы прогнозирования развития образования. М., 1990.

V. V. GOLUB. METHODOLOGICAL ASPECTS OF PROGNOSTICATION AND MODELING THE INTEGRATIVE PROCESSES IN PROFESSIONAL EDUCATION

The article deals with the method of prognostication as the system of scientific research that allows to model the integrative content of professional education on the basic principles of variety, multicriteriality, multifactoriness.

Key words: prognostication, pedagogical modeling, integration, methodology.

М. Ю. ДАНИЛЮК, О. Б. ЗУЕВА

ПРАВОСЛАВНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПРИОБЩЕНИЯ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА К ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (вторая половина XIX – начало XX в.)

Статья посвящена изучению проблем сосуществования конфессий разных народов, роли православия в контексте культурной жизни региона во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Кавказская война, поликонфессиональность Дагестана, православие, мусульманство, духовно-просветительская работа.

Изучение совместного существования разных народов, в том числе и конфессионального, всегда имело важную не только научно-теоретическую, но и практическую значимость при воссоздании истории культурно-просветительского развития в стране. Цель данной статьи – изучение места и роли православия в контексте культурной жизни Кавказского региона во второй половине XIX – начале XX века.

Просветительская деятельность православного духовенства, которое оказывало действенную помощь в строительстве школ, материально поддерживало учащихся и формировало местную интеллигенцию, послужила мощным фактором развития образования в Дагестане. Количество русских школ, как светских, так и церковно-приходских, неуклонно увеличивалось после окончания Кавказской войны (1816–1864).

Первая стационарная русская школа на территории Дагестанской области, созданной в 1861 году, существовала с 1838 года. Ее открыли в Дербенте специально для обучения детей русских чиновников и офицеров, служивших в крае. В 1842 году и в укреплении Низовом начало работать русское училище с сорока учениками. В 1856 году по инициативе врача Костемировского и фельдшера Львова появилась школа в Нижнем Дженгутае.

Аналогично открыты школы в Казикумухе, Дешлагаре и других населенных пунктах [1].

По данным книги «Очерки истории низовьев Терека (досоветский период)», вышедшей в Махачкале в 1986 году, в Кизляре (входившем в Терскую область) учебных заведений было несколько: городское двухклассное училище (в нем обучалось 84 мальчика), два церковно-приходских училища (мужское и женское), в которых обучались 155 мальчиков и 45 девочек. Следовательно, в общей сумме 284 чел. получали начальное образование.

Расходы на содержание таких учреждений ложились в основном на плечи родителей. Например, в 1887 году из городского бюджета Кизляра на учебные заведения было выделено только 50 руб. (для сравнения укажем, что на нужды городской полиции было предоставлено 9101 руб. 41 коп.; на отопление и освещение тюрем 354 руб. 40 коп.) [2]. Эти цифры наглядно демонстрируют прерогативы бюджетных расходов.

Со временем само положение дел заставило правительство предпринять ряд мер по улучшению финансирования образования, благодаря чему к 1900 году число школ церковного ведомства и министерства народного просвещения почти сравнялось друг с другом. Охват территории такими шко-

лами рос: в конце XIX века появились русские школы в слободе Хасавюрт, селах Аксай и Костек [3].

Некоторые из церквей края имели церковно-приходские школы, как правило, немногочисленные (не все приходы могли иметь школу, нередко для нее не было специальных помещений). Бурное развитие светского образования поставило такие школы в достаточно трудное положение. Их количество в целом по России сокращалось: с 1865 по 1881 год оно уменьшилось в 5 раз. Это вынудило правительство в 1884 году издать новые правила о церковно-приходских школах [4].

Как известно, в центре учебного процесса всех ступеней народного образования тогда ставилась церковнославянская книга. С нее начиналось обучение. По требованию духовных властей перед уроками надлежало прочитывать главу из Евангелия, ею же и заканчивался учебный день. Первыми учебниками, которые использовались для обучения детей, являлись Азбука, Часослов, Псалтырь, Российская грамматика, Священная история (Ветхий Завет) и Новый Завет на церковнославянском языке. Все эти пособия выходили под наблюдением Училищного Совета при Святейшем Синоде [5].

В школах велись ведомости; в них оценивалось поведение учащихся, их способности, прилежание и успехи, указывалось количество уроков, пропущенных учениками по уважительным причинам и без них. Для характеристики поведения употреблялись следующие выражения: «забиячлив», «благонравен», «скор», «резв», «кроток», «молчалив», «тих» и т. д. А для оценки способностей, прилежания и успеваемости – «надежен», «с дарованием», «успеваает», «понятлив», «слаб», «остр», «ленив» [6].

Известно о существовании церковно-приходских школ в 1889 году в терских станицах

Александровская и Александро-Невская (бывшая Сосоплинская) [7], с 1892 года – в Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске (в общей сложности 169 учащихся) [8], а с 1890 года в Дербенте. Открытие этой школы связано с именем дьякона Игнатия Васильевича Задворного-Громова. Прибыв в 1890 году в Дербент и вступив в должность при городской церкви, он сам ходатайствовал перед епархиальным и городским начальством о разрешении открыть церковно-приходскую школу. Необходимая к тому сумма была предоставлена князем Ф. Я. Родионовым, который и после открытия школы ежегодно выделял средства на различные хозяйственные нужды данного учебного заведения. И. В. Задворный-Громов организовал при школе библиотеку для внеклассного чтения, а затем возбудил дело о постройке специального школьного здания. В 1899 году в православных школах трех городов области (Дербент, Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура) обучалось 174 чел.; треть общего числа учеников составляли девочки [9].

Правительство поощряло создание наряду с церковно-приходскими школами светских школ с преподаванием на русском языке. Динамика роста таких учебных заведений на территории Дагестанской области показывает, что в 1895 году в Дагестане имелось 17 учебных заведений (1183 обучающихся), в 1900-м – 28 (2093 чел.), в 1910-м – 52 (4833 чел.), в 1915-м – 93 (7092 чел.) [10].

Данные на конец 1903 года [11] о вероисповедании учащихся в городах Дагестанской области отражены в таблице 1.

Общее число учащихся в учебных заведениях городов области в конце 1903 года равнялось 3227, из них 1534 (47,5%) являлись православными, в том числе 250 (7,7%) обучалось именно в церковно-приходских школах городов.

Таблица 1

Города и типы учебных заведений		Вероисповедание						
		Правосл.	Арм.-григ.	РКЦ	Лютеране	Иудеи	Магометане	Прочие
Темир-Хан-Шура	Реальное училище	210	33	4	2	25	87	–
	Женская гимназия	147	20	5	3	21	3	–
	Городское училище	35	3	–	–	12	14	2
Дербент	Реальное училище	66	29	3	2	18	27	–
	Женская прогимназия	78	56	2	1	6	4	–
	Городское училище	53	29	1	–	21	43	–
Порт-Петровск	Женская прогимназия	73	8	2	–	22	–	–
	Городское училище	161	–	1	–	28	21	–
Церковно-приходские школы городов		232	13	3	1	–	5	–
Начальные училища городов и округов		479	9	8	–	191	513	3

Можно сделать вывод, что поликонфессиональность городов Дагестанской области требовала особого подхода к решению вопросов народного образования. Большинство учащихся в крае были православными. Далее по численности следовали: мусульмане, армяно-григориане и иудеи, в гораздо меньшем количестве наличествовали учащиеся-католики, лютеране и др. Показательным в этом отношении является темирханшуриинское реальное училище, открытое 5 сентября 1858 года по приказу князя А. И. Барятинского. Согласно приказу № 209 военного ведомства «О прекращении доставления в столичные военно-учебные заведения детей горцев», сумму, обычно расходующую для образования горцев в столичных городах Российской империи, переадресовали на усиление местного образования.

В главном штабе Кавказской армии был составлен проект организации горских школ. «Устав горских школ» был утвержден 20 октября 1859 года. Его содержание предполагалось опробовать «в виде опыта» в течение 4 лет с целью «распространения гражданственности и образования между покорившимися горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей» [12]. Подобных школ было открыто три: во Владикавказе, Нальчике и Темир-Хан-Шуре. В 1864 году положением «Об управлении учебной частью на Кавказе» темирханшуриинская горская школа была передана в подчинение начальнику Дагестанской области. При горской школе учредили пансион на 65 воспитанников: 40 «казеннокошных» (25 были выходцы из знатных семей Северного и Южного Дагестана, 15 – дети русских чиновников); 25 мест являлись вакантными и набирались по вступительным экзаменам.

В состав персонала школы входили штатный смотритель, законоучителя православного и мусульманского вероисповедания, 4 других учителя. Штатным работникам было определено жалование. Смотритель получал 700 руб. в год, учитель – 400, законоучитель православного вероисповедания – 150, учитель мусульманского закона – 100.

22 мая 1861 года место законоучителя слова Божьего занял священник Кавказского Линейного батальона № 16 Ф. Михайлов, впоследствии переведенный по службе. С 25 сентября 1862 до 1 октября 1872 года – священник Котляревский;

по причине болезни он уступил должность другому прикомандированному к темирханшуриинской церкви священнику – И. Т. Лебединскому (утвержден в должности с 31 марта 1873 г.).

Основы мусульманской религии преподавали кадий Темир-Булат (1861–1867) и депутат Дагестанского народного суда мулла Ах-Кобек-Ак-Мирза-оглы (с 1 февраля 1867 г.). Надо отметить, что преподавание мусульманского вероучения и вообще обрядовая сторона мусульманской веры обращали на себя особое внимание начальства области и инспекции, боявшихся, что неисполнение требований ислама оттолкнет горские народы от школ. Приглашенный кадий занимался с учениками-мусульманами в отдельной комнате 2 часа в каждом классе. В конце года ученики сдавали переводной экзамен по основам ислама и арабскому языку.

Религиозный состав учащихся отражен в таблице 2.

Из данных «Исторической записки о первом десятилетии Темир-Хан-Шуриинского реального училища 1880–1889», составленной Е. Казубским [13], видно, что основной контингент учащихся формировался из православных и мусульман. Иные конфессии были представлены значительно меньше. Это факт, на наш взгляд, выявляет два основных направления культурно-просветительской политики царского правительства: с одной стороны, оно заботилось об обучении «православного элемента», а с другой, было заинтересовано воспитывать горскую образованную молодежь как проводников своей политики.

Приказом наместника на Кавказе от 6 мая 1874 года горская школа была преобразована в прогимназию. В среднем ежегодно в ней обучалось: православных – 113 (58%), мусульман – 46 (24%), исповедующих армяно-григорианскую веру – 25 (13%), лютеран – 4 (2%), католиков – 2 (1%), иудеев – 4 (2%) [14]. Как видно, исповедующих православие было значительно больше, чем представителей других религий. Это, скорее всего, объясняется тем, что по окончании прогимназии образование можно было продолжить в классических гимназиях, куда иноверцам поступить было намного труднее. В то же время состав законоучителей в данном учебном заведении был расширен: наряду с православным и мусульманским законоучителем в штат был введен учитель армяно-григорианской конфессиональной принадлежности.

Таблица 2

Годы	Прав.	Мусул.	Арм.-григ.	Катол.	Лютеран	Иудеев	Всего
1866	43	30	2	–	–	–	75
1867	49	31	–	–	–	–	80
1868	45	25	2	1	2	–	75
1869	42	48	6	2	2	–	100
1870	43	49	4	2	3	4	105
1871	50	50	5	1	1	6	113
1872	61	57	3	1	–	2	126
1873	80	50	7	1	3	3	144
1874	16	6	–	–	1	–	23
1875	9	3	–	–	1	–	13
1876	8	3	–	–	1	–	12

Когда 13 мая 1880 года прогимназия была преобразована в реальное училище, в штате сохранились вышеназванные должности. В училище строго наблюдали за исполнением религиозных обрядов: во время мусульманского поста для учеников специально готовили еду ночью и кормили постящихся. Так как в городе в указанный период не было суннитской мечети, ученики-мусульмане не могли участвовать в общественном богослужении. Армяне были обязаны посещать свою церковь. Для православных учеников было обязательным посещение литургии в праздничные дни. Те и другие ходили в храм под надзором работника училища. Каждое воскресенье и в праздники дежурный воспитатель читал пансионерам фрагменты Евангелия, объясненные накануне законоучителем. Сам законоучитель перед обедней объяснял ученикам тот текст Святого Писания, который им предстояло услышать в церкви. Когда утром и вечером православные ученики пели молитвы, горцы имели право не присутствовать при этом.

В 1882 году законоучитель И. Т. Лебединский получил от попечителя благодарность за особое усердие в работе.

Приведем составленную нами по сведениям «Исторической записки» Казубского [15] таблицу 3, которая отражает динамику роста православного контингента в училище.

Таким образом, взяв средние показатели за 10 лет, видим, что православных обучалось в училище 63,6%. В указанное десятилетие наблюдалась тенденция к уменьшению доли православных учащихся. Сравнивая начало десятилетия (1881 год) с концом (1889), мы видим, что православных стало меньше на 27%. Православных воспитанников пансиона при училище находилось от 35% до 39%.

С 1906 по 1913 год в церковно-приходской школе при Никольской церкви Порт-Петровска воспитывалось 106 учеников (49 мальчиков и 57 девочек), по национальной принадлежности: 104 русских и 2 еврейки [16]. Класс состоял из 3 отделений. В 1910 году в школу принято 100 чел., десятерым из общего числа подавших заявления было отказано «вследствие переполнения школы» [17]. В начале XX века заведующим этой школы

числился священник И. Н. Шанавадзе, а учительницей работала А. А. Кровец.

При Петровской военно-местной церкви во имя Александра Невского также действовала церковно-приходская школа. Ею заведовал протоиерей Василий Яковлевич Глаголев, учителем был дьякон Е. П. Бутамо, учительницами – А. Плакса-Жданович и Е. Алексеева.

Как докладывал в 1915 году Его Императорскому Величеству директор дербентского реального училища, в Дербенте было 10 учебных заведений, и во всех них преподавался Закон Божий. Этот предмет был обязателен для православных учеников, остальные могли посещать его по желанию своих родителей. В дербентской церковно-приходской школе (в начале XX века заведующим был священник С. Лукьянов, а учителем А. В. Левин) имелся один класс, 3 отделения, 4 учителя и 60 учащихся (38 мальчиков и 22 девочки, из них 56 русских, 2 грузина и 2 армянина) [18].

При темирханшуринской военно-местной школе также действовала церковно-приходская школа. В 1904 году ею заведовал местный священник Ф. М. Георгиевский. Обязанности учителя исполняла В. В. Воздвиженская.

Статистика в целом по Дагестанской области такова: в 1902 году – 3, в 1905-м – 5, в 1913-м – 6 церковно-приходских школ. Число учащихся увеличилось с 229 (в 1902 году) до 379 (в 1913 году). Среднее количество учеников, проходящих на одну школу, колебалось от 76,3 (в 1902 г.) до 63,1–63 в 1913 году и в 1905 году [19]. Около 40% учащихся составляли девочки.

Церковно-приходские школы население рассматривало как начальную ступень образования. Они, как правило, были одноклассными и по количеству учеников значительно уступали светским. Детей, прошедших эту ступень, затем переводили в светские школы, где законоучителем обычно был местный священник. Так, в 70–80-х годах XIX века в темирханшуринской прогимназии законоучителями были православный священник И. Лебединский и протоиерей О. Паремзянц (армяно-григорианского вероисповедания). В городском дербентском училище преподавал православный священник Оболенский, исполнявший должность законоучителя и в начальной школе

Таблица 3

Годы	Православных учащихся		Увеличение в %	Уменьшение в %	В конце года в %
	В начале года	В конце года			
1880	188	194	3,2	–	68
1881	194	198	2,1	–	66
1882	198	215	9,1	–	67
1883	215	206	–	2	68
1884	206	194	–	5,8	68
1885	194	200	3,1	–	65
1886	200	171	–	14,5	60
1887	171	157	–	8,1	59
1888	157	157	–	–	58
1889	157	141	–	1,0	57
Среднее число в год	188	183	–	2,7	63,6

для девочек, открытой благотворительным обществом горожан. В начальном (одноклассном) Петровском училище Закон Божий преподавал священник Поповицкий [20]. В первое десятилетие XX века в дербентском женском двухклассном училище законоучителем и преподавателем пения был отец П. Д. Польский (он же работал законоучителем в дербентском мужском одноклассном училище). Отец С. Д. Маркозов преподавал Закон Божий в дербентском железнодорожном училище. Петровское приходское училище возглавляла выпускница епархиального училища А. Ф. Замятина (преподавала основы христианства). В петровском женском одноклассном училище работал отец П. И. Благовещенский, а в мужском – отец Н. И. Нечаев. Законоучителем темирханшуринского женского одноклассного училища был отец Е. А. Молодченков. В мужском училище те же обязанности выполнял отец С. И. Холодов. В петровско-кавказском двухклассном училище законоучителем служил отец А. Г. Албегов, осетин по национальности. В слободке Дешлогар, где дислоцировались русские войска и оседали отставные военные, законоучителем в двух начальных школах был священник местной военной церкви Иоанн Павлович Светов. Военный священник Ботлихской военно-местной команды отец П. П. Урилов также преподавал Закон Божий в ишкартинском одноклассном училище. Закон Божий был обязательным предметом в начальных школах сел Ново-Николаевское (учитель и заведующая А. А. Васюнина), Преображенское и Царедаревское (в них числился учителем отец М. И. Разумовский). В чирюртовском (ныне г. Кизилюрт) законоучителем был местный священник отец И. Пуставетов.

Адилъ-Герей Гаджиев приводит в своей работе данные по личному составу начальных училищ Дагестанской области на 1 января 1915 года [21]. Из 202 учителей 97 (48%) были православного вероисповедания; 12 (12%) окончили различные духовные образовательные учреждения.

Источником денежных средств для областных учебных заведений являлась главным образом казна. Приходские школы содержались на епархиальные и церковные средства.

Итак, российское правительство в исследуемое время придавало немаловажное значение распространению грамотности (особенно начально-церковному образованию) среди населения Дагестана. В Кизляре, Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте функционировали многочисленные добровольные общества культурной, конфессиональной, социальной направленности. Церковные приходы оказывали помощь бедствующим (вдовам, сиротам, больным).

Специальные «тарелочные» и «кружечные» сборы, поступающие в центральный бюджет, производились для Мариинского попечительства. Они шли на призрение слепых, глухих, сирот и наиболее бедных семей духовного звания [22], на лечение душевнобольных. Из этих средств Общество попечения о больных и раненых помогало семьям воинов, участвовавших в кампаниях 1877–1878, 1904–1905 годов. Пожертвования отпращивались на

строительство церквей и музеев, на содержание церковно-приходских школ, училищ и семинарий, а также на миссионерскую деятельность.

Церковь откликнулась и на события международной жизни. В приходах собирали деньги на строительство православных храмов за рубежом, оказывали помощь пострадавшим от землетрясения в Греции (1893). Так, в 1906 году в церкви 256-го Гунибского резервного батальона проводились благотворительные сборы в пользу вдов и сирот военного духовенства, на распространение православия между язычниками, в помощь паломникам в Палестине, для Общества Царицы Небесной [23]. Особое место среди кружечных сборов занимали сборы пожертвований в пользу Общества восстановления православия на Кавказе. Данный сбор контролировался не только духовными, но и гражданскими властями: к суммам жертвования прилагались поименные списки лиц жертвователей [24].

Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что в кавказской политике царского правительства уделялось большое внимание духовно-просветительской работе. Судя по динамике увеличения церковно-приходских школ в Дагестане, в крае интенсивно налаживался образовательный процесс. Русская православная церковь играла значительную роль в распространении просвещения, хотя церковно-приходские школы, как правило, были одноклассными и по количеству учащихся значительно уступали светским.

В конце XIX – начале XX века церковь утратила свою монополию в деле образования. Однако по сложившейся традиции она контролировала все сколько-нибудь значительные события, формировавшие семейно-бытовую и духовную практику людей. Нельзя не согласиться с академиком Д. С. Лихачевым в том, что церкви, особенно в сельской местности, можно назвать источниками культуры. Сюда в дни праздников и несчастий собирались для взаимопомощи и общения. Церковь сохраняла за собой центральное место в постижении законов мироздания, преподавая в приходских школах Закон Божий. Через церковно-приходское образование постигались многие ставшие народными традиции и обычаи. В то же время нарастали кризисные явления, вызванные тем, что церковь уже не могла сохранять доминирующую роль в распространении образования. Набирала силу секуляризация культуры.

Литература

1. Ризаханова М. Ш. Дагестанские русские: XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. С. 131.
2. Обзор Терской области за 1887 г. Владикавказ, 1888. С. 13.
3. История Дагестана: в 4 т. Т. 2. М., 1968. С. 339.
4. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д, 2001. С. 182.
5. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.
6. Рыбко С. Н. Православие в системе казачьего образования и воспитания на Кубани (XIX–XX век)

// Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000. С. 161–162.

7. Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т. 1. Вып. 3. Владикавказ, 1890. С. 53.

8. Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 62.

9. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г. / под ред. Е. И. Казубского. Темир-Хан-Шура, 1901. С. 31.

10. *Каймаразов Г. Ш.* Прогрессивное влияние России на развитие просвещения и культуры в Дагестане. Махачкала, 1954. С. 13–14.

11. *Ризаханова М. Ш.* Дагестанские русские ... С. 133–134.

12. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища 1880–1889 / сост. Е. Казубский. Петровск, 1890. С. 1.

13. Там же. С. 20.

14. Там же. С. 55.

15. Там же.

16. *Муртузалиев С. И., Рагимова П. Ф.* История конфессиональных систем образования Дагестана и общероссийские проблемы теологизации системы образования / под общ. ред. С. И. Муртузалиева. Махачкала. 2005. С. 119.

17. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 2. Д. 23.

18. *Зульпукарова Э. М.-Г.* Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции конца XIX – начала XX в. Махачкала, 2005.

19. *Муртузалиев С. И., Рагимова П. Ф.* История конфессиональных систем ... С. 120.

20. Кавказский календарь на 1879 г. Тифлис. 1878. С. 71, 124, 125, 129.

21. *Гаджиев А.-Г.* Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX – начале XX века: учеб. пособие. Махачкала, 1997. С. 36–46.

22. ЦГА РД. Ф. 166. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

23. Там же. Ф. 158. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 4 об.

24. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Д. 9. Л. 4.

M. YU. DANILYUK, O.B. ZUYEVA. THE SYSTEM OF THE ORTHODOX EDUCATION AS THE FACTOR OF DAGESTAN PEOPLES' JOINING THE CHRISTIAN CULTURE (IN THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX c.)

The article covers the problem of coexistence of different religious confessions as well as the role of Orthodoxy in the context of regional cultural life in the second half of XIX – beginning of XX century.

Key words: *the Caucasian war, multiconfessionality of Dagestan, Orthodoxy, Islam, spiritual-teaching work.*

Г. А. БОШУК

МУЗЫКАЛЬНАЯ РЕЧЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА-МУЗЫКАНТА

В статье осуществляется постановка проблемы доминирующих мотиваций в развитии коммуникативных навыков. Через соотношение вербальной и музыкальной коммуникации рассматривается значение музыкальной речи в процессе формирования коммуникативной компетентности студента-музыканта.

Ключевые слова: *коммуникативные компетенции, компетентность, мотивация, музыкальная речь.*

Компетентностная образовательная парадигма, формирование которой началось в середине прошлого века вслед за теорией постиндустриального общества (Д. Белл, О. Тоффлер, Й. Масуда), считается инновационной для нашего времени. Проведенный нами опрос показал, что большинство работодателей в музыкальной сфере г. Краснодара считает особо важным для молодого специалиста владение коммуникативными компетенциями.

Коммуникативная компетенция основана на усвоении средств и стратегий речевого общения, а коммуникативная компетентность, по определению ряда ученых, есть интегративный личностный ресурс, обеспечивающий успешность коммуникативной деятельности (совокупность интеллекта, кругозора, межличностных отношений и специальных профессиональных знаний).

Профессия музыканта являет собой симбиоз парадигм человек – человек и человек – художественный образ. Это обязывает специалиста раз-

вивать в себе те составляющие коммуникативной компетентности, которые не закладывались ранее в специфику обучения музыканта-исполнителя, т. е. стремиться к тому, чтобы интенсивность самостоятельных занятий и направленность на сольное исполнительство не ограничивали развитие музыкально-коммуникативных и организационно-управленческих способностей студентов, не затрудняли формирование музыканта-универсала широкого профиля.

Забывая о том, чтобы не сужалась сфера профессиональной деятельности будущих выпускников, мы придаем большое значение развитию коммуникативной компетентности обучаемых, причем считаем нецелесообразным сводить наполнение соответствующего понятия к коммуникации в общепринятом смысле слова.

В этом мы отталкиваемся от положений, сформулированных профессором Б. Спизбергом (кафедра коммуникации Государственного университета Сан-Диего), который указал, что форми-

рование той или иной компетентности во многом зависит от личностной мотивации, знаний и навыков [1]. Творческие способности (*saracity*) в сочетании с ярко выраженной мотивационной потребностью поднимают студента на более высокий уровень самореализации. Мотивация имеет решающее значение и при развитии навыков коммуникации. По Спидбергу, межличностная коммуникативная компетенция – это восприятие человеком себя и восприятие его другим человеком. Ученый усматривает четкую связь между теорией драматического мастерства и теорией коммуникативной компетенции: уровень игры актера зависит от его мотивации, знания сценария и профессиональных навыков. Эти же переменные можно использовать и при формировании коммуникативной компетентности, в частности, в процессе обучения и развития музыканта.

Мы на собственном педагогическом опыте убедились, что мотивация студента-музыканта нередко играет большую роль в профессиональном становлении, нежели врожденные способности. Непрерывное многоуровневое образование за 14–16 лет обучения воспитывает востребованного специалиста-музыканта, который в дальнейшем успешно реализует себя в профессиональной деятельности. Таким образом, мотивация, знания и навыки способствуют совершенствованию личности и становлению профессионализма музыканта.

Сущность коммуникативной компетентности в педагогической сфере концентрируется на способности преподавателя целенаправленно организовывать общение на всех этапах педагогической деятельности, нести ответственность за его результаты и воспитательные последствия.

Психологами предложено характеризовать структуру общения в трех взаимосвязанных аспектах: коммуникативном, интерактивном и перцептивном. Коммуникативная сторона общения состоит в обмене информацией между индивидами. Интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между ними – в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивный аспект раскрывает процесс восприятия партнерами друг друга как взаимное познание, порождающее взаимопонимание.

Исходя из этого, можем схематично представить взаимоотношения преподавателя и студента следующим образом: восприятие друг друга (перцепция), передача определенных сигналов (коммуникация) и взаимодействие (интеракция).

Целесообразно, на наш взгляд, выделить в структуре коммуникативной компетенции общие и специальные компоненты. К общим относятся следующие умения и навыки: слушать и понимать собеседника, воспринимать настроение аудитории, вступать в положительный эмоциональный контакт, побуждать к деятельности и самостоятельности мышления. Специальные педагогические коммуникативные компетенции заключаются в умении владеть речью, адаптировать изучаемый материал к возрастным особенностям и уровню профессионального и интеллектуального разви-

тия студента. В этом смысле как специальные музыкально-педагогические коммуникативные компетенции выступают умение побуждать к поиску нетрадиционного решения музыкальной задачи или интерпретации музыкального произведения, развитие дивергентного мышления у студента-музыканта.

Необходимо учитывать тот факт, что в коммуникации широко используются вербальные и невербальные средства. Мастерство музыканта имеет сложную знаковую опосредованность: он общается не только при помощи речи (опорой чего, естественно, служат мировоззрение, интеллект, уровень общего развития), но и использует музыкальный язык (навыки расшифровки нотного текста, богатый слуховой опыт и т. д.).

Вопреки непрекращающимся спорам о том, способна ли музыка выражать определенное содержание, наличие такой способности было признано бесспорным по мере распространения на область искусства достижений теории информации в их общеприимной форме. По мнению ученых (М. Бонфельд, Д. Штокманн), «воспринимающий не понимает передаваемых музыкальной коммуникативной цепочкой акустических сигналов в их физической сущности, но извлекает из них специфические музыкальные свойства и структурные черты» [2].

Итак, каково соотношение вербальной коммуникации и музыкальной? Можно ли перевести музыкальный язык на словесный? М. Бонфельд сформулировал как общую закономерность музыкальной и вербальной художественной речи то, что и та и другая представляют «семантический способ выражения». Следуя за Джоном Блэкингом, он предлагал «рассматривать музыку как особый вид коммуникации и анализировать ее с целью выяснения того, что является специфичным для музыкального поведения и отличает его от других форм поведения в исследуемом обществе» [3].

Существуют наблюдения ученых, доказывающие, что музыка, как и интонационная сторона речи, первично ориентирована на деятельность правого полушария мозга (которое является базой конкретно-чувственного мышления, тогда как левое полушарие – опора абстрактно-логического мышления). Медико-физиологическими данными в ходе экспериментов подтвердилось, что отключение правого полушария делает полностью невозможным восприятие музыки, а при отключении левого полушария элементарные музыкальные способности даже обостряются. Это дало основание связывать функции полушарий: левого – с восприятием организации музыкального произведения во времени, а правого – как вневременного целого.

Ныне разграничением категорий «язык» и «речь» пользуются и в лингвистике и в музыковедении. Коммуникативный синтаксис, по В. Медушевскому, «лежит в глубине музыкальной формы; закономерности, открываемые на этом уровне, в принципе сходны с теми, которые лежат в основе ораторской речи» [4]. В свете такой философской

установки музыку, как любое актуально звучащее произведение, трактуют в смысловом поле категорий «речь», «речевой акт». Исследуются взаимоотношения вербальной и музыкальной коммуникации. Психологи, лингвисты, педагоги отмечают, что у ребенка обязательна довербальная стадия развития речи, которая не может быть пропущена: в этот период развития у ребенка существует невербальный код общения, основанный на вокализации и мимике (*babysprache, babytalk*). Формы довербального взаимодействия человека с окружающей средой – музыкально-интонационные («гуление»), на их основе далее развиваются речевые навыки.

Для соотнесения специфики музыкальной коммуникации со спецификой вербальной речи интересны результаты, полученные в рамках теории генеративных (порождающих) грамматик американским лингвистом Н. Хомским. Нельзя не согласиться с его утверждением о том, что человек свободно пользуется словесной речью задолго до того, как его обучат грамматическим нормам, и более того – пользуется вне зависимости от такого обучения. Однако в сфере музыкальной коммуникации вырисовывается несколько иная картина. С одной стороны, достаточно хорошо известно, что, не получив систематического музыкального образования, можно – в известных, но довольно широких пределах – научиться понимать музыкальную речь. Тут потребуются лишь врожденные способности, на базе которых индивид, по мере обогашения его слушательской практики, воспитает в рамках этой практики определенную культуру слушания (и слышания). С другой стороны, солидное музыкальное образование не всегда гарантирует творческую способность – свободное порождение музыкальных текстов (даже в рамках изученных стилистических систем). Для творчества, как правило, должны сочетаться безусловная специфическая одаренность и музыкальное образование, особым образом направленное на развитие композиторских наклонностей. Мы не согласны с М. Бонфельдом в том, что музыкальная речь – односторонне направленный процесс: от композитора через исполнителя к слушателю. Исполнение написанного композитором музыкального произведения – двусторонний процесс. Это акт коммуникации между композитором и исполнителем, в котором участвует и слушатель, который своей реакцией обогащает, пополняет общение, т. е. принимает непосредственное участие в коммуникации. Это обстоятельство облегчает поиск общих черт между речью музыкальной и вербальной.

Хотя музыка является одним из «видов речи», ее нельзя ставить в один ряд с артикулируемыми языками. Музыкальный язык, пишет М. Арановский, – многоуровневая система, которая обладает необходимым набором моделей единиц и правил их сочетания, предназначенных для построения музыкального текста [5]. Конечно, в каждом своем конкретном проявлении музыкальная коммуникация реализуется как «речь». Но в каком бы смысле не использовалась названная кате-

гория, понятие «музыкальный язык» предполагает некое абстрагирование, является виртуальным. По определению В. Медушевского, «способность музыки служить средством художественного общения охватывается понятием коммуникативной функции» [6].

Как и в человеческой, так и в музыкальной речи общение становится понятным благодаря коммуникативным приемам. Они придают общие черты, одинаково присущие речи и музыке. К их числу принадлежат направленная интонация (мелодическая линия), пауза, замедление и ускорение, повторы, прием «ложного хода», инверсии, оттягивания и др. Игре умело пользующихся ими исполнителей свойственна артикуляционная вынятность, ясность замысла, точное донесение смысла произведения.

Важнейшей проблемой музыкальной педагогики является передача музыкальных традиций. Музыкант-исполнитель всегда вносит в духовный мир музыки нечто свое: выступает интерпретатором, выразителем определенного мировоззрения. Поэтому совсем немаловажно, чему и как научиться студент в вузе. В триаде *композитор – исполнитель – слушатель* он становится соавтором композитора и, вместе с тем, собеседником публики. Это требует сформированного ценностного мышления, достаточно целостного понимания мира, постоянного самосовершенствования личности, вывляемого в профессиональной сфере.

Одним из теоретических направлений на пути к этому является исследование коммуникативной роли жанров в музыке. Жанр, определяя в основных чертах условия общения, влияет на структуру коммуникации. Это позволило Е. В. Назайкинскому при систематизации различных жанровых единств выделить в особую группу их коммуникативные функции – связанные с организацией художественного общения [7]. Коммуникативный контекст, в котором звучит музыка, не является раз и навсегда установленной схемой: меняется число слушателей, состав исполнителей и других участников постановки, пространственные условия музицирования, связывающие музыкантов и слушателей. И достаточно важным параметром жанровой коммуникации оказывается число людей, задействованных в художественном общении, особенности и результаты их контакта друг с другом.

На первичных стадиях формирования музыкального искусства создатель музыкального произведения не расценивался как участник общения: главной была «инструментализация голоса». Позже стало доминировать четкое деление на исполнителей и публику, более детальное структурирование коммуникационного пространства. Историческое развитие по спирали возвращало творчество к импровизации – но уже к профессиональной, в составе которой фигуры автора и исполнителя отделены, их функции разграничены.

Это разграничение изучается и отчасти переосмысливается в исследованиях коммуникативной роли музыки XX и XXI веков. В частности, подвергнут рассмотрению следующий вопрос.

Как полная тишина может осуществлять коммуникативную функцию, передавая бег времени, так и пьеса Дж. Кейджа «4'33», не заключающая в себе ни единого звука, обостряет восприятие текущего времени. В музыке последних десятилетий (Klavierstück XI К. Штокхаузена, Секвенции для одинокой флейты Л. Берно и т. д.) исполнителю предоставлена необычайная свобода исполнения: музыкант может из определенных «кирпичиков» сам создавать произведение, определяя длительность и последовательность звуков, «перекраивая» форму. Это как бы подчеркивает, что современные сочинения не являются «законченными сообщениями», требуют самостоятельного исполнительского прочтения, что накладывает немалую ответственность на музыканта-интерпретатора.

Создаваемая ныне масс-медийная сфера музыкальной коммуникации не исключает возможность сделать не только исполнителя, но и слушателя непосредственным участником общения. Перед вузами, готовящими работников музыкальной сцены, музыкальных педагогов и организаторов досуга, стоит серьезная задача: формировать в новых условиях коммуникативную компетентность студентов, воспитывать активную жизненную позицию и устойчивое позитивное мировоззрение. Междисциплинарные связи вузовской науки должны способствовать этому.

Означенная проблема требует правильной постановки, глубокого изучения, выработки гибкого подхода, направленного на создание единой

и вполне определенной концепции. На важность мер, способствующих развитию коммуникативной компетентности студентов, указывают положения Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, где говорится о «расширении сотрудничества с европейскими странами в области образования в сфере культуры и искусства с целью взаимного обмена передовым опытом» [8].

Литература

1. Цит. по: Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб., 2003. С. 27.
2. Бонфельд М. Ш. Музыка: язык или речь? // Музыкальная коммуникация: сб. науч. тр. (Сер. Проблемы музыкознания). Вып. 8. СПб., 1996. С. 15.
3. Там же.
4. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М., 1976. С. 115.
5. Арановский М. Г. Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления. М., 1974.
6. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах ... С. 5.
7. Назайкинский Е. В. Стил и жанр в музыке: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003. С. 96.
8. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 гг. URL: http://www.culart.ru/kaliningrad/base/dokument_r_f/ykaz_prezedenta/konceptcia.php

G. A. BOSHUK. MUSICAL SPEECH AS THE INTEGRAL COMPONENT OF STUDENT-MUSICIAN'S COMMUNICATIVE COMPETENCE

This article is devoted to the questions of student's dominative motivations in development of his communicative skills. The author studies the meaning of musical speech via forming the student-musician's communicative competence through the correlation of the verbal and musical communications.

Key words: *communicative competence, competency, motivation, musical speech.*

Т. И. СТРАЖНИКОВА

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются перспективные этнопедагогические, мультимедийные, креативные технологии обучения в системе музыкального образования «школа – училище – вуз».

Ключевые слова: *многоуровневая система музыкального образования, инновационные технологии обучения.*

Многоуровневая система музыкального образования повышает роль личностно-ориентированного подхода к процессу обучения, значимость творческой и исследовательской деятельности учащихся и студентов. Так, в последние годы особое место в современной музыкальной педагогике отводится научному осмыслению инновационных процессов в сфере музыкально-педагогического образования, а также педагогических

технологий, сочетающих проверенные временем, наиболее эффективные отечественные наработки и зарубежный опыт. Этот процесс требует многостороннего специального и целостного научного освещения.

Недостаточное внимание к комплексному исследованию современных педагогических технологий обучения, инновационных проектов в многоуровневой системе музыкального образо-

вания приводит к снижению качества обучения. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью разработки концепции развития музыкального образования в регионе на современном этапе, гибкого и оперативного реагирования на изменение потребностей и интересов детей и молодежи.

Основные направления музыкальной педагогики конца XX века и перспективы ее дальнейшего развития обозначились еще в 80–90-е годы в публикациях известных исследователей и музыкантов-педагогов: Э. Б. Абдуллина, Ю. Б. Алиева, Л. Г. Арчажниковой, Т. И. Баклановой, Л. А. Безбородовой, Е. А. Бодиной, В. Г. Мозгота, О. П. Радыновой, В. Г. Ражникова, Н. Р. Туравец, Б. М. Целковникова, Г. М. Цыпина и др.

Новые реалии педагогики XXI века выдвигают перед музыкантами-исследователями и новые задачи:

- выявление основных закономерностей и тенденций развития современного музыкального образования;

- обобщение практического и теоретического опыта ведущих музыкантов-педагогов, упрочение традиционных методов музыкальной педагогики, не утративших своей актуальности;

- научное осмысление инновационных процессов, анализ современных исследований в области музыкально-педагогического образования;

- выработка рекомендаций для педагогов-практиков в различных сферах музыкального образования;

- создание учебных пособий на основе разработанных рекомендаций.

Научное осмысление инновационных процессов ведет свое начало от первых десятилетий XX века, когда термины «инновация», «инноватика» стали появляться в различных областях науки. Надо отметить, что инновации в разных источниках трактовали весьма широко: как новообразования, новшества, порождающие изменения в какой-либо общественно значимой сфере. Соответственно, науку, изучающую общие закономерности нововведений в различных областях знания на стыке философии, культурологии, социологии, теории управления, экономики, психологии, педагогики, стали называть инноватикой.

В педагогике термин «инновация» нашел применение в исследованиях принципов, методов и педагогических технологий, обладающих существенными элементами новизны. Изучение инновационных процессов ведется как установление последовательности в смене явлений музыкально-педагогической практики и науки, анализ совокупности целенаправленных действий педагога-исследователя для достижения оптимальных результатов в учебном процессе.

Контент-анализ анкет учителей музыки, преподавателей ДШИ, средних специальных учебных заведений г. Краснодара и преподавателей Краснодарского государственного университета культуры и искусств, проведенный в 2007 и 2008 годах (соответственно 46 и 49 чел.), показал, что наиболее популярны развивающие, эвристичес-

кие и творческие технологии обучения; большое место занимают также эмоционально-художественные, эмоционально-нравственные, игровые, этнопедагогические технологии. Отрадно отметить возросший интерес педагогов-музыкантов к мультимедийным технологиям (34% в 2008-м по сравнению с 4,3% в 2007 г.), программированному и автоматизированному обучению (8% и 16% в 2008 г., в то время как в 2007 году ни один из респондентов не назвал эти технологии в числе используемых). В анкетах педагогов-музыкантов было отмечено, что очень важно начинать процесс музыкального воспитания с раннего детского возраста и далее продолжать в рамках многоуровневой системы музыкального образования.

В региональной системе музыкального воспитания вышеперечисленные технологии применяются комплексно на всех уровнях системы музыкального образования. Мы рассматриваем наиболее перспективную часть из них. Это *этнопедагогические* технологии (уроки музыки в общеобразовательной школе), *мультимедийные* (среднее и высшее звено профессионального музыкального образования), *креативные* (высшее профессиональное музыкальное образование).

Структурными компонентами педагогической технологии, как известно, являются: ведущая концепция (философское, психолого-педагогическое обоснование); содержание обучения; собственно технология обучения (организация учебного процесса, формы и методы работы педагога и учащегося, организация учебной деятельности, диагностика эффективности технологии).

С целью выявления эффективности современных инновационных технологий в многоуровневой системе музыкального образования «школа – училище – вуз» проделана опытно-экспериментальная работа, результаты констатирующего, формирующего и контрольного этапов которой мы изложим.

Констатирующий этап составила проведенная среди учащихся средних общеобразовательных школ № 16, 33, 91 г. Краснодара диагностика ценностных ориентаций школьников, исходного уровня знаний о музыке, о культурных и художественных традициях народов, проживающих на территории Краснодарского края. В Краснодарском музыкально-педагогическом колледже была проведена проверка знаний музыкальной литературы, компьютерных технологий. На факультете музыкального и гуманитарного образования и в Академии народной культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств осуществлялась проверка уровня развития творческих способностей студентов. В ходе опытно-экспериментальной работы применялись различные методы исследования: анализ и синтез педагогических концепций и теорий, педагогическое наблюдение, контент-анализ анкет и результатов тестирования, беседа, сравнительно-сопоставительный, художественно-творческий анализ исследуемых явлений, педагогический эксперимент. Были разработаны критерии оценки знаний, умений, навыков на каждом уров-

не (высоком, среднем, низком), по всем структурным компонентам исследуемых качеств личности. Выявлены наиболее эффективные формы и методы обучения в рамках этнопедагогических, мультимедийных, креативных технологий.

Как нам представляется, условия такого многонационального региона, как Краснодарский край, позволяют уделять особое внимание этнопедагогическим технологиям – обучению в опоре на истонные традиции народов с учетом их поликультурного и межнационального взаимодействия. Эффективность разработанных этнопедагогических технологий доказало опытно-экспериментальное исследование (2007–2008 гг.) на базе трех средних общеобразовательных школ среди учащихся 6–8-х классов (74 чел.). Диагностическое тестирование и анкетирование, проведенное в средних общеобразовательных школах № 16, 33, 91 г. Краснодара Н. А. Ушаковой, выявило уровень знаний учащихся в области региональной музыкальной культуры, их интересы, ценностные предпочтения, мотивации к эстетическому, творческому саморазвитию личности. На констатирующем этапе выяснилось, что многие школьники (41%) имеют нечеткие ценностные ориентиры, неустойчивый интерес к региональной культуре Кубани и музыкальной культуре в целом.

Апробировать за рамками учебного процесса разработанные коллективом исследователей программы по дисциплине «Региональная музыкальная культура» помогло созданное на базе 6-х классов творческое объединение по изучению музыкальной культуры Кубани. Вопросы региональной музыкальной культуры были также внедрены в ряд дисциплин («Музыка», «Мировая художественная культура», «Кубановедение»). Опытное-экспериментальная работа, проведенная в школах г. Краснодара, подтвердила эффективность педагогических технологий, направленных на совместное обсуждение на уроках музыки различных явлений современного мира, региональной культуры, осмысление мировоззренческих ценностей и нравственных норм, учрочивающих социально-значимую художественно-творческую деятельность.

Результаты тестирования и анкетирования на заключительном этапе подтвердили положительную динамику в области поликультурного воспитания школьников при использовании этнопедагогических технологий, способствующих диалогу культур, изучению культурных и художественных традиций разных национальностей, в том числе и этнических меньшинств. После проведенной работы количество учащихся с высоким уровнем знаний о региональной культуре изменилось (в начале 21%, в конце эксперимента – 60%). С низким уровнем знаний – соответственно: 41%, 21%. Выработка совместных представлений и взглядов на уроках музыки позволила дать учащимся ориентиры для самостоятельных дальнейших действий, изменила их ценностные ориентации в области региональной и мировой музыкальной культуры.

Наиболее перспективное, на наш взгляд, направление инноваций ныне строится с исполь-

зованием в интерактивном режиме музыкального материала, текста, видеозаписи, мультимедии (мультимедиа) [1]. Эффективность подобных технологий в процессе изучения музыкальной литературы в Краснодарском музыкально-педагогическом колледже (КМПК) исследовала В. П. Синихина.

На данном этапе в работе приняли участие около 150 студентов, изучающих дисциплины «Компьютерные технологии в музыке», «Звукорежиссура», «Аналоговые технические средства обработки и передачи звуковой информации». Опытное-экспериментальная разработка для оптимизации контроля знаний в области музыкальной литературы представляла собой интерактивный сборник тестов по курсу русской музыкальной литературы (10 вариантов тестовых заданий, в каждом по 10 вопросов разного уровня сложности). Апробация тестов показала положительную динамику: повышение интереса студентов к изучению музыкальной литературы, развитие музыкального мышления, совершенствование качества контроля и самоконтроля знаний. Помимо этой разработки в звукозаписывающей студии КМПК был создан комплекс викторин по отечественной музыкальной литературе. На трех обучающих дисках каждый музыкальный трек включает в себя фрагменты изучаемого музыкального произведения и комментарии к нему, в других трех дисках – отрывки музыкальных сочинений для контроля знаний студентов.

Исследование показало, что студенты проявляют высокую заинтересованность в овладении современными мультимедийными технологиями. Процент выбора специализации «Компьютерные технологии в музыке» выпускниками колледжа вырос с 71 (в 2007) до 86 (в 2008 г.). Дальнейшая перспектива использования технологий мультимедиа видится нам в освоении возможностей Интернета, аудио- и видеокниг на лазерных дисках, в электронных записях лекций.

Большая работа по внедрению в учебный процесс медиатехнологий ведется также в Краснодарском музыкальном училище им. Н. А. Римского-Корсакова, где функционирует Лаборатория информатики, руководимая А. С. Приселковым. Учителя-музыканты проходят переподготовку в Краснодарском краевом институте дополнительного профессионального педагогического образования в рамках предмета «Компьютерная грамотность».

Основные направления стратегии образовательной деятельности в условиях многопрофильного вуза культуры и искусств разработаны в Краснодарском государственном университете культуры и искусств. В частности, профессор КГУКИ Н. Б. Зиновьева указывает, что внедрение инноваций в образовательный процесс вуза невозможно без научного осмысления новых концептуальных подходов в теоретико-методологическом обосновании процессов профессионального развития педагога, его переподготовки и адаптации к меняющимся условиям трудовой деятельности. Наиболее рациональные варианты конкретного

решения задач могут предложить локальные разработки по отдельным предметам и темам. Они послужат предпосылкой для дальнейшего системного обобщения инновационных педагогических технологий [2].

Проблемами информатизации в системе музыкального образования занимаются И. В. Камышников, Е. В. Покладова, Ю. Ю. Терентьев, Т. Ф. Шак, Н. Б. Щетинская и другие преподаватели КГУКИ. Они убеждены, что владение новейшими музыкально-информационными технологиями, навыками аранжировки на синтезаторе и компьютере позволит будущему специалисту-музыканту легче адаптироваться к жизненным реалиям, активнее включиться в формирование современной информационной культуры. С этой целью в Краснодарском государственном университете культуры и искусств создана кафедра музыкальных медиатехнологий, которой руководит кандидат искусствоведения, доцент Т. Ф. Шак. На кафедре ведется подготовка специалистов в области музыкальной звукорежиссуры, действуют курсы и программы профессиональной переподготовки по специальностям «Аранжировка музыки на базе информационных технологий», «Музыкальный редактор телерадиопрограмм» [3]. Созданный при консерватории КГУКИ Центр музыкально-информационных технологий интенсивно разрабатывает современные мультимедийные обучающие пособия.

Внедрение новейших информационных технологий в систему музыкального образования способствует формированию творчески активной личности. О. В. Пенкиной и Т. И. Стражниковой проведена опытно-экспериментальная работа по выявлению оптимальных путей формирования творческой активности будущих учителей музыки в процессе изучения музыкально-теоретических дисциплин. Программа исследований охватила студентов факультета музыкального и гуманитарного образования и студентов-хормейстеров в Академии народной культуры КГУКИ. В ее задачи входило комплексно выверить дидактические принципы и методы креативного обучения, организационно-мотивационные, операционально-креативные, когнитивные компоненты творческого развития обучаемых.

Изучались мотивационная, креативная, операциональная структурные составляющие творческой активности студентов. Выявлялись уровни и критерии сформированности каждого отдельного компонента (репродуктивно-поискового, креативно-эвристического и творческого, направленного на самостоятельное решение творческих проблем в процессе профессиональной деятельности). На констатирующем этапе педагогического эксперимента в обследуемых группах были апробированы и проанализированы различные творческие задания: сочинение мелодии на данную аккордовую последовательность, сочинение подголосков к одноголосной мелодии, выполнение аранжиро-

вок на основе аутентичных образцов народного творчества; авторские сочинения по изучаемым разделам курса, примеры вариантов аккомпанемента и др. Далее, на формирующем и контрольном этапах педагогического эксперимента, обобщалась динамика формирования творческой активности студентов.

Таким образом, освещенные в нашей статье этапы эмпирической работы на базе факультета музыкального и гуманитарного образования и в Академии народной культуры КГУКИ позволили подтвердить эффективность разработанных педагогических параметров инновационной деятельности при изучении цикла музыкально-теоретических дисциплин. Результаты проведенного исследования выявили заметное преимущество студентов экспериментальной группы по мотивационному, креативному и операционально-интеллектуальному компонентам творческой активности. В среднем по сравнению с контрольной группой их показатели были выше на 14–22%. Авторы исследования пришли к выводу, что занятия активной творческой деятельностью способствовали личностно-профессиональному развитию и саморазвитию студентов.

Изучение и обобщение теоретического материала и практического опыта педагогов-новаторов и общего хода современных инновационных процессов в Северо-Кавказском регионе позволяет разработать рекомендации для педагогов-практиков в области музыкального образования, внедрить наиболее перспективные проекты в общеобразовательных школах, средних специальных учебных заведениях, вузах культуры и искусств. Т. е. способствовать повышению качества музыкального образования и воспитания в регионе.

Изучение инновационных процессов в региональной многоуровневой системе музыкального образования пока что проходит начальную стадию. Требуются совместные усилия педагогов-практиков и педагогов-исследователей, чтобы гибко и оперативно реагировать на изменение парадигмы, выявлять закономерности и направления, оптимизирующие качество образовательного и воспитательного процесса.

Литература

1. *Загвязинский В. И.* Теория обучения: Современная интерпретация: учеб. пособие. М., 2001. С. 120.
2. *Зиновьева Н. Б.* О задачах внедрения информационных педагогических технологий в практику вузов культуры и искусства // Основные направления стратегии образовательной деятельности в условиях многопрофильного вуза культуры и искусств: м-лы науч.-метод. конф. Краснодар, 2007. С. 3–6.
3. *Шак Т. Ф.* Медиаграмотность как компонент профессиональной подготовки музыканта // Многоуровневая система профессионального художественного образования: проблемы интеграции и дифференциации: м-лы регион. науч.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 70–74.

**T. I. STRAZHNIKOVA. INNOVATION TECHNOLOGIES OF TEACHING
IN THE SYSTEM OF MUSICAL EDUCATION: OUTLOOK OF DEVELOPMENT**

The article deals with the perspective ethnopedagogical, multimedia, creative technologies of training in the system of musical education school – college – higher educational institution.

Key words: *multilevel system of musical training, innovation technologies of education.*

А. В. СКРИПКИНА

**МОБИЛЬНОСТЬ РЕАГИРОВАНИЯ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЗАПРОСОВ
ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА**

Автор рассматривает реагирование на изменения потребностей в образовательных услугах и другие факторы формирования конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: *мобильность, образовательные услуги, конкурентоспособность, статус, образовательные программы, имидж.*

Краснодарский государственный университет культуры и искусств (КГУКИ) на протяжении четырех десятилетий формировался как вуз, имеющий структуру, достаточно гибкую для того, чтобы чутко реагировать на запросы рынка труда и при этом сохранять свою индивидуальность, неповторимость в ряду других высших учебных заведений Юга России.

Он был основан во второй половине прошлого столетия, в период, когда в стране был взят курс на целенаправленную подготовку кадров для всех сфер самодеятельной культуры. Со временем роль вузов культуры в стране росла и изменялась. Спектр их социальных функций обогащался и преобразовывался в соответствии с требованием адекватно реагировать на изменение запросов общества и потребности в специалистах определенного профиля. Сфера образовательных услуг расширялась. В последнее десятилетие двадцатого века в вузах культуры начали открываться отделения, обучающие студентов по консерваторским программам. С этого периода в названии учебных заведений такого профиля появилось новое слово: их стали именовать вузами культуры и искусств. Такое изменение статуса было связано с усложнением структуры, появлением новой отрасли образовательной деятельности, приблизившей учреждения культуры к охвату всех уровней современной художественной жизни при становлении личности, свободной от идеологических рамок.

Сегодня мобильность вузов культуры и искусств связана с качественным и эффективным функционированием образовательной системы, совершенствующейся в соответствии с потребностями рынка труда. Этого невозможно достичь без тесной связи с органами управления культуры и с отраслями, для которых вуз готовит специалистов. Немаловажным аспектом планирования деятельности вуза является возможность получить необходимую информацию, проанализиро-

вать кадровое обеспечение всех сфер и отраслей культуры, определить ориентированность и мотивации молодежи на получение высшего образования в учебных заведениях. Без четкой проработки этого аспекта невозможно говорить о структурированном рынке труда, об успешной кадровой и образовательной политике в сфере культуры.

Выходя на рынок образовательных продуктов и услуг со своими программными предложениями, отраслевые вузы готовят специалистов разного уровня и профиля. В этой связи существует вопрос: являются ли выпускники «продукцией» вуза?

Можно согласиться с мнением о выпускниках как о специфическом «товаре», когда предприятия берут на работу выпускников с целью удовлетворения своей потребности в кадрах нужной квалификации. Однако нельзя принять однозначное утверждение о вузе как производителе товара в виде молодых специалистов [1], ведь с тем же основанием производителем этого специфического товара можно назвать родителей, школу, среду и окружение, а также самостоятельную работу выпускника над самим собой. Конечно, в формировании профессионально значимых знаний, умений и навыков, которые используются работодателями на рынке труда, участвует не только вуз. Самообразование в период пребывания в вузе, параллельное обучение на различных курсах, влияние семьи, окружающей среды тоже приносят выпускникам знания, умения и навыки, востребованные на рынке труда.

Вряд ли целесообразно рассматривать профессиональные качества в отрыве от других характеристик личности, также немало значимых при трудоустройстве и во время профессиональной деятельности. Предлагая всем студентам конкретного курса на конкретном факультете одну и ту же образовательную программу, вуз в итоге выпускает разных специалистов. Они отличаются друг от друга как по степени усвоения прой-

денных программ и качеству знаний, так и по личностной ориентации, устремлениям, способности проявить себя в разных аспектах профессии. Поэтому на рынке труда вуз выступает именно как производитель образовательных программ – в том виде, в котором они освоены его выпускниками. В результате обучения по предложенным образовательным программам выпускники приобретают нужные рынку труда знания, умения и навыки, а вуз и далее совершенствует образовательные программы, оперативно реагируя на потребности в подготовке специалистов сферы культуры и искусств.

Конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг во многом определяется возможностью обеспечить студенту качественное образование в процессе обучения и после получения диплома. Не требует доказательств тот факт, что рынок труда влияет на критерии, которыми руководствуется общество при оценке качества образования и предоставленных вузами образовательных услуг. В этом смысле мобильность как характеристика деятельности вуза складывается из двух компонентов. С одной стороны, это постоянное изучение рынка труда, а с другой – продвижение образовательных программ учебного заведения навстречу потенциальным потребностям будущих студентов (расширяя тем самым круг абитуриентов). Следовательно, учебное заведение ориентируется на результаты такого анализа в масштабах города, края, региона, страны. Все это важно при прогнозировании спроса на образовательные услуги и определении целевой аудитории разрабатываемых вузом программ.

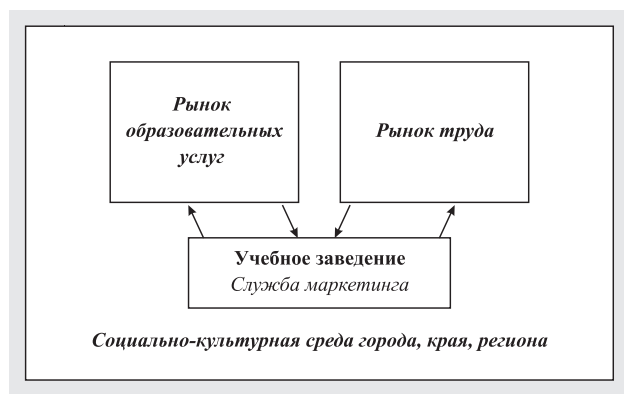
Имидж вуза играет важную роль не только как фактор организации учебного процесса, но и при формировании общественного мнения о вузе, определении его места в социально-культурной сфере региона. Этот вопрос недостаточно изучен. Как правило, разным видам имиджевых мероприятий придается большее значение в негосударственных вузах; они наиболее озабочены такими проблемами, как завоевание рынка и привлечение абитуриентов. На самом деле имидж любого вуза формирует обратную связь с рынком образовательных услуг: в зависимости от уровня профессионально и целенаправленно организованной деятельности по позиционированию вуза формируются

рутся установки и направления – целостный пакет образовательных услуг, предоставляемых потенциальным потребителям.

Известно, что ежегодно вуз выходит на рынок труда с результатами своей образовательной деятельности, реализованными в знаниях, умениях и навыках выпускников. Выпускники предлагают свою рабочую силу предприятиям, а те в свою очередь оценивают квалификацию рабочей силы в виде стартовых зарплат и других условий найма. В результате этой сделки по продаже рабочей силы вуз не получает прямых материальных выгод, но ожидает получить определенный отклик – подъем престижа, увеличивающий приток абитуриентов (спрос на образовательные программы). Это упрочивает его положение среди других учебных заведений. Вот почему ряд специалистов придерживается мнения о том, что выпускники вуза являются объектом имиджа вуза, т. е. результатом имиджевой работы [2].

Краснодарский университет культуры и искусств одним из возможных факторов обратной связи с предприятиями считает заключение договоров. Если предприятие удовлетворено качеством выпускаемых вузом специалистов и заинтересовано в дальнейшем получении квалифицированных кадров, оно, как правило, готово оказывать вузу материальную, финансовую и иную помощь в обмен на приоритетное право отбора и найма выпускников. В этом смысле вуз (производитель образовательных программ, которые он предлагает на рынке образовательных услуг) опосредованно – через своих выпускников, которые в результате потребления образовательных продуктов вуза приобрели знания, умения и навыки, повысившие качество их рабочей силы, – выходит на рынок труда.

КГУКИ принадлежит ведущая роль в подготовке кадров с высшим образованием в области культуры и искусств, и вуз непосредственно заинтересован в том, чтобы его образовательные программы как можно точнее соответствовали требованиям рынка труда, а выпускники как можно полнее эти программы усваивали. Поэтому ведется серьезное изучение рынка труда, накапливаются сведения о результатах имиджевой деятельности высшего учебного заведения. Это связано с тем, что, во-первых, рынок труда определяет основные стандарты качества образования в виде изменения спроса на тех или иных специалистов, уточнения знаний и умений, которыми должны обладать претенденты на определенные должности. Во-вторых, перспектива трудоустройства является важным мотивом, обуславливающим выбор образовательных продуктов потребителем. Следовательно, достоверная информация о рынке труда, предоставляемая вузом покупателям его образовательных продуктов, может увеличить спрос на то, что повысит шансы успешного трудоустройства в будущем. Поскольку мобильное реагирование на изменение запросов потребителей и работодателей в сфере культуры и искусств есть путь к эффективному имиджу, вузу важно

иметь четкое представление о контактных аудиториях и составляющих процесса.

Итак, в рамках образовательных программ вузы разрабатывают учебники и учебные пособия, программы повышения квалификации своих сотрудников. Но неверно сужать круг потребителей образовательных услуг до специалистов, повышающих свою квалификацию, и студентов. Такой подход игнорирует более широкий круг заинтересованных лиц и активных участников процесса как внутри вуза, так и за его стенами. Здесь вопрос не в терминологии, а в конкретном распределении интересов различных групп населения в области приобретения продукции вузов. В контексте заявленной проблемы потребителями на рынке образовательных услуг являются прежде всего студенты. Однако поскольку вузы также выходят со своими образовательными продуктами опосредованно (через выпускников) на рынок труда, потребителями также выступают предприятия и организации, нанимающие выпускников.

Потребителями могут быть также другие вузы, персонал учебного заведения и работники разных отраслей. В этой связи широко используется термин «покупатель». Покупателем в данной ситуации является тот, кто принимает решение о приобретении образовательного продукта или услуги (например, родители и учащиеся, выбирающие учебное заведение в зависимости от целого ряда условий и параметров). Но и в этом случае возможна более широкая интерпретация термина «покупатель». Им становится фирма, оплачивающая обучение ребенка своего сотрудника; компания, посылающая своих работников на переподготовку; правительство, заказывающее вузам определенную программу подготовки специалистов.

Предприятия-работодатели не могут быть отнесены к покупателям образовательных продуктов вуза, поскольку приобретают они не сами образовательные программы, а сформированные на их основе знания, умения, навыки и прочие характеристики. Работодателей логичнее было бы рассматривать в составе категории «клиенты».

«Клиент» – наиболее широкий термин, включающий в свой состав всех возможных потребителей и покупателей, а также иные контактные аудитории, прямо или косвенно заинтересованные в деятельности вуза. Сюда могут быть отнесены фонды, финансирующие образовательные проекты и программы; журналисты, пишущие на темы образования и профессиональной подготовки; агентства по трудоустройству, собирающие базы данных о выпускниках вузов и их профессиональной карьере; поставщики учебной литературы; предприятия и организации, нанимающие выпускников вузов. Одним из клиентов вуза является выпускник (он одновременно выступает и как опосредованное воплощение продукта вуза и как одно из средств продвижения этого продукта на рынке труда).

Выпускник является и продуктом эффективной деятельности вуза. Подготовка студента осу-

ществляется в результате потребления предложенной вузом образовательной программы, а также реализации собственных усилий обучаемого, влияния его семьи, внешней среды, национальной культуры. В ходе обучения приобретаются качества и характеристики, необходимые, чтобы удовлетворить предъявляемый предприятиями и организациями спрос в рабочей силе нужного уровня и квалификации. Чем сильнее проявляются в профессионально значимых качествах и характеристиках выпускника особенности пройденной образовательной программы, тем точнее вуз реагирует на соответствующие требования работодателей. Соответственно и вуз получает отклик от целевых сегментов рынка труда, в которые принимают по найму его выпускников. Этот отклик, как уже говорилось, проявляется в таких материальных и нематериальных выгодах, как подъем престижа вуза, получение финансирования за счет договорных форм обучения, рост спроса на предлагаемые образовательные программы и т. д.

В случае повторного обращения выпускника за образовательными продуктами вуза (продолжение обучения в аспирантуре, получение второго высшего образования по другой специальности, прохождение курсов повышения квалификации и т. д.) выпускники подтверждают позитивный имидж вуза на рынке образовательных услуг.

Одним из непростых моментов сегодняшней ситуации в системе высшего профессионального образования является финансирование. Вопрос об оплате обучения для государственных вузов тоже немаловажен, поскольку практикуется так называемый коммерческий набор и оказание дополнительных образовательных услуг на платной основе. Правильное позиционирование вуза (его образовательной программы) с точки зрения цен на предоставляемые услуги – достаточно важный компонент имиджевой стратегии, показатель мобильности на рынке труда. Покупатель образовательных продуктов будет готов заплатить более высокую цену, если производитель сможет наглядно продемонстрировать качество образовательных программ: перечислить дополнительные услуги; детализировать характеристики, показывающие, чем данные образовательные программы отличаются от программ конкурентов; выявить параметры, повышающие уровень обучения, – в частности профессиональную компетентность профессорско-преподавательского состава вуза.

Таким образом, выпускники вуза как носители его имиджа опосредованно характеризуют качество образовательных программ высшего учебного заведения. Уровень подготовки (демонстрируемые выпускниками знания и умения) влияют на стартовую зарплату: рынок труда учитывает качество предоставляемых вузом образовательных услуг. Мобильность реагирования учебного заведения на изменение запросов потребителей образовательных услуг должна рассматриваться в контексте формирования имиджа вуза. Это позволит ему сохранить конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

Литература

1. Браверман А. Маркетинг в российской экономике переходного периода. М., 1997.
2. См.: Гусев В. В. Некоторые аспекты работы университета в условиях перехода к рыночной экономике // Вуз и рынок. Кн. 1. М., 1997. С. 74–87; Заславский И. Е., Григорьянц Г. Н., Кузьмин В. А. Совершенствование организации

трудоустройства молодежи в региональных комплексных программах повышения эффективности использования трудовых ресурсов. М., 1981. С. 38; Зуев А. Э. Особенности формирования молодежного рынка труда на современном этапе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1996; Кириллина Ю. Продвижение образовательных услуг к потребителям // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 35–37.

A. V. SKRIPKINA. MOBILITY OF REACTION ON CHANGES IN INQUIRIES OF EDUCATIONAL SERVICES' CUSTOMERS AS THE FACTOR OF HIGH SCHOOL COMPETITIVENESS

The author researches the reaction on changes of needs in educational services as well as the other factors of high school competitiveness forming in the education market.

Key words: *mobility, educational services, competitiveness, status, educational programs, image.*

Е. Н. ГУСАРОВА

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проведен анализ внутренних (комплекс личностных характеристик) и внешних (система профессионального образования) факторов, влияющих на формирование творческого стиля специалиста социэкономической сферы деятельности.

Ключевые слова: *творческий стиль, креативность, технологичность мышления.*

Современные направления в обучении специалистов предполагают формирование творческой личности профессионала как интегративного динамичного целого. Существует целый ряд проблем включения личности в творческую профессиональную деятельность. Особенно актуальны вопросы формирования творческого стиля специалистов социэкономической сферы деятельности — педагогов, психологов, менеджеров, консультантов и специалистов другого профиля в процессе профессионального обучения.

Творческий стиль личности является интегральной многоуровневой и динамической системой. Нами выявлено, что он позволяет наиболее полно описать особенности формирования будущего специалиста, на ранних этапах его профессионального становления избегая понятия «успешность». Это дает обучающемуся возможность на начальных этапах профессионализации наметить оптимальную модель вхождения в специальность и определить перспективы собственного развития как творческой личности.

Изучая особенности формирования креативности у будущих педагогов-психологов в условиях профессионального обучения, мы исследовали профессиональные личностные характеристики как регулятор данного процесса. Подбор диагностических методик проводился в несколько этапов:

— анализ имеющихся в литературе данных о психологических и педагогических особенностях формирования креативности;

— построение гипотетической структурной модели творческой личности педагога как субъекта профессиональной деятельности, основанной на выделении личностных predispositions и условий обучения и воспитания, содействующих профессиональному развитию;

— проведение диагностики актуального уровня развития креативности как интегральной характеристики творческой личности;

— сравнительный анализ этих уровневых значений развития креативности среди различных групп специалистов социэкономической сферы деятельности.

Базами исследования были Краснодарский государственный университет культуры и искусств (студенты 1–5-го курса педагогических специальностей), Кубанский государственный университет (студенты-психологи 1–4-го курсов факультета управления), Межрегиональный центр повышения квалификации при КубГУ (преподаватели психологии и практические психологи). Всего в эксперименте приняли участие 684 чел.

На основе гипотетической модели структуры творческой личности специалиста социэкономической сферы деятельности, включающей в себя перечень следующих качеств: коммуникативные умения, эмпатия, направленность личности, особенности индивидуальных стилей межличностных отношений (содержание демонстрируемой профессионалом реципиенту собственной «Я-концепции»), креативность, было проведено эм-

Группы исследуемых	Уровень творческих способностей, %		
	Низкий	Средний	Высокий
Старшеклассники	20	70	10
Студенты 2-го курса	14,5	48,5	38

пирическое исследование различных групп специалистов [1].

На основе сравнительного анализа подбирались способы профессионального обучения студентов педагогов-психологов. Разработанная нами гипотетическая модель показывает, что уже в начале процесса обучения у студентов и членов профессиональных подгрупп проявляются особенности, содействующие формированию творческого стиля личности. Среди них выделяются высокий уровень коммуникативной компетентности, терпимость к неопределенности, отсутствие избыточной конформности, низкая ориентация на избегание неудач, адаптивные стили межличностных отношений, средневысокие значения эмпатии, определенный творческий потенциал и высокий уровень креативности. Причем креативность является сложной интегративной характеристикой: набор вышеперечисленных профессиональных характеристик складывается в единое целое – творческий стиль специалиста.

Анализ процесса формирования творческого стиля на основе предпочитаемых направлений будущей профессиональной деятельности (ее методологии, выбираемых школ, методик и технических приемов работы) выявил зависимость стилевых особенностей от предыдущего профессионального опыта, либо отсутствия такового.

Существуют и личностные особенности, препятствующие формированию творческого стиля у начинающих специалистов социномической сферы деятельности. А именно: высокие значения статусного роста; наличие крайних вариантов на шкале значений реактивной чувствительности; завышенное самоуважение; очень низкие значения по шкале «способность к интимным контактам»; различные неадаптивные уровни принятия агрессии (жесткий, мягкий и оценочный); низкое самоуважение; высокая спонтанность; низкие показатели гибкости поведения; высокая фрустрационная нетолерантность; крайне высокие значения направленности личности на дело; наиболее низкие показатели направленности личности на общение; наиболее высокие показатели ориентации личности на себя.

Считается, что традиционная педагогика системно не ориентирована на развитие креативности, лежащей в основе творческих способностей личности. Однако творчество – это основа успешности любой профессиональной деятельности и адаптации личности в целом. Изучение вопросов сознательного формирования творческой личности через развитие креативности прежде всего

предполагает определение ее динамики в процессе обучения.

На развитии творческих способностей старшеклассников сказывается активное формирование системы мотивации и психологических черт личности, что описано в работах Я. А. Пономарева [2] и М. А. Холодной [3]. Сравнительный анализ развития творческих способностей учащихся старших классов и студентов 2-го курса педагогов-психологов КГУКИ показал, что творческие способности развиваются неравномерно.

Система гуманитарного образования, направленная на развитие профессиональных способностей студентов вуза, значительно активизирует креативность. Тем не менее, этого недостаточно. Современная система обучения требует от педагога умения решать нестандартные задачи, преодолевать скованность мышления, рутинность. Это заставляет использовать технологии обучения, формирующие творческие способности будущих специалистов в системе непрерывного образования.

Исследованный нами как сложная многокомпонентная система процесс формирования творческого стиля показал, что уровень креативности выражен у всех подгрупп в среднем одинаково, основные различия наблюдаются лишь в ее структуре.

Креативный подход к проблеме обучения специалистов социномической сферы деятельности предполагает не решение готовых дидактических задач, а формирование творческого стиля мышления во время обучения: создание проблемных ситуаций и порождение познавательной мотивации обучающегося, направленной на овладение субъективно новым знанием.

Общий анализ полученных данных позволяет сделать выводы о необходимости глубокой целенаправленной работы по развитию креативности – динамичной интегральной характеристики, зависящей от целого ряда личностных качеств, навыков и умений, формирующихся на различных этапах педагогического процесса. На креативность влияют профессиональные знания и способность решать сложные задачи; развитие дивергентного мышления; сочетание высокой спонтанности с четкой и конкретной постановкой целей и задач, т. е. направленность на конечный социально значимый результат, что можно обозначить как технологичность мышления.

Литература

1. Гусарова Е. Н. Педагогическое творчество: монография. Краснодар, 2006.

2. Психология творчества: школа Я. А. Понамарева / под. ред. Д. В. Ушакова. М., 2006. С. 160–185.

3. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002. С. 54–59.

E. N. GUSAROVA. FACTORS AFFECTING THE FORMATION OF SPECIALIST'S CREATIVE STYLE IN SOCIONOMICAL FIELD

The article deals with the analysis of internal (personal characteristics) and external (the system of professional education) factors affecting the formation of specialist's creative style in socionomical field.

Key words: *creative style, creativity, processability of thinking.*

С. В. КОСТЫЛЕВ

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДЯЩЕГО И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ

В статье осуществлен анализ деятельности руководящего и преподавательского состава в области формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ.

Ключевые слова: *преподавательский состав, толерантность, нравственно-патриотические ценности.*

Сложные социально-политические и экономические условия предъявляют повышенные требования к военно-профессиональной подготовке руководящего и преподавательского состава военных училищ, от профессиональной компетенции которого во многом зависит формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов.

В образовательном процессе и повседневной службе военно-учебных заведений особое внимание уделяется как подготовке руководящего и преподавательского состава, так и формированию военно-профессиональных и нравственных качеств курсантов. Выпускник высшего военно-учебного заведения впоследствии, как правило, занимает руководящие должности. Истинное значение личности руководителя для подчиненных проявляется, прежде всего, в его нравственном облике. Чем выше профессионально-творческий, духовный и нравственный потенциал педагога-ученого, тем благоприятнее условия для развития научного мировоззрения курсантов, формирования нравственно-патриотических ценностей. Об этом свидетельствуют исследования отечественных педагогов и психологов (Е. Е. Вендров, Э. А. Гришин, Е. С. Кузьмин, А. Н. Лутошкин, Л. И. Уманский, В. М. Шепель, П. М. Якобсон и др.), выявивших, что при подобных задачах личным качествам и педагогов и учащихся придается доминирующее значение. Необходимым компонентом подготовки руководящего и преподавательского состава является регулярное повышение квалификации воспитателей в области теории и практики образовательно-воспитательного процесса, знакомство с последними достижениями методической науки для применения их в педагогическом процессе.

Традиционно теоретико-методологические основы нравственно-патриотического воспитания курсантов включают:

– освоение фундаментальных идей, концепций, законов и принципов развития педагогических процессов и явлений;

– изучение ведущих педагогических теорий, категорий и понятий;

– изучение тенденций передовой педагогической практики;

– развитие культуры общения и взаимоотношений в коллективе, высоких морально-нравственных качеств; уважение и исполнение законов, уставных норм жизни, воинской деятельности и т. д.

Педагогическая деятельность руководящего и преподавательского состава военных училищ строится с учетом требований Государственной программы, Основ организации воспитательной работы в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации, приказов и директив Министра обороны Российской Федерации, а также на базе передового опыта многих военно-учебных заведений. Ведущую роль психолого-педагогической подготовки офицера-воспитателя в нравственно-патриотическом воспитании курсантов отмечают более 80% руководящего и преподавательского состава полиэтничного региона.

Анализ отзывов о выпускниках Краснодарского высшего военного училища (военного института) показывает, что более 65% курсантов-выпускников 2006 года и большинство (более 70%) 2007 года по своим морально-психологическим и профессиональным качествам подготовлены к дальнейшей службе. Так, в полученных отзывах мы читаем: «военно-профессиональные качества высокие», «порядочен к сослуживцам и подчиненным», «обладает высокими нравственными качествами», «честен, достоин повышения в службе» и др. Вместе с тем отмечаются и недостатки. Например, «по своим морально-психоло-

гическим и военно-профессиональным качествам занимаемой должности соответствует с большим трудом», «имеются трудности в общении с подчиненным личным составом», «в коллективе отношения с сослуживцами натянутые» и др.

Уровень подготовки курсантов во многом зависит от квалификации и нравственно-патриотических качеств профессорско-преподавательского состава военного училища. Решению задачи по повышению квалификации преподавателей военного училища способствует комплекс мероприятий, проводимых руководящим составом военного училища, учебным отделом, непосредственно кафедрами. Целью является подготовка высокопрофессионального специалиста, человека культуры, способного к мирному сосуществованию, основанному на нравственных и патриотических ценностях, к общению и сотрудничеству с людьми разных национальностей.

Так, Е. В. Бондаревская и О. В. Гукаленко отмечают, что «факторами формирования поликультурного образовательного пространства являются сближение и интеграция различных доктрин образования, национальных образовательных систем на началах совместимости, международного консенсуса в признании универсальных образовательных идеалов и ценностей при обязательном сохранении и поддержке национальных особенностей и приоритетов интегрируемых образовательных систем» [1].

Еще одним направлением деятельности руководящего и преподавательского состава вузов для формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов в условиях полиэтнического региона является создание благоприятных социальных, психологических и педагогических условий учебно-воспитательного процесса [2]. Одна из проблем, по мнению более 70% офицеров (преподавателей) вуза полиэтнического региона, состоит в том, что у руководящего состава всех уровней отсутствует единая концепция формирования нравственно-патриотических ценностей. Обучение и воспитание часто проводятся без учета подготовленности офицеров, нет научно обоснованных требований к качеству педагогической деятельности, выраженных в критериях ее оценки. Отсутствие четкой системы воспитания и согласованности в работе не позволяют реализовать в полном объеме имеющийся потенциал военно-учебного заведения. Представляется правильным придерживаться учения А. В. Суворова, который писал: «Не руки, не ноги, не брэнное человеческое тело одерживает на войне победу, а бессмертная душа <...> потому нужно воспитывать и закалять сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности и всегда было неустрашимо и бестрепетно!» [3].

Изучение и анализ сложившейся вузовской практики свидетельствует, что в военных училищах полиэтнического региона не более 40% профессорско-преподавательского состава имеют академическую психолого-педагогическую

подготовку. Учитывая это, руководству военных училищ и кафедрам необходимо уделять серьезное внимание подготовке командиров, преподавательского состава и офицеров-воспитателей. Как показали итоги социологического исследования, в настоящее время востребованными становятся такие качества личности руководителя, как профессиональная компетентность, порядочность, уважение подчиненных, нравственность, гибкость мышления.

Курсанты военных училищ полиэтнического региона на вопрос: «Какими качествами прежде всего должен обладать будущий офицер?» (874 респондента отвечали на 1 или 2 позиции), ответили: 678 (77,6%) респондентов – высокий профессионализм; 419 (47,9%) – человеческая порядочность; 367 (42%) – уважение подчиненных; 96 (11%) – строгое соблюдение дисциплины; 51 (5,8%) – готовность выполнить приказ.

Приоритетным направлением деятельности руководящего и преподавательского состава вуза является и формирование у военнослужащих правовой культуры и правового сознания, стремления к беспрекословному выполнению приказа, высокой дисциплинированности и исполнительности. Успех в решении этих задач во многом зависит от умения офицеров и прапорщиков работать с курсантами, от их способности сплотить подчиненных в дружный воинский коллектив единомышленников, воспитать патриотов, до конца выполняющих свой воинский долг.

Профессионально значимым качеством руководителя является культура межнационального общения. Проведенное в 2008 году исследование показывает, что в военно-учебных заведениях полиэтнического региона могут обучаться курсанты более 30 национальностей. На вопрос: «Ваша национальность?» из 874 курсантов ответили: 742 (85%) – русский, 131 (15%) – не русский; из 228 экспертов ответили: 198 (86,8%) – русский, 30 (13,2%) – не русский. Так, в каждой учебной группе обучаются от 2% до 25% курсантов разных национальностей: адыги, армяне, дагестанцы, даргинцы, калмыки, лезгины, мордвины, украинцы и др. Необходимо создать научно-обоснованную систему этнопедагогической подготовки профессорско-преподавательского состава к межличностному общению в многонациональных воинских коллективах. Этнопедагогическая подготовка предполагает возрождение в военных училищах народных традиций, овладение специфическими для полиэтнического региона средствами, формами и методами организации общения с курсантами разных национальностей и формирование на этой основе нравственно-патриотических ценностей и культуры межнационального поведения.

Важным для формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ является личный пример воспитателя. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации обязывают начальников всегда и во всем быть примером для подчинен-

ных. К. Д. Ушинский писал, что «влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений» [4].

Воспитать достойного гражданина-патриота может только преподаватель-патриот, обладающий высокими личными достоинствами. К сожалению, на сегодняшний день у нас мало таких воспитателей. Противоречие между уровнем подготовки курсовых офицеров и растущей сложностью воспитательных задач, увы, является не исключением, а правилом.

Несмотря на это более 93% курсантов называют себя патриотами своего Отечества. На вопрос: «Как бы Вы могли оценить уровень патриотизма среди своих сверстников (однокурсников)?» из 874 курсантов ответили: 252 (30%) – высокий, 363 (41,6%) – скорее высокий, чем низкий, 180 (20,6%) – скорее низкий, чем высокий и 79 (9%) – низкий. На вопрос: «Насколько сегодня высок уровень патриотизма среди Ваших курсантов?» из 228 экспертов ответили: 22 (9,6%) – высокий, 80 (35,1%) – скорее высокий, чем низкий, 77 (33,9%) – скорее низкий, чем высокий и 49 (21,4%) – низкий или затруднились ответить.

Руководящему и профессорско-преподавательскому составу военных училищ также необходимо иметь и хорошее знание русского языка. Незнание родного языка, так же как и истории и культуры своего народа, приводит к деформации сознания наций, утрате духовных и нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ.

В ст. 7 Устава внутренней службы отмечается, что «в Вооруженных Силах используется русский язык как государственный». Военнослужащим, слабо владеющим русским языком, предоставляются учебные пособия, выделяется время, создаются особые условия для изучения языка. Так, в Краснодарском высшем военном училище (военном институте) имени генерала армии С. М. Штеменко ежегодно проводится беседа с личным составом специального отделения на тему: «Русский язык как средство международного общения граждан государств СНГ. Культура русского языка».

Командир должен служить примером для своих подчиненных и в том, что касается культуры общения, причем, во всех ее проявлениях: манере поведения, стиле отдания приказов, выполнении воинского приветствия и т. д. Начальник обязан быть для подчиненного «примером тактичности, выдержанности и не должен допускать фамильярности и предвзятости по отношению к нему. За действия, унижающие честь и достоинство подчиненного, несет ответственность непосредственно начальник» [5]. Эффективность межнационального общения с курсантами зависит от педагогического такта, чуткости, умения вовремя прийти на помощь.

Важнейшей формой участия преподавателей в нравственно-патриотическом воспитании кур-

сантов считается и кураторство (наставничество). В задачи кураторства входят изучение индивидуальных качеств, психологических особенностей курсантов, их отношения к учебе и службе; формирование здорового морально-психологического и нравственного климата в подразделениях, укрепление дружбы, войскового товарищества и т. д.

Эффективным направлением деятельности руководящего и преподавательского состава военных училищ является профессиональная переподготовка. Офицеры, не имеющие педагогического образования, не обучающиеся в адъюнктуре и впервые назначенные на должности преподавателей, в течение первого года после назначения на должность в обязательном порядке направляются на профессиональную переподготовку в качестве преподавателя конкретной дисциплины или группы дисциплин.

Основываясь на результатах теоретического анализа и социологического исследования, можно заключить, что в систему подготовки преподавательского состава военных училищ целесообразно включить следующие взаимосвязанные и взаимодействующие в учебно-воспитательном процессе компоненты:

- выработку умений правильно определять цели и задачи, соответствующим образом планировать работу в конкретной ситуации;
- обеспечение профессорско-преподавательского состава методикой изучения нравственно-патриотических ценностей курсантов;
- соблюдение единства теории и практики, системности и последовательности в процессе подготовки профессорско-преподавательского состава;
- составление преподавателями методики работы по межнациональному воспитанию военнослужащих в многонациональном воинском коллективе;
- знание культуры и быта, национальных традиций и обычаев, менталитета представителей разных национальностей;
- изучение дисциплин психолого-педагогического цикла, овладение основами этнопедагогики и этнопсихологии;
- выработку нравственно-ценностной мотивации к межличностному общению курсантов разных национальностей.

С учетом возросших требований времени деятельность руководящего и преподавательского состава военных училищ по формированию нравственно-патриотических ценностей курсантов в полиэтничном регионе должна усложняться, переходить на новую ступень. Важнейшей обязанностью руководящего и преподавательского состава является привитие курсантам морально-боевых, психологических и нравственных качеств, передача своего опыта, забота о духовном уровне курсантов, формирование нравственности, патриотизма, культуры межнационального поведения, оптимальное сочетание общечеловеческих, национальных и нравственно-патриоти-

ческих ценностей, подготовка к выполнению служебных обязанностей в войсках.

Литература

1. Бондаревская Е. В., Гукаленко О. В. Подготовка учителя к осуществлению педагогической поддержки детей-мигрантов в поликультурном образовании. Тирасполь, 2000. С. 19.
2. Костылев С. В. Психолого-педагогические условия эффективной организации процесса

формирования нравственно-патриотических ценностей // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 11. С. 108–112.

3. Суворов А. В. Полковое учреждение. М., 1949. С. 168.
4. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания // Собр. соч. Т. 2. М., 1948. С. 29.
5. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 1994. С. 19.

S. V. KOSTYLEV. PRIOR DIRECTIONS OF SUPERVISING AND TEACHING STAFF'S ACTIVITY OF MILITARY COLLEGES

The main body of the article is given over to analyzing of supervising and teaching staff's activity in formation of moral-patriotic values of cadets in military colleges.

Key words: *teaching staff, tolerance, moral-patriotic values.*

В. М. СИНЬКО, В. А. ПЕТЬКОВ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УЧРЕЖДЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются педагогические основы организации культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования. Дается характеристика сущности ее структуры, критериев эффективного функционирования и подходов к проектированию.

Ключевые слова: *культурно-воспитательная среда образовательного учреждения, уровень воспитанности учащихся.*

Реформирование отечественной системы профессионального образования привело к тому, что наряду с положительными тенденциями – гуманизацией и демократизацией педагогических отношений – отмечаются и негативные: распространение бездуховности, разрушение привычных устоев и идеалов, социальная дезадаптация молодежи [1]. В этих условиях особую значимость приобретают социально-педагогические аспекты воспитания молодежи.

При анализе этого вопроса в рамках педагогической теории и практики можно сделать следующий вывод: педагогические коллективы этих учреждений часто используют старые формы и методы воспитательной работы; организация воспитания в учреждениях начального профессионального образования строится без опоры на ценности современной учащейся молодежи [2]. Таким образом, организация современного воспитания невозможна без использования педагогических принципов средового подхода, обеспечивающего гуманитарную направленность этого процесса, и культурологического подхода, реализующего культурную направленность. Комплексное использование этих подходов позволяет раскрыть педагогический потенциал культурно-воспитательной среды образовательного учреждения.

Культурно-воспитательная среда профессионально-технического училища представляет со-

бой пространство развития учащихся, вбирающее основные параметры их среды (отношения, ценности, символы, вещи, предметы), и включает в себя систему нравственных норм и взглядов, а также форм и методов организации образовательной деятельности, конечной целью которой является достижение высокого уровня воспитания.

Одним из перспективных направлений построения такой среды является педагогическое проектирование культурной и воспитательной деятельности учащихся. В качестве базового в нашем исследовании принято определение В. С. Безруковой, которая под педагогическим проектированием понимает предварительную разработку основных деталей предстоящей деятельности учащихся и педагогов и выделяет в нем три основных этапа:

– педагогическое моделирование (создание модели) – разработка целей создания педагогических систем, процессов или ситуаций и основных путей их достижения;

– собственно педагогическое проектирование (создание проекта) – дальнейшее планирование созданной модели и доведение ее до уровня практического использования;

– педагогическое конструирование (создание конструкта) – прикладная детализация созданного проекта, приближающая его к процессу использования в конкретных условиях реальными участниками воспитательных отношений [3].

Проектирование культурно-воспитательной среды в учреждениях начального профессионального образования основано на соблюдении ведущих принципов профессиональной школы (вариативности, регионализации, непрерывности образования, личностной ориентации, автономности и эффективности социального взаимодействия) и требует разработки теоретического и технологического обеспечения профессионального воспитания будущих специалистов. Данные принципы определяют методологию и психолого-педагогический характер направленности образовательного и воспитательного процесса, разработки и внедрения целевой программы. Их учет позволил соотнести педагогические идеи авторской концепции развития культурно-воспитательной среды профтехучилища со стратегией развития системы профессионального образования в Российской Федерации, определить роль и место культурно-воспитательной среды в воспитании учащихся.

При планировании опытно-экспериментальной работы (2002–2008 гг.) на базе профтехучилища № 58 г. Армавира всесторонне изучались особенности и структурные компоненты организации культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования, а также специфика профессионального воспитания учащихся. Разными формами исследования было охвачено около 1230 чел. Экспертами являлись 48 преподавателей профтехучилищ и руководителей производственных практик на предприятиях г. Армавира.

Мы руководствовались подходом к моделированию личностно ориентированного обучения и воспитания, предложенным Н. И. Алексеевым. Автор выстроил модель с опорой на уникальность и самобытность личности учащегося и на понятие «культурного акта», смысл которого заключается в самосоздании индивидуальности посредством самоутверждения в культуре [4]. Это позволило нам представить алгоритм разработки технологического обеспечения культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования как последовательность проектировочных операций: составление структурно-функциональной модели, построение технологии организации и мониторинг результатов образовательной деятельности.

Эта модель имеет многоуровневую структуру, включающую базовые, функционально-образующие, психолого-педагогические, субъектно-развивающие компоненты культурно-воспитательной среды, т. е. целостные конструкты, связанные в общей системе как горизонтально, так и вертикально. Каждый уровень включает в себя компоненты, раскрывающие интегративный характер культурно-воспитательной среды училища. Модель позволяет схематически представить, уточнить структуру, основные ее системные связи, функции, направления, способы организации культурно-воспитательной среды, пути дальнейшего ее совершенствования.

Технология организации культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования направлена на достижение целей общекультурного и профессионального развития. Алгоритм проектировочных действий включает в себя определенную последовательность этапов: предпроектный, формирование образа проектируемой среды, программирование и планирование проектной деятельности, реализация проекта, рефлексивный и постпроектный этапы.

Педагогический мониторинг является способом получения информации о результативности образовательной деятельности. Он включает отслеживание и анализ динамики развития культурно-воспитательной среды по базовым параметрам: содержательность, насыщенность и интенсивность, включенность и активность ее субъектов, целостность и управляемость, психологический комфорт, доминантность, когерентность, социальная активность, мобильность и устойчивость образовательной среды.

Обобщение исследовательских работ в области организации образовательных пространств начальной профессиональной школы позволило выявить группу факторов, влияющих на развитие среды личностно-профессионального становления учащихся: макрофакторы (региональное и муниципальное образовательное пространство); мезофакторы (инфраструктура учебно-профессионального комплекса образовательного учреждения); микрофакторы (готовность преподавателей к инновационной деятельности в культуросообразном образовательном пространстве, а также физическое окружение, персональное и межличностное пространство учащихся, программно-методическое обеспечение начальной профессиональной школы).

Выявленные факторы и трудности в организации профессионального воспитания и обучения при исследовании опыта работы профтехучилищ Краснодарского края послужили основой для создания комплекса педагогических условий, обеспечивающих успешность развития культурно-воспитательной среды учреждения начального профессионального образования. Этот комплекс включает в себя:

- обеспечение ориентации образовательно-воспитательного процесса училища на развитие общекультурной и профессиональной воспитанности;
- разработку и реализацию программы общекультурного и профессионального воспитания учащихся;
- включение учащихся в деятельность, способствующую усвоению профессиональных, общекультурных и этнически обусловленных норм и традиций;
- оказание учащимся педагогической поддержки, обеспечивающей формирование установки на культурное и профессиональное самовоспитание и саморазвитие;

– совершенствование индивидуальных и коллективных форм воспитательной работы с учащимися;

– развитие проектно-организационной компетентности педагогического коллектива в воспитательной деятельности;

– сотрудничество и педагогическое взаимодействие училища с другими социальными институтами.

Анализ динамики критериев, показателей удаленности образовательной среды и ее оценок за период эксперимента свидетельствует об имеющихся потенциальных возможностях совершенствования и перспективах развития образовательного процесса в профтехучилище.

Выполненное исследование дает основание считать, что полученный материал раскрывает некоторые аспекты проблемы проектирования культурно-воспитательной среды современного

учреждения начального профессионального образования. Оно перспективно для обогащения этнокультурным содержанием многоуровневой системы профессионального образования, выявления механизмов преемственности воспитательного процесса, выработки авторской модели и технологии в учреждениях различного типа.

Литература

1. Беляева А. П. Концептуальные основы развития начального профессионального образования. СПб., 1995.

2. Дьяченко Н. Н. Профессиональное воспитание учащейся молодежи. М., 1998.

3. Безрукова В. С. Педагогика: Проективная педагогика. Екатеринбург, 1996. С. 334.

4. Воспитательная работа в новых условиях (опыт учреждений профессионального образования). М., 2003.

M. SINKO, V. A. PETKOV. THE PROJECTING OF CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE PRIMARY PROFESSIONAL EDUCATION INSTITUTION

The article deals with the pedagogical organizational base of the professional cultural and educational environment in the institution of primary vocational training. The description of its structure as well as the criteria of its effective functioning and approaches to the designing is given.

Key words: cultural environment of educational institution, level of students' breeding.

Т. Н. КУРИЦЫНА

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ

Статья посвящена тенденциям формирования новых педагогически продуктивных технологий при обучении студентов-менеджеров. Автор особо подчеркивает необходимость ориентации на формирование профессиональных навыков в учебном процессе.

Ключевые слова: продуктивное обучение, педагогическая технология, принципы ценностной ориентации знаний.

Педагогика XXI века, подталкиваемая технологизацией и рыночными отношениями, выбирает в качестве приоритета ориентацию на технологичность в обучении. Сущность педагогической технологии как всеобъемлющего многостороннего явления определена Ассоциацией по педагогическим коммуникациям и технологиям развития высшего образования. Потребности в определенном качестве образования требуют принципиально новых подходов к технологии обучения, особенно по таким сравнительно новым специальностям, как менеджмент.

Принципиально важным, как утверждает Э. М. Коротков [1], является переход от прежней схемы предметно-информационного типа образования к образованию профессионально-деловому, от образования констатирующего – к образованию опережающему и перспективному, от образования репродуктивного – к образованию креативному.

Процессы специальной подготовки должны при формировании необходимых навыков учитывать пути, готовящие выпускников вузов к эффективной профессиональной деятельности. В связи с этим возникает следующая проблема относительно технологии образования менеджеров: современный специалист должен быть способен разрабатывать стратегии поведения в различных рыночных ситуациях, уметь предвидеть и понимать поставленную перед ним задачу и составлять логичный план действий. Для этого необходимо практически осмысливать проблему, моделировать ситуации при помощи деловых игр, получать знания не только из уст преподавателя, а из совместной деятельности учебной группы, из постановки и анализа задач. Для менеджера крайне важны навыки принятия управленческих решений, поэтому столь актуальны в процессе обучения деловые игры, анализ кейсов, т. е. арсенал новых педтехнологий.

По существующим определениям, педагогическая технология – это комплексный, непрерывный процесс, охватывающий людей, идеи, средства и способы организации деятельности по анализу проблем и планированию, обеспечению, осуществлению и руководству решением проблем, относящихся ко всем аспектам усвоения знаний.

Педтехнологии можно рассматривать и как ставящий своей задачей оптимизацию форм образования системный метод создания, применения и определения процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействий.

Организация технологий образования отражает потребность в интенсификации формирования профессионализма, использовании коммуникативных методов освоения профессии и социально-деловых отношений.

В связи с этим можно сформулировать ряд принципов построения современных технологий образования.

Принцип *ценностной ориентации* знаний предполагает стратегию обучения, при которой профессиональные знания формируются не при передаче информации, а при стимулировании интеллекта; они концептуально оформляются и преобразовываются в профессиональном сознании.

Принцип *неформального образования* способствует развитию индивидуальности и творческого мышления, предполагает не прямое интеллектуальное воздействие на студента, а опосредованное, через его интересы, способности и т. д.

Принцип *коллективно-обучающей деятельности* можно считать самым актуальным для специфики обучения менеджеров: он стимулирует развитие навыков сотрудничества в команде, умения ее формировать и следовать общекомандным установкам и целям.

Принцип *регулирования качества образования* предполагает контроль качества обучения и многокритериальную оценку особенностей формируемого профессионализма (характер знаний, тип мышления, личностные установки, обретение индивидуальности, творческий потенциал и др.).

В отечественной педагогике понятие «продуктивное обучение» появилось в 1993 году с момента создания академиком М. А. Башмаковым института продуктивного обучения.

Особенностью продуктивной педагогики является профессиональная направленность обучения. Главная новация этой разновидности технологий – усиление роли практики, а основная цель – увеличение времени активной тренировочной работы каждого студента. Как утверждает исследователь И. П. Подласый [2], в условиях высокой концентрации внимания и активности при большом объеме самостоятельных упражнений коэффициент усвоения может достигать 90% и более.

Выбор характера педтехнологии определяется структурой знаний, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Поэтому сейчас приоритетными становятся технологии, которые формируют не только профессиональные знания, но и профессиональное мышление: умение видеть проблему, исследовать ее, выбирая оптимальное решение, и является признаком профессионализма. Особую роль в этом процессе играет управление качеством технологии образования, которое заключается в проектировании различных технологий за счет варьирования компонентов.

Литература

1. Коротков Э. М. Управление качеством образования. М., 2006. С. 176–179.
2. Подласый И. П. Педагогика. М., 2008. С. 263.

T. N. KURITSYNA. MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING THE STUDENTS-MANAGERS

This article describes the tendencies of forming the new pedagogically productive technologies in teaching the students-managers. The author places an emphasis on the necessity of forming the professional skills in the study process.

Key words: *productive teaching, pedagogical technology, principles of value system of knowledge.*

И. В. АРЦИМОВИЧ

АДАПТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР СКЛОННОСТИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Изучается фактор склонности к девиантному поведению. Осуществлен анализ процесса социализации личности, ее поведенческих паттернов.

Ключевые слова: *адаптированность, дезадаптированность, девиантное поведение, социализация.*

Современная психология изучает природу и внутренние закономерности человеческой индивидуальности, ее бытия в мире, в том числе и факторы склонности к девиантному поведению – поступкам и действиям, не соответствующим общепринятым нормам. Симптомы общесистемного кризиса российского общества повысили актуальность изучения данной проблемы. Возникла необходимость более тщательного исследования причин и форм отклоняющегося поведения, его динамики. Ведется поиск эффективных профилактических, коррекционных, реабилитационных и других мер социального контроля применительно к подростковому возрасту. Этот переходный период жизни человека и определяет в большинстве случаев отклонения в поведении, общении, деятельности. Формы девиаций различны: аддиктивная, деликвентная, мелкое хулиганство, аутоагрессивная и т. д.

В отечественной психологии существуют разные подходы к изучению и пониманию данного феномена (Ю. А. Клейберг, М. И. Рожков, Е. В. Змановская и др.). Криминальная психология рассматривает правовой и профилактический аспект девиантного и деликвентного поведения подростков (А. В. Баженов, Е. Г. Зигун и др.). Медицинская психология занимается изучением принципов аддиктивного поведения и психопатических отклонений в развитии вплоть до клинических аномалий. В педагогической психологии ряд работ направлен на выявление детерминант девиантного поведения, возможностей профилактики, коррекции и реабилитации (И. С. Кон, В. Е. Каган, Б. М. Алмазов, Н. Ю. Максимов и др.).

Как свидетельствуют результаты исследований (Ю. А. Клейберг, А. Е. Личко, В. В. Гульдман, Е. В. Змановская и др.), основу генезиса девиантного поведения составляют следующие внешние и внутренние факторы:

– социальные – обусловленные нестабильностью общества, отсутствием позитивных социальных и культурных традиций, снижением качества жизни, высоким уровнем миграции;

– социально-психологические – связанные с ослаблением связей в семьях, общественных корпорациях и группах, с отсутствием должной организации досуга и т. д.;

– психологические – указывающие на незрелость личности, слабое развитие эмоционально-волевой сферы, низкий уровень сознания и самосо-

знания, неадекватно сформированный образ «Я», недостаточный интеллектуальный багаж и др.;

– психофизиологические – к которым относят психопатии и акцентуации характера, неврозы, минимальные мозговые дисфункции, задержку умственного развития (ЗУР) и задержку психического развития (ЗПР), нейропсихофизиологические отклонения и т. д.

– биологические – обусловленные генетической наследственностью, которая отягощает социальную адаптацию [1].

Следует отметить, что в литературе по психологии и педагогике данная проблема решается неоднозначно.

Мы исходим из того, что поведение представляет собой процесс взаимодействия среды и личности, опосредованный ее индивидуальными особенностями и внутренней активностью, но выраженный в форме преимущественно внешней (поступки человека). В первую очередь следует отметить, что поведение человека социально обусловлено – оно формируется и реализуется в обществе. Другой важной особенностью поведения является то, что оно тесно связано с речевой регуляцией и целеполаганием.

Развитие личности – это освоение общественно выработанных способностей: каждое новое поколение овладевает такими способностями, осуществляя себя в деятельности, адекватной опыту предшествующих поколений, который задан как результат и практика самореализации. Действенная выработка программ человеческого поведения происходит только в определенной среде – путем практического воспроизведения ее опыта, в процессе социализации (посредством обучения и воспитания с опорой на психологические механизмы).

В ходе онтогенетического развития ребенок подражает действиям окружающих его людей, пытается тем самым выразить себя как личность. В том, какие средства самовыражения и как именно употребляет он в собственном опыте, сказывается его индивидуальность. И справиться с комплексом проблем социального, психологического, педагогического характера, безусловно, помогают общая воспитанность человека, его мировоззрение, установки, мотивы, ценностные ориентации.

Действия и поступки составляют ценностно-нормативный комплекс – своего рода образец, модель, паттерн социального поведения, фор-

мируемый по определенным закономерностям. Исходной формой является внешняя материальная деятельность (любой вид социального опыта усваивается через адекватную ему практику). Процесс усвоения всех видов опыта проходит те же этапы, что и овладение интеллектуальными знаниями и умениями.

В ходе воспитания и обучения ребенок осваивает «азбуку» морали и поведения, начиная с внешних, отчасти принудительных, форм. Постепенно требования становятся ориентировочной основой поведения ребенка и в моменты, когда его никто не контролирует и не наказывает за нарушения. Выступая вначале как внешние (исходящие от окружающих), «слова-приказы» (определение Л. С. Выготского) становятся требованиями по отношению к самому себе. Однако слова-приказы принимаются человеком как значимые, только если они имеют личностный смысл и совпадают с его точкой зрения на правила отношений с другими людьми. В противном случае подобная форма принуждения не воспринимается индивидом как желаемая.

Личное принятие ориентировочной основы выполняемых действий составляет специфическую особенность усвоения морального опыта и формирования адекватных форм поведения. Опираясь на позицию Е. В. Змановской, эти формы можно описать посредством следующих общих характеристик:

- мотивированность – внутренняя готовность действовать, направляемая потребностями и целями личности;
- адаптивность – приспособление к ведущим требованиям социальной среды, способность индивида к адаптации;
- аутентичность – соответствие поведения человека его индивидуальности, естественности;
- продуктивность – результативность реализации сознательных целей;
- адекватность – согласованность с конкретной ситуацией.

Не менее важными с точки зрения автора являются и такие признаки поведения, как:

- уровень активности (энергичность-инициативность);
- эмоциональная выразительность (интенсивность проявления аффектов);
- динамичность (темп);
- стабильность (постоянство проявлений в ситуациях и во времени);
- осознанность (степень понимания своего поведения, способность объяснять его словами);
- произвольность / произвольность (наличие самоконтроля);
- гибкость (изменчивость поведения в зависимости от ситуации).

Поведение человека выступает, с одной стороны, внешним выражением его внутреннего мира, всей системы его жизненных установок, ценностей и идеалов, а с другой – определяется уровнем адаптированности. Раскрытие механизмов адап-

тации в условиях интегральных психологических трансформаций дает не только ключ к пониманию новых форм отношений человека с обществом, природой и самим собой, но и возможность прогнозировать психическое развитие и типы активности индивида.

Основополагающая функция психики, адаптация при успешном ее протекании оптимизирует жизнедеятельность, а в противном случае усложняет условия существования. Адаптационные возможности проявляются на всех уровнях функционирования (организмическом, психологическом, социальном) и обнаруживаются во всех модусах человеческого бытия (индивидуальном, личностном, деятельностном, коммуникативном, когнитивном). На организмическо-психологическом уровне механизмы адаптации, выработанные в процессе эволюции общества, позволяют человеческому роду выжить биологически. В процессе адаптации достигается оптимальное функционирование не только всех систем «организма». Сбалансированность отношений «человек – среда» позволяет поддерживать социально-психологические основы функционирования человеческого сообщества.

Изменения в социальном, культурном, предметном, природном окружении ставят психологов перед необходимостью изучать адаптацию как поиск личностью необходимых ей способов самораскрытия. Это отмечают Г. А. Балл, Е. В. Виттенберг, Е. К. Завьялова, А. Г. Маклаков, С. Т. Посохова и другие отечественные и зарубежные специалисты. Это прежде всего заставляет признать индивида способным к обретению собственной стратегии взаимодействия с обновляющейся реальностью. Базисом данного подхода является постулат о потребности человека в самости (самопознание, самоотношение, самоприятие), в самореализации, самовыражении, актуализации личности субъекта.

Одной из актуальных проблем является исследование влияния адаптивности на уровень адаптированности (эффективное приспособление индивида к условиям окружающей действительности) или дезадаптированности (результат девиантности).

Судьба человека во многом зависит от уровня его адаптивности, т. е. врожденной или приобретенной способности к адаптации. В. И. Гарбузов относит к врожденным основам адаптивности инстинкты, темперамент, конституцию, эмоции, уровень одаренности, специальные способности, половую принадлежность, физическое состояние организма. Приобретенными основами адаптивности он считает формирующиеся или сформировавшиеся личностные особенности, ориентации, иерархию ценностей, цели, потребности, притязания и т. д. [2].

Если врожденные особенности индивид получает генетически, то приобретенные – в процессе социализации. С одной стороны, они зависят от обучающих и воспитывающих воздействий об-

щества, от специфики образовательного и жизненного пространства, включая фоновые факторы (СМИ, коммуникация в составе социальных групп и т. д.). С другой – от внутренних индивидуальных потенций и способности субъекта усваивать, перерабатывать, использовать и осмысливать информационный поток.

Индивидуально важно отразить получаемую информацию и при когнитивной переработке выбрать приемлемые для него варианты и способы действий. Результаты этого проявляются прямо и косвенно: в вегетативных и поведенческих реакциях, действиях, поступках, движениях, в выражении эмоций и многом другом, визуально наблюдаемом окружающими людьми. Решение действовать тем или иным образом (индивидуальный поведенческий паттерн) определяется имманентными факторами: направленностью и индивидуально-психологическими свойствами, уровнем развития самосознания, особенностями эмоционально-волевой сферы личности, степенью сформированности образа «Я».

Другими словами, адаптивность – это потенциальные возможности и способности, которые определяют успешность или неуспешность протекания адаптации (в частности, и социально-психологической). В реальности адаптированность личности выступает как степень фактического приспособления человека к его социальному статусу и проявляется через самоощущения (удовлетворенность либо неудовлетворенность человека своей жизнью). При высокой или нормальной адаптивности человек достаточно легко, быстро и эффективно приспосабливается к окружающей среде. Напротив, признаки дисгармонии проявляются как дезадаптивное поведение.

К критериям, определяющим эффективность адаптивности, мы относим активность и высокую работоспособность, выносливость, благоприятные психофизиологические данные (тип конституции, тип высшей нервной деятельности, врожденный уровень интеллекта), стрессотолерантность, благополучный социальный статус, психическое и физическое здоровье, удовлетворенность жизнью, выполняемой деятельностью и т. д.

Человек – биосоциальное существо, наделенное сознанием, высшими психическими функциями, способное создавать и использовать орудия труда, заниматься общественно-полезной деятельностью. В свете теории деятельности феномен адаптивности / неадаптивности определен В. А. Петровским как состояние активности, выявляющее соответствие / несоответствие между целями и результатами действий человека. Адаптивность выражается в согласовании, а неадаптивность – в рассогласовании целей и результатов. Ученый указал на то, что неадаптивность человека (проявление негативных форм) отражает противоречивые отношения между намерениями и итогами действий, замыслом и воплощением. Данные противоречия неизбежны. Если человек достигает меньшего, чем хотел (цель не

достигнута), действие продолжается в заданном направлении; если результаты превосходят намеченную цель, активность может быть оценена как избыточная по отношению к задаче.

Адаптивность / неадаптивность как феномен социализации определяется системой внешних по отношению к личности факторов. Так, в сфере педагогической деятельности и общения неадаптивность приводит к тому, что результаты намеченных мероприятий зачастую не соответствуют прогнозам и предварительным расчетам. Например, педагог ставит перед воспитанником цели и задачи, которые, на его взгляд, должны привести к позитивным результатам; а действительность не дает ожидаемого.

Неадаптивность нередко определяют как особый поведенческий мотив, направляющий развитие личности: человек предпринимает действия с неопределенным исходом. Такие пограничные ситуации мотивированы в сферах познания (известное / неизвестное) и творчества (возможное / невозможное), они создают атмосферу риска (благополучие / угроза), игры (воображаемое / реальное) и актуализируют при контактах между людьми проблему открытости / закрытости участников общения. Перечисленные моменты суммируются в оценке поведения (адекватное / неадекватное, нормативное / ненормативное).

При работе с детьми и подростками одной из основных задач таких специалистов, как детский-подростковый психотерапевт и практический психолог, является помощь в приобретении качеств нормальной адаптивности (и достаточной адаптированности).

Адаптивность человека формируется всю жизнь. Даже пребывание в детском саду и учеба в школе – испытание этого качества. Кроме того оно проверяется неблагоприятными природно-климатическими условиями, экстремальными ситуациями – при преодолении трудностей, конкурентной борьбе и пр. Лучший тест на уровень адаптивности – сама жизнь.

Итак, индивид может быть гармоничен и адаптирован либо дисгармоничен и дезадаптирован. Дезадаптация в большинстве случаев имеет психосоматическую подоплеку и протекает в трех формах: невротической (неврозы), агрессивно-протестной (или капитулятивно-депрессивной) и психосоциальной. В их симптоматику входят конфликтность, агрессивность, депрессивность, склонность к уходу от социальных контактов и др. Дезадаптация влечет за собой девиантность.

Иерархия потребностей и ценностей, определяющая смысл жизни человека, его отношение к себе и окружающим, самооценку и социально-статусные качества, как и врожденные особенности натуры, влияет на эффективность процесса адаптации, определяя тем самым адаптивность и адаптированность. На наш взгляд, исследования в данном направлении позволяют решить следующие задачи:

– раскрыть проблемы адаптации и определить их причину;

– охарактеризовать адаптивность как способность к построению продуктивных стратегий поведения;

– разработать необходимую для девиантологии концепцию возникновения дезадаптивности, определяющую виды и динамику протекания тех или иных поведенческих отклонений, в частности, в подростковом возрасте;

– прогнозировать кризисные моменты поведения личности еще на этапе раннего онтогенеза и проводить соответствующую психолого-педаго-

гическую деятельность, направленную на профилактику и коррекцию стратегий поведения несовершеннолетних.

Литература

1. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2001; Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2006.

2. Гарбузов В. И. Практическая психотерапия. СПб., 1994.

I. V. ARTSIMOVICH. ADAPTABILITY AS A FACTOR OF INCLINATION FOR DEVIANT BEHAVIOR

The article deals with the adaptability as a factor of inclination for deviant behavior. The analysis of the process of person's socialization behavior is carried out.

Key words: *adaptability, inadaptability, deviant behavior, socialization.*

Проблемы мировой и региональной истории

Д. В. СЕНЬ

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ КОНЦА XVII ВЕКА

Приводятся новые факты из истории казачьих сообществ, проживавших на берегах рек Кума и Аграхань (Восточный Кавказ).

Ключевые слова: казачество, старообрядчество, переселение, Тарковское шамхальство.

Для основного числа казаков, вытесненных Россией с Дона [1], 1692 год был последним по времени пребывания на Куме и Аграхани. В этот период не произошло существенного снижения их активности: по-прежнему укреплялись связи различных центров казачьих сообществ Кавказа. Например, 18 сентября 1692 года к аграханским казакам вернулись их посланцы из Крыма, а также и «кубанские казаки <...> которые живут на реке Кубане», и «хотели их проводить до Крыму» [2].

Казаки вели речь о необходимости уходить с Восточного Кавказа на Кубань: в дальнейшем покровительство шамхала становилось для них опасным, хотя русские не имели планов нанести удары по казачьим городкам на Куме и Аграхани. Голова астраханских пеших стрельцов Д. Сербин, как следует из его отписки князю П. И. Хованскому с «товарищи» (от 21 сентября 1692 г.), был послан по указу царей к княгине Т. С. Черкасской на Терек, а также к тарковскому шамхалу, чтобы вместе с ним «чинить промысел» над «воровскими казаками» [3].

Итак, казаки-аграханцы решили ускорить свое отступление на Кубань. Они покидают городок, но на реке Сунже их настигает отряд кумыкских мурз из Эндери (кумыкского владения в Северном Дагестане), действующий при участии чеченцев [4]. Известно, что указание – пресечь бегство казаков – им отдала княгиня Черкасская.

Автор обнаружил документы, согласно которым среди преследователей казаков находились не только подчиненные Муртазалея-мурзы, но и «шевкаловы люди» [5]. Как нам представляется, эти источники помогут подтвердить прямое участие самого шамхала (Будай-шевкала) в указанных событиях [6]. 4 сентября он писал воеводе Хованскому, что «воровских казаков <...> на Аграхани реке осадил». Вследствие этого (по тому письму) воевода и отправил «своего столника и воеводу Ивана Григорьевича Волкова <...> морем в судах с пешими полки, да столника и полковника Григорья Кохановского с конными стрельцы» [7]. Подчеркнем, что воевода особенно надеялся на помощь шамхала в поимке и доставке в Астрахань атамана Левки Маноцкого (Маньцкого) с товарищами.

Аграханские казаки, получив сведения о готовящемся против них походе, форсировали свое

перемещение на Кубань, вследствие чего план по их разгрому претерпел существенные изменения.

Нами выявлен ряд совпадающих по времени фактов: нельзя не обратить внимания на датировку писем. Письмо шамхала помечено датой 4 сентября 1692 года. Царский указ выступить против аграханских казаков, адресованный Волкову, датирован 7 сентября того же года. Следовательно, можно вести речь об изменении ситуации вокруг аграханской общины, положение которой действительно стало шатким.

Сунженское поражение аграханцев было сокрушительным: в плен попали не только казаки, но и члены казачьих семей. Источники расходятся в оценках численности тех, кто сумел уйти на Кубань. По сведениям Ф. Молчанова, бежавшего морем к И. Волкову, «пошло де было их казаков с Аграхани-реки всех человек с полтора ста, а ушло де их казаков человек с сорок» [8]. Эта цифра близка сведениям Д. Сербина, который указал численность бежавших немногим более 30.

В. Г. Дружинин вполне логично полагал, что для такого количества спасшихся незачем было позже строить на Кубани целый городок, по его предположениям примерное число беглецов составляло около 200 [9]. Мы считаем, что осенью 1692 года Аграхань покинули главные силы казаков (т. е. несколько сотен человек во главе с их лидером Л. Маньцким). Недаром и против них вышло войско немалое – не менее 450 одних только ратников из Астрахани, общее число воинов было еще больше [10].

К осени 1692 года аграханская община казаков территориально (как группа в пределах городка) свое существование прекратила. Кумскую общину постигла та же участь, хотя она продолжала действовать несколько дольше, чем «аграханский центр». О позднейшей судьбе этих средоточий кавказских казаков ученым почти ничего не известно. Однако несколько довольно любопытных документов недавно обнаружено в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Это отписка царицынского воеводы Р. Вельяминова-Зернова (июнь 1694 г.), где сообщалось о нападении близ «Большеклеевского водворота» на рыбный струг саратовского стрельца П. Гулина отряда татар, калмыков и «куминских казаков» [11]. Другой примечательный документ

повествует, предположительно, о старообрядческом следе в истории казаков Кавказа. Осенью 1694 года терский толмач Т. Кучумов, посланный к Тарковскому шамхалу, привез важные сведения. В частности, он сообщал, что видел у него «воровских аграханских казаков <...> человек з двадцать и болши», а также нескольких чернецов и трех стариц (вероятно, оказавшихся там не без содействия казаков) [12].

Мы считаем, что в данном случае пребывание казаков у шамхала вряд ли было вынужденным и недобровольным. Ведь, общаясь с Кучумовым, они хвалились «делать морские струги и выезжать для воровства на море». История «аграханского центра» сыграла свою роль не только в судьбе казаков, плененных на Сунже, но и аграханских – добровольно, по-видимому, перешедших на Терек в 1691–1692 годах [13].

В итоге какая-то часть казаков была сослана в Сибирь, в далекий Кольский острог (впрочем, позже они сумели сбежать). В феврале 1695 года воевода И. А. Мусин-Пушкин сообщал черныярскому воеводе С. К. Дмитриеву о бегстве из Пустозерского острога казаков Я. Федорова, П. Юрьева, К. Иванова и Семенова [14]. Остается вопрос, почему заключенных переместили из одного острога в другой? Перед нами не рядовые участники событий, а «пушие заветчики к воровству», возмущавшие, оказывается, даже «свою братью» – аграханских казаков. В ссылку на «вечное житье» они были отправлены из Москвы, где наказавшие их проявляли беспокойство, как бы беглецы не оказались в низовых городах или на Дону. По инструкции, присланной Мусину-Пушкину из Москвы, указывалось «чинить розыск» казаков. Мусин-Пушкин, в свою очередь, повелевал черныярскому воеводе следить за возможным появлением беглецов, в случае обнаружения схватить их и «за караулом» доставить в Астрахань.

Еще меньше в историографии до сих пор было сведений о казаках-аграханцах, попавших на Терек.

Оказывается, часть пленных появилась здесь, будучи прислана к терскому воеводе Нарбекову [15]. Может быть, как раз о казаках, добровольно перешедших на Терек ранее, сообщается в документе за май 1693 года, который содержит следующее уточнение: «бывшие челом в своих винах и в таком случае прощенные». Из бумаги ясно, что к тому времени аграханские казаки проживали в городках гребенских. Ситуацию с их дальнейшим пребыванием там осложнило требование из Москвы прислать на Терек «пущих заводчиков». Этот приказ повлек за собой ожесточенные споры на войсковом круге [16]. Власти особенно интересовались выдачей атамана Гараски с товарищами. В итоге гребенцы взяли его, а также трех старцев на поруки, причем поручились за них пять казаков. Но вскоре Гараска со старцами сбежал, как полагали, в Крым либо на Кубань к таким же «воровским казакам».

Возможна и иная трактовка обстоятельств появления на Терек группы «аграханцев», фигури-

рующей в документе, ведь часть казаков, как мы уже отмечали, попала в плен на Сунже и была «прощена» на месте воеводой И. А. Мусиным-Пушкиным. Сам воевода писал, что казаков, «похотевших» быть под государевой рукой, он отпустил на Терек к Нарбекову [17].

Рассмотрим вопрос о лицах духовного звания, находившихся среди аграханских казаков, которые покинули городок в 1692 году и ранее. Отметим, что так же поступали старцы из кумской общины. Например, в челобитной (1700 г.) бывшего игумена Валуйского Успенского монастыря Аарона патриарху Адриану упоминаются несколько «роколщиков»: Верхнего Чира поп Микита, черные старцы Сергей, Фералонт, Онуфрий. Живя на Дону, Аарон уточнял: «И прежде сего тому лет с десять с куминскими такими же роколщики он, поп Микита, и старец Сергей с товарищи, от своего такова возмущения и роколу, видя свою вину, бегали на Куму реку и паки пришли на Дон возмущать» [18]. Имели место случаи ухода старцев с Кавказа и вместе с аграханскими казаками: так, например, поступили два старца (Закхей и Ефросин), отданные в итоге «под начало» астраханского Троицкого монастыря. Но в августе 1696 года старец Закхей сбежал, намереваясь вновь попасть к шамхалу. И, не разобравшись, доверился людям из числа гнавшихся за ним. Этот старец убеждал преследователей, что был увезен казаками от шамхала «неволею», и что в случае отправки его на Кавказ шамхал заплатит за него 100 руб. [19].

Наибольший интерес представляют распросные речи самого Закхея, которые проливают свет на историю отношений между группами казаков Западного и Восточного Кавказа в конце XVII века. После неких событий (из контекста документа не ясно, происходили они на Дону или на Восточном Кавказе) Закхей вместе с атаманом Сенькой и с «иными казаки» перешел на Кубань, откуда Сенька вскоре ушел на Дон. Сам Закхей остался «у кубанских казаков и жив на Кубани зиму, перешел <...> по прежнему на Аграхань и <...> на ней на Аграхане реке <...> священства ничево не действовал» [20]. Через какое-то время здесь появился некий казак Сенька, сообщивший Закхею, что цель его приезда – добиться от местных казаков (в том числе и своих «знакомцов») раскаяния и возвращения. На допросе, повествуя о тех событиях, Закхей пытался представить себя советчиком Сеньки, подтолкнувшим его к указанной цели. В итоге Сенька сумел расположить к себе часть аграханцев, избравших его атаманом. Сенька возглавил часть из них и увел на Терек, после чего бывшие аграханцы, «пришед, принесли великому государю вины свои» [21]. Вероятно, Сенька действовал аналогично и под началом кого-то из царских воевод, возглавлявших лояльную к Москве верхушку Войска Донского.

Впоследствии Москва прибегла к новым репрессиям по отношению к «бывшим» аграханцам (см. вышеописанный эпизод с «атаманом Гараской»). Это вызвало реакцию гребенцов и

еще более острую – самих казаков, выходцев с Аграхани: новое бегство на Северо-Восточный Кавказ. Так случилось уже в 1694 году, когда терские казаки перешли к Будай-шамхалу, вскоре разбив каких-то подконтрольных России «улубных людей» [22]. Подчеркнем, что эти действия казаков снова вызвали осложнения между шамхалом и российской стороной.

Вскоре после описанных событий астраханский воевода Мусин-Пушкин пишет послание шамхалу, до этого признавшему власть царя, требуя тотчас наказать разбойников. «Которые у тебя живут воры и расколщики казаки <...> заковав, прислать по-прежнему в Астрахань и на море их воровать не отпускать и своих людей с ними не посылать» [23]. Одно из самых поздних по отношению к 1692 году на настоящий момент из известных упоминаний об аграханских казаках относится к 1700 году. Это значит, что часть казаков продолжала оставаться на Восточном Кавказе до конца XVII века.

В начале 1700 года Мусин-Пушкин предлагал новому тарковскому шамхалу Игирею выслать свои войска против эндереевского Муртузалея-мурзы, укрывавшего у себя «воровских казаков» – беглецов из Астрахани и с Дона на реку Аграхань, которые нападали на торговых русских и «шаховых» людей [24]. Как видим, в тексте документа говорится о донских казаках и о «ворах» из Астрахани, перешедших на Аграхань и грабивших купцов. По другим источникам ясно, что и в 1703 году Муртазалея-мурза стал «со многими пожитками на Дон и на Кубань подзывать воровских казаков и мусулман для воровского вымысла к себе во владении» [25].

Таким образом, анализ документов, вводящих неизвестные ранее факты в общую картину адаптации казаков на Кавказе (в том числе на Северо-Западном, во владениях крымского хана) позволяет по-новому взглянуть на историю казачьих сообществ Кумы и Аграхани после 1692 года. Приведенные документы свидетельствуют о нежелании подавляющей части донских казаков, вытесненных на Восточный Кавказ, возвращаться на Дон; об их готовности здесь остаться, разделявшейся и старообрядцами. Сообщества Кумы и Аграхани сыграли немалую роль в долговремен-

ных позитивных отношениях казаков Кубани с крымскими ханами.

Литература и источники

1. Сень Д. В. «Нам тут на Аграхани жить не тесно...»: из истории начального освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5 (37).
2. Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI–XVII в. М., 1997. С. 256.
3. Там же. С. 256.
4. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5. Док. № 215.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН). Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 2.
6. Архив СПБИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12349. Л. 1.
7. Там же. Д. 12320. Л. 1.
8. Там же. Д. 12319. Л. 1.
9. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889. С. 211–212.
10. Архив СПБИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12316, 12317.
11. Там же. Д. 12589.
12. Там же. Д. 12703. Л. 2.
13. Боук Б. М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 33.
14. Архив СПБИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12862. Л. 1–2.
15. Там же. Д. 12349. Л. 4.
16. Там же. Д. 12350. Л. 2.
17. Там же. Д. 12754. Л. 6.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1137. Л. 6.
19. Архив СПБИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13159. Л. 2–3.
20. Там же. Д. 13158. Л. 1.
21. Там же. Л. 2.
22. Там же. Д. 12754. Л. 6.
23. Там же. Л. 9.
24. Там же. Д. 14181. Л. 1–2.
25. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1. С. 205.

D. V. SEN. NEW SOURCES OF COSSACKS' HISTORY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE END OF XVIIth CENTURY

New facts concerning the history of Cossacks' communities living on the banks of the Kuma river and the Agra-khan river are given.

Key words: *the Cossacks, the old Believers, migration, Tarkovsky Shamkhaldom.*

В. И. КОЛЕСОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (XIX–XX вв.)

Автор рассматривает исторические судьбы сообществ горских греков Северо-Западного Кавказа на протяжении более чем полутора веков, выделяет параметры идентичности, являющиеся социальными границами этнической общности.

Ключевые слова: трансформация идентичности, горские греки, Северо-Западный Кавказ, симбиоз.

В современной этнологической науке изучение этничности занимает важное место. Дискуссия о факторах, определяющих данный феномен, не прекращается до сих пор. На передний план выдвигаются концепты этнической границы, форм групповой идентичности и т. д. [1]. На наш взгляд, важно рассмотреть трансформацию этнической идентичности не только как формирование представлений о том, что есть данная группа, но и как изменение ее дефиниций, а также выявить роль властных структур в этих процессах. В этом смысле показательны исторические судьбы горских греков Северо-Западного Кавказа.

Горские (закубанские) греки – исчезающая этноконфессиональная адыгоязычная общность. До сих пор дискуссионными остаются вопросы происхождения данной группы, времени ее появления на Северо-Западном Кавказе, сохранения религиозной (этнической) идентичности [2]. Их самоназвание «урым» восходит к понятию «римлянин», «византиец» и одновременно обозначает этническую характеристику – грек, а также религиозную принадлежность (адепт православной греческой восточной церкви). Современный вид эта общность начала обретать с первых десятилетий XIX века в период активных контактов закубанских жителей с российскими подданными. Именно такого рода взаимодействие определяет коммуникативные факторы актуализации идентичности, в том числе религиозной и этнической. Идентичность проявляется на своеобразных «социальных границах», роль которых в данных процессах убедительно доказал Ф. Барт [3]. Параметрами, позволяющими отследить изменения идентичности, мы считаем поселенческую структуру, семейно-брачные отношения, антропонию и др.

Горские греки, названные так российскими чиновниками [4] по аналогии с горскими армянами и евреями, чтобы отличить их от «крымских» и «анатолийских» и указать на принадлежность к горским обществам, обладают историей, по-видимому, характерной для эпохи национализма. Процесс колонизации Российской империей кавказского региона обусловил внедрение новых этнических обозначений и появление модернизационных практик: укрупнение горских обществ и их трансформацию из «племен» в «народы», а тех, кто «дорос» – даже в «нации». В этих процессах многие группы, занимавшие переходное положение, либо влились в более крупные этничес-

кие общности, либо исчезли вовсе. Горские греки оказались в XIX веке в ситуации выбора. Вместо турецкой системы «миллетов» [5], благодаря которой армяне и греки занимали устойчивое положение на Северо-Западном Кавказе и были полностью инкорпорированы в адыгское общество (язык, социальный дворянский статус, экономическая ниша), Россия приносит другую парадигму – национальную. В результате этого процесса конфессиональность (в данном случае христианство) постепенно превращается в этничность.

Обозначение греков в российских документах через прилагательное «закубанские», сменяющееся потом на «горские», не случайно. Первый эпитет территориального свойства был призван дифференцировать их от греческого населения Крыма, Мариуполя и даже Османской империи, хотя мы встречаем по отношению к ним употребление понятия «турецкоподданные греки» как синонима. Термин «закубанские» отделяет их от жителей Трапезунда, Самсуна, Амасии и других турецких городов северо-восточных провинций, частью приезжавших на Северо-Западный Кавказ по торговым и иным делам. Термин «закубанский грек» демонстрирует российскую воображаемую географию, своеобразную ментальную карту, где в центре мира находится Россия (или Москва). Граница с Османской империей пролегла по реке Кубани, поэтому, все «закубанское» обозначало чужеродное, неподчиненное России. Вторым эпитетом, появившийся примерно в 1860-е годы, характеризует изменение представлений о греках. Из чужих территориально они превращаются в чужих культурно не только для русских «цивилизаторов», но и для просвещенных православных греков Эллады, обретших независимость и явивших миру высокую литературу и искусство. Термин «горские» относил их к местному «туземному» населению, обладавшему массой достоинств, но в то же время охарактеризованному в российских документах того времени чаще негативно, посредством нелестных и уничижительных эпитетов («хищники», «дикари» и т. д.).

Греки начинают переселяться на территорию, подвластную России, сохраняя привычные «закубанские» социальные связи: совместное проживание с адыгами и горскими армянами (черкесогаями), браки (греки – армяне, армяне – адыги), экономические отношения (торговля). Кроме вышеперечислен-

ных факторов, которые можно назвать признаками симбиозности группы (и параметрами идентичности), нужно отметить и антропонимию: вплоть до начала XX столетия для греков (особенно женщин) была характерна двуименность – наличие христианского (православного) имени и адыгейского, по-видимому, бытового [6]. На протяжении исследуемого периода (с 20-х годов XIX века до современности) эта традиция сохранялась.

Поселенческий фактор также трансформировался. Например, в Гривенском Черкесском ауле, основанном в 1799 году (в документах российского делопроизводства он также называется куренным селением Гривенным, с 1842 года – станицей), сохранялся привычный для Закубанья паритет: греки проживали вместе с черкесогаями и адыгами из разных племен [7]. Такое сосуществование определяло и наличие социальных связей: в архивных документах встречаются упоминания о браках греков с черкесскими армянами, а черкесогаяв, в свою очередь, – с адыгами [8]. Обе христианские группы представляли одну группу, инкорпорированную в структуру общества Гривенского Черкесского аула, что отражалось в избрании армян и греков на должности аульных (станичных) старшин и судей [9]. В то же время наличие в данном ауле в середине 1840-х годов отдельного армянского кладбища [10] свидетельствовало об определенной дифференциации. На центробежные процессы, возможно, влияла миссионерская деятельность Армянской апостольской церкви. Г. С. Харатян, цитируя И. Хозрова, приводит имена 13 армянских священников, побывавших у черкесогаяв в первой трети XIX века [11].

Армяне и греки (особенно считавшиеся в адыгской среде «дворянами» [12]) принимаются на службу русской администрацией: в посемейном списке декабря 1847 года греки Пот, Назарий и Павел Демтировы – урядники; армяне Яков Чентамиров – сотник, Авдик Чентамиров – хорунжий, Борис Попов, Безрук Баронов, Макар Чентамиров, Макар Попов, Никита Шарапов, Степан Карабетов, Качадур Капрелов, Карп Качадуров – урядники [13].

В 1848 году в результате конфликтной ситуации христиан (армян и греков) отселяют в Переясловскую станицу, образуя Переясловский Армянский поселок (аул). После переселения черкесские армяне и черкесские греки были зачислены в число войсковых жителей станицы и сохранили свои войсковые чины, а некоторые были даже повышены: Яков Чентамиров стал есаулом. Адыгоязычные христиане ожидали встретить здесь более спокойную ситуацию, нежели та, которая тогда была в отношениях с черкесами в Гривенском ауле. Но они столкнулись с восприятием себя как «чужих», как «азиатцев», по-видимому, из-за языка и антропологического типа [14]. В 60-е годы XIX века армяне и греки переселяются в Армавир, в котором совместное проживание вроде бы заканчивается: греки требуют отделения их в самостоятельный населенный пункт, который и был основан в 1866 году на месте бывшего аула Хаджихабль напротив станицы Григориполисской

под названием селение Греческое. В этом селе соединяются три группы горских греков: так называемые «гривенская» (Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы-Дефтеровы), «армавирская» (Костановы, Аслановы) и «эдипсукаевская» (Дефтеровы). Эдипсукаевская группа, состоящая из жителей одноименных аулов 1 и 2-го, известна по посемейному списку, составленному в том же январе 1866 года в связи с ее переселением. Согласно этому документу, в Эдипсукае 1-м проживало 10 семей (все Девтеровы): 26 мужчин, 27 женщин, всего 53 чел. В Эдипсукае 2-м упомянуты всего две семьи (обе Девтеровы): 5 мужчин, 4 женщины, всего 9 чел. [15].

Налицо процесс этнизации – стремление горских греков стать самостоятельной группой, обусловленное, в том числе, центробежными по отношению к ним процессами среди черкесогаяв Армавира. Но Хаджихабль-Греческое (образованное в 1867 году) просуществовало недолго. Сначала в него вселили 130 семей русских переселенцев из центральных областей Российской империи, затем переименовали в село Новомихайловское, и вскоре горские греки покидают его. Эпоха национализма приводит к расколу общины: несколько семей, в том числе многолетние лидеры Демтировы, переселяются в село понтийских греков – Мерчанское, желая сохранить, а на самом деле культивировать свою «греческость». Их потомки становятся понтийцами. Большая же часть горских греков восстанавливает привычный симбиоз национальностей, вселяясь в аул Бжедугхабль (село Бжедуховское), одним из основателей которого, по-видимому, был черкесогай Петр (Борок) Асланов, женатый на гречанке по имени Деспина [16]. Интересно, что в этом ауле восстанавливается триединая этническая структура поселения: адыги проживают вместе с армянами (черкесогаями) и горскими греками. И такая ситуация сохраняется до сих пор, несмотря на все политические перипетии.

Из «коренного» населения горские греки в советский период стали национальным меньшинством. Функционирование школьных классов с преподаванием греческого языка включало их в орбиту «эллинизации», закончившуюся в конце 1930-х годов в результате репрессий и депортации греческого населения с Кавказа. Горские греки, говорившие на адыгейском и русском языках, стали называть себя русскими и адыгейцами, и только в 90-е годы XX века возобновился процесс возрождения греческой идентичности. Некоторые теперь идентифицируют себя с более крупной греческой общиной региона – понтийскими греками [17], другие стали адыгейцами (например, известный писатель Дмитрий Григорьевич Костанов) или русскими. И лишь немногие помнят самоназвание «урым» и рассказывают потомкам предания о своем происхождении.

Литература, примечания и источники

1. См. например: Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.

2. Кузнецов И. В., Колесов В. И. «Черкесские греки» – идентичность, культура, религия // Диаспоры: независимый научный журнал. М., 2002, № 1. С. 106–132; Колесов В. И. Черкесские (горские) греки // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2000. № 2. С. 87–101.

3. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. М., 2006. С. 17–19.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 368. Л. 4.

5. Миллет – правовая категория, обозначающая самоуправляющуюся религиозную общину в Османской империи. Все население империи входило в тот или иной миллет, который превратился в так называемое конфессиональное сословие. Существовали мусульманский, греческий, армянский, армяно-католический, латинский, иудейский миллеты и т. д. Подробнее см.: *Ortaylı I. Ottoman Studies. Istanbul, 2004. P. 15–22; Улуян А. А. Миллет как этноконфессиональный феномен Османской империи // История. Культура. Этнология: Докл. российск. ученых к VII Междунар. конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, сент. 1994 г.). М., 1994. С. 69–80.*

6. Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. С. 185–189; Колесов В. И. «Иванис, он же Чанклыш»: Традиция сосуществования двух имен у адыгоязычных христиан Кубани в XIX веке // Традиции и обычаи народов

России. Вторая российск. конф. с междунар. участием (16–18 мая 2000 г., СПб.): в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 176–180; Колесов В. И. Антропонимия черкесских греков. Дмитриевы-Дмитриевы-Демтировы // Грани. Краснодар, 2001. С. 109–119.

7. Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории // Известия ОЛИКО. Вып. 3. Екатеринодар, 1902.

8. У жителя Гривенской Черкесской станицы хорунжего Якова Чентамирова была «крепостная жена Черкесанка Фатма Зевале» // ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 600. Л. 144, 149).

9. Там же. Л. 144–144 об.

10. Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 357. Л. 157.

11. Харатьян Г. С. Этническая история черкесогаев: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 77.

12. Колесов В. И. «По Закубанскому обычаю почитаются из дворян»: текстуальность и социальная организация // Древности Кубани. Вып. 20. Краснодар, 2003. С. 60.

13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841. Л. 144–147 об.

14. Там же. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1561. Л. 1–4.

15. Там же. Ф. 774. Оп. 2. Д. 126. Л. 9–11.

16. Кубанские Областные Ведомости. 1872. № 29. С. 1.

17. Попов А. П. От «Пиндоса» к «Понту»: Этничность и различия греческих групп в южной России // Бюллетень: Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм. Вып. 5. Краснодар, 2004. С. 88–89.

V. I. KOLESOV. IDENTITY TRANSFORMATION OF MOUNTAIN GREEKS AT NORTH-WESTERN CAUCASUS (XIX–XX)

The author describes the historical development of mountain Greeks at North-Western Caucasus during a century and a half. He singles out the identity parameters which are social borders of the ethnic community.

Key words: *identity transformation, mountain Greeks, North-Western Caucasus, symbiosis.*

Ю. В. ПРИЙМАК

«ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ» В КОНТЕКСТЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье исследуется историко-политическая проблематика включения Крымского ханства в состав Российской империи в апреле 1783 года.

Ключевые слова: *«греческий проект», Крымское ханство, Российская империя, дипломатия.*

На рубеже 70–80-х годов XVIII века определение статуса земель Северо-Восточного Причерноморья напрямую зависело от реализации внешнеполитических установок стран, вовлеченных в процесс решения «восточного вопроса». Судьба же Крыма, Приазовья, Тамани и Кубани непосредственно определялась активностью военно-политических усилий России в борьбе с Османской империей за гегемонию в Северо-Восточном Причерноморье. Его области в системе международных отношений того времени рассматривались в качестве едино-

го, целостного и внутренне интегрированного региона Юго-Восточной Европы. Во время правления Екатерины II российская политика в Северо-Восточном Причерноморье отнюдь не страдала доктринерскими стереотипами прошлого, позволяя создавать благоприятные условия для реализации поставленных целей как на внутривнутрирегиональном, так и на международном уровнях. Это предопределило зарождение и реализацию российской внешнеполитической инициативы, известной в историографии как «греческий проект» [1].

Его уникальность, на наш взгляд, состояла именно в том, что под оболочкой внешнеполитической инициативы, направленной на реализацию мессианской идеи сокрушения христианскими государствами могущества Османской империи в Европе, на самом деле скрывалось лелеемое многими поколениями россиян стремление выйти к южным морям, освоить «дикое поле» и обуздать набеги со стороны Крыма и Кубани. Таким образом, когда в 1780 году в Могилеве Екатерина II обсуждала с графом Фалькенштейном (императором Иосифом II Габсбургом, инкогнито прибывшим на встречу) данный геополитический проект, россиянам отводилась роль освободителей Константинополя, а австрийцам – господство над Римом и частью Балкан. Российская императрица стремилась приблизить решение «крымской» и «черноморской» проблем, действуя в национальных интересах своей державы.

В этой связи трудно согласиться с мнением Я. А. Гордина, что в сознании российской «имперской» элиты культивировался «утопический» план завоевания Константинополя как некая самоцель [2]. Автор, как и многие европейские политики того времени [3], увидел лишь внешнеполитическую оболочку «греческого проекта», которая должна была усыпить бдительность недругов России, не заметивших в ожидании рискованного марша екатерининских армий на Константинополь молниеносной операции по включению Крыма в состав Российской империи.

К 1782 году австро-российский альянс приобрел черты военно-политического союза, условия которого в случае раздела османских владений предусматривали поддержку притязаний Габсбургов на Балканах и юге Европы, в то время как Россия могла включить в свой состав Очаков с прилегающей областью, острова в Средиземноморье, Западный Кавказ и даже Крым [4]. Правда, последнее озвучивалось в завуалированной формулировке о том, что границей России будет «Черное море» [5]. В конечном итоге А. А. Безбородко и Г. А. Потемкин представили Екатерине II окончательный вариант «греческого проекта», суть которого заключалась в двух основных пунктах, имевших принципиальное значение для определения статуса земель Северо-Восточного Причерноморья. Во-первых, основной целью проекта являлся Крым, а во-вторых, естественной границей российских владений на юге провозглашались берега Черного моря.

Однако австрийская оценка ситуации в Причерноморье, подкрепленная перспективой территориальных приобретений, была не единственной в Европе. Крайне негативно российско-австрийские планы в отношении Порты воспринимали «бескорыстные» друзья «империи правоверных» французы и их извечные соперники британцы. Показательно, что во многом пророческие опасения одного из британских министров, высказанные российскому посланнику при английском дворе в период османско-российской войны 1768–1774 годов, сохранили свою актуальность и к началу 80-х годов XVIII века. «Европейское рав-

новесие, – отмечал англичанин в беседе с российским послом, – легко могло бы быть нарушено, если бы вам удалось предписать туркам мир на трех следующих условиях: свободное плавание по Черному морю, порт на Черном море и независимость татар. Обеспечив за собой такие преимущества, вы скоро очутитесь в Константинополе, и кто мог бы вас оттуда удалить?» [6]. Таким образом, под дипломатическим прикрытием «греческого проекта» Россия успешно завершила подготовку к осуществлению мер военно-политического характера по установлению контроля над большинством регионов Северо-Восточного Причерноморья. Тем более что к этому времени в Крыму, Приазовье, на Тамани и Кубани, в пределах охваченного смутой «независимого» Крымского ханства все острее проявлялись черты кризиса. Правление Шагин-Гирея убедительно доказало не только невозможность модернизации Крымского ханства изнутри, но и бесперспективность его существования как независимого государства. Исходя из этого, трудно согласиться с выводами О. И. Елисейевой, считавшей, что «Россия не стремилась к непосредственному включению в свой состав земель, кольцом охватывавших Черноморский бассейн, а предусматривала охватить его кольцом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен» [7].

По образному выражению В. В. Дегоева, «высочайший рационализм императрицы приспособил мифологию к реальности с осязаемым выигрышем для государства» [8]. «Греческий проект» как внешнеполитическая инициатива являлся не политической реальностью [9], а блестяще осуществленной дипломатической комбинацией, призванной обеспечить успешное присоединение в апреле 1783 года Крымского ханства к России.

Литература

1. *Тарле Е. В.* Екатерина II и ее дипломатия. Ч. 1. М., 1943. С. 5; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С. 57.
2. *Гордин Я. А.* «Страшно и грустно выразить мысль об утрате Кавказа...» // Звезда. 2002. № 4. С. 178.
3. *Маркова О. П.* О происхождении ... С. 57.
4. *Дегоев В. В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 96.
5. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 4. 1781–1782 гг. СПб., 1889. С. 825; *Крючков А. В.* Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 126–127.
6. Цит. по: *Тарле Е. В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774. М.; Л., 1945. С. 7.
7. *Елисейева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина периода Второй русско-турецкой войны 1797–1801 гг. М., 1997. С. 13.
8. *Дегоев В. В.* Внешняя политика России ... С. 100.

9. Девтеров А. А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII

– первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2003. С. 9.

YU. V. PRIYMAK. «THE GREEK PROJECT» IN THE CONTEXT OF INCLUSION OF CRIMEAN KHANATE IN THE STRUCTURE OF RUSSIAN EMPIRE

The article deals upon the historic and political problem of the Crimean khanate inclusion in the Russian empire in April 1783.

Key words: «the Greek project», Crimean khanate, Russian empire, diplomacy.

В. В. КУЛАКОВ, Е. И. КАШИРИНА

**ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА БЕЛОГО РЕЖИМА
НА ЮГЕ РОССИИ (1918–1920 гг.)**

В статье раскрываются основные аспекты внешней и внутренней политики белого режима в 1918–1920 годах. Особое внимание уделяется сотрудничеству с военными союзниками, реформам государственного аппарата и мероприятиям по административно-территориальному переустройству.

Ключевые слова: независимость, диктатура, белое движение, неделимость, Учредительное собрание.

Во всех программных декларациях Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) – Добровольческой армии во главе с генералом А. И. Деникиным на первый план выдвигалась идея восстановления независимого и прочного Российского государства. Лозунг «За Единую, неделимую Россию» отражал стремление сохранить статус державы, крепкой единством своих частей и авторитетной на международной арене. По мощи и значению эта великая держава должна была быть достойной преемницей имперской России в границах 1914 года.

Известно, что, в отличие от большевиков, белогвардейцы не были сторонниками диктатуры. Поскольку последние выступали за созыв Учредительного Собрания, которое после победы выбрало бы форму будущего правления в России, вызывают интерес их попытки установить определенное территориальное устройство в подконтрольных им районах и местностях.

В наказе Деникина представителям Добровольческой армии на переговорах с западными державами, данном вскоре после капитуляции Германии, высказана официальная точка зрения командования армии на территориальные рамки и суверенные права России. В частности, указание добиваться вывода войск Антанты со всех территорий Российской империи в границах 1914 года (включая Польшу и Финляндию). Эти территории должны были быть заняты русскими отрядами (подразумевалось, что военные формирования будут подчиняться командованию Добровольческой армии). Упоминание о Польше и Финляндии не означало, что эти страны в будущем вновь войдут в состав империи. Командование желало соблюсти в этом отношении формальный юридический принцип: подчеркнуть, что независимость может быть дарована этим странам только Россией. А также напомнить миру, что односторонние акты

германской или большевистской власти не ликвидировали международно признанного русского влияния на суверенитет указанных территорий. Этот принцип отстаивали и члены совещания русских общественных деятелей, проходившего в Яссах в конце 1918 года.

Деникин предусматривал установление межгосударственных отношений с Польшей, положив в их основу «этнографическое начало как базу для окончательного разграничения и санкцию Всероссийского Учредительного собрания» [1]. На Востоке России «Верховный правитель» страны адмирал Колчак также утверждал, что окончательное решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию. Руководство Добровольческой армии, а впоследствии – Вооруженных Сил Юга России полагало, что в основу временного устройства территории России должно быть «положено сохранение единства <...> державы при условии предоставления автономии отдельным народностям и самобытным образованиям (казачеству) <...> а также широкой децентрализации всего государственного управления» [2].

Соответственно этому в декларации о целях ВСЮР (от 10 апреля 1919 г.) наряду с восстановлением «могущественной единой и неделимой России» предполагалась «децентрализация власти путем установления областной автономии и широкого самоуправления» [3].

А. И. Деникин отмечал, что «принцип унитарного государства, отвечающий глубокому убеждению правивших кругов Юга и разделяемый тогда широкой русской общественностью, создал <...> немало серьезных затруднений, пагубно отразившихся на ходе борьбы. Мы были ригористичны не только в духе, но и в формах определения государственной связи, считая, что юридические эле-

менты федерации <...> нарушат самую идею национального единства России и создадут для будущей общерусской власти немалые затруднения и опаснейшие прецеденты» [4].

Общественно-политические объединения белых поддерживали идею российского суверенитета на всей территории бывшей империи. Так, «Союз Возрождения» ставил своей программной задачей «воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей» [5]. Участники Ясского совещания, принадлежавшие к разным политическим группировкам центристского и правого толка, разделяли это мнение. В своем обращении к союзным державам от 10 ноября 1918 года они подтвердили необходимость соблюдать территориальное единство России, допуская существование «только тех независимых государств на ее территории, которые уже существовали до большевистского переворота» [6].

В. В. Шульгин в одном из докладов командованию Добровольческой армии подразделял возникшие в России государственные образования и местные правительства на три группы.

К первой он относил те, которые поддерживали национальные цели Добровольческой армии и внешнеполитическую ориентацию на западных союзников. Сюда относились «белые» Правительства Востока и Севера России, сама Добровольческая армия и находящиеся в сфере ее влияния Кубанское и Терское казачьи войска.

Ко второй группе – субъекты, враждебные Белой идее. В нее кроме Советской республики включались: Грузия (об Армении и Азербайджане Шульгин сведений не имел), Прибалтика, гетманская Украина, прогерманское правительство Белорусской Центральной Рады, Бессарабия с прорумынским правительством.

К третьей, промежуточной группе Шульгин отнес Донское войско генерала Краснова и крымское правительство Сулькевича. Эти новообразования были связаны с немцами, но не выражали враждебности к русской государственной идее и готовы были сотрудничать с командованием Добровольческой армии (после ухода германских войск с Дона и из Крыма они автоматически переходили в первую группу субъектов) [7].

Когда после заключения Брестского мира немецкие войска оккупировали Украину, Крым и часть Дона, их присутствие являлось важным фактором внутривосточной политической борьбы. В этот период, весной 1918 года, на белое движение влияли два принципа внешнеполитической ориентации – на Германию или на союзников. В процессе установления на Украине власти гетмана П. П. Скоропадского немцы проявили себя как враги Советов, и у части российских политиков возникло желание опереться на политический союз будущей России с Германией. Однако для командования Добровольческой армии союз с немцами (особенно если он сочетался с поддержкой независимости государственных новообразований) был равнозначен преступлению ничуть не меньшему, чем сотрудничество с большевика-

ми. Белые прекрасно понимали, что признание Германией независимости Украины было шагом к расчленению России [8].

Верность союзническому долгу и желание продолжать войну под знаменами Антанты владели белым командованием. В воззвании от 27 декабря 1917 года указывалось, что Добровольческая армия создается для противостояния «немецко-большевистскому нашествию» [9]. Еще раньше, 8 ноября 1917 года, определяя последовательность становления белой власти, генерал М. В. Алексеев в письме из Новочеркасска в Ставку Верховного Главнокомандования указывал на особое значение южнорусских областей для последующего государственного строительства. «Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца при участии капитала англо-американского» [10]. В феврале 1918 года генерал Корнилов дал наказ своему эмиссару в Сибири генералу Флугу с изложением своей политической программы. В ней значилось среди прочего «полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств <...> война должна быть доведена до конца в тесном единении с западными союзниками» [11].

П. П. Скоропадский, несмотря на свой статус главы независимого государства, всячески заискивал перед политиками, претендующими на все-российскую власть. Для этого он принимал в Киеве русских общественных деятелей-консерваторов и стремился создать там политический центр, выдвигая в противовес Деникину на пост руководителя русских сил, сражающихся против большевизма, Великого князя Николая Николаевича, бывшего Верховного Главнокомандующего Русской армией. Многие из киевских политических деятелей были убеждены, что белое движение должен возглавить именно он. Н. В. Савич отмечал, что кандидатура Великого князя «примиряла множество непомерно разросшихся самодлюбий <...> устраняла элементы местничества среди генералов, была понятна простому русскому солдату» [12]. Это мнение поддерживал и глава «Совета государственного объединения России» А. В. Кривошеин. Убежденным сторонником такой точки зрения был и П. Н. Милоков, однако уже на Ясском совещании он круто изменил свою позицию, высказавшись в пользу Деникина.

Руководство кайзеровской Германии, осознавая неизбежность государственного объединения России, стремилось возглавить этот процесс, используя своих ставленников. В августе 1918 года представители Правительств Украины, Дона и Крыма были приглашены в Берлин. На этой встрече обсуждался план создания союзного государства. Предполагалось, что после свержения большевиков и занятия Москвы русский император (которого поставят немцы), гетман и Донской атаман на личной встрече договорятся об условиях существования федерации трех монархий [13].

Сочувствие белой власти среди русского офицерства и части политических кругов на Украине было весьма велико. Кадровый офицерский состав украинской гетманской армии поддерживал

«белые идеи» [14]. Сразу по получении известий о капитуляции Германии на киевских улицах и в прессе появился подложный приказ о подчинении генералу Деникину всех вооруженных сил в пределах России. Деникин немедленно публично отрекся от него. Однако именно сам Главком, вероятно, и был его автором: целью провокации было узнать реакцию общества. Поднявшаяся в Киеве в связи с «приказом Деникина» суматоха сыграла на руку Добровольческой армии. 2 ноября 1918 года гетман издал манифест о государственной федерации Украины с Россией. 5 ноября он назначил русского генерала графа фон Ф. А. Келлера Главнокомандующим Вооруженными силами Украины. Скоропадский объявил военное положение и приказал всем гражданским властям подчиняться фон Келлеру [15]. О состоявшемся назначении Келлер немедленно уведомил Главкома Добровольческой армии [16].

4 ноября Деникин обратился к «министру иностранных дел Украинской державы» с официальным письмом, в котором излагал свой взгляд на развитие отношений: «Раз Украина стала на путь русской государственности, представляется необходимым войти в соглашение по вопросам образования единого фронта, единого командования для борьбы с большевиками и единого Российского представительства на международном конгрессе. В основу соглашения добровольческая армия ставит три положения: 1) единая Россия, 2) борьба с большевиками до победного конца, 3) верность договорам с союзниками при полном отказе от германской ориентации» [17].

9 ноября 1918 года украинское министерство иностранных дел обратилось к командованию Добровольческой армии и правительствам казачьих областей с предложением выделить полномочных представителей на конференцию для выработки единого плана борьбы с большевиками, политики в международных отношениях, «водворения порядка в остальных частях России и установления в ней прочной государственной власти» [18].

Однако 13 ноября, опасаясь переворота в пользу Добровольческой армии, гетман отстранил генерала Келлера от должности, а спустя 10 дней подверг его аресту [19]. Но назревали уже другие события: на Киев одновременно наступали петлюровцы и большевики, управление гетманской Украиной было дезорганизовано. Столицу захватили национал-социалисты, затем большевики.

В проведении национальной политики на Украине генерал Деникин руководствовался принципом «русского национального, религиозного и культурного единства в лице трех его ветвей – великорусской, малорусской и белорусской» [20]. Это разделяли все белогвардейцы. В. В. Шульгин отмечал, что «термины “Украина”, “украинцы”, “украинский язык”, “Украинская держава” имеют одно назначение – вытравить в умах местного населения сознание, что этот край – русский <...> Создание квази-самостоятельной Украинской державы с очень давнего времени входит в планы как Австрии, так и Германии» [21]. Члены политического объединения «Союз возрождения» счи-

тали, что «возникновение самостоятельной Украины обязано не столько национальному украинскому движению, сколько чужеземной силе» [22].

Деникин обещал предоставить Украине широкую автономию в пределах Великой России, но уже в ходе наступления на Москву территория Украины была разделена на три области (Новороссийскую, Харьковскую, Киевскую), которым планировалось дать возможность широкого самоуправления наравне с другими областями. Большое значение имел проект «Временных основных законов», подготовленный Особым совещанием при Добровольческой армии в конце 1918 года для юридического обоснования действий Деникина на занимаемых им территориях. Проект провозглашал единство и неделимость «Российского государства» и устанавливал официальный статус русского языка как общегосударственного, оговаривая право других народов России «охранять и развивать свою национальную и культурную жизнь» [23]. В августе 1919 года Главнокомандующий ВСЮР обратился к населению Малороссии с обещанием, что «в основу устройства областей Юга России будет положено начало самоуправления и децентрализации при неуклонном уважении к жизненным особенностям местного быта» [24].

Разделение всей Украины на три области было первым шагом административной реформы. Суть ее заключалась в децентрализации государственного управления и создании крупных самоуправляющихся территорий, включающих в себя несколько губерний и областей, при сохранении сильного государственного центра. Деление на автономные области проводилось с учетом этнографических, географических и экономических особенностей (но не национальных. – В. К.) [25]. Для разработки вопросов, связанных с будущей реформой и устройством местного управления во вновь завоеванных национальных областях, была образована специальная комиссия Особого совещания, возглавлявшаяся сначала В. В. Шульгиным, позже А. Д. Билимовичем, а затем профессором П. И. Новгородцевым [26]. С захватом Украины и Крыма у белых появилась необходимость юридически обосновать государственный суверенитет областей, находящихся под их контролем.

12 июня 1919 года Деникин утвердил постановление своего Правительства о прекращении действия законов бывших правительств Украины и Крыма [27]. Это постановление предлагало членам Особого совещания пересмотреть прежние законы и при необходимости восстановить. Вскоре Правительство Деникина восстановило законы гетманской Украины об уголовной ответственности за спекуляцию, поскольку это была одна из острейших проблем тыла [28].

Непросто решались вопросы восстановления русского суверенитета и на Северном Кавказе. Здесь и раньше политика империи строилась на силовом давлении. Теперь в условиях «демократии» каждая нация и народность стремилась обрести независимость и самостоятельность.

Так, мусульмане создали подобие федеративного парламента – «меджлис», который образовал Правительство «Республики Союза горских народов Кавказа» и вел переговоры с Германией, Турцией, затем Англией, чтобы добиться своего признания на международной арене.

Как считал Деникин, лозунг национального возрождения служил ширмой для тривиального разбоя. Край стал непроезжим еще в годы Первой мировой войны после ухода армейских частей на фронт: распад русской государственности привел к повсеместным грабёжам на дорогах. Беспорядки усилились в революционную эпоху [29].

О своем подчинении новой белой власти объявили Осетия и Кабарда. «Подчинившаяся официально Ингушетия жила фактически почти вне всякой связи с русской властью». Она по-прежнему представляла собой «враждебный вооруженный стан, который считался с одним лишь аргументом – силой» [30]. В Чечне и Дагестане, где местная знать претендовала на земли Терских казаков, белым армиям пришлось воевать, в результате чего Чечня признала Добровольческую армию Деникина [31]. По мере ее отступления война вспыхнула вновь. В Дагестане белогвардейцы заняли прикаспийскую полосу, не вмешиваясь в жизнь горных районов, где «меджлис» также был вынужден пойти на соглашение с ВСЮР [32]. Но с наступлением сил Красной армии ряд военных неудач белых вызвал новое усиление напряженности.

Белая власть распространялась на горские области формально через Главноначальствующего Терско-Дагестанским краем, назначенного Деникиным. Главноначальствующему подчинялся правитель края, избираемый на съезде горских народов вместе с постоянным советом. Функции национальных советов никогда не были четко определены, и новообразования пользовались фактической независимостью во всех внутривнутриполитических делах и отчасти – во внешних сношениях. Горским народам в рамках ВСЮР была предоставлена культурно-религиозная и определенная национально-государственная автономия: там, где позволяла традиция, действовали суды, руководствующиеся шариатом, а не общегосударственным правом [33]. Все это упрочивало стремление местного населения появившихся государств к еще большей самостоятельности.

В восстановлении русского влияния на Северный Кавказ были не заинтересованы не только местные националисты и участники сепаратных новообразований. Англия и Франция открыто поддержали устремления сепаратистов. Великобритания стремилась сохранить суверенитет закавказских республик. Еще в январе 1919 года генерал Форестье-Уоккер (Главком британских войск на Ближнем Востоке) представил Деникину меморандум с изложением основ британского взгляда на государственную будущность Закавказья.

Возможны были три варианта решения проблемы. Первый – присоединение Закавказья к России в границах 1914 года с представлением областной автономии. Второй – признание го-

сударственной независимости образовавшихся республик с их полным отделением от России. Третий – образование «Соединенных Штатов Кавказа». Предусматривалось, что такая федерация могла бы вступить в государственную связь с Россией или существовать отдельно от нее. Генерал Форестье-Уоккер заявил, что любое из этих решений правомочно принять только международной мирной конференцией. До того времени Великобритания будет сохранять фактически сложившееся на Кавказе положение и не допустит в этих республиках никакой агитации в пользу их соединения с Россией [34].

Весной 1919 года генерал Деникин согласился на признание независимости Азербайджана де-факто впредь до окончательного решения этого вопроса будущей высшей российской властью, подчеркнув, что считает Азербайджан частью России [35].

Придерживаясь мнения о Закавказье как неотъемлемой части территории России, Главное командование ВСЮР из политических соображений не посягало на независимость закавказских республик. Вместе с тем, очищая Северный Кавказ от большевиков, белые стремились к улучшению своих стратегических позиций и территориальному разделению с новообразованиями на основе естественных границ.

Используя разногласия союзников, Грузия захватила Сочинский округ Черноморской губернии и, поддерживаемая англичанами, заявила претензии на часть Черноморского побережья до Туапсе включительно. Но к январю 1919 года российский суверенитет в этом районе и на всей территории Черноморской губернии был восстановлен [36].

Однако южнее населенного пункта Гагры обстановка оставалась напряженной. Абхазский национальный совет был разогнан грузинами, деятели абхазского движения наряду с русским и армянским населением Черноморского побережья подверглись репрессиям. Грузинское руководство подавляло любые попытки установить независимость национальных меньшинств. После обращения членов Абхазского национального совета к Деникину Главком предложил англичанам потребовать от Грузии вывода войск из Сухумского округа за рубеж реки Ингури. Сухумский округ предлагалось объявить нейтральным и возложить управление им на свободно выбранные местные абхазские власти [37]. Но это предложение не было реализовано.

Внутри белого лагеря серьезным противником восстановления «Единой и неделимой» оказалась часть политических кругов казачества, сражавшегося за белое дело. В довольно многочисленной среде существовал иной взгляд на построение Российского государства. В то время как Деникин и его сподвижники отвергали принцип федерации в государственном устройстве России, органы власти Дона, Кубани и Терека официально включили в свои декларации о государственном устройстве требование федеративной республики. Такая позиция не отрицала принципиально идею российской государственности, но

отдельные лидеры и группы радели за предоставление казакам автономии. Сепаратистские настроения были присущи черноморской группе кубанского казачества. Там наметился союз самостоятельных с сепаратистами Украины, Закавказья, и Северного Кавказа. А. И. Деникин располагал неопровержимыми доказательствами подрывной работы многих кубанцев – деятелей черноморской части, желавших разделения России [38].

Зимой 1919–1920 годов вследствие военных поражений Главком пошел на корректировку многих направлений своей политики. Среди компромиссов была и более терпимая позиция в отношении сепаратных государственных образований. 1 января 1920 года Деникин заявил английскому представителю МакКиндеру, что признает «самостоятельное существование фактических окраинных Правительств, ведущих борьбу с большевиками. Установление будущих отношений окраин с Россией совершится путем договора общерусского Правительства с окраинными Правительствами. МакКиндер остался недоволен степенью уступок Главнокомандующего и перед отъездом в Англию потребовал, чтобы к его возвращению Деникин решил вопрос о Бессарабии, т. е. согласился на плебисцит в этой области» [39].

Таким образом, зависимость деникинской диктатуры от западных держав заставляла вносить существенные коррективы в проводимую политику, идти на всевозможные компромиссы, отходить от провозглашенных идейных установок. Белой власти не удалось реализовать концепцию унитарного государства в ходе борьбы с большевиками.

Литература и источники

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М., 2000. С. 138.
2. Там же.
3. Там же. Т. 4. С. 215.
4. Там же. Т. 5. С. 138.
5. Мякотин В. А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Т. 9. Кн. 2. Берлин; Прага, 1925. С. 181.
6. Яское Совецание // Русское прошлое. Кн. 3. СПб., 1992. С. 341.
7. Государственный архив РФ (ГАРФ) Ф. 446. Оп. 1. Д. 14. Л. 27–28.

8. Деникин А. И. Очерки русской смуты ... Т. 4. С. 207.
9. Там же. Т. 2. С. 198.
10. Цит. по: Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Кн. 5. Берлин, 1937. С. 48.
11. Там же. С. 103.
12. См.: Савич Н. В. Из красного Петрограда на белый Юг // Русское прошлое. Кн. 3. С. 118.
13. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.
14. Там же. Д. 14. Л. 50.
15. Там же. Д. 16. Л. 2–3.
16. Там же. Д. 14. Л. 33.
17. Там же. Л. 11.
18. Там же. Л. 12.
19. Там же. Д. 16. Л. 4.
20. Деникин А. И. Очерки русской смуты ... Т. 5. С. 140.
21. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–5.
22. Мякотин В. А. Из недалекого прошлого ... Кн. 6. С. 74.
23. Протоколы Всероссийского Национального Центра // Отечественная история. 1997. № 5. С. 154, 163.
24. Деникин А. И. Очерки русской смуты ... Т. 5. С. 143.
25. Там же. Т. 4. С. 217.
26. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 109. Л. 1–6.
27. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое Особым Совещанием при Главнокомандующем ВСЮР. 1919 год. Ростов н/Д, 1919. С. 109, 255.
28. ГАРФ. Ф. 4439. Оп. 1. Д. 88. Л. 131, 208.
29. Там же. Т. 4. С. 121.
30. Там же. С. 122.
31. Там же. С. 126–127.
32. Там же. С. 130.
33. Деникин А. И. Очерки русской смуты ... Т. 4. С. 115.
34. Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 301.
35. Там же. С. 319.
36. Деникин А. И. Очерки русской смуты ... Т. 4. С. 155–156.
37. Лукомский А. С. Воспоминания ... С. 309–310.
38. Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С. 83–91.
39. Лукомский А. С. Воспоминания ... С. 326–328.

V. V. KULAKOV., L. I. KASHIRINA. INTERNAL AND FOREIGN POLICY OF THE WHITE REGIME IN THE SOUTH OF RUSSIA (1918–1920)

The article is devoted to the major aspects of internal and foreign policy of the White regime in 1918–1920. Great attention is paid to the co-operation with military forces and reformations of state apparatus as well as the events concerning the administrative-territory reorganization.

Key words: *independence, dictatorship, White movement, inseparability, Constituent Assembly.*

А. А. ЗАЙЦЕВ

БЕЛО-ЗЕЛЕНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В ПОИСКАХ ТРЕТЬЕГО ПУТИ (1920–1922 гг.)

На основе анализа материалов центральных и региональных архивов автор исследует широко обсуждаемую в современной научной литературе проблему развития повстанческого движения на Северном Кавказе в годы «малой гражданской войны».

Ключевые слова: бело-зеленое движение, малая гражданская война, Северный Кавказ, казачество.

Анализируя феномен бело-зеленого движения на Юге России, следует в первую очередь указать, что в советской историографии применительно к его характеристике, как правило, употреблялись термины «кулацкие мятежи», «кулацкая контрреволюция», «демократическая контрреволюция», «политический бандитизм». Отметим также, что само слово «бандитизм», как и название «бело-зеленые», получив распространение в партийных и военных советских документах и других источниках двадцатых годов, перешло на страницы научной литературы. Длительное время бело-зеленое движение рассматривалось в узких хронологических рамках с 1920 по 1922 год, т. е. изолированно от Гражданской войны. Изучая его как самостоятельное явление, имеющее свои особенности и этапы развития, советские историки уделяли внимание событиям второй половины 1920 и преимущественно – 1921 года.

С конца 1980-х годов началось переосмысление, причем в первую очередь – периода «малой гражданской войны» (антоновщина, Кронштадский мятеж и т. д.). И если прежде считалось, что решающей предпосылкой ликвидации кулацких мятежей явился нэп, то новые исследователи акцентировали позитивную роль бело-зеленого движения, ускорившего переход большевиков к новой экономической политике.

С 1990-х годов в научной литературе сложилось признание того, что термин «бандитизм» в отношении бело-зеленого движения уместен лишь применительно к его завершающей стадии (конец 1921–1922), когда оно постепенно переродилось в уголовщину. При этом справедливо подчеркивалось, что на всем протяжении Гражданской войны проявления уголовщины сопутствовали и революции, и мелкобуржуазной контрреволюции (махновщина, анархизм; на Кубани – банды Никифоровой, Золотарева, Никитенко). Именно в этом смысле грабежи, разбои, мародерство и другие элементы криминальной активности присутствовали и в бело-зеленом движении. Но отнюдь не они с самого начала играли определяющую роль. Напротив, для бело-зеленых в период наивысшего подъема характерно выдвигание определенных социально-политических программ (хотя зачастую декларативных), связь с антисоветскими центрами как внутри, так и за пределами региона.

В связи с этим очевидно, что употребление терминов «бандитизм», «политический банди-

тизм» правомерно лишь при цитировании первоисточников с целью сохранения языка оригинала (разведсводок, оперативных документов, приказов, партийных и советских директив). В принципиальном плане более точно характеризовать бело-зеленое движение как одну из разновидностей вооруженной борьбы в тылу Советской власти. Борьба принимала различные формы – от диверсий и саботажа до мятежей, восстаний и даже боевых действий силами объединенных повстанческих формирований и остатков Белой армии.

Исключительно важно воссоздать целостную картину явления, установив связь между «большой» и «малой» гражданскими войнами путем типологического анализа различных течений региональной мелкобуржуазной контрреволюции, их отношения к идеям монархизма и т. д. Уточняя хронологические рамки, историки стали рассматривать события с весны до конца 1920 года как отдельный (первый) период бело-зеленого движения.

Обращаясь к реалиям первых месяцев утверждения большевистской власти на Юге России, следует признать, что тогда конфликт между большевиками и широкими слоями местного населения не становился явным лишь благодаря слабому проникновению новшества в сельскую глубинку. Насильственное насаждение новых форм политической и экономической организации общества придало противостоянию крайне острые формы.

Неизбежность спонтанного антибольшевистского движения в казачьих областях Юга России показали уже события весны 1919 года на Дону, где окружные и районные ревкомы вскоре подверглись «основательной чистке» за невыполнение поставленных перед ними задач [1]. Строгие меры не исправили, а усложнили ситуацию из-за того, что большевистские эмиссары, не зная специфики казачьих районов, допускали грубые ошибки в работе с населением. Аналогичные конфликты с точностью повторились и в других областях, освобожденных из-под контроля Добровольческой армии.

Характеризуя начальный этап установления Советской власти, помощник уполномоченного НКВД в докладе «О политическом положении Юго-Востока» отмечал: «В первые месяцы, вслед за окончанием активных военных действий, Советская власть пользовалась исключительными симпатиями среди казачьего и нека-

зачьего населения Дона, Кубани, Черноморья и Ставропольской губернии» [2]. В дальнейшем ситуация резко изменилась. Большевики отбросили ранее провозглашенные лозунги и взяли курс на установление своей диктатуры. Они демонстративно отвергли установку на организацию широкого взаимодействия с казачьим активом и стали относиться к местному населению как к побежденному противнику. В 1920 году на Дону развернулась «чистка» Советов: объявленные по результатам проверок «контрреволюционными» местные органы власти в хуторах и станицах были распущены. Окружные исполкомы комплектовались исключительно из коммунистов [3].

Откровенно антиказачью направленность политика большевиков приобрела на Тереке, где кампания «возвращения земель» горцам в 1920 году имела характер геноцида. За 1920 год Ингушетия получила 45 496 десятин земли, Осетия – 47 000, Кабарда – 100 000, Дагестан – 48 000 [4].

На Кубани, где неоднократно откладывавшиеся выборы в Советы фактически в итоге (1920) не состоялись, отношение большевиков к инициативам казачества, в частности, готовой к сотрудничеству части Кубанской рады, оказалось столь же непростым.

После очищения региона от деникинских войск Рада фактически прекратила свое существование. Некоторая часть ее членов эвакуировалась в Крым к Врангелю или перешла через грузинскую границу вместе с атаманом и правительством; оставшиеся на Кубани сдались с армией или присоединились к М. П. Пилуку, П. А. Савицкому, Л. З. Федоренко и другим начавшим борьбу с Деникиным еще в 1919 году.

2 апреля 1920 года 10 членов Рады во главе с товарищем председателя Савицким заявили о своем разрыве с Радой и правительством, не сложившими оружия, и обратились к кубанским казакам, горцам и иногородним с призывом «тесно сплотиться под революционным знаменем Советской России» [5]. За несколько дней до распространения этого воззвания, 29 марта, сотник А. Деркач и 6 других видных казаков, служивших в Красной армии или поддерживавших ее, были арестованы в станице Платнировской. В ходе этапирования арестованных буденовцами в Краснодар все 7 задержанных были зверски зарублены в трех верстах от станицы Платнировской. Данный случай расправы с поддерживавшими советскую власть казаками вызвал массовое недовольство местного казачьего населения [6]. Тем не менее попытки наладить сотрудничество казаков с большевиками на Кубани имели свое продолжение. С сентября 1920 года «самостийники» вместе с Л. З. Федоренко даже входили в состав казачьей секции при Кубано-Черноморском областном ревкоме, что давало им основания претендовать на роль «третьей силы», одинаково не приемлющей ни реакционное реставраторство, ни радикальный большевизм. Однако подобная политическая практика не имела перспективы в условиях поворота к откровенно антиказачьим мероприятиям. В январе 1921 года последний орган власти, дей-

ствительно представлявший интересы казачества, – Казачий отдел ВЦИК – был упразднен.

Все это неизбежно вызывало рост напряженности, нарастание деструктивной политической активности в регионе, особенно в среде казачьего населения (что отмечалось в 1921 году в обзоре повстанческих движений на территории Северо-Кавказского военного округа) [7]. Постепенно формировался широкий антиправительственный фронт, обретавший свою, альтернативную официальной, политико-организационную структуру.

Что этому отчасти способствовали уцелевшие организационные структуры казачества, подтверждается характером активности различных групп кубанских казаков, боровшихся не столько с большевиками, сколько между собой – за верховенство в контрреволюционном движении.

Так, созданный Врангелем в Керчи в начале мая 1920 года «Штаб по организации повстанческих отрядов на Кубани» натолкнулся на противодействие «самостийников» в лице бывшего председателя президиума Кубанской краевой рады эсера И. П. Тимошенко и председателя правительства В. Н. Иваниса. Кубанцам удалось сохранить под своим контролем «Круг спасения Кубани» полковника Белова, к июню 1920 года объединившего большинство разрозненных групп, действовавших в Екатеринодарском, Майкопском и Баталпашинском отделах.

А вот армию, созданную в Майкопском отделе «Комитетом возрождения России» под руководством генерал-майора М. А. Фостикова, от влияния Врангеля уберечь не удалось. По формально выдвинутому предлогу члену Кубанского правительства Л. В. Белашеву запретили вывоз из Крыма 50 млн. руб., выделенных самостийниками армии Фостикова. Вместо этого ставка главнокомандующего вооруженными силами Юга России послала к нему своего эмиссара Г. Лерклинга, снабдив его суммой в 10 млн. руб. и офицерами-инструкторами [8].

Стремясь получить под свое начало воинские формирования Рады, Врангель пытался играть на противоречиях в кубанском стане. С этой целью 8 июля 1920 года в Феодосии помощником войскового атамана генералом Улагаем без согласования с атаманом Иванисом был созван Съезд членов Кубанской краевой рады и уполномоченных станиц Кубанского края, более известный под названием Феодосийской или Фендриковской рады. В целом, оставаясь на посту войскового атамана, В. Н. Иванис должен был считаться с мнением оппозиции, возглавляемой Ф. Н. Фендриковым, Н. Н. Николаевым, генералами А. А. Гейманом и Д. Е. Скобцовым [9].

В середине июля В. Н. Иванис прибыл из Грузии в Крым, где 4 августа подписал «Соглашение между правительством и главнокомандованием Вооруженными силами Юга России и атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани». Декларированная соглашением независимость казачьих областей на деле давала Врангелю возможность опираться на аппарат казачьего самоуправления, тогда как за главноко-

ман্দующим оставалась вся полнота верховной власти – вооруженные силы, сношения с иностранными государствами, финансы, внешняя торговля, средства сообщения и связи [10].

Этот договор не разрешил существовавшие противоречия, а обострил их. Оставшаяся враждебно настроенной к Врангелю часть Рады, обосновавшись в Грузии, прямо заявляла со страниц тифлиских газет, что подписанный 4 августа договор неприемлем [11]. Сам Врангель, получив от Иваницы требовавшуюся подпись, не стал с ним считаться и назначил командующим десантной операцией своего человека – генерала Улагая, а начальником штаба – генерала Драценко. Из Сербии для организации гражданского управления был срочно приглашен бывший атаман Филимонов. Его группа начала формировать иной, альтернативный правительственной группе под руководством Иваницы штат местной администрации во главе с атаманами отделов [12]. Кроме остатков прежнего казачьего самоуправления, эвакуировавшегося в Крым, появились атаманы, назначенные начальником войскового штаба. Еще в июле члены краевого правительства, находившиеся в Тифлисе, одобрили общие принципы организации власти и управления на местах. Все это вместе взятое не сыграло объединяющей роли в готовившейся десантной операции; неудача десанта в значительной мере была вызвана политическими несогласиями между главным командованием и Феодосийской радой, с одной стороны, и с другой – Кубанским правительством Иваницы, которое поддерживали обосновавшиеся в Грузии самостийники.

Провалом закончилась еще одна попытка создания некоего подобия антисоветского казачьего единого фронта, на этот раз предпринятая по инициативе терцев. Им принадлежала идея создать объединенное кубано-терское правительство с одним выборным атаманом во главе [13]. За эту идею ухватился добивавшийся власти Скобцов. Он совместно с Филимоновым и двумя представителями терских казаков отправился в Севастополь к терскому атаману Вдовенко, который, однако, отнесся к проекту отрицательно. Еще более негативной была реакция Иваницы.

Это не остановило Скобцова, стремившегося удержать на плаву тонущее судно казачьей контрреволюции ценой разрыва с Врангелем (игра которого к этому времени уже была сыграна, что доказал провалившийся десант Улагая). В октябре представители Дона, а также Терек и Кубани (в лице Скобцова) собирались на совещания с целью отмежеваться от врангелевской политики. 6 ноября в Тифлисе, куда накануне переехал Иваницы, группа членов Кубанской рады, объявивших себя ее полномочными представителями, приняла решение окончательно порвать с Врангелем и осуществлять самостоятельную политику [14].

Несколько позже, во второй половине месяца, увенчались наконец успехом усилия Тимошенко: был создан «Комитет освобождения Кубани», стоявший на эсеровских позициях. Но и это де-

тище кубанской мелкобуржуазной контрреволюции было мертворожденным, несмотря на попытки административного центра и представителя французских спецслужб в Грузии полковника Корбейля реанимировать его путем слияния с «Комитетом освобождения Терека» [15].

И все-таки не междоусобные распри руководства послужили главной причиной краха. Судьба бело-зеленого движения решалась непосредственно в предгорьях Северного Кавказа, в плавнях Приазовья.

Так как бело-зеленое движение изначально не было однородным ни по своему социальному составу, ни по характеру идеологии, то и на местах не возникало никакого единства целей и задач. Движущей силой являлось кулачество (хотя зачастую во главе отрядов стояли бывшие денкинские или врангелевские офицеры-монархисты); казаки-середняки, а не выходцы из бедноты составляли большинство повстанцев. Одни из них страшились возмездия за службу в Белой армии (куда были принудительно мобилизованы). Другие в силу сословных предрассудков смотрели на Советскую власть как на приход чужаков, иногородних (среди бело-зеленых практически полностью отсутствовали лица не местного происхождения: ряды пополнялись за счет уклонившихся от мобилизации в Красную Армию дезертиров) [16]. В итоге бело-зеленое движение оказалось расколотым как идейно, так и организационно.

В частности, на Кубани можно выделить три его основные группы: во-первых, «самостийную» под руководством Пилюка и Савицкого, во-вторых, группировку, организованную врангелевским ставленником полковником Щербиной, и, наконец, «Армию возрождения» генерала Фостикова. Кубанское движение самостийников к 1921 году выросло в наиболее серьезную силу под начальством хорошо известных своими антиденкинскими выступлениями полковников Пилюка и Савицкого. Однако самостийническое направление не совсем правильно отождествлять с эсеровским. Даже в кратком периодическом обзоре повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа за июль – август 1921 года прямо говорится, что отряды, имеющие эсеровскую организацию, с лозунгами «За Советы без коммуны» для Кубани «редкое исключение» [17]. В пользу предположения о том, что самостийники не были организационно связаны с эсеровскими центрами, свидетельствует провал попыток наладить сотрудничество с остатками штаба эсера Вороновича.

Вторую крупную группу отрядов бело-зеленых составляли те, что с 1920 года субсидировал и контролировал врангелевский «Штаб по организации повстанческих отрядов на Кубани». Врангель установил связь со скрывавшимся в Таманском отделе полковником Щербиной и поручил ему объединить разрозненные группы бело-зеленых, кочевавшие в плавнях Протоки и Кубани. В Ейском отделе дислоцировался отряд Сидельникова численностью около 370 штыков и сабель при 12 пу-

леметах [18]. 23 апреля в станице Уманской того же отдела поднял восстание полковник Сухенко, призвавший 1 и 2-й Запорожские полки численностью в 700–1000 сабель стать под зеленое знамя с лозунгами «Долой войну, долой коммуны!», «Да здравствует Советская власть и Учредительное собрание!» [19]. К восставшим присоединились 1 и 2-й Уманские и Закубанский кавполки. Обезоружив гарнизон, арестовав ревком и членов партийной организации, они призвали население к мобилизации против красных. Однако на следующий день мятежники частью разошлись по домам, а частью передислоцировались во главе с Сухенко в сторону Стародеревянской, и уже там были рассеяны Красной Армией.

Острая борьба между Радой и Врангелем развернулась за обладание многочисленной и хорошо организованной группировкой генерал-майора Фостикова. Оставшись из-за ранения в Армавире во время отступления армии Деникина, М. А. Фостиков уже в середине апреля имел под своим началом пластунский полк и бригаду конницы. Эти части, организованные по типу регулярных, стали костяком «Армии возрождения России». На первом месте в ее программе стоял призыв к уничтожению большевизма, затем следовало требование созвать Учредительное собрание. Наряду с этим эсеровским лозунгом выдвигался еще один: «Трудовому народу – земля и воля» [20].

К концу лета «Армия возрождения» выросла во внушительную силу. Согласно рапорту Фостикова Врангелю (от 19 августа 1920 г.), в нее входили три конных дивизии трех-, четырех-полкового состава, три пластунских бригады, до 10 тыс. пехоты (из них вооружено 25%), пять двухорудийных батарей. Допуская, что названные части были кадрированными (неполного состава), названные цифры следует признать реальными. Достоверность сведений подтверждается и боевым расписанием сил противника, действовавших в тылу 3-й Кубанской армии. По состоянию на 10 июля 1920 года в 7 отделах было выявлено банд общей численностью от 5500 до 10 200 бойцов при 40 пулеметах и 11 орудиях [21]. По другим данным, «Армия возрождения России» в момент наивысшего развития бело-зеленого движения (август 1920 года) насчитывала 6670 штыков и сабель, 41 пулемет и 10 орудий.

Учитывая, что в апреле на Кубани имелось лишь около десятка бело-зеленых отрядов общей численностью до 500 штыков при нескольких пулеметах [22], следует признать успешность мобилизационной работы антибольшевистского подполья.

Так что же подтолкнуло к значительному увеличению численности бело-зеленых на Кубани? По словам белогвардейского публициста Г. Раковского, первоначально большевики применяли на Кубани весьма осторожную миротворческую политику, в результате чего население в массе своей примирилось с Советской властью. Действительно, казачество только трех отделов области в марте ссыпало на заготпункты для нужд Центральной России более 2,5 млн. пудов

хлеба без всякого принуждения и нажима [23]. К причинам развития антисоветского движения в 1920 году следует отнести продразверстку (принудительные хлебозаготовки), начавшуюся мобилизацию казаков в Красную армию (вследствие которой множество дезертиров пополнили ряды бело-зеленых), аннулирование денкинских и иных белогвардейских денежных знаков без замены их советскими, а также неумелые действия в сословном вопросе.

В письме председателю ВЦИК М. И. Калинин и председателю СНК В. И. Ленину заведующий рабоче-казачье-крестьянской инспекцией станицы Лабинской просил помочь квалифицированными кадрами, так как «местные работники извращают политику партии по отношению к трудовому казачеству» [24]. Просьба типична: не только низовые работники, но и уполномоченный ВЦИК по Северному Кавказу в 1920 году отмечал, что массы недоверчиво относятся к пропаганде преимуществ Советской власти. «В большинстве же кубанское казачество – это наши заклятые враги, которых мы держим в повиновении лишь силой оружия» [25].

Еще одной причиной возросшей активности бело-зеленых было усиленное внимание к ним со стороны Врангеля и Рады в связи с готовившимся десантом на Кубань. Денежные средства, оружие, офицеры-инструкторы – все это способствовало организационному укреплению вооруженной контрреволюции, расширению зоны ее действий. Так, в конце июля удалось поднять восстание в Карачае.

12 июля 1920 года в станице Курджипской Майкопского отдела состоялся «Съезд делегатов населенных пунктов горной полосы и побережья Черного моря», созданный «Советом народной обороны Кубанского края и Черноморской губернии». Обсуждались способы ведения борьбы с Советской властью и монархией. Провозгласив создание «Кубанской народной армии» во главе с «Военным комитетом народного освобождения Кубани», съезд вынес следующее программное стратегическое и тактическое решение. Предполагалось мобилизовать всех мужчин, способных носить оружие, в возрасте от 19 до 45 лет. Далее сообщалось, что с занятием каждого населенного пункта в нем будут учреждаться выборные Временные исполнительные народные комитеты. Остальные положения (амнистия красноармейцам, борьба с грабежами и поборами) были созвучны программе «Комитета возрождения России».

В нескольких станицах на самом деле возникли временные исполнительные народные комитеты, которые, однако, вскоре были разогнаны командиром партизанского отряда «Вольная Кубань» войсковым старшиной Фартуковым. В своем приказе от 23 июля 1920 года он предложил восстановить власть станичных атаманов и пользоваться положением об управлении станиц казачьих войск от 3 июля 1891 года.

С приходом в Майкопский отдел 1-го Кубанского сводного корпуса под командованием

полковника Г. Б. Крыжановского появился и отдельский атаман – генерал-майор Курбатов, которого на этом посту скоро сменил обосновавшийся в станице Царской полковник Ф. Я. Посевин. В своих приказах новоиспеченный атаман, в подчинении которого находилось несколько хуторов и 3–4 станицы, не только запугивал казаков ужасами коммуны и возмездием за измену, но и пытался организовать их жизнь по старым образцам. На 15 августа им было назначено проведение сразу двух съездов – съезда станичных атаманов и старшин с их помощниками (от иногородних) и съезда местной интеллигенции – священников, учителей. Приказом от 24 августа Посевин обязал станичных и хуторских атаманов, волостных, сельских и аульных старшин провести сходы и избрать по одному депутату в отдельскую раду.

Иллюзорность нейтрального «третьего пути», по которому шло бело-зеленое движение, вскрывается самими приказами Посевина, обнажающими классовую сущность этих «борцов за демократию». В приказе № 4 атаман предупреждал: «Те станицы, хутора, села и аулы, которые думают держать нейтралитет, пусть знают, что они не только не увидят города, но и соседней станицы, хотя бы они вымирили от голода <...> Нейтралитета быть не может. Укрывательство от мобилизации искореню всеми способами, на которые способна власть в военное время» [26]. Не менее суровыми были и методы поддержания воинской дисциплины: за первое нарушение приказа – под плети, за второе – расстрел. Однако ни угрозы, ни суровые наказания уже не могли спасти бело-зеленое движение от гибели.

2 сентября 1920 года соединения 9-й армии и части добровольцев окончательно разгромили остатки врангелевского десанта, поражение которого было вызвано не столько боевыми успехами Красной Армии, сколько нестойкостью контрреволюции. Высадившийся в августе в Тамани генерал Черепов собрал население одной из станиц и заявил: «Ну, кончились все ваши круги и рады и выборные атаманы. Довольно уже накружились и нарадовались. Пора и твердую власть показать» [27]. Таким образом, кубанский казак на собственном опыте убедился в обманчивости обещаний Учредительного собрания, народовластия и, как сказал в речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии (15 октября 1920 г.) В. И. Ленин, «прочих красивых вещей, которыми мажут дураков по губам эсеры и меньшевики»: «Может быть, кубанские крестьяне верили им, когда они так красно говорили, но в результате они поверили не словам, а делу, они увидели, что большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани, а многие сотни и тысячи из его войск оказались расстрелянными» [28].

К двадцатым числам сентября дезорганизованная армия Фостикова и 1-й сводный Кубанский корпус общей численностью до 5500 чел. преодолели Белореченский перевал. На Черноморском побережье в это время дислоцировались отряды

генерала Улагая, князя Шерванидзе, генерала Султан-Келеч Гирея, полковников Старицкого, Ануфриева, Крымшамхалова и др. Боевые действия развернулись на линии Красная Поляна – Сочи – Адлер. После безуспешной попытки Фостикова закрепиться в районе Красной Поляны остатки «Армии возрождения России» 27 сентября пересекли границу Грузии и вышли к Гаграм. В начале октября после инсценировки нападения врангелевского флота на Черноморское побережье Грузии они были вывезены им в Крым.

Из оставшихся в Грузии разрозненных групп бело-зеленых полковником Старицким был сформирован сводный Терско-Кубанский отряд. В октябре этот отряд, но уже под командованием полковника Ануфриева, пробрался на Кубань в район станицы Каменноостской. Остатки отряда генерала Улагая вошли в состав Кубано-Черноморского отряда, который, однако, вскоре распался [29].

Так закончился первый период бело-зеленого движения. Он имел свои этапы развития и особенности.

В тактическом отношении это выражалось в том, что на начальном этапе (апрель – июль) действовали разрозненные малочисленные отряды, вооруженные легким стрелковым оружием и иногда пулеметами. Их тактикой были отдельные внезапные набеги с быстрым отходом к местам стоянок. Бело-зеленое движение тогда не получило еще четкого идейного и организационного оформления.

На этапе наибольшего подъема (август – сентябрь) общее количество повстанцев исчислялось тысячами, вооружение усилилось, включая артиллерию. Главную ударную силу составляла «Армия возрождения России» генерала Фостикова, действовавшая одновременно с частями Врангеля. Среди бело-зеленых наметилось три основных течения: самостийническое, белогвардейское и слабо оформившееся эсеровское. Эсеровскими лозунгами формально пользовались и самостийники (Пилук и Савицкий), и белогвардейцы (Фостиков, Крыжановский, Посевин). В этот момент тактику военных действий бело-зеленых составляли не налеты, а долговременный захват станиц в качестве опорных пунктов. Наступление велось по фронту протяженностью иногда до 100 верст (от станицы Некрасовской Майкопского отдела до Невинномысской).

Третий, заключительный этап (октябрь 1920 – начало 1921 г.) характеризовался спадом повстанческого движения, возвратом к тактике налетов после разгрома основных сил. Начавшаяся с сентября сдача бело-зеленых стала массовой из-за наступления холодов. С поражением Врангеля в Крыму прекратилась помощь извне, казачество постепенно убеждалось в том, что альтернатив Советской власти не будет.

Бело-зеленое движение не обрело устойчивого характера. Сказалась общая усталость от войн – кровопролитная Первая мировая, а затем Гражданская истощили экономический потенциал, резко сократили население региона. Все это окончательно убедило кубанских казаков, что

плохой мир лучше доброй ссоры. Менявшуюся позицию казачества во многом определяли серьезные сдвиги в его социальной психологии. На заключительном этапе Гражданской войны изменения проявились наиболее ярко.

Так, если в годы Первой мировой войны для массового сознания дезертирство отождествлялось с изменой воинскому долгу, и не было для казака более тяжкого преступления, то после революции в станицах на дезертира стали смотреть как на «лихого парня, умеющего надуть начальство» [30].

Бурные годы социальных потрясений сломали стереотипы мышления, но изменение ценностей не поколебало глубинные установки. В первую очередь – русский патриотизм казаков, который остался прежним, несмотря на довольно большую долю украиноязычного населения. Менталитет был обусловлен ролью, которую играло это военное сословие, на протяжении веков защищая рубежи России. Верность России – основа, надежно питающая общее уважение к государственной власти, – проявилась в неприятии кубанским казачеством как украинофильских, так и сепаратистских устремлений Рады.

Неудачи бело-зеленого движения и все более закреплявшийся статус властных структур, созданных большевиками, сначала обусловили выжидательную, нейтральную позицию по отношению к новой власти. Хотя к 1922 году вопрос о ее признании в основном был решен, переход к сотрудничеству с властью наиболее активного социального слоя – казачества – в дальнейшем шел не просто. Сохранялись и взаимное недоверие, и политическая настороженность. Действовали и приверженность сословным правилам казачьей чести, и – в значительной степени – чувство вины перед новой властью, и несогласие со все более жестким курсом большевиков.

В данной связи отметим, что введение нового земельного кодекса вновь резко обострило взаимоотношения власти с казачеством. Казаки лишились всех земельных прав, которые сохранял за ними декрет от 18 ноября 1920 года. Масштабный передел земель согласно новому землеустройству повлек за собой поистине трагические последствия в казачьих областях. Однако, поскольку теперь протест был наказуем по закону и расценивался как уголовно-криминальное деяние, с 1922 года можно констатировать завершение малой гражданской войны (которая в общепринятом понимании есть отраженная на низовом уровне борьба за политическую власть).

Литература и источники

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 1185. Оп. 1. Д. 10. Л. 56–57.
3. ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 115. Л. 29.
4. *Гюев М. И.* Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе, 1969. С. 182.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.
6. Архивный отдел администрации г. Новороссийска. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 146. Л. 9–13.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 15. Д. 1. Л. 175.
8. *Раковский Г. Н.* В стане белых (От Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920. С. 328.
9. РГВА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 112. Л. 114–114 об.
10. См.: *Голубев А. В.* Врангелевские десанты на Кубани. Август – сентябрь 1920 года. М.; Л., 1929. С. 165–166.
11. *Кондаков А. А.* Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960. С. 22.
12. РГВА. Ф. 9. Оп. 15. Д. 1. Л. 185.
13. *Раковский Г. Н.* В стане белых ... С. 453, 469.
14. Разгром Врангеля. М., 1920. С. 265.
15. *Степаненко Б. К.* Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920 – мае 1921 года и ее разгром // История СССР. 1986. № 6. С. 125.
16. РГВА. Ф. 9. Оп. 15. Д. 1. Л. 171.
17. Там же. Л. 172–177.
18. Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 945. Л. 83–84.
19. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 1. Л. 5, 5 об., 20, 52.
20. Там же. Ф. 2815. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.
21. РГВА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 112. Л. 20–22.
22. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 2. Д. 275. Л. 2; РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 86; Ф. 9. Оп. 15. Д. 1. Л. 213.
23. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 4. Д. 230. Л. 8.
24. Там же. Л. 109–110 об.
25. Цит. по: *Щетнев В. Е.* Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар, 1974. С. 57.
26. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 5–8, 20.
27. Цит. по: *Лихницкий Н. Т.* Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 58.
28. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 358.
29. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 529. Л. 21, 24.
30. См.: *Кулиш Н.* В большевистском подполье // За власть Советов. Краснодар, 1957. С. 177.

A. A. ZAYTSEV. WHITE-GREEN INSURRECTIONARY MOVEMENT IN THE SOUTH OF RUSSIA IN SEARCH OF ANOTHER TASK (1920–1922)

Using central and regional archives the author investigates the disputable problem in modern scientific literature – the development of the insurrectionary movement in the North Caucasus in the years of «lesser civil war».

Key words: white insurrectionary movement, lesser civil war, North Caucasus, Cossacks.

А. Г. БУРМАГИН

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КУБАНСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1941 ГОДА

Автор анализирует процесс формирования кавалерийских дивизий на Кубани в ходе летней мобилизации 1941 года, дает краткое описание боевого пути и биографий командиров.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизация, кавалерийская дивизия, казацкие традиции.

Великая Отечественная война нашла широкое отражение в нашей историографии. Однако проблема участия кавалерийских соединений в войне 1941–1945 годов еще недостаточно изучена. Этой теме был посвящен ряд работ как мемуарного, так и научно-исследовательского характера. Наиболее известен из них военно-исторический очерк «Советская кавалерия», опубликованный в 1984 году [1]. Между тем целый ряд вопросов, касающихся данной тематики, до сих пор не нашел должного освещения ни в работах ученых-историков, ни у авторов многочисленных мемуаров.

Большинство исследователей, рассматривающих участие кавалерийских соединений в Великой Отечественной войне, уделяют внимание боевым действиям отдельных наиболее известных частей, но не обрисовывают картину в целом. Изданная на Кубани литература относится, в основном, к истории формирования и боевых действий дивизий 4-го казачьего, а также 1 и 2-го гвардейских кавалерийских корпусов. Лишь в отдельных изданиях можно найти отрывочные упоминания об общей численности кавалерийских дивизий, сформированных летом 1941 года в СССР: в Северо-Кавказском военном округе и, в частности, на Кубани. При этом данные, приводимые авторами в отношении формирования на Кубани кавалерийских дивизий, довольно скупы и противоречивы.

Так, О. В. Агафонов приводит сведения об образовании в Северо-Кавказском военном округе (СКВО) 15 кавалерийских дивизий, и в их числе – сформированных на Кубани добровольческих 62, 64, 66 и 72-й кавалерийских дивизий [2]. Однако по другим данным в СКВО по мобилизации было образовано 18 кадровых кавалерийских дивизий, включая упомянутые О. В. Агафоновым как «добровольческие», т. е. сформированные из лиц непризывного возраста.

Кроме того, в это число не вошли две кубанские и две донские ополченческие добровольческие казачьи кавалерийские дивизии, в 1942 году принятые в состав 17-го казачьего кавалерийского корпуса и ставшие кадровыми. Таким образом, только в СКВО было сформировано 24 кавалерийских дивизии, что составляло более четверти всех кавдивизий, сформированных в СССР в 1941–1942 годах [3]. Половина из этого количества – 12 кавдивизий – были образованы на Кубани, и одна (53-я) – частично из казаков тех кубанс-

ких станиц, которые перешли в административное подчинение Ставропольского края.

Возникает вопрос: в силу каких причин за столь короткое время на Кубани удалось сформировать такое значительное число кавалерийских соединений? Как были сформированы и какой вклад внесли эти дивизии в победу над врагом? Попытаемся ответить на эти вопросы на примере формирования кадровых кавалерийских дивизий на Кубани летом 1941 года.

В июле 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о формировании ста легких кавалерийских дивизий в составе трех кавалерийских полков, состоящих, в свою очередь, из четырех сабельных и одного пулеметного эскадронов и артиллерийской батареи шестирудийного состава [4]. Необходимо отметить, что штаты дивизий в 1941 году неоднократно менялись. Например, 23 июля 1941 года вышла директива Генерального Штаба о формировании по новым штатам четырех дивизий на базе уже существующих 3 и 14-й дивизий. Штат утверждался в следующем составе: управление дивизии численностью 85 чел. и 93 лошади, кавалерийский полк численностью 940 чел. и 1018 лошадей, бронетанковый эскадрон численностью 34 чел. Всего 2939 чел. и 3147 лошадей в каждой кавалерийской дивизии [5].

Уже в начале июля в соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны (ГКО) началось формирование, в том числе в СКВО, 10 кавалерийских дивизий. Затем после постановления от 4 июля – еще 3 кавдивизий, в том числе одной в СКВО. Уже 8 июля было принято решение сформировать еще 10 кавдивизий, а 19 июля – подписано постановление о формировании еще 15 кавдивизий. В августе в соответствии с Постановлением ГКО от 11 августа 1941 года предусматривалось сформировать дополнительно 25 кавалерийских дивизий, в том числе 7 – в СКВО. Этим же постановлением состав дивизий определялся в 3277 чел. и 3553 лошади. Вооружение дивизии устанавливалось в следующих цифрах: 2826 винтовок, 50 ручных пулеметов, 200 автоматов ППШ, 36 станковых пулеметов, 18 – 45-миллиметровых, 12 – 76-миллиметровых пушек, 48 – 50-миллиметровых, 9 – 82-миллиметровых, 18 – 120-миллиметровых минометов, 15 грузовых и 10 специальных автомашин [6]. В ноябре 1941 года было подписано

постановление о формировании 20 национальных кавалерийских дивизий. Всего до конца года в СССР было сформировано свыше 90 легких кавалерийских дивизий.

Одним из источников по теме формирования кавалерийских дивизий на Кубани можно считать краткий отчет военного комиссара Краснодарского края А. Котелкина «О проведении мобилизации и призывов во время войны по Краснодарскому краю с 23 июня 1941 года по 1 января 1942 года», хранящийся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края. В отчете говорится о формировании на территории Кубани летом 1941 года шести кавалерийских дивизий [7]. Однако эта информация не совсем верна. В соответствии с решениями Ставки Верховного Главнокомандующего в июле 1941 года на Кубани было сформировано 5, а в августе еще 4 кубанские кадровые кавалерийские дивизии из числа казаков и жителей Кубани призывного возраста. Таким образом, уже в июле – августе 1941 года на Кубани было создано не шесть, а девять кадровых кавалерийских дивизий, об истории формирования которых и их участии в боевых действиях можно рассказать следующее.

В состав войск действующей армии Южного фронта 9 октября 1941 года вошли: сформированная в Тихорецке 15 августа 62-я Тихорецкая кавалерийская дивизия под командованием полковника И. Ф. Куца в составе 181-го Тимашевского, 183-го Краснодарского и 185-го Ахтырского кавалерийских полков. Полковник Иван Федорович Куц прошел всю войну, стал генерал-майором, был заместителем командира 2-го гвардейского и командиром 6-го гвардейского кавалерийских корпусов.

Сформированная в Армавире 24 августа 66-я кавалерийская дивизия полковника В. И. Григоровича в составе 179-го Кавказского, 187-го Гулькевичского и 188-го Шовгеновского кавалерийских полков. Полковник Владимир Иосифович Григорович после слияния остатков 66 с 62-й кавдивизией командовал последней до ее расформирования. Впоследствии получил звание генерал-майора и с 1943 года до конца войны командовал 12-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской дивизией.

Известна также сформированная в станице Кавказской 20 августа 64-я Лабинская кавалерийская дивизия полковника Н. В. Симерова в составе 182-го Мостовского, 184-го Гиагинского и 186-го Курганинского кавалерийских полков. О дальнейшей судьбе командира 64-й кавалерийской дивизии полковника Николая Васильевича Симерова, к сожалению, не удалось найти никакой информации. Известно лишь то, что дивизией он командовал до 13 марта 1942 года.

Все три дивизии осенью – зимой 1941 года приняли участие в оборонительных и наступательных боях за город Ростов. 62 и 64-я кавалерийские дивизии участвовали в сражениях в составе 56-й, а 66-я кавдивизия – в составе 9-й армий. В этих боях 20 октября 1941 года совершил свой подвиг командир 179-го кавалерийского пол-

ка 66-й кавалерийской дивизии подполковник И. И. Лободин, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

В ноябре 1941 года дивизии приняли участие в контрнаступлении советских войск под Ростовом. В конце декабря 1941 года 64-я, а в начале января 1942 года – 62-я кавалерийские дивизии вошли в состав 2 кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора М. А. Усенко, а затем полковника Г. А. Ковалева.

64-я кавалерийская дивизия полковника Н. В. Симерова после понесенных потерь была расформирована весной 1942 года; оставшийся личный состав пошел на укомплектование 70 и 78-й кавалерийских дивизий. Из состава действующей армии дивизия была исключена 15 апреля 1942 года.

62-я кавалерийская дивизия в составе 2-го кавкорпуса весной 1942 года участвовала в печально знаменитом наступлении войск под Харьковом. В тяжелейших боях кубанцы 62-й кавалерийской дивизии, которой к тому времени командовал полковник В. И. Григорович, понесли огромные потери, оказавшись в окружении. Официально дивизия была исключена из списков РККА в соответствии с приказом Генерального штаба № 00144 от 15 июля 1942 года.

66-я кавалерийская дивизия в январе – марте в составе 9 и 18-й армий участвовала в Барвенково-Лозовской операции, действуя на краматорском направлении. Ввиду понесенных тяжелых потерь она была расформирована в апреле 1942 года; по некоторым данным ее личный состав пошел на укомплектование 62-й кавалерийской дивизии. Из состава действующей армии дивизия была исключена 3 апреля 1942 года.

На Крымском фронте воевала сформированная в Краснодаре 20 августа 1941 года 72-я Кубанская кавалерийская дивизия в составе 190-го Славянского, 193-го Белореченского и 195-го Тимашевского кавалерийских полков под командованием героя Гражданской войны, полного георгиевского кавалера, кавалера трех орденов Красного Знамени генерал-майора В. И. Книги.

В январе 1942 года полки дивизии были переправлены в Крым, где сражались в ожесточенных боях с немцами. В мае 1942 года дивизия участвовала в обороне Турецкого вала, прикрывала отступление советских войск к Керчи, сдерживая врага. В этих боях дивизия понесла огромные потери, а ее остатки были эвакуированы в Тамань. Командир дивизии генерал-майор В. И. Книга 16 мая в районе Керчи был ранен и более четырех месяцев находился на излечении в госпитале. После выздоровления он был назначен заместителем инспектора кавалерии Северной группы войск Закавказского фронта. В октябре 1942 года он снова был тяжело ранен. Затем командовал 6-й запасной кавалерийской бригадой. С декабря 1945 года находился в отставке. Умер 19 мая 1961 года.

72-я кавдивизия была исключена из состава действующей армии 24 июня 1942 года, ее лич-

ный состав направлен на пополнение 40-й отдельной мотострелковой бригады.

40-я (включенная в состав 147, 149 и 151-го кавалерийских полков) и 42-я кавалерийская дивизия, сформированная в Краснодаре в составе 141, 154 и 156-го кавалерийских полков, также воевали в Крыму, в составе 51-й, а затем отдельной Приморской армии. С момента формирования и до конца декабря 1941 года 40-й дивизией командовал кавалер трех орденов Боевого Красного Знамени полковник Филипп Федорович Кудюров, уже успевший получить боевой опыт. Войну он встретил 22 июня на Западном фронте, командуя 205-й мотострелковой дивизией 14-го механизированного корпуса. 42-й кавалерийской дивизией командовал Василий Васильевич Глаголев – будущий Главком ВДВ, генерал-полковник, выпускник академии имени М. В. Фрунзе.

Эти дивизии 20 августа вошли в действующую армию в составе частей 51-й армии. 42-я кавалерийская дивизия полковника В. В. Глаголева приняла активное участие в боях при Перекопе у Турецкого вала и Армянска. После прорыва фронта противником войска 51-й армии оставили Симферополь и начали отход на Керченский полуостров. Обе кубанские кавалерийские дивизии вместе с соединениями Приморской армии с боями отступили к Севастополю кружным путем – через горы, на Алушту и Ялту.

Ввиду больших потерь личный состав 42-й кавдивизии в соответствии с решением Военного Совета Приморской армии от 13 ноября пошел на укомплектование 40-й кавдивизии, которая вела тяжелые оборонительные бои в Севастополе.

Бойцы и командиры 40-й кавалерийской дивизии проявили исключительную храбрость, обороняя Севастополь. Во время отражения декабрьского штурма кавалеристы дрались на рубеже четвертого сектора обороны. При отражении танковой атаки немцев в боях геройской смертью погибли командиры 151-го кавалерийского полка майор Н. А. Обыденный и командир дивизии полковник Ф. Ф. Кудюров, лично руководивший отражением танковой атаки. 40-я кавалерийская дивизия была исключена из состава действующей армии 28 апреля 1942 года.

В составе Центрального фронта воевала сформированная 7 июля 1941 года в Тихорецке 43-я кавалерийская дивизия комбрига И. К. Кузьмина (в составе 35, 38 и 40-го кавалерийских полков) и сформированная в станице Ленинградской 6 июля 47-я кавдивизия генерал-майора А. Н. Сидельникова (в составе 36, 39 и 41-го кавалерийских полков). Эти дивизии уже 19 июля 1941 года были зачислены в состав действующей армии и приняли участие в оборонительных боях на территории Белоруссии и Смоленщины, где в составе кавалерийской группы под командованием командира 32-й кавдивизии полковника Александра Ивановича Бацкалевича участвовали в первом в истории Отечественной войны кавалерийском рейде по тылам противника. В этом рей-

де конники понесли большие потери. Дивизии, действовавшие в тылу противника, испытывали острую нехватку боеприпасов, неоднократно попадали в окружение, но с боями прорывались и выполнили поставленную задачу. В ходе двухнедельного боевого рейда дивизии сковали боевую деятельность части соединений двух вражеских армейских корпусов и трех дивизий командующего тылом группы армий «Центр», сорвав наступление немцев на Западном фронте и сумев прорваться к своим. Позже наши дивизии были пополнены людьми и техникой и вновь участвовали в боях.

В сентябре, прикрывая отход 21-й армии к Днепру, кубанские дивизии вновь оказались в окружении, но опять сумели пробиться к своим. В октябре – ноябре 1941 года из-за невосполнимых потерь 47-я дивизия была расформирована и 10 ноября 1941 года исключена из рядов действующей армии, оставшийся личный состав пошел на пополнение 32-й кавалерийской дивизии. 43-я кавдивизия позднее также была расформирована и исключена из действующей армии 22 мая 1942 года.

Уроженец Благодарненского района Ставропольского края генерал-майор Андрей Никанорович Сидельников участвовал во многих боях и закончил войну, командуя корпусом в звании генерал-лейтенанта, был награжден рядом орденов, включая орден Кутузова I степени.

Уроженец города Старая Русса комбриг Иван Кузьмич Кузьмин прошел всю войну, получил звание генерал-майора, командовал стрелковым корпусом. В числе немногих генералов он был награжден орденом Богдана Хмельницкого I степени.

На Западном фронте воевала 50-я Кубанская кавдивизия, сформированная в Урупских лагерях 8 июля 1941 года из кубанских казаков станиц Лабинской, Прочноокопской, Курганной, Советской, Отрадной, Вознесенской и др., ранее входивших в Лабинский полковой округ. Ее командиром был назначен будущий генерал армии, дважды Герой Советского Союза, в то время выпускник академии Генерального штаба, полковник Исса Александрович Плиев. В ее состав вошли 37 и 43-й Армавирские и 47-й Лабинский кавалерийские полки.

18 июля 1941 года дивизия прибыла в район Ржева и вскоре вместе с 53-й дивизией комбрига К. Мельника вошла в состав вновь сформированной кавалерийской группы под командованием полковника Л. Доватора. О дальнейшем боевом пути дивизии написано достаточно, упомянем лишь о том, что это единственная из девяти кавалерийских дивизий, сформированных на Кубани летом 1941 года, которая прошла всю войну, заслужив почетное наименование 3-я гвардейская кавалерийская Мозырская Краснознаменная ордена Суворова II степени дивизия.

Таким образом, мы видим, что только в 1941 году на Кубани было сформировано девять кубанских кавалерийских дивизий. Подобное быстрое формирование дивизий стало возмож-

ным, потому что в регионе еще проживали опытные кавалеристы – кубанские казаки. Важно и то, что большое количество населения Кубани к тому времени уже прошло хорошую подготовку в переменном составе Кубанских кавалерийских территориальных дивизий. Большинство этих дивизий буквально через две-три недели с момента начала формирования вступали в бой с элитными, получившими опыт боев немецкими дивизиями и в жестоких, кровопролитных боях наносили им огромные потери.

Однако мобилизационный ресурс кавалеристов Кубани уже летом 1941 года был практически исчерпан. По архивным данным, в составе кавалерийских соединений на фронт было направлено около 27 тыс. кубанцев, прошедших подготовку в территориальных кавалерийских дивизиях. Как следствие, уже в октябре 1941 года на Кубани стали создаваться ополченческие кавалерийские дивизии из лиц непризывного возраста и молодежи.

В последующие годы войны кавалерийские дивизии на Кубани не формировались.

Литература и источники

1. Сошников А. Я., Дмитриев П. Н., Арутюнов А. С. и др. Советская кавалерия: военно-исторический очерк. М., 1984.
2. Агафонов О. В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. М., 2002. С. 298.
3. Перечень объединений и соединений Красной армии и ВМФ, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Действующая армия. Научно-справочное издание. М.; Жуковский, 2005. С. 469–472, 472.
4. Сошников А. Я., Дмитриев П. Н., Арутюнов А. С. и др. Советская кавалерия ... С. 171.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: док. и м-лы. 1941 год. Т. 13. М., 1997. С. 237.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 486. Л. 3.

A. G. BURMAGIN. FORMATION OF KUBAN CAVALRY DIVISIONS IN JULY - AUGUST 1941

The author analyzes the process of cavalry divisions formation in Kuban region during the summer mobilization of 1941, and gives the brief description of their fighting way and commanders' biographies.

Key words: Great Patriotic war, mobilization, cavalry division, Cossacks' traditions.

Теория и история литературы. Журналистика

В. К. ЧУМАЧЕНКО

«КУБАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА» В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассмотрены методологические подходы к изданию многотомной «Кубанской библиотеки». Дан общий книговедческий анализ вышедших первых пяти томов новой книжной серии.

Ключевые слова: литература Кубани, региональное издательское дело, идентичность кубанского казачества.

Идея издать в Краснодаре многотомную «Кубанскую библиотеку», которая бы адекватно отразила этническую и культурную идентичность кубанского казачества, относится к числу давних. Актуализировалась она на волне возрождения духовного наследия края. Поскольку литература – часть, и довольно существенная, культурного богатства всякого цивилизованного народа, вполне естественно встал вопрос о крупном издательском проекте, способном донести до современного читателя все самое значимое из того, что создано нашими предшественниками. К настоящему моменту масштабный проект, рассчитанный на 20 томов, на четверть воплощен в жизнь: первые 5 томов уже вышли из печати. Это основательный повод для разговора о культурно-исторической подоплеке издания и его содержательном наполнении.

Автор считает себя вправе высказаться на эту тему, так как сам посвятил три десятка лет изучению малоизвестных страниц литературы Кубани. За эти годы не раз приходилось убеждаться в том, что беспамятство – ошибка. Оно плохой помощник тем, кто пытается строить новое здание кубанской литературы, не ощущая дискомфорта от насильственно прерванной исторической традиции. Только питаясь от животворных корней, ощущая себя частью двухвекового потока казачьей культуры, словесность может быть продолжением истока и началом чего-то нового.

Конечно, связь времен порвалась не по злой воле одного человека, не по прихоти каких-то недоучек, а в результате сложных общественных процессов, десятилетиями назревавших в российском обществе. Иногда в этом винят революцию и Гражданскую войну: как известно, междоусобица в наших краях приняла особо кровавый характер. Иногда напоминают о том, что и последние распри были значительно жестче, чем, скажем, в средней полосе России. Если там никому в голову не пришло отказаться от творчества дореволюционных писателей, то у нас на всю досоветскую литературу было наложено семидесятилетнее табу. От читателей отлучили не только творчество литераторов-эмигрантов, но и художников, которые пытались (и не без успеха!) творить на литературном украинском языке, а также на живом, великолепном по своей сочности и красочности языке кубанской станицы – «козацкой мове». В 1932 году, согласно известному пос-

тановлению ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», они тоже оказались под запретом [1]. В итоге с конца 1940-х годов кубанскую литературу пришлось создавать как бы на пустом месте, заново.

Нельзя сказать, что сходные попытки возродить забытое литературное наследие в СССР ранее никем не делались. Конечно, они предпринимались, только сначала не в Краснодарском крае и с иными, чем у нас, результатами. Классические примеры – библиотека «Родимый край», изданная в 1960-е годы в Воронежской области и считающаяся образцовой в своем роде, и весьма успешная «Библиотека сибирского романа».

В 1970–1980-е годы в Краснодарском книжном издательстве также выходило серийное издание под названием «Кубанская библиотека». Оно не было завершено, да и не вызвало большого интереса у читателей, так как составители сознательно не включили в план знакомство с творчеством казачьих литераторов, которые талантливо раскрыли душу родного края и отразили его трагическую историю во всей ее неоднозначной многоплановости. Кого в этой серии представили кубанскими писателями? За (якобы) неимением других, кубанскими были названы адыгские просветители, многие из которых на территории современного Краснодарского края даже не бывали. О местных казачьих просветителях умалчивалось (получалось так, что их в крае как бы и не было). Начало XIX века было представлено стихами и прозой декабристов, заброшенных в наши края злой судьбой. Далее книги Л. Толстого, М. Горького, Д. Фурманова, яркими метеорами промелькнувших на кубанском горизонте. Их произведения в СССР многократно переиздавались, были хорошо известны, и появление переизданий абсолютно ничего нового не добавляло, тем более что второй из названных писателей откровенно не любил казаков, а третий в Гражданскую войну сражался против них.

При той первой попытке времен брежневского застоя выбором текстов и имен руководила пресловутая «идеологическая нетерпимость». Невозможно было упомянуть в печати об именах К. Россинского, Я. Кухаренко, В. Вареника, В. Золотаренко, В. Мовы, Я. Жарко, В. Потапенко, Г. Доброскока, Ф. Щербины. Всякий, кто решился нарушить табу, автоматически бы попал в число неблагонадежных.

К ним причисляли тогда и писателя В. И. Лихоносова. И вполне оправданно, ибо на страницах возглавляемого им литературно-исторического журнала «Родная Кубань» с 1998 года начало обретать гражданство совсем иное отношение к былому. Лихоносову, можно сказать, и принадлежит мысль о том, чтобы книжная серия «Кубанская библиотека» вышла заново, в совершенно ином виде. Когда он сказал, что просит меня разработать проект новой серии, выбор был неслучайным. Виктор Иванович разделял мой интерес к восстановлению незаслуженно забытых имен, собиранию затерянных рукописей. Он знал о многолетних поисках пропавших текстов, редких публикаций, для чего мне пришлось исколесить немало дорог, побывать в разных городах и странах. Виктор Иванович обязался самолично положить проект новой «Кубанской библиотеки» на стол самого высокого начальства.

При составлении серии я решил руководствоваться следующим. Поскольку тома прежней «Кубанской библиотеки» выходили массовым тиражом (50 тыс. экземпляров), отпала необходимость снова публиковать включенные туда произведения. Они, как и другие книги вошедших в них авторов, и без того в достаточном количестве имеются практически во всех библиотеках Кубани. В новом проекте предлагалось обратиться к творчеству литераторов, которые ранее в силу идеологических причин были неизвестны широкому кругу кубанских читателей (казачья литература, литература кубанской эмиграции, репрессированные литераторы). И таким образом ярко и емко представить «забытые имена».

Тогда же для себя я твердо определил: истинная кубанская литература создавалась, прежде всего, местными литераторами. Не только теми, кто родился в крае, но и теми, кто, приехав на Кубань, полюбил ее навсегда, поставил свой талант на службу ее интересам, кому удалось высокохудожественно передать красоту и душевное богатство ее жителей, кровно сродниться с ними. Творчество авторов, не идентифицирующих себя с понятием «кубанцы», в силу отсутствия у них сыновнего чувства к кубанскому краю, осталось за пределами данного проекта.

Проект «Кубанской библиотеки» в зависимости от объема литературного наследия конкретных авторов можно было бы распределить на «малую» и «большую» серии, что позволило бы не собирать под одной обложкой нескольких писателей, а отдать каждому из них небольшой отдельный томик. Также предлагалось распределить намеченные 20 томов на три тематических группы: «художественная литература», «историческая публицистика», «мемуары». Мечталось, что каждый из томов будет снабжен блоком качественных фотоиллюстраций. Иллюстративным материалом могли служить снимки традиционных кубанских музыкальных инструментов, портреты знаменитых кобзарей, участников литературного процесса, а также сцены из спектаклей, страницы рукописей, фотокопии писем и т. д. Разумеется, в большинстве томов мне виделись редкие ныне

фотографии старого Екатеринодара, других городов Кубани и казачьих станиц, семейные снимки горожан и сельских жителей, образцы кубанской ковани, изделий народных ремесел, виды довоенного и послевоенного Краснодара, показывающие, как город менял свои черты.

В общем, фантазия заработала. Поскольку издание задумывалось как проект государственного масштаба, то и мысли приходили соответствующие. Хотелось впервые в истории Кубани дать полный академический свод лучших (и при этом аутентичных) художественных и публицистических текстов, созданных на протяжении всей новейшей кубанской истории. Особое, бережное отношение предполагалось проявить к зачинателям местной литературной традиции, отыскать первоначальные рукописи, представить все варианты, убрать редакторские наслоения и восстановить лакуны, образовавшиеся из-за вмешательства цензоров.

Как это выглядело на практике, хочу показать на примере подготовки тома «Казачий просветитель Кирилл Россинский и литераторы его круга». Для этого тома библиотека Российской академии наук позволила сделать копии публикаций Россинского из редчайших изданий начала XIX века. Кубанские и украинские архивисты искали и находили для него драгоценные крупницы сведений о двух литературных сподвижниках отца Кирилла – поэте Якове Мышковском и талантливом авторе путевых заметок Иване Сбитнев, работавших в Черномории учителями. К подготовке тома подключился известный российский писатель Ю. Н. Сбитнев, потомок первого летописца Екатеринодара. Он помог отыскать ныне редкостные публикации своего предка, совершил паломничество к родным пенатам, на Черниговщину, встречался с местными краеведами и благодаря их помощи выявил множество неизвестных документов, рассказывающих о судьбе одного из первых кубанских педагогов и писателей.

Не менее тщательные изыскания были предприняты для подготовки томика сочинений нашего первого классика Якова Кухаренко. На это святое дело работали десятки людей в самых различных странах, разыскивая уникальнейшие материалы, например, афиши любительских спектаклей, сыгранных по пьесе Якова Герасимовича «Черноморский побит» в эмигрантских бараках в одной из стран Южной Америки, книга Кухаренко и книга о нем, изданные в Чехословакии в конце 1920-х годов. Удалось заполучить фотокопии подлинных писем Я. Г. Кухаренко, адресованных Тарасу Шевченко и множество других раритетов, которые до этого не держал в руках ни один кубанский исследователь. Отдавая дань уважения зачинателю нашей казачьей словесности, мы восстановили по рукописям подлинные тексты всех его рассказов и очерков, а также реконструировали авторский вариант пьесы «Черноморский быт» (в оригинале он чуть ли не на четверть длиннее хрестоматийного).

Казалось, после выхода в Нью-Йорке и Краснодаре двух книг В. Мовы (Лиманского) и его романа в диалогах «Старое гнездо и молодые птицы»,

полностью опубликованного в журнале «Родная Кубань», нашего читателя уже нечем удивить [2]. Но и тут для «Кубанской библиотеки» мы приберегли отличающийся от канонического (никогда ранее не публиковавшийся) вариант этой пьесы. Он особенно ценен тем, что этой, можно сказать, чудом сохраненной в семье писателя рукописи не касалась рука украинского литературного редактора (пусть даже самого И. Франко). В ней в первоизданной чистоте дошел до нас язык коренных кубанцев середины XIX столетия.

Теоретическая база будущей серии на протяжении ряда лет шлифовалась на ставших традиционными кухаренковских [3] и литературно-исторических чтениях [4], которые поочередно проводились в стенах Литературного музея Кубани и Краснодарского государственного университета культуры и искусств на протяжении последних 15-ти лет. Вырисовывавшийся в муках творчества грандиозный книжный проект должен был ответить на главные вопросы идентичности: «кто мы?», «откуда родом?» и почему, называя себя русскими или украинцами, при этом не забываем вслед за своими славными предками добавлять: «Слава Богу, что мы – казаки!»

Увы, ничему из моих прожектов, так горячо поддержанных В. И. Лихоносовым, не было суждено воплотиться в жизнь. Да, Виктор Иванович выполнил свое обещание и отнес этот проект одному из заместителей губернатора Краснодарского края. С положительной резолюцией проект был передан тогдашнему руководителю департамента по делам СМИ, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. А уже от него – к частной книгоиздательнице, в руках которой волшебным образом превратился в *ее проект*, не имеющий ничего общего с моим. Теперь предполагалось издать коллективные сборники стихов, прозы, произведений о войне, для детей и т. д. В общем, издательница адаптировала профессорские фантазии: перевела их, как сумела, на язык, более понятный местным чиновникам от культуры.

Разумеется, я не против стихов для детей и уж тем более – произведений, воспевающих подвиг народа в Великой Отечественной войне, но произошедшая подмена подействовала на меня, прямо скажем, удручающе. Это был совсем другой проект, с иными героями и иными целями; и как мощно нововведение вдохновляло наших вездесущих графоманов! Одна местная авторша, не писавшая сроду ни о войне, ни для детей, радостно делилась творческими планами, уверяя, что теперь-то – обязательно напишет и о том, и о другом, чтобы запечатлеться в каждом томе «Кубанской библиотеки».

С появлением первого тома разразился небольшой «литературно-издательский» скандал. Все тот же Виктор Иванович Лихоносов, не вынесший нагло и беззастенчивой подмены благородных идей, потребовал объяснений. По его настоянию меня пригласили на беседу к новому руководителю департамента по делам СМИ. На вопрос: возможно ли органичное объединение двух издательских проектов, я ответил, что подобный симбиоз проти-

воестествен. С тем меня отпустили восвояси, пообещав обязательно позвать на очередные заседания экспертного совета при главе администрации Краснодарского края по приоритетным направлениям книгоиздания («нам интересно Ваше мнение»). К сожалению, обманули. Приглашений не последовало, хотя, я слышал, каких-то мало кому известных и ничем не проявивших себя на поприще литературного краеведения людей по этому поводу собирали, и не один раз. Чтобы замаять скандал, проект передали под патронаж газетного концерна «Периодика Кубани». Но и там он осуществляется в порочной «обновленной» редакции и с теми же печальными результатами.

Автор имел возможность ознакомиться с пятью уже вышедшими томами – бездарно составленными, плохо вычитанными, никому не нужными из-за серости большинства включенных в них произведений. Оговорюсь сразу: талантливые страницы там есть. Так, из 15 прозаиков, представленных во втором томе, я оставил бы не более четырех: Н. Ивеншева, В. Максимова, Л. Пасенюка, П. Прокопова. А из 58 поэтов, густо населяющих третий том, сохранил бы на занимаемой площади лишь десяток: И. Варавву, Т. Голуб, В. Гончарова, Н. Доризо, В. Жилина, Н. Зиновьева, Ю. Кузнецова, Е. Кузьмину-Караваеву, В. Неподобу, А. Слуцкого... Четвертый и пятый тома, будь моя воля, вообще бы не давал в печать из-за низкого художественного уровня представленных в них произведений, хотя они и посвящены Великой Отечественной войне. Такие тексты вполне уместны в сборнике беллетристики и воспоминаний ветеранов, а не в художественной энциклопедии, призванной представить настоящих мастеров слова. Сказанное мною в полной мере относится и к воскрешенной из небытия «Малой земле» Л. И. Брежнева (4-й том), которую, как всем давно известно, писал вовсе не он.

Итак, новая книжная серия, посвященная литературе Кубани, оказалась гораздо хуже первой. Благодаря бюджетной поддержке новоявленные книги в общем-то неплохо изданы: «дутые», с золотым тиснением обложки, золотые обрезы, добротные переплеты. Однако золотообрезанное Нечто никак не тянет на сенсацию. Да что и сравнивать! В той, давней, были вещи куда более заметные: непревзойденный Л. Толстой, не обделенный талантом и пронизательностью М. Горький...

«Золотообрезанное Нечто» должна была называться моя статья в краснодарской культурно-просветительской газете «Душа моя» (февральский номер 2009 года). Она анонсирована на ее обложке, однако на соответствующей странице – только извинения перед читателями за то, что, по независящим от редакции обстоятельствам, статью опубликовать не удалось. Ее выдирали из номера прямо в типографии (случай в истории современной кубанской журналистики неслыханный).

И все же принципиальный разговор о первых томах «Кубанской библиотеки» состоялся. Ему посвящен первый номер журнала «Родная Кубань» за 2009 год. Там среди прочих есть и моя, правда другая, статья [5], а также критические заметки П. Макаренко с анализом просчетов и оши-

бок первого тома [6]. Итог этому обсуждению вопроса о неудавшемся издательском проекте подвел признанный радатель кубанской казачьей культуры писатель В. Лихоносов, сказавший буквально следующее: «*Был составлен и предложен правительству план 20-томного издания векового кубанского наследия. Предлагалось подтвердить славу, величие, жизненную силу и трагедию Кубани письменностью, давно свершившейся. Но решили блистать графоманией современников и пренебрежением к истории*» [7].

Хочется верить, что печальный реквием по книжному проекту, который по своей значимости мог сравниться с возвращением памятника Екатерины Великой и изменить к лучшему дальнейшее развитие нашей кубанской литературы, не оставит читателей равнодушными.

Литература

1. Трагедия станицы Полтавской // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 108–109.
2. Мова (Лиманський) В. Куліш, Байда і козаки. Нью-Йорк, 1995; *Он же*. Из литературного насле-

дия. Краснодар, 1999; *Он же*. Старе гніздо і молоді птахи // Родная Кубань. 2004. № 3. С. 104–137; № 4. С. 120–140; 2005. № 3. С. 126–138; № 4. С. 113–127; 2006. № 1. С. 108–134.

3. Кухаренковские чтения. Краснодар, 1993; Вторые Кухаренковские чтения. Краснодар, 1996; Третьи Кухаренковские чтения. Краснодар, 1999.

4. Два века кубанской литературы. Краснодар, 1993; Кубань литературная: новые доклады и сообщения. Краснодар, 1994; Кубань в эпоху «Серебряного века». Краснодар, 1997; Первые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 1999; Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000; Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001; Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003 и др.

5. Чумаченко В. К. На кубанском литературном шляху // Родная Кубань. 2009. № 1. С. 126–130.

6. Макаренко П. Примечание к выходу антологии «Кубанская библиотека» // Там же. С. 131–132.

7. В. Лихоносов. Добавление главного редактора // Там же. С. 132.

V. K. CHUMACHENKO. «THE KUBAN LIBRARY» IN THE LIGHT OF THE IDENTITY PROBLEM

The article dwells upon the methodological approaches to the publication of the voluminous «Kuban Library», providing general bibliological analysis of the first five published volumes of this new literary series.

Key words: *Kuban literature, regional publishing, Kuban Cossacks' identity.*

Н. В. СВИТЕНКО

АРХЕТИП ТРИКСТЕРА В СЮЖЕТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ Н. С. ЛЕСКОВА

Автор статьи предлагает свою концепцию парадоксов лесковского стиля, устанавливая типологическое сходство между мифологическим персонажем Н. С. Лескова и юнговским архетипом трикстера.

Ключевые слова: *авторская субъективность, амбивалентность, ирония, мифологическое сознание, сказ, трикстер.*

Архетип «трикстера», по Юнгу, предполагает героя с особым типом сознания, ориентированным на медиацию и синтез. Это плут, шут, озорник, хитрец, юродивый, безумец, маргинал, одиночка – образ инаковости, другого. Трикстер – фигура амбивалентная, он говорит истину, но тут же высмеивает ее. Дискурс трикстера – всегда инсценировка; его логика «обнажает», подает в виде гротескного шаржа господствующие нормы, правила, идеологемы. Место действия такой логики – граница семантических полей [1].

В текстах Н. С. Лескова аналогичный архетип выявляется на разных уровнях. В первую очередь, это персонажи (как трикстеры могут быть охарактеризованы его странники, «нарушители границ», которым присущи детскость, амбивалентность поведения, сочетающая смеховое начало с готовностью к жертвованию) и более емкий уровень поэтики (медиация, синтез и гибридность как принцип организации художественного дискурса). Семантический инвариант повество-

вательной манеры Лескова можно видеть в орнаментальных сказовых приемах: инверсии изображаемых событий и характеров, дискурсивных позиций и стилей.

Как известно, «орнаментальный сказ объединяет принципы нарративного и поэтического строения текста и поэтому представляет собой пограничное явление» [2]. Подвижный, постоянно меняющий точку отсчета авторский взгляд, игра на грани трагедии и фарса, нахождение «по ту сторону» пессимизма и оптимизма, семантическое «мерцание» света и тени, ироническое снятие антитезы – характерные приемы поэтики Лескова. Его излюбленный персонаж – праведник – балансирует между новацией и традицией, революционностью и эволюционностью, свободой и канонам, реальностью и чудом, сакральным и профанным и т. д. Мотивы его поведения могут быть разными, но общим остается рисунок движения «по параболе».

Сошлемся на мнение еще одного авторитетного исследователя, который постулировал, что ста-

новление романа XIX века связано с народным театром-балаганом и актуализацией комических масок. М. М. Бахтин пишет о влиянии этих факторов на образ автора и авторскую точку зрения: «Романист нуждается в какой-то существенной формально-жанровой маске, которая определила бы как его позицию для видения жизни, так и позицию для опубликования этой жизни. И вот здесь-то маски шута и дурака, конечно, различным образом трансформированные, и приходят романисту на помощь. Маски эти не выдуманные, имеющие глубочайшие народные корни, связанные с народом, освященные привилегиями непричастности жизни самого шута и неприкосновенности шутовского слова, связанные с хронотопом народной площади и с театральными подмостками <...> Найдена форма бытия человека – безучастного участника жизни, вечного соглядатая и отражателя ее, и найдены специфические формы ее отражения-опубликования» [3].

Секрет медиации бинарных противоречий в поэтике Лескова, возможно, связан с расслоением фигуры автора. Автор-рассказчик Лескова являет собою такой синтез вымышленного персонажа с реальным автором, о котором говорил Л. Озеров: «Сказовая проза – двойной портрет: рассказчика и автора, искусное повествование, где исповедальное и игровое начала друг другу помогают» [4]. Подобная организация художественного дискурса может быть раскрыта с помощью одного из выделенных К. Юнгом архетипов. Трикстер (провокация, ироническая проверка сложившихся устоев и традиций) привносит элемент хаоса в существующий порядок. Путем деидеализации он способствует превращению мира идеального в реальный.

Лесковская манера повествования – динамичная, подвижная, задает непредсказуемые изменения действительности и героя. В противоположность монументализму Толстого и Достоевского, Лесков выступает как своего рода этнограф, фиксатор многообразия жизни, составитель «энциклопедии мелочей». Суть его «мелких» фабул – в поэтике уклонения, иносказания, парафразы, которая следует обходным путем. Такая нарративная манера амбивалентна.

Подход к повествовательной манере «кудесника слова» как к языковому отражению архетипа трикстера позволяет избежать жесткого детерминизма, подчеркнуть, что нарративная стратегия Лескова устраняет дилемму рационального / иррационального именно тем, что восстанавливает в правах магическое мировидение мифа. Исследователи уже обращали внимание на то, что Лескову присущ «двунаправленный» взгляд, родственный «фольклорному двойному зрению» [5]. Тут очевидно сопряжение прагматико-рационального мироощущения с «магическим реализмом». Героям произведений (особенно цикла о праведниках и романа-хроники «Соборяне») присущ мифомагический тип отношения к окружающему, их бытие обусловлено тем, что их сознание довольно далеко от рационально-прагматического.

В рамках лесковского сказа ведется диалог разных исторических типов человеческого сознания: синкретического (миф, фольклор), рационального, иррационального, религиозного, атеистического и пр. Для Лескова характерно сочетание детерминированно-психологического изображения человеческого сообщества со стремлением передать активность мифологического сознания.

Как отметил К. Кедров, «это глубоко содержательный и совершенно новый тип повествования, при котором интонация рассказчика дробится обертонами: лукавыми, нелогичными, ироничными, чуть не шутовскими оттенками; и так расщепляется в ткани текста сама концепция монолитного, однозначного и уверенно-ясного знания о человеке».

Трезвейшая реальность спрятана в самой сердцевине безудержного словесного лесковского карнавала. И выявляется она в <...> сбоях сюжетной логики <...> Лесков чутьем великого художника чуял подступающую драматичную смену логики. Он не пытался осмыслить ее ни в плане всеобщей практической нравственности, как Толстой, ни с позиций теоретического мирового духа, как Достоевский» [6].

Так, в романе-хронике «Соборяне» фарсовые эффекты, нелепые ситуации, комические казусы присутствуют в самых разных по пафосу фрагментах сюжета. Юмористическое перемешано с жутким, возвышенным и трагическим. По верному замечанию Л. Аннинского, две линии – высокая, героическая, «оперная» и пародийная, «опереточная» – сложно переплетаются, отталкиваются одна от другой на протяжении всего романа [7]. Это затрагивает и благоговейную, просветляющую тональность, характерную для описания образов праведников. У Лескова и в ней возможны курьезно-фарсовые и трагикомические обертоны: три «праведника» – протопоп Савелий Туберозов, отец Захария Бенефактов, дьякон Ахилла, показаны в калейдоскопе анекдотических и трагических, «диких» и обыденных ситуаций (стиль Лескова упраздняет всякого рода статусность и социальное неравенство).

Идентичность трикстера в мифе все время изменяется, соотносясь то с животным миром, то с божественным миром. Это же искусство превращения и трансформации выступает сущностной чертой повествовательной манеры Лескова: «Ощущение душевной распахнутости и детской бесшабашности, по существу, глубоко незащитной, и составляет <...> ту призму, сквозь которую видится действие. Суть – в самой призме. Все пропорции сквозь нее меняются, все приобретает иной масштаб. Каменное оказывается прозрачным, прозрачное отвердевает камнем, крепкое шатается, шатающееся идет вразлет. Черное и белое меняются местами, непримиримое сходится, враги, ведущие войну насмерть, оборачиваются близнецами» [8].

Следуя законам трикстериады, лесковская стилистическая ирония дробит стереотипы эпо-

хи и создает самостоятельный духовный мир. Жесткость бинарных структур преодолевается через медиацию (снятие дуальности, оппозиционности и конфликтности). Поэтому сюжеты и характеры Лескова так лаконичны и дискретны.

Ироническое сознание следует окольным, непрямым путем («кружение вокруг мнимости»), и этот окружной путь оказывается не самым длинным: обход – одна из форм литоты. В этом, как мы полагаем, и заключен парадокс повествовательной манеры, определившей жанровое своеобразие прозы Лескова, тяготеющей к поэтике анекдота, новеллы и «мозаичной» хронике.

Литература

1. Юнг К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М., 2005. С. 338–358.

2. Тмарченко Н. Д. Сказ // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 235.

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 311.

4. Озеров Л. Поэзия лесковской прозы // В мире Лескова. М., 1983. С. 262.

5. Кедров К. Фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Н. С. Лескова // В мире Лескова. М., 1983. С. 60.

6. Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М., 1986. С. 116.

7. Там же. С. 264–266.

8. Гуминский В. Органическое взаимодействие (От «Леди Макбет...» к «Соборьянам») // В мире Лескова ... С. 255.

9. Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье ... С. 159.

N. V. SVITENKO. ARCHETYPE OF TRICKSTER IN N. S. LESKOV'S NARRATIVE MANNER

The author suggests his own concept of Leskov's style paradoxes, determining the typological similarity between Leskov's personage and Jungian trickster archetype.

Key words: *author's subjectivity, ambivalence, irony, mythological consciousness, tale, trickster.*

М. В. ЮРЬЕВА

ТРАНСЛЯЦИЯ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРАМАТУРГИИ Д. В. АВЕРКИЕВА

Автор статьи прослеживает влияние древнерусского словесного искусства на драматургию второй половины XIX века. Художественные особенности исторической драмы рассмотрены на примере творчества Д. В. Аверкиева.

Ключевые слова: *трансляция, эстетическое новаторство, инвариант, драматический конфликт.*

Литературное наследие известного драматурга и театрального критика Д. В. Аверкиева (1836–1905) находится в органической взаимосвязи с теми процессами общественного сознания, искусства и науки 1850–1880-х годов, благодаря которым усилился интерес к духовному наследию Древней Руси в культурном контексте эпохи. Достижения в области истории и этнографии, становление академического литературоведения устремили интеллектуальный пульс времени к поиску национальной идеи, ее философскому осмыслению. «Стремление к самопознанию привело к осознанию связи Я с настоящим и прошлым человечества <...> к изучению объективных отложений человеческой мысли в языке и словесных произведениях» [1]. В этом процессе актуальным становится философское и эстетическое осмысление проблем современности драматургии и театра.

В 1850–1880-е годы – время расцвета национального театра, обретающего новый материал для сценического воплощения, – среди многочисленных жанровых образований особое место принадлежит пьесам на историческую тематику.

Сделать историю предметом искусства считали основной своей задачей драматурги «этнографического» направления.

Культурно-исторические реалии входят в мир художественного произведения через словесно-образный ряд, транслирующий в современность устойчивые мотивы и бытовые приметы старины. Причастность к истории нередко воспринимается писателями очень эмоционально – как родное, но трагически забытое прошлое. Крепость русского уклада, нравственная чистота и цельность внутреннего бытия идеализировались. Средневековый мир виделся как оформленный, заверченный, но необратимо отдаленный во времени. Приобщение к такому материалу, включение его в полемику о настоящем и будущем рождало феномен эстетического новаторства: «Каждый драматург формирует свою систему соотношений между историческим временем, фактом и авторской волей, выстраивающей эти факты в определенной последовательности и подчиняющей их себе» [2]. «Память жанра», «память стиля» работали не только как устойчивое свойство культуры, но и как динамичный творческий фактор.

Пересмотр канонов и путей эволюции исторической трагедии, интерес к «народной драме», построение историософских концепций, затрагивающих вопрос национальной самоидентификации – все это стимулировало поиски. Происходило обновление как жанрового репертуара в целом, так и содержательности отдельных его составляющих. Драматурги стремились напитать «воздухом» русской старины комедии и сцены из народной жизни, фарсы, театральные интермедии (интерлюдии) и прологи. Влияние культуры средневековья на литературу этого времени происходит не только на уровне использования отдельных сюжетов и образов. Оно закрепляется путем сохранения «самого взгляда» на природу и человека (Ф. И. Буслев) – тех «живительных соков», которыми питалось национальное чувство.

В поисках национального характера на сцену выводятся «старые типы» исторической русской жизни. В новых жизненных обстоятельствах собственно историческая драма нацелена на художественное осмысление событий, в которых русский мир находится на грани гибели, духовной катастрофы, в предчувствии коренных преобразований: борьба за княжеский престол и польская интервенция, новгородская вольница и Смутное время, правление Ивана Грозного и опричнина. Исторический факт, выступая в роли инварианта, порождает многочисленные сюжеты с драматическими конфликтами, в которых прошлое отрывается во множественности отражений и субъективных иллюзий.

Сочетание авантюрной интриги и психологической разработки характеров обеспечило исторической драме 1850–1880-х годов огромный зрительский интерес, она «начала входить в моду, и почти все драматурги сочли долгом попробовать силы в этом жанре» [3]. Писатели «этнографического» направления ориентировались не только на зрительские симпатии: театральное действие мыслилось ими как «культурная прививка», поставщик образцов, эталонов облика и поведения. В театр, по наблюдению А. Н. Островского, шли не только завсегдатаи, но и те, кому «по недостатку образования еще недоступно серьезное чтение»; там они впервые приобщались к современному искусству и к «новым для себя проблемам и формам жизни» [4].

В своей хронике театральной жизни А. И. Вольф приводит характерное изречение: «Кто-то сказал в то время, что гимназистам незачем учить русскую историю, пусть только ходят в Александринский театр и там увидят исторические картины всех эпох» [5]. 30 декабря 1868 года в этом театре была впервые исполнена пьеса Д. В. Аверкиева «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей Нардын-Нащекина дочери Аннушке», а в 1872 году в Московском Малом театре состоялась премьера другого сразу ставшего знаменитым произведения – «Каширской старины». Этим пьесам была суждена долгая сценическая жизнь: «Фрол Скабеев» и «Каширка» (так любовно на-

зывали пьесу зрители) не сходили с бенефисных афиш 70-х годов XIX века.

Литературная судьба самого драматурга сложилась менее благополучно. Многие его произведения, блеск и талант, «духовное здоровье» и «творческое зерно» которых разглядел в свое время Ф. М. Достоевский, со временем стали известны лишь узкому кругу читателей. Они до сих пор находятся на периферии исследовательского внимания. Пьеса Аверкиева «Темный и Шемяка» (1873) аккумулирует типологические черты исторической драмы второй половины XIX века, одновременно демонстрируя стратегию ее развития.

Основу сюжета составляют летописные рассказы о княжеских междоусобицах XV столетия. Преобразование древнерусской повести в драматургическое произведение породило особую поэтику и атмосферу: затянутая экспозиция погружает читателя (зрителя) в перипетию борьбы. Сложный узел личностных и общественных противостояний, скрещение множества интересов, «из которых драматург не может выделить ни одного правого», исключает стройность конфликта, «разрушает собственно драматическую природу произведения, привнося в него черты повествовательного жанра» [6]. Каждая сцена является собой замкнутый, рельефно очерченный мир, в котором герои – от главных до эпизодических – обретают психологическую прорисованность и социальную речевую адекватность. Подобный кумулятивный принцип «нанизывания» сцен и сюжетов характерен для книжности средневековья и произведений устно-поэтического творчества. Драматург стремится не к копированию исторического антуража, а к фиксации репрезентирующих черт национального характера и эпохи в целом. Обновление поэтического языка происходит путем перевода древнерусского слова на русский язык и использования речевых формул древней Руси. Автор маркирует узловые моменты развития драматического конфликта переходом на стихотворную организацию речи. На фоне таких фрагментов мастерское построение нестихотворных диалогов создает иллюзию врасплох застигнутой жизни.

Событийная канва разворачивается во многочисленных перипетиях. Смысловый уровень произведения усложнен за счет аллюзий и интертекстуальных включений. Знаток летописей и отечественной истории, Аверкиев понимал, почему древнерусская книжность избегала частного и случайного, как дорожила она общим, повторяющимся, легко узнаваемым. «Принцип аналогии» утверждал моральный кодекс средневековья, связующий поколения.

О моральном долге и о последствиях забвения его идет речь в пьесе Аверкиева «Темный и Шемяка». Изображенные в ней русские князья в борьбе за московский престол оказались готовы на кровную месть, на попрание нравственных законов. Они забыли о внешних врагах (в первую очередь – об Орде), сделав Русь заложницей меж-

доусобных сражений. В событиях XV столетия прозреваются древние сюжеты: о съезде князей в Любиче, об ослеплении Василька Теребовльского и – шире – отсылка к ветхозаветной истории о Каине и Авеле.

Коллективная психология, пропитывающая древнерусские тексты, в пьесе «Темный и Шемяка» становится психологией индивидуальной. Воспроизведение русской исторической жизни и ее героев на современной сцене утверждает континуальность важнейшего процесса, который необходим и сам по себе и как поучение современникам. Так в драматургии XIX века находит отражение представление о непрерывности истории и о взаимодействии времен.

M. V. YURYEVA. TRANSLATION OF RUSSIAN MEDIEVAL CULTURE INTO D. V. AVERKIEV'S DRAMA

The author investigates the influence of Old Russian verbal art on the second half of the XIX century's drama. Art features of a historical drama are analyzed on the example of D. V. Averkiev's creative work.

Key words: translation, aesthetic innovation, invariant, drama conflict.

Литература

1. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 426.
2. *Дудина Т. П.* Эволюция этико-эстетической мысли в русской драматургии XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2006. С. 5.
3. *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 г. Ч. III. СПб., 1884. С. 32.
4. *Журавлева А. И.* Русская драма эпохи А. Н. Островского. М., 1984. С. 6.
5. *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров ... С. 34.
6. *Лотман Л. М.* История русской драматургии: Вторая половина XIX – начало XX века (до 1917 г.). Л., 1987. С. 328–329.

А. Г. НАГАПЕТОВА

ПРОБЛЕМА БЕСКОНФЛИКТНОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ «ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ» ПРОЗЕ 1920–1930-х ГОДОВ

Опираясь на анализ художественной прозы 1920–1930-х годов, автор статьи исследует традиционную для эпохи соцреализма проблему бесконфликтности в произведениях производственной тематики.

Ключевые слова: производственная проза, бесконфликтность, соцреализм, конфликт, человек труда.

Постреволюционные авторы превозносили «вагранок огненную вьюгу», «победный бег маховика», левовцы считали необходимым свести функции искусства к непосредственному описанию производственных процессов. Только тогда, по их мнению, изображение человека труда приобрело бы подлинность, размах и героический характер. Лирике противопоставлялся жесткий практицизм, чувствам – здравый расчет, и все-таки именно тема трудовых будней проложила для ранних советских писателей путь к познанию нового созидательного процесса как сложного и занимательного. Вследствие подхода, соответствовавшего партийной идеологии, представителей рабочей профессии (сталеваров, плавильщиков, литейщиков и др.) стремились показать одухотворенными личностями, сделать их тип участия в жизни эталоном для подражания.

Реальность поражала энтузиазмом, масштабами созидания, развернувшегося после Великой Октябрьской социалистической революции. Строительство понималось как воплощение в жизнь идеалов переустройства действительности. Поэтому атмосферой праздника окружена даже самая тяжелая физическая работа. Как отмечено в критике советских лет, в 1930-е годы трудовая тема советской литературы позволяла

«органически сочетать в себе социально-классовые и философско-исторические акценты, существенно обновляя в то же время характер художественных конфликтов и повествовательный стиль» [1]. Утверждения по поводу «органического сочетания», бесспорно, были обязательны в условиях тогдашнего общества. Свобода и жизненная сила советского гражданина должны были быть сосредоточены в труде. Грандиозность замысловшла отражение, например, в таких произведениях, как роман «Гидроцентральный» (1931) Мариэтты Шагинян.

Объективная реальность не требовала от «производственной» прозы изображения психологических нюансов. Отсутствие многогранности признавали даже исследователи, певшие дифирамбы литературе 1930-х годов: «Человеческая личность, взращенная социалистическим строем, человек-труженик во всем великолепии его человеческих качеств ускользал от проникновенного взора художника, любующегося главным образом плодами трудов человека» [2]. В ходе художественного воплощения «спущенных сверху» идеологических установок «страдала сама идея романа как синтетической, объемной картины мира, хотя жанровые формы подчас соблюдались, т. е. романы имелись, но до истинно художественно-

эпического осмысления и отображения действительности было еще далеко» [3]. Вполне справедливо замечание создателей двухтомных «Очерков истории русской советской литературы» о том, что авторы «Гидроцентрали», «Большого конвейера», повести «Время, вперед!», «захваченные исключительными темпами, гигантскими масштабами развернувшихся во всей стране строек <...> менее напряженно вглядывались в человека, творца всех этих чудес на земле» [4].

Действительно, принцип художественного изображения в «Большом конвейере» Я. Ильина публицистический, а не литературный. Текст романа напоминает серию заводских очерков, изредка разбавленных неким подобием лиризма. Благоговей перед описываемой машинной технологией, автор уверяет, что «завод музыкален» и «нужно только уметь различать разные мелодии голоса. Они по-своему звучат утром, в полдень, в часы вечерние» [5].

Как вспоминала М. Шагинян, «писатели увлеклись в ту пору вещами и техникой, машинной, проектами, даже названиями инструментов. Весь этот мир был для нас нов» [6]. В обстановке 1920–1930-х годов представлялось, что техническая инженерная мысль, способная на лиризм, открывает широкий простор творческой фантазии.

Стремление осмыслить производственную жизнь и художественно запечатлеть место человека в ней должно было явиться основной художественной задачей. Личная жизнь и поведение героя в быту определялись тем, как он относится к труду в ходе производства. Недооценка внутренней жизни человека привела к «расчеловечиванию» литературы. Так, теоретик и практик ЛЕФа С. Третьяков считал, что психологизму беллетристики необходимо противопоставить авантюрную изобразительную новеллу, а переживаниям – производственные движения. Такая установка порождала бесконфликтность (облегченное описание действительности, схематизм характеров, шаблонную трафаретность ситуаций). Указанные недостатки сопутствовали и «колхозно-производственной» теме.

Появилось значительное число произведений, практически никогда не превосходивших качество агитационных текстов или репортажей. «В этом-то и беда, – говорил по этому поводу А. Л. Бем, – что сам по себе материал еще не создает художественного произведения. Надо его уметь соответственным образом претворить и обработать. А на это советского писателя не хватает. Он то и дело впадает в шаблон, в повторение одних и тех же положений, и все <...> сдобривает наивной пролетарской добродетелью. Вследствие этого советская литература последних лет однотонна, сера и <...> скучна» [7].

Распространение литературы такого рода предвосхищало наиболее популярное для советского времени творение Ф. Гладкова «Цемент» (1925), которое в отечественной критике признано произведением, стоящим у истоков «производственной» темы. В основе сюжета романа –

возрождение заброшенного в эпоху Гражданской войны завода. Трудовая цель понимается персонажами романа как составляющая всемирно значимого подвига – реорганизации общественного строя на гуманных социалистических принципах. Говоря словами одного из героев другого романа Ф. Гладкова («Энергия»), рабочие строят не только плотину, но и жизнь высшего качества.

Обязательное стремление создать положительный образ социалистической действительности проявилось в произведениях Н. Ляшко «Доменная печь» (1922–1925), А. Филиппова «У станков» (1924), П. Ярового «Домна» (1925), А. Пучкова «Стройка» (1925). Это повести о начальном периоде индустриализации. В дальнейшем критик В. Кардин отметил, что цель «призыва ударников в литературу» – оздоровить социальный состав писательской среды «и таким манером добиться шедевров рабоче-крестьянского искусства» [8]. Но несмотря на усилия редакторов чуда не произошло. В большинстве случаев авторам удавались лишь центральные персонажи – исключительные личности, выглядевшие пафосными и идеализированными. Другие герои оказывались тусклыми и шаблонными. В эпизодах, изображающих обыденность и трудовую обстановку рабочего класса, имел место натурализм.

Писателей-производственников – Ф. Гладкова, Л. Леонова, В. Катаева, М. Шагинян – более всего интересовало формирование общества нового времени, становление характера непосредственных участников социалистического строительства, воздействие социальных настроений на комплекс эмоций и размышлений человека. Все остальное сводилось к возвышенно-символическим метафорам и патетике.

Буря Октября вызвала немалые трудности. Прежний быт, отрегулированные веками устои разваливались, новые только должны были выработаться. У романистов 1920-х годов – А. Толстого, М. Шолохова и других – зарождение и развитие новых социально-общественных взглядов в большинстве случаев сопряжено с разрушением семейно-бытовых уз. Это присуще даже строго положительным героям (например, Глеб и Даша Чумаловы в «Цементе» Ф. Гладкова).

В романах 1920-х годов пафос социалистического переустройства города и деревни, перевоспитания человека и общества явился мощным ускорителем процессов, которые обусловили становление советской художественной культуры. Тогда еще не сложились так называемые объективные предпосылки (социалистическая индустриализация в городе и коллективизация в деревне), определившие впоследствии колоссальный размах перемен в жизни миллионного населения. Поэтому нравственные вопросы раскрывались художником на примере отдельной фигуры, которая представляла в некоторой степени сюжетно-композиционным центром произведения.

Бесконфликтной прозе было свойственно абстрактное воспевание ценности труда. По словам исследователя Ю. Кузьменко, «все эти комбинаты,

заводы, шахты, электростанции закладывались в тот момент истории социалистического строя, когда сбереженная и приумноженная в трудные годы революционная энергия народа хлынула могучим потоком в русло социалистического преобразования страны» [9]. Все изображаемое содержало в себе характер новаторства, но не общественно-публицистического, а технологического, производственного; иллюстрировало четкость мышления, но не художественного, а инженерного. Из наблюдений за ходом производственных технологических операций и вырабатывалась фабула произведения. К примеру, В. Катаев приводит занявшую 6 страниц романа инструкцию по замесу бетона и эксплуатации бетономешалок. М. Шагинян без сокращений включает в художественный текст массивную «Папку № 7», «Чигдымское дело» – документальную хронику проблем возведения новой гидроэлектростанции. Это понималось как неотъемлемая составляющая конфликта, деталь социалистического строительства (завода, плотины, колхоза и пр.), при котором в центре внимания стоят судьбы коллектива трудящихся.

В произведениях данного периода и время трактовалось, как темп, подчиняющий себе ритм изложения, сочетание лирики с публицистикой,

нередко – и всю композицию повествования. Примером может служить повесть В. Катаева «Время, вперед!» (1932), с его хроникальностью и описательностью.

Произведения, воспевающие могущество техники, не могли быть достаточно чуткими к внутренней жизни героев, к движениям их души и сердечным тревогам.

Литература

1. Ковский В. Литературный процесс 1960–1970-х гг. М., 1983. С. 209.
2. Ковалев В. А. и др. Очерк истории русской советской литературы. Ч. 2. М., 1955. С. 23.
3. Еришов Л. Ф. История русской советской литературы. М., 1988. С. 95.
4. Очерки истории русской советской литературы. Ч. 2. М., 1955. С. 41.
5. Ильин Я. Большой конвейер. М., 1936. С. 98.
6. Шагинян М. Три поколения книг // Яков Ильин. Воспоминания современников. М., 1978. С. 208.
7. Бем А. Л. О советской литературе (Письмо третьему) // Молва. 1933. 26 нояб. № 272.
8. Кардин В. Смещение // Знамя. 1988. № 9. С. 77.
9. Кузьменко Ю. Советская литература: вчера, сегодня, завтра. М., 1981. С. 123.

A. G. NAGAPETOVA. THE PROBLEM OF LACK OF CONFLICT AND ITS REALIZATION IN THE SOVIET «INDUSTRIAL» PROSE OF 1920–1930-s

Being guided by the analysis of prose of 1920–1930-s the author investigates the problem of conflict-free creation in «industrial prose» traditional for the socialist realism epoch.

Key words: industrial prose, conflict-free, socialist realism, conflict, man of labour.

З. Х. ДЖАНХОТОВА

ВЕЩНЫЙ МИР В ВОЕННОЙ ЛИРИКЕ К. КУЛИЕВА

Анализ образов природы и вещного мира в стихотворениях о войне позволяет выявить важные особенности философско-эстетической системы К. Кулиева.

Ключевые слова: К. Кулиев, эстетика фольклора, вещный мир, образ войны.

Постижение трагизма войны, описание невысшего напряжения чувств народа были серьезной проверкой для молодых поэтов, в том числе и Кайсына Кулиева. Как пишет В. Дементьев, «материал, основанный на личных переживаниях, не укладывался ни в какие прежде выработанные формулы, не вызывал привычных ассоциаций и сравнений» [1]. Поэтому первые стихи, посвященные событиям 1941 года, отличались плакатностью, одномерностью и незавершенностью. Осознавая это, впоследствии Кулиев писал:

С ними одними дорогами шел я,
Не смейся над несовершенным стихом моим,
Его под пулями писал я,
Как времени ветер оставлю тебе [2].

Система художественных принципов балкарской поэзии в первые годы войны определялась

двумя чувствами: любовью к Родине и ненавистью к врагу. Отсюда преобладание черной и белой красок, без каких-либо полутонов. Как и в 1920–1930-е годы, не углубляются в психологические детали. Состоянию души воюющего человека противостоит обобщенно данный зримый облик зла. Балкарские поэты дают волю трагическим чувствам, которые находят выход в проклятиях врагу, тогда как защитник страны, советский воин, предстает «богатырем», «гигантом», «огромным», «непобедимым». Эти черты поэзии военных лет, выделенные З. Х. Толгуровым, определяют фактуру стихотворений многих горских поэтов и относятся к традиционным средствам, унаследованным от фольклора [3].

Чаще всего такие художественные приемы, родственные устно-поэтическому творчеству, помогают усилить экспрессивное звучание стиха.

Например, в карачаево-балкарском фольклоре яркая эмоциональная выразительность свойственна монологам-заклинаниям, монологам-наказам, монологам-клятвам и т. д. К аналогичным способам подачи материала и средствам выразительности обращались в военной лирике практически все балкарские поэты.

Не отступай!
Ты сын отважных отцов,
Тебе дано мужественное сердце, стойкость.
Лучше серой скалы обломок
Обняв, не расставаясь с ним, умри! [4]

Как видим, К. Кулиев тоже не избежал плакатности: на многих произведениях его военной лирики («В час, когда пришла беда», «В трудный день», «Проклятие поэта» и др.) лежит печать идеологической заданности. Такая пафосность вполне отвечала комсомольско-коммунистическому менталитету молодых фронтовиков, к числу которых принадлежал поэт. На фоне искренней безыскусности кулиевского стиха стандартные идеологемы выглядят несколько неестественно, вызывая ощущение умозрительности высказанных идей:

Мы грудью защитим
Тебя от вражеских пуль, наша страна! [5]

Если для того, чтобы жили тысячи,
Должен умереть один, тогда – вперед! [6]

Однако не это определяло главные особенности кулиевской поэзии военных лет. Несмотря на то, что в годы войны на смену наметившегося в северокавказской довоенной поэзии лирического «я» снова вернулось «мы», во многих произведениях Кулиева этого периода остался явственно ощутимым его субъективный взгляд на мир.

Лирический герой и в этих произведениях по всем признакам – чистоте и свежести взгляда на мир, преисполненного надеждой на счастье и доброе устройство жизни, – молодой человек. Именно таким взволнованным взглядом молодости воспринимается война. В этом особый драматизм лирики Кулиева-фронтовика, определивший сложный сплав натуралистической и лирической поэтики.

Молодой поэт видит войну незащищенным взглядом, видит с очень близкого расстояния, вследствие чего образ ее предстает в укрупненных деталях: описываются мельчайшие подробности фронтового быта. Поэтическая зоркость в воссоздании предметного окружения на войне особенно ярко проявлена циклами «Фронтовое лето», «Картины войны». На это уже обращали внимание исследователи: «Стихи этих циклов – зарисовки с натуры, моментальные снимки с очень близкого расстояния, реалистические картинки, эпизоды, сценки устоявшегося фронтового быта» [7].

Можно добавить, что для поэтики К. Кулиева в высшей степени характерно внимание к деталям, способной заразить читателя настроением и чувством самого поэта. Назначение таких поэти-

ческих приемов двоякое. Они передают мысли, переживания и пластически изображают предметный мир, фронтовой быт. Предметные образы, являясь по характеру объективными, в то же время субъективны, ибо несут оценочную нагрузку, служат раскрытию диалектики человеческой души. Своеобразие лирики К. Кулиева заключается в том, что она, копируя с натуралистической точностью мелочи военного быта и вещи, окружающие героя, наделяет их душой, очеловечивает и тем самым философски связывает с практикой жизни, а не смерти. Сосредоточенность на душевном состоянии героя, который на своих плечах должен вынести всю огромную трагедию войны, обусловила незамкнутую локальность хронотопа: позволила наполнить особой энергетикой изобразительную фактуру произведений. Вот в чем нам видится особая роль деталей, служащих для передачи эмоционального состояния человека на войне.

Они входят в художественный мир поэзии Кулиева через восприятие лирического героя и демонстрируют сложнейшие, интимнейшие движения души солдата-фронтовика. Солдат этот наряду с универсальными качествами характера наделен у Кулиева чертами конкретного национального менталитета.

Кулиев не избегает жестоких картин, рассказывающих о подлинной цене героизма на фронте: грязь окопов, заледеневшие трупы, окровавленная земля, кровь, засохшая на шинелях убитых:

С ночного боя принесли,
Не останавливаясь, кровь текла из ран,
Занесли его в домик с соломенной крышей,
Раненого солдата, в шинель завернув.
Он, надев шинель, воевал,
Шел он много дней под дождями,
Много ночей согревала его эта шинель,
И на ней же замерзла его кровь [8].

Но природное жизнелюбие поэта не изменяет ему даже в самые трагические минуты войны. Кулиев «не ориентируется на выборочное изображение светлых фактов, его поэзия не избегает трагизма, в ней много крови, смерти. Но ни кровь, ни выжженные села не заслоняют от нее солнца и того, что стоит за трагедией» [9]. Поэтому на другом полюсе – лирическая экспрессия, вызванная жизненным оптимизмом, свежестью восприятия мира.

Главное нравственное открытие, которое делает для себя молодой поэт, – это осознание великой силы добра. Добро выступает как высший духовный принцип мироотношения, главный критерий человеческого поступка. И абсолютно безоговорочной ценностью в художественном мире Кулиева наделяется само аксиологическое понятие *добро*, понимаемое, прежде всего, как доброта. Человечность в отношениях между людьми, теплота и любовь к ближнему не угасают и в жизни под пулями, среди страданий и смерти. Только это чувство, по мысли автора, может объединять людей. Такая доброта получает концент-

рированное выражение во многих произведениях К. Кулиева военных лет:

Птицы поют. На пушках – роса.
Парень стоит, облокотившись
о пушку, я вижу это.
Запах травы.
Белокурый парень улыбается.
Я хочу, чтобы он вернулся живым
к своей девушке [10].

Этот нравственный пафос по сути человекоцентричен, но он – яркое проявление идеала и национального характера поэта. Образ войны, несущей разорение и смерть, затем будет постоянно возникать на горизонте поэтического мира Кулиева как некий универсальный знак главной беды человеческого существования. Он коснется всего как мимолетное дуновение печали, отзвук иного настроения, возникающего вдруг и среди радости, и в минуту новых бед и страданий. Таково экзистенциальное мироощущение поэта.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что для военной лирики К. Кулиева главное

– не изображение войны как таковой. Он противопоставляет ей неиссякаемую волю к жизни, оптимистическое приятие которой сопутствует всем временным, пространственным, социальным и политическим коллизиям.

Литература

1. Дементьев В. В. Поэзия – моя отрада. М., 1975. С. 405.
2. Къули К. Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгы. Т. 1. Нальчик, 1981. С. 125.
3. Толгуров З. Х. Лирика Керима Отарова. Нальчик, 1984. С. 42.
4. Кулиев К. Сайламала. Эки томлукъ. Т. 1. Нальчик, 1958. С. 200.
5. Там же. С. 152.
6. Там же. С. 156.
7. Толгуров З. Х. Кайсын Кулиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981. С. 283.
8. Къули К. Жазгъанларыны юч томлу ... Т. 1. С. 175.
9. Толгуров З. Х. Кайсын Кулиев ... С. 286.
10. Кулиев К. Сайламала. Т. 1 ... С. 272.

Z. KH. DZHANKHOTOVA. THE WORLD OF OBJECTS IN K. KULIEV'S MARTIAL LYRICS

The analysis of nature images and world of objects in the poems about war allows determining the important features of K. Kuliev's philosophic and aesthetic view.

Key words: K. Kuliev, aesthetics of folklore, world of objects, image of war.

З. А. ВЕТОШКИНА

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЦИКЛ КАК ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (на материале сборника «Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков»)

Автор рассматривает книгу «Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков» как поликультурное явление, по форме тяготеющее к переводческому циклу и к сборнику.

Ключевые слова: переводческий цикл, сборник, фольклор, картина мира, толерантность.

Современные лингвисты склонны рассматривать переводческий цикл в первую очередь как контекст [1], сформированный по тем или иным принципам: объединяются произведения одного автора, написанные в определенный период или посвященные одному лицу; произведения разных авторов, характеризующиеся общей темой или жанровой принадлежностью, и т. п.

Переводческий цикл становится одной из наиболее интересных разновидностей циклической формы в том случае, когда в его текстовую структуру входят не только художественные тексты.

Книга «Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков» представляет такую разновидность циклической формы, которая может быть квалифицирована как сборник, а также как пере-

водческий цикл. Составители этого сборника переводов – И. Б. Мунаев и А. В. Преловский – руководствовались жанровым своеобразием (в первую часть включены илли, во вторую – узамы) и темпоральными критериями (фольклорные произведения, зафиксированные в XIX–XX вв.).

Отметим обстоятельства формирования сборника, которые делают цикл особенно интересным для исследователя. Включенные в него произведения народной поэзии собирались и записывались на протяжении длительного промежутка времени. Однако списки едва не были утрачены навсегда. Как указал во вступительном слове к книге В. Игнатенко, «чеченский фольклорист И. Мунаев, в дом которого во время известных событий попал зажигательный снаряд, букваль-

но из огня спас свои личные записи фольклора, а их он собирал многие годы. Это была единственная ксерокопия драгоценных материалов, которые хранились в архивах Чеченского института истории, социологии и филологии и погибли в 1995 году» [2].

На основе спасенных таким образом записей И. Б. Мунаев, желая сохранить сокровища народной поэзии и познакомить с ними широкого читателя, подготовил книгу. Она вышла в 2005 году на чеченском языке. Фольклорист сделал сборник концептуальным, выпукло и ярко передающим лейтмотивы чеченской поэзии, связанные с духовными ориентирами и нравственными ценностями национальной картины мира.

Особое место уделено представлениям о свободе. Герои илли «О грузинском князе Анзоре и осетинской девушке» не покоряются вельможе, пожелавшему добыть себе невесту угрозами и принуждением. Их решение дать отпор князю находит отклик и у чеченских воинов, вступившихся за девушку. Горьким рыданием звучит «Узам о выселении» – память о трагедии перемещенных народов, которым был дан приказ в течение 24 часов покинуть родные места и следовать в Сибирь. Даже птица (илли «О соколе») теряет радость и погружается в глубокую печаль, если она лишена свободы. «Это свобода особая. Она предполагает – держать себя в несвободе, в особой системе нравственных запретов <...> Это свобода совершать нравственные, добрые, благородные поступки во имя Высшей Справедливости» [3].

Воспеваётся воинская доблесть. Наиболее ярким в этом смысле является илли «О Черном Ногае». Герой этого произведения восхищается женой-воином и готов предать смерти родного сына за то, что он не обладает необходимой ловкостью и сноровкой, позоря тем самым своего отца и мать.

Большинство произведений, включенных в сборник, опубликовано впервые. Этим записанным в разное время шедеврам устной поэзии присуща особая цельность, отражающая «глобальный образ мира», который формирует «в результате всей своей духовно-практической активности» народ [4].

Несомненная заслуга И. Б. Мунаева заключалась в том, что картина мира, свойственная чеченскому народу, в рассматриваемом сборнике предстала достаточно широко и полно.

Удивительно скоро, через три месяца после публикации оригинала, вышел в свет перевод сборника на русский язык. Его созданием мы обязаны ценителям народной поэзии, объединившимся ради общей цели – познакомить широкий круг читателей с чеченским фольклором. «Если бы московское издательство не организовало переводы и выпуск книги, а к воплощению проекта не присоединились бы многие неравнодушные люди, – отмечает В. Игнатенко, – то русскоязычный читатель долго бы не встретился с бесценной поэзией горцев» [5].

Коллектив переводчиков справился с делом быстро и качественно. Один из них, А. Преловский, дополнил составительскую работу И. Мунаева: в изданном на русском языке томе появился ряд новых материалов. Содержание вступительной части обогатили мнения ответственных лиц (Председатель Правительства Чеченской Республики Сергей Абрамов, первый заместитель Председателя Правительства Чеченской Республики Рамзан Кадыров, Генеральный директор ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко), статья И. Мунаева, М. Ахмадова «О чеченском песенном фольклоре». Под рубрикой «Приложение» была дана подборка записей чеченского фольклора, сделанных такими русскими мастерами слова, как Л. Н. Толстой, А. А. Фет, А. П. Ипполитов, П. К. Услар, а также переводы А. А. Фета и Н. С. Тихонова и комментарии к каждой песне.

В результате русскоязычный читатель имеет дело уже с несколько иной книгой, в которой особым образом расставлены акценты.

Вступительное слово и статья «О чеченском песенном фольклоре» содержат призывы к единению – посредством культурного взаимодействия – национальностей, проживающих как на Кавказе, так и на территории всей современной России. С. Абрамов делится надеждой, что издание «поможет нам всем выйти на новый уровень знаний, добрососедства и взаимопонимания» [6]. Р. Кадыров подчеркивает: «Лучший путь к взаимопониманию – это общение с сокровищами народной души, выраженными в фольклоре» [7]. И. Мунаев, М. Ахмадов выражают уверенность в том, что заключенный в фольклоре «свет мудрости, доброты и нравственности в силах осветить души людей, которые пострадали от жестокостей последнего времени» [8].

Эти авторы обращают внимание читателя на такие качества героев народных песен, как гостеприимство и толерантность, защита слабого и противостояние насилию, свойственные чеченцам, как и всем народам мира, а также вера в торжество Высшей Справедливости. «В этом и заключалась национальная идея чеченцев: прожить свой отрезок жизни на этой земле, соответствуя системе нравственных ценностей, оставляя после себя приметы благородной жизни» [9].

Восхищенные отзывы Л. Н. Толстого и А. А. Фета о красоте и своеобразии чеченской поэзии придают сборнику новое звучание. За счет включения материала в такой контекст ведущей идеей книги становится стремление к мирному сосуществованию различных национальностей.

Таким образом, изданная на чеченском и русском языках книга о чеченской народной поэзии представляет собой поликультурное явление – циклическую форму, тяготеющую одновременно к сборнику (по формальным показателям) и к циклу (за счет единства картины мира, отраженной представленными в книге переводами, а также благодаря контексту, в который они включены).

Литература

1. Ищенко Н. А. Переводческий цикл как текст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989.
2. Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX веков / сост. И. Б. Мунаев, А. В. Преловский. М., 2005. С. 5.
3. Там же. С. 9–10.

4. Михайленко О. М. Лингвопоэтическая картина мира: концепты «счастье» и «блаженство» как семантические дуплеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. С. 7.
5. Чеченская народная поэзия ... С. 5.
6. Там же. С. 3.
7. Там же. С. 4.
8. Там же. С. 33.
9. Там же. С. 11.

**Z. A. VETOSHKINA. TRANSLATION CYCLE AS MULTICULTURAL PHENOMENON
(ON THE BASIS OF «THE CHECHEN FOLK POETRY OF THE XIX–XX CENTURIES' NOTES» BOOK OF POEMS)**

The author regards the book «The Chechen Folk Poetry of the XIX–XX centuries of the XIX–XX centuries' notes» as a multicultural phenomenon, an intermediate form between the translation cycle and the collection.

Key words: translation cycle, book of poems, folklore, picture of the world, tolerance.

Л. Х. ТАНКИЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ОБРАЗОВ СОЦИАЛЬНО ОБЕЗДОЛЕННЫХ ГЕРОЕВ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ ИНГУШЕЙ

В статье исследуются сюжеты ингушских сказок о невинно гонимых женах, падчерицах и пасынках. Доказывается, что социально обездоленными подобных героев исторически делает не полигамия, а эндогамия, причем образы падчерицы и пасынка идеализируются в фольклорных произведениях.

Ключевые слова: патриархат, полигамная семья, экзогамия, тотемное животное, классификаторская система родства.

Среди героев волшебных сказок ингушей особое место принадлежит невинно гонимым женам, падчерицам и пасынкам. Подобные сюжеты часто встречаются в мировом фольклоре, им посвящены многочисленные исследования [1]. На стадии развитого патриархата в полигамной семье обычным явлением становится вражда жен. Особенно часто стычки происходят из-за детей. Отсюда обычная коллизия сказки: у одной из жен, чаще младшей, рождаются дети, другие жены клеветуют на нее, но справедливость торжествует.

Сюжет сказки «Девочка и мальчик с золотыми волосами» [2] отображает подобную ситуацию. Царь женится на трех сестрах, старшая из которых обещала накормить войско, средняя – одеть, а младшая – родить царю сына и дочь с золотыми волосами. Младшая выполнила свое обещание. Сестры от зависти подложили ей щенка и котенка, а детей посадили в бочку и бросили в море. Разгневанный царь одевает жену в ослиную шкуру, бросает в яму и приказывает всем проходящим плевать в нее. Бочку же выбросило волной на берег, и дети спаслись. Однажды царь, обходя свои владения, увидел домик на берегу реки и в нем чудесных ребят с золотыми волосами. Он рассказал женам об этом чуде. Те догадываются, чьи это дети, и разными путями стремятся известить их. Они посылают колдунью, которая уговаривает сестру заставить брата привести от ведьмы золотого козла, затем от нарта – золотые яблоки

и, наконец, заставляет сестру послать брата за воинственной девой Малха-Азни, от которой еще никто не возвращался живым. Но брат отовсюду возвращается благополучно с чудесными предметами и даже женится на Малха-Азни. Она помогает царю распознать своих детей и обличает в коварстве старших жен.

Мотив этой сказки в разных вариантах существует у многих народов мира. Г. Н. Потанин приводит схожий с приведенным сюжет из славянского сказочного эпоса по архиву Ягича: «Королевские дети заблудились в лесу, где охотился некий принц. Принц разгневан, девушка обещает ему родить золотых детей. Он женится на ней. Но рожденные золотые дети были брошены в море, а матери подложили котят. Принц замуровал свою жену в зубец городской башни. Дети спаслись, выросли и пришли к отцу. Замурованная мать была освобождена и заняла должное место при дворе» [3].

В указателе сказочных сюжетов Аарне у Андреева сюжет «Чудесные дети» записан под № 707 [4]. Отличие от потанинского варианта в том, что вместе с чудесным ребенком в море брошена мать. Вариантов русских сказок на этот сюжет очень много. Он отражен и в известной сказке А. С. Пушкина.

В ингушских сказках есть некоторые различия в содержании, но основной мотив трактуется одинаково и сочувствие всегда на стороне обездоленного. Как и в сказках многих других народов, в

этом сюжете есть и соперничество детей, а также враждебное отношение старших жен к детям младших.

Примером подобного типа является сказка «Как победила правда» [5]. Этот сюжет похож на приведенные выше, но интересен тем, что падчерице помогает корова ее умершей матери. Мачеха определяет помощника и решает зарезать животное. Падчерица, плача, предупреждает корову. Она успокаивает девочку, наказав лишь не есть ее мяса, а все кости собрать и закопать в саду. На этом месте выросла яблоня с золотыми плодами, которые никто не мог достать, кроме падчерицы. В девушку влюбляется князь. Он велит привести ее к нему на свадебный пир. По дороге коварная мачеха, убив девушку, сбросила ее в овраг, а князю подослала свою дочь. У оврага, где была убита девушка, вырастает красивое дерево. Князь, срезав веточку с этого дерева, смастерил дудочку. Она всегда пела одну и ту же песню: «Как я мечтала жить, и до чего дожила!» Мачехина дочь догадалась, чей это голос, и сожгла дудочку. Из ее золы вырос цветок. Его сорвала и принесла к себе домой одна вдова. Но однажды цветок превратился в красивую девушку. Когда князь узнал обо всем, что произошло с девушкой, он прогнал мачехину дочку и женился счастливо со своей настоящей невестой.

Как видим, этот ингушский вариант повторяет широко известный сюжет о Золушке. В сказке, которую мы пересказали, ингушской Золушке помогает корова ее покойной матери. По существу, это тотемное животное, которое защищает сироту. В мировом фольклоре много сюжетов с мотивами кормления, умерщвления и захоронения тотемного животного.

Для того чтобы определить, на какой почве мог возникнуть подобный сюжет, необходимо отметить, что у ингушей была полигамная семья, и старшая жена имела огромную власть над другими. Нередко она ненавидела младших жен и, естественно, не любила их детей. Известно, что классическая первобытная семья не знала понятия «мачеха». «При классификаторской системе родства, – говорит Е. М. Мелетинский, – матерью называется не только настоящая мать, но и все ее сестры, родные, двоюродные и более далеких степеней. Но так как в первобытном обществе эти лица являются женами отца и его братьев, то все жены отца также называются матерями: матери – это группа лиц, принадлежащих к одному с матерью брачному классу» [6].

В патриархальном же обществе, когда невеста берется из другого рода, т. е. господствует экзогамия, мачеха уже не принадлежит к тому же роду, что и мать падчерицы. А если вспомнить, что первобытный человек людям из другого рода приписывал самые страшные черты, станет ясно, почему каждая мачеха в сказках, отражающих эту эпоху, рисуется злой. Именно это подчеркивал Е. М. Мелетинский, говоря, что не «полигамия создает мачеху, а нарушение эндогамии», поскольку при этом мачеха и падчерица оказываются прина-

длежащими к разным родам. И дальше: «Мачеха и падчерица появляются, когда род отступает перед семьей, в которой дети являются детьми только своих родителей, а не рода в целом, возникают одновременно с выделением малой семьи, независимой от рода. Таким образом, падчерица – одновременно и результат и жертва распада рода, жертва в семье – ячейки классового общества, выросшей на развалинах рода» [7].

Не случайно в сказке «Мачеха и пасынок» жена, умирая, просит мужа не брать второй супругой женщину, живущую за Теремом [8]. А в сказке «Младший зять» она завещает мужу не брать женщину с синими глазами и рыжей головой, так как она будет плохо обращаться с ее сыном [9]. Несомненно, что в данном случае умирающая жена имеет в виду женщину из другого рода.

Падчерица, как и младший сын, существо обездоленное, и поэтому она тоже идеализируется народом. Ей помогают всевозможные чудесные силы, она наделяется всеми положительными чертами. Мачехе, напротив, присущи все отрицательные качества. Чтобы извести падчерицу, она ищет совета и помощи обычно у колдуньи или ведьмы. Они, по представлению древнего человека, являются в какой-то степени ее родичами. Падчерица же ищет помощи у рода матери, которая помогает ей и после смерти, иногда превратившись в тотемное животное (мачеха догадывается об этом и упорно добивается смерти тотемного животного).

На этом примере интересно проследить представления древнего человека о смерти. Если для современного человека смерть является естественным и понятным явлением, то для древнего человека она – явление очень сложное. Здесь можно вспомнить рассуждения М. Н. Комарова, что смерть влияла на образование представления о дыхании – духе как жизненном начале. Дух же выходил с выливающейся кровью. Наши предки считали, что кровь есть источник жизни и даже сама жизнь. Она сама есть организм живой и чувствующий. «Кровь, – говорит М. Н. Комаров, – в эпических преданиях представляется жизненным началом и источником жизни не только в царстве животных, но и в царстве растений. Причем душа того организма, в котором текла пролившаяся кровь, как бы переходит в растения» [10]. По древним представлениям кровь как нечто заключающее в себе жизнь может даже возвращать к жизни преждевременно умерший организм.

Во многих ингушских сказках мы сталкиваемся с подобными взглядами. В сказке «Наказание тому, кто не расскажет сказку» [11] сестра, нарушив табу, окаменеет. Брат проливает кровь сына на этом камне и оживляет сестру.

По древним воззрениям ингушей, кровь действует и на расстоянии. В некоторых сказках побратимы, состарившись, не могут уже навещать друг друга и поэтому меняются стрелами: если кто-нибудь очутится в беде, с конца стрелы закапает кровь. Или такой вариант: герой уходит странствовать, а дома его одежда обгагается кро-

вью, и это значит, что с ним случилось несчастье. Таких примеров можно привести множество.

В ингушском фольклоре, в группе сказок о сиротах и падчерицах, распространены варианты типа «Морозко». В качестве примера можно назвать сказку «Падчерица» [12]. Мачеха всячески издевается над падчерицей, заставляет ее выполнять всю тяжелую работу в доме, кормит начиненными углем лепешками из отрубей. Но падчерица растет красивой, полной, а мачехина дочь – худой уродиной. Оказывается, падчерица ходит на могилу матери и сосет ее грудь. Мачеха не знает этого и, разозлившись, произносит проклятие: «Пусть то, чем она питается и что идет ей на пользу, превратится у нее внутри в колочки». Только она произнесла эти слова, как у падчерицы внутри появились колочки. Но по законам сказки волшебные силы помогают девушке. В конце этой сказки она выходит замуж за князя и живет счастливо.

Характер многих волшебных действий в сказках совпадает с известными в этнографии типами народной первобытной магии. В упомянутой сказке заклятье мачехи превращает материнское молоко в желудке падчерицы в колочки. По сказочному слову перед героем раздвигаются горы, в непроходимых местах образуются дороги, появляются быстрые реки. К магии прибегают и падчерица и мачеха, но как бы ни ухищрялась мачеха, всегда побеждает падчерица.

Не только образ падчерицы является одной из форм идеализации социально обездоленного персонажа, точно так же идеализируется народом и пасынок. Сказки о нем возникают на той же социальной почве, что и сказки о падчерицах. В ингушском фольклоре этот мотив распространен в нескольких вариантах. Их можно проследить по сказкам типа «Собственное имя» [13], «Пасынок» [14], «Младший зять» [15], «Сын князя» [16], «Странствия Ахмада» [17], «Мачеха и ее три пасынка» [18] и др.

Заканчивая анализ волшебных сюжетов, хотелось бы сделать вывод, что социально обездоленные главные герои сказок исторически делают распад родового порядка – эндогамия, при которой мачеха и дети мужа являются представителями разных родов. До этого этапа в родовом обществе ни падчериц, ни мачех не было. «Они появ-

ляются при нарушении традиционного брачного обмена между родами внутри племени, при нарушении эндогамии браком вне племени» [19]. Но главная сила эстетического воздействия этого образа связана с его идеализацией, с той индивидуальной нравственной оценкой сказочных героев и с теми прекрасными чертами характера, которые складываются в сознании народа уже на следующих этапах его исторического развития.

Литература и источники

1. *Елеонская Е. Н.* Сказка о Василисе Премудрой и группа однородных сказок с нею // Этнографическое обозрение. 1908. С. 55; *Она же.* Некоторые замечания о русских народных сказках (о Косоручке) // Там же. 1908. С. 1.
2. Сказка записана нами от Зугу Оздоевой в июле 1963 г.
3. *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
4. *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
5. Ингушский фольклор. Т. II. Грозный, 1967. С. 247.
6. *Мелетинский Е. М.* Герои волшебной сказки. Л.; М., 1958. С. 180.
7. Там же. С. 181.
8. Сказка записана нами от Зугу Оздоевой в августе 1963 г.
9. Ингушский фольклор ... С. 167.
10. *Комаров М. Н.* Экскурсы в сказочный мир. М., 1886. С. 113.
11. Ингушский фольклор ... С. 163.
12. Сказка записана нами от Кабрат Оскановой в августе 1964 г.
13. Ингушский фольклор ... С. 202.
14. Там же. С. 173.
15. Там же. С. 167.
16. Там же. С. 76.
17. Чеченские и ингушские сказки. М., 1965. С. 111.
18. *Суханвердов А.* Перечень и краткое изложение материалов по фольклору народов Азербайджана и прилегающих стран из наследия Лопатинского. Баку, 1927. С. 20.
19. *Мелетинский Е. М.* Герои волшебной сказки ... С. 212.

L. KH. TANKIEVA. THE HISTORICAL ROOTS OF DISADVANTAGED HEROES' IMAGES IN THE INGUSH FAIRYTALES

The article is given over the plots about persecuted innocent wives, step-daughters, stepsons in Ingush tales. The analysis of these plots demonstrates these characters to be socially-disadvantaged not due to polygamy but endogamy. Moreover the images of stepdaughters and stepsons are idealized in folklore.

Key words: *patriarchate, polygamous family, exogamy, totem animal, classification system of relationship.*

М. В. СКОРОХОДОВ

БИОГРАФИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье осуществлен историко-литературный обзор становления и развития жанра биографии, а также рассматривается опыт ее изучения в русской критической мысли.

Ключевые слова: жизнеописание, жанровая природа биографии, житийная литература.

Первые биографические работы (если не учитывать житийную литературу) напечатаны в России в XVIII веке. И уже вскоре в «Риториках» и других изданиях стали появляться разделы, посвященные анализу особенностей биографий и исследованию их структуры.

До настоящего времени изучение подобных работ проводилось в русле истории преподавания дисциплин филологического цикла. Однако высказанные в работах А. Ф. Мерзлякова, Н. И. Греча, В. Т. Плаксина, Н. Ф. Кошанского, К. П. Зеленецкого, А. И. Галича, П. Е. Георгиевского, И. И. Давыдова и других авторов суждения о биографии важны и для изучения истории литературы.

А. Ф. Мерзляков в «Краткой риторике» рассматривал биографию, или жизнеописание, как «повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особы» [1]. Он полагал, что биографы должны выбирать таких персонажей, жизнь которых занимательна и богата происшествиями. Биография – сочинение нравоучительное, поэтому следует описывать лишь те случаи из жизни, которые должны служить «уроком или спасительным примером для подражания». Биограф «должен представить в ясном свете все деяния особы, им описываемой, показать начало и влияние оных, отличить заслуги и достоинства без малейшего пристрастия, не укрывать от читателя недостатков, наконец упомянуть о намерениях, о дурных и добрых предприятых, хотя бы они были неудачны или служили к помрачению славы описываемого характера» [2].

По Мерзлякову, в биографическом описании необходимо учитывать значимость разных фактов жизни человека, но центральные события требуют более тщательного рассмотрения, чем второстепенные. Если люди, которым посвящается биография, оказали существенное влияние на историческую эпоху, это должно быть отмечено особо.

Н. И. Греч, уделявший внимание биографическим сведениям о писателях (так, в его книгу 1812 года «Избранные места из русских сочинений и переводов» было включено приложение «Известия о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании»), также рассматривал теоретические аспекты биографических работ. В «Учебной книге русской словесности...» о жанре биографии сказано в главе «Исторические сочинения». «Жизнеописание, или биография, – отмечает Греч, – есть повествование о жизни и судьбе одного человека, на-

писанное им самим или другими» [3]. Вслед за А. Ф. Мерзляковым автор подчеркнул, что биографий достойны лишь «люди отличных талантов, ума, образования или прославившиеся странными и необыкновенными случаями и происшествиями в жизни», что простое перечисление событий не является еще биографией, «биограф должен представить ясную и живую картину жизни и характера своего героя: изобразить постепенный ход его образования во всех отношениях, описать влияние других людей и обстоятельств на его жизнь, и обратно действие его ума и деяний на происшествия семейства, отечества и света» [4].

Биография рассматривалась Н. И. Гречем как серьезное исследование, основанное на анализе биографических фактов с учетом значимости того или иного события в жизни конкретного человека и общества в целом.

В. Т. Плаксин в «Учебном курсе словесности...» охарактеризовал биографию как одно из наиболее ранних исторических повествований. «История, – писал он, – не вдруг возникла и стала на свою чреду высокую; ей предшествовали те простые, патриархальные рассказы старцев детям и внукам, из которых впоследствии образовались жизнеописания царей и полководцев, как потому, что жизнь и дела их были замечены прежде, нежели жизнь и дела народов, так и потому, что первобытная жизнь народов, не имея стройной организации, проявляется только в частных жизнях» [5]. Как важную отличительную особенность биографии Плаксин рассматривал необходимость последовательного изложения жизненных событий. Поскольку биография посвящена одному человеку, даже исторические факты рассматриваются в ней в соотношении с его личной жизнью. «Это история в малом виде, которая излагает происхождение, возраст и воспитание, полную жизнь и смерть одного человека, рассматривая его как отдельный малый мир, который то находился в отношениях с другими, то замыкался в самом себе; следовательно, здесь излагаются дела меньшей важности, нежели в истории» [6]. Задача биографа – освещение фактов в контексте исторических событий, исходя из того, насколько они повлияли на жизнь описываемой личности.

Если античные биографии представляли жизнь общественную, то «новоевропейские народы развили жизнь во всем ее разностороннем значении; и потому мы пишем биографии людей, благочестием снискавших достопамятность, не возводя их

в божеское достоинство, как это делали древние народы; описываем жизнь полководцев, правителей, ученых, писателей, фабрикантов, путешественников, актеров, ремесленников, ежели они свое дело усовершенствовали, и т. п. Оттого у нас в биографию входит не одна жизнь общественная, публичная; но и частная домашняя, которая иногда имеет значение более, нежели первая. Следовательно, наша биография является разностороннее, полнее, и потому она, как искусство, имеет более условий и правил, так что она почти под все законы исторические подводится» [7]. Биография обеспечивает «знание человечества в частных его проявлениях», она должна быть полной и беспристрастной, писал Плаксин, использовавший термин «автобиография» в значении «рассказ о собственной жизни» [8].

Довольно подробно писал о биографии Н. Ф. Кошанский в «Частной риторике», выдержавшей нескончаемое переизданий. «Цель жизнеописаний, – отметил он, – двоякая: 1) передать потомству память и дела героя, великого, добродетельного мужа; 2) показать в нем пример для образования нравственности, рассудка и воли» [9]. Как видим, двумя важнейшими функциями биографии он считал сохранение памяти о человеке и воспитательное воздействие на потомков. Не только достоинства, но и слабости великих людей оказываются поучительными. Жизнеописание, по Кошанскому, должно характеризовать всю жизнь человека – от детства до последних минут. Отметил Кошанский и основные правила, которые должен соблюдать биограф: «Достоинство жизнеописаний заключается: 1) в знании избирать такие черты жизни, которые возвышают душу нравственностью, добродетелью; 2) в искусстве излагать деяние занимательно и приятно; 3) в способности рисовать характер героя натурально, яркими чертами и 4) в приятном, привлекательном слого» [10].

В отличие от предшественников, К. П. Зеленецкий в «Частной риторике» выявил различия между биографией и жизнеописанием как понятием более широким. «Жизнеописанием, – писал он, – называется повествование о действиях и судьбе какого-либо знаменитого исторического лица. <...> Жизнеописание близко подходит к истории, но отличается от нее тем, что во всем своем изложении имеет в виду одно главное действующее лицо, тогда как история дает это преимущество одному лицу пред другими только в те моменты его жизни, когда он является главным действующим в политическом мире» [11]. Под биографией этот автор понимал «жизнеописание краткое, содержащее в себе означение одних только главнейших действий какого-либо лица <...> Содержа в себе одно очертание жизни, она отличается небольшим объемом и может иметь пред-

метом важнейшие черты жизни не только лица, знаменитого в истории, но и вообще известного современникам или соотечественникам в том или другом кругу общественной деятельности» [12]. По определению Зеленецкого, биография отличается от жизнеописания менее пространством изложением событий, а также может описывать жизнь менее известного человека. Остановившись на автобиографии («если какое-либо известное лицо само пишет свою биографию»), он отметил, что ее сочинителю необходимо иметь «редкий дар самонаблюдения и еще более редкую любовь к прямой, строгой и открытой истине» [13].

Изучение биографии продолжилось и позже. Как точно отметила Ю. А. Михайлова, в 60–70-х годах XIX века отечественная педагогика «целью образования, в том числе и литературного, ставила воспитание человека и гражданина <...> В изложении биографий и в рекомендации к их изучению во главу угла ставились неповторимые черты человека, имя и поступки которого сохраняются для потомков. Этот подход разрабатывали и претворяли в жизнь методисты В. И. Водовозов, В. П. Острогорский, В. Я. Стоюнин» [14].

Литература

1. Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1828. С. 74.
2. Там же. С. 76.
3. Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы. Ч. I. СПб., 1830. С. 316.
4. Там же.
5. Плаксин В. Т. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. Кн. I. СПб., 1845. С. 153.
6. Там же. С. 153–154.
7. Там же. С. 154–155.
8. Там же. С. 155.
9. Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1849. С. 61.
10. Там же. С. 62.
11. Зеленецкий К. П. Частная риторика. Одесса. 1849. С. 69.
12. Там же. С. 70.
13. Там же. С. 70–71.
14. Михайлова Ю. А. Научно-методические подходы к изучению писательских биографий на уроках литературы в основной школе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. С. 30.

M. V. SKOROKHOV. BIOGRAPHY AS THE INVESTIGATION PROBLEM IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article deals with the historical-literature survey of biography genre formation and development as well as its study in Russian criticism.

Key words: *life description, scenic origin of biography, hagiological literature.*

Лингвистика

А. А. БАРАГАМЯН

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию художественного текста в свете теории речевых жанров, позволяющей характеризовать его коммуникативную цель, образ автора и реципиента, соотношение с массивом предшествующих и последующих текстов.

Ключевые слова: жанр, этикет, адресат, реципиент, переакцентуация, коммуникация, вариативность.

Одной из самых перспективных концепций коммуникации является теория речевых жанров (ТРЖ). За единицу речевой деятельности она принимает текст, обладающий целостностью и смысловой завершенностью. Текст принадлежит определенной предметной области, имеет свои композиционные и стилистические особенности. Эти черты в соединении с речевым замыслом субъекта относят текст к тому или иному речевому жанру. Развитие культуры обуславливает появление все новых жанров. Статус человека также может воздействовать на вариативность речевых жанров (РЖ), изменяя привычную, традиционную модель.

В общении социальный статус человека играет важную роль в понимании человеческого поведения. По своей сути социальный статус – это категория, определяющая систему общественной значимости, в которой выделяются основные и второстепенные ранговые позиции, занимаемые людьми постоянно или временно.

При анализе процесса коммуникации с позиций когнитивно-коммуникативного подхода всесторонне изучается речевое общение в свете теорий коммуникации. В индивидуальной когнитивной системе субъекта всегда хранятся знания о правилах вербального поведения в определенной ситуации. Они являются обобщенным опытом индивида и существуют в виде эмоционально-коррективных схем, которые строятся в соответствии с нормами и конвенциями конкретного этносоциума [1].

Попадая в определенные условия общения, люди вырабатывают оптимальные способы коммуникации. Часто в речевом жанре отражается и статус участников. В этом случае жанр зависит от людей, которые вовлечены в речевую ситуацию. Но иногда бывает и так, что коммуниканты следуют социально закрепленным канонам общения применительно к определенным ситуациям. В этом случае люди становятся зависимыми от жанра.

РЖ содержит два признака социального статуса человека. Первый признак включает в себя пол, возраст, образование и т. д. Он называется признаком исходного статуса. Второй – признак жанровой компетенции – тесно связан с первым и характеризует общественный ранг адресанта и

адресата (в какой среде они вращаются, степень знакомства и т. д.)

Согласно Н. И. Формановской, немаловажную роль в общении играет этикет. То, что понимаем под речевым этикетом, используется в речи каждого из нас ежедневно и многократно: мы постоянно обращаемся к кому-то, приветствуем, благодарим, прощаемся, просим прощения, желаем удачи [2]. Отметим некоторые формы речевого этикета, например: обращение, приветствие, прощание, знакомство, извинение, благодарность, просьба, приглашение, комплимент, одобрение и т. д. Речевой этикет тесно соотносится с речевым поведением. Этикет – динамическая характеристика человека, поведение же всегда связано с каким-либо действием или состоянием. Поведение выражается в манерах и поступках, но если манеры и поступки могут быть как индивидуальными, так и присущими определенной группе общества, то этикет индивидуальным быть не может. Этикетное поведение представляет собой супериндивидуальную характеристику субъекта.

Например, в английском языке формы прощания весьма вариативны и зависят от ряда факторов: от возраста и ранга говорящего и адресата, степени знакомства, родственных отношений, статуса, времени и места прошлой встречи. Прощаясь каждый день с соседом, обычно используют разговорную формулу «Bye!» (сокращение от «Good-bye!»). В более официальных ситуациях предлагается использование традиционной формулы «Good-bye!» или «So long!» Уважение в случае социального неравенства выражается в различной степени свободы участников общения. Вышестоящий коммуникант имеет право выбора официального или разговорного прощания, нижестоящий участник общения вряд ли перейдет границу социальной дистанции.

Жанровые формы существенно отличаются от форм языка в смысле их устойчивости и принудительности (нормативности) для говорящего. Они гораздо пластичнее и свободнее грамматических форм языка. И в этом отношении разнообразие речевых жанров очень велико. Многие распространенные в разговорной речи жанры настолько стандартны, что индивидуальная воля говорящего проявляется как в выборе определенного жанра, так и в экспрессивном интонировании.

нии. Таковы, например, короткие бытовые жанры (приветствие, прощание, поздравление, всякого рода пожелания, осведомления о здоровье, о делах). Многообразие этих жанров определяется тем, что они различны в зависимости от ситуации, от социального положения и личных взаимоотношений участников общения [3].

Как полагает Т. О. Багдасарян, одной из основных задач ТРЖ является определение факторов, благодаря которым высказывание приобретает смысл, а реципиент может распознать интенции автора [4].

Используя фрагмент естественного языка как языка семантического описания, мы можем вывести следующую модель РЖ «прощание».

Знаю, что мы встретились для того, чтобы что-то обсудить, решить, либо о чем-то поговорить:

1) думаю, мы симпатизируем друг другу (говоря это с надеждой на новую встречу);

2) думаю, что мы не находим общего языка друг с другом (говоря это потому, что не хочу продолжения разговора).

Рассмотрим следующие примеры:

1) «I worship you, Mr. Arbut. But good night, Mr. Arbut».

– Я вас обожаю, мистер Арбак. Спокойной ночи, мистер Арбак.

2) «It should take you about four seconds to walk from here to the door. I'll give you two».

– Тебе понадобится четыре секунды, чтобы дойти отсюда до двери. Я даю тебе две.

Реализация речевого акта часто включает несколько коммуникативных ходов. Так, речевой акт «прощание» содержит несколько типовых компонентов:

- течение разговора;
- причина прощания;
- мотивировка прощания.

Прощание также может осуществляться при помощи жестов и действий (сопровождение слов), подразумевающих окончание разговора и подчеркивающих эмоциональный настрой коммуниканта.

Однако не всегда общение происходит по заранее заданной модели. В рамках речевой ситуации могут иметь место варианты, что обеспечивает разнообразие форм РЖ; модель может варьироваться в зависимости от социальных характеристик коммуниканта, его темперамента, степени знакомства участников разговора. По мнению М. М. Бахтина, речевая воля обычно ограничива-

ется выбором определенного жанра, и только легкие оттенки экспрессивной интонации могут отразить индивидуальность говорящего, его эмоционально-речевой замысел. Но и здесь возможно характерное варьирование в рамках жанров. РЖ довольно легко поддаются переакцентуации; так, например, жанровую форму приветствия из официальной сферы можно перенести в сферу фамильярного общения, т. е. употребить с пародийно-иронической переакцентуацией, с аналогичной целью можно смешать жанры разных сфер [5].

Речевые жанры многообразны, вследствие чего всякая модель РЖ может варьироваться в зависимости от выбора высказывания, ситуации общения коммуникантов, их возраста, социального статуса, образованности, степени знакомства, этикета, отражая либо конкретный, определенный РЖ, либо их смешение, т. е. переакцентуацию.

Таким образом, может существовать: 1) вербальное прощание, выраженное традиционными фразами «Good-bye», «So long»; 2) невербальное (конфликтное) прощание, сопровождающееся фразами и жестами одновременно, отражающее настоящий момент коммуникации, а также действиями, подразумевающими прощание, и глаголами, описывающими манеру удаления коммуниканта:

- глаголы, выраженные коммуникантами;
- глаголы, выбранные автором художественного текста.

Итак, анализ РЖ «прощание» показал, что в процессе общения кроме традиционного способа прощания существуют различные способы выразить завершение коммуникации при помощи глаголов, речевых моделей, оборотов. Помимо этого, оно может быть выражено вербально и невербально способами (мимикой, жестами, взглядом), а также средствами переакцентуации.

Литература

1. Баранов А. Г. Когнитивный компонент высказывания и текста // Актуализация лингвистических единиц разных уровней. Краснодар, 1985. С. 74.
2. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989. С. 68–72.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 4.
4. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации. Краснодар, 2000. С. 22.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров ... С. 4.

A. A. BARAGAMYAN. THE REALIZATION OF GENRE FORMS IN THE FICTIONAL DISCOURSE

The article dwells on the text analysis in the aspect of speech genres theory which allows characterizing it according to its communicative purpose, the author's and recipient's images and its correlation with a number of previous and future texts.

Key words: genre, etiquette, addressee, recipient, overaccentuation, communication, variability.

Р. В. ПАТЮКОВА

ПРИНЦИП ОБРАЗНОГО КОНТРАСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Прием контраста является фундаментальным композиционно-стилистическим принципом организации речи, предполагающим наличие как плана содержания, так и плана выражения. В ключевых позициях текста политического послания антонимия поддерживается смежными средствами.

Ключевые слова: контраст, многоаспектность, принцип образного контраста, политический дискурс, антонимия.

Контраст выступает одним из важнейших композиционно-стилистических принципов организации речи [1]. Для развития логической структуры этого понятия, на наш взгляд, существенны два основных взаимосвязанных направления.

Во-первых, контраст по традиции связывают с наиболее общей значимостью противоположения, противоположности, противопоставления. В лингвистических трудах подчеркивается, что понятие противоположности, одно из характерных проявлений человеческого ума, составляет основу разнообразных представлений в обыденной жизни, научном познании, философских построениях, этике, эстетике, религии [2]. Такова взаимообусловленность между гармонией и борьбой, между добром и злом. Добро и зло определяют именно в оппозиции друг другу: если не будет зла, добро также не сможет существовать [3], причем как ученые Средневековья и Нового времени, так и современные исследователи возводят эту взаимообусловленность к античной традиции, особенно к учению о противоположности, разработанному Пифагором Самосским еще до нашей эры. Эти теории выделяют такие общие оппозиции, как тождество и различие, необходимость и случайность, причина и следствие, количество и качество и пр. В текстах это способствует целостности представления: автор видит жизнь в контрастах, и это свидетельствует не столько о противоречивости, сколько о целостности восприятия им действительности [4]. Контраст и выступает как «средство создания целостности произведения» [5] (на наш взгляд, подобное истолкование созвучно пониманию противоположностей А. А. Потебней [6]).

Во-вторых, контраст в лингвистической трактовке неотделим от системы соответствующих языковых и речевых средств, которые иногда именуют сигналами контраста [7]. Ими могут стать семантические признаки языковых единиц, причем особо значимы в их составе антонимичные семы, в том числе контекстуальные [8]. Развитая система сигналов контраста позволяет соотносить то или иное явление, событие с одним из двух противоположных рядов. Антонимы тесно связаны, представляют собой особое лексическое единство и очень часто используются в речи совместно [9]. Регулярное употребление системных антонимов несколько снижает их экспрессивность и оппозиционное напряжение. Этим объясняется заметное место в составе лексических средств со-

здания контраста, которое занимают контекстуальные антонимы. Их противоположность опирается на разнохарактерные семантические связи с системными антонимами.

Г. В. Андреева определяет контраст как многоаспектное явление, актуализирующее в художественном тексте категорию противоположности. Вслед за И. В. Арнольд она считает контраст одним из типов выдвижения значимой информации. Именно в силу многоаспектности контраст толкуется в этой традиции шире, чем стилистический прием, поскольку в реализации контраста принимают участие как нормативные, так и выразительные средства языка [10].

Основные аспекты контраста характеризуются исследователями в трех направлениях.

Во-первых, ученые обычно стремятся сконцентрировать аспекты в емком родовом понятии, определяя контраст как разновидность фигуры речи или отношения, состоящего в «противопоставлении лексико-фразеологических, фонетических, грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие действительности» [11]. В таком же плане контраст характеризуется и как определенное отношение между явлениями, понятиями, языковыми единицами, а именно: отношение противоположности, противопоставленности [12]. Отметим, что при этом раскрывается двусторонняя сущность контраста: наличие как плана содержания (отношение противоположности), так и плана выражения (отношение противопоставленности).

Во-вторых, в интерпретации контраста подчеркивается целочастная динамика. Контраст нередко выступает как часть (элемент, компонент) в составе текста как целого, и в то же время – сам обладает сложным составом. «Это один из элементов, составляющих качественную систему стилового и структурного порядка» [13]. Контраст является «структурно-семантическим компонентом композиционного и идейно-эстетического уровней художественного текста. В таком случае семантической доминантой контекста является противопоставление, связанное с контрастным восприятием действительности автором <...> Под контрастом в этом случае понимается такой способ развертывания речи, который заключается в динамическом противопоставлении содержательно-логических и структурно-стилистических планов изложения» [14]. Помимо этого, контраст, выступающий способом мировоспри-

ятия и важнейшим содержательным компонентом текста, представляет собой и систему разнообразных изобразительно-выразительных средств дискурса.

В-третьих, контраст, определяемый как способ, соответственно тяготеет к функциональности обозначения – отсюда его истолкование как одного из средств, например, выдвигения. В рамках теории декодирования к средствам выдвигения кроме контраста, наряду с конвергенцией стилистических приемов, относят повтор, сцепление (неоднократное повторение сходных изобразительно-выразительных средств в сходных позициях), обманутое ожидание [15].

Выявленное обилие аспектов логической структуры контраста представляется производным от двух его главных свойств: многомерности и разнообразия репрезентаций (при сохранении концептуального ядра, обеспечивающего логическое единство). Указанные аспекты не исключают друг друга, а дополняют; именно поэтому в филологии нет дискуссий такого характера, когда одни авторы уверяли бы, что контраст – прием, а другие отрицали это, утверждая у него только статус отношения, и т. д. Кроме того, некоторые филологи подчеркивают взаимную совместимость аспектов контраста [16].

Многомерность контраста и упорядоченность его проявлений подтверждает его статус принципа, в связи с чем представляется адекватной дефиниция «принцип контраста – основная форма восприятия и отражения действительности» [17]. С этим же связано стремление определять контраст (на материале художественного текста) как принцип и «тенденцию человеческого ума в стилистической обработке» [18], ибо он основан на закономерностях человеческого восприятия и познания. Отсюда вытекает естественная связь между принципом контраста и образностью – выделение контраста образов и контраста внутри образа [19].

Контрасту, в том числе как принципу построения текста и отдельных значимых фрагментов, уделено значительное внимание в анализе языка художественной литературы, образной коммуникации. Выделяют тексты, в целом «организованные по принципу контраста, в которых сверхфразовый контекст обеспечивает всестороннюю актуализацию контрастного смысла через взаимодействие контрастоспособной лексики и определенных синтаксических моделей» [20]. Так, к числу отечественных произведений, построенных по принципу контраста, филологи относят «Пиковую даму» А. С. Пушкина. Использование данного принципа характерно для многих текстов, что подтверждается рядом исследований (в отечественной филологии это направление восходит к работам академика В. В. Виноградова [21]).

Принцип образного контраста можно исследовать и на материале других сфер коммуникации, включая политическую, где он еще недостаточно изучен. Между тем активность этого принципа в политическом дискурсе обусловлена природой последнего [22]. Причем контрастными средства-

ми фиксируется и позитивная сторона этой сферы общения, в частности, политическая ответственность и общезначимый характер предметов коммуникации. Контрастные средства в тексте политического содержания позволяют раскрыть, как «язык <...> помогает формированию основополагающих человеческих навыков: общения, управления собственным поведением и эмоциями и т. д.» [23]. На принцип образного контраста в таком дискурсе распространяется и типичное для контраста единство логического и образного начал: он «играет упорядочивающую роль, организуя элементы текста, придавая построению логически четкую форму» [24].

Иллюстрацией этого принципа может служить политический дискурс Московской Руси второй половины XVI столетия. В качестве примера рассмотрим известное письмо-послание русского царя Ивана IV Грозного к королеве Англии Елизавете I Тюдор (24 октября 1570 г.), посвященное преимущественно внешнеполитическим и династическим планам царя.

Принцип образного контраста выступает в данном дискурсе как организующий определенные его смысловые фрагменты. Наиболее значим контраст, опирающийся на две антонимические корреляции и сопровождаемый компонентами, усиливающими образное начало. Первая корреляция формируется антонимами *новый – прежний*, вторая – рядом *одинаковый, единый – разный*. В последнем ряду участвует системная радиальная связь, при которой у двух синонимов имеется общий антоним [25]. Примечательно, что в этом ряду взаимодействуют два старославянизма и исконно-русское наименование «одинаковый». Все приведенные единицы фиксируются в словаре антонимов современного русского языка [26], причем их толкования в словарях, отражающих различные эпохи, позволяют характеризовать достаточную семантическую общность рассматриваемых антонимических подсистем двух периодов развития языка: древнерусского и современного русского [27].

По принципу контраста организованы как достаточно емкие, сжатые фрагменты, так и более протяженные. Емкость представлена взаимодействием антонимов *новый – прежний* в одном из центральных высказываний названного письма-послания. «Мы же ради этого дела дали твоим купцам свою новую жалованную грамоту; рассчитывая, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего» [28]. Антонимичные конструкции, оттеняющие разные этапы политической коммуникации между главами двух стран, создают образ нарастающего позитивного отношения к политическому партнеру.

Следующий фрагмент текста также подчиняется принципу контраста, опорой для которого служит номинация *разный*, антонимичная двум синонимам *единый, одинаковый*. «А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому

у государей, – таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и действовали в соответствии с этими грамотами» [29].

Образность при этом формируется исходной экспрессивной синтаксической конструкцией и подкрепляется наименованиями сферы глубинных, сущностных чувств-отношений – доверия, веры.

Принцип образного контраста, реализованный четкой антонимией в ключевых позициях текста политического послания, поддерживается смежными средствами. Это корреляции, в которых контекстуальный антонимический оттенок взаимодействует с согипонимическим, конверсивным, ассоциативным. Такой контраст связан с наиболее «заветным» смыслом письма – темой политического союза и сватовства царя к королеве или к герцогине Гастингской. Данный смысл представлен с элементами имплицитной антонимии [30], потаенности, не вполне явной анафоры. Типичное выражение этого смысла – следующие номинации: «тайные дела великого значения», «те дела». Они, благодаря прежде всего контекстуальной антонимии и системным согипонимическим отношениям, характерным для сферы политического дискурса, охвачены контрастом со словосочетаниями совсем иного характера: «мужицкие дела», «торговые дела».

Показателен фрагмент, построенный по принципу контраста с участием сопоставительных и противительных союзов: «После этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина [Дженкинсона]. И мы, рассчитывая, что он пользуется твоей милостью, привели его к присяге и вместе с ним другого твоего купца Ральфа Иванова [Рюттера] как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно тайные дела великого значения, желая с тобой дружбы <...> Томас Рандольф занимался другими торговыми делами, а нашими государственными делами пренебрегал. Он говорил о тех же мужицких и торговых делах и лишь изредка касался того дела <...> Посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили и поговорили о тех делах. Наконец договорились об этих делах, как следует их устроить, написали грамоты и привесили к ним печати» [31].

Весь текст пронизан образными средствами, включенными в контрастирующие компоненты. В их составе – единицы, относимые к сфере политического ритуала: «Когда же Божье послание – поветрие – кончилось, мы его допустили перед свои очи» [32].

Заметную роль играют образы, связанные с субъективным отношением пишущего политика к конфликтной ситуации и также охваченные контрастом: «Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, – поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры.

Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица» [33].

Репрезентативны такие единицы, как «государская голова», «простая девица» (в тексте 1570 года использовано прилагательное «пошлая» в значении «простая»). Они отражают установку на специфическую выразительность, которая перекликается с определенными современными явлениями в речи наших современников – первых лиц государств – «стилистическими сигналами», которые, по обобщению профессора И. Б. Левонтиной, несут смысловую нагрузку «определенной системы ценностей» [34].

Проведенный анализ дает основания заключить, что принцип образного контраста может проявляться в достаточно сжатых фрагментах политического дискурса. Специфика лексико-семантического наполнения, определяемая этой сферой коммуникации, сочетается с сущностью данного принципа, подтверждая многомерную организующую роль типовых средств контраста.

Литература и примечания

1. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2003. С. 5; Ильченко А. В. Семантические оппозиции как способ реализации принципа контраста в тексте Библии // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2008. № 3. С. 48.
2. Чмыхова Н. М., Баскакова Л. В. О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1992. С. 131.
3. Расселл Дж. Б. Князь тьмы: добро и зло в истории человечества. СПб., 2002. С. 136.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2007. С. 35.
5. Торосян М. С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. С. 3.
6. Потемня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1996. С. 98.
7. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973. С. 216.
8. Новиков Л. А. Антонимия // Русский язык: Энциклопедия. М., 2006. С. 28.
9. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. С. 29.
10. Андреева Г. В. Процедуры анализа контекста, организованного принципом контраста // Текст и его компоненты как объект комплексного анализа. Л., 1986. С. 65.
11. Она же. Система связей в стилистическом контексте // Проблемы лингвистического анализа текста. Шадринск, 1993. С. 12.
12. Кузнецова А. В. Лирический универсум М. Ю. Лермонтова: семантика и поэтика. Ростов н/Д, 2003. С. 120.
13. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип ... С. 91.

14. Чмыхова Н. М., Баскакова Л. В. О речевых приемах реализации контраста ... С. 133.

15. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблемы экспрессивности. Л., 1975. С. 84.

16. Седых Э. В. Контраст в поэзии как один из типов выдвигания (на примере циклов стихотворений «Песни неведения» и «Песни познания» Уильяма Блейка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. С. 38.

17. Каплан М. С. Стилистическое употребление антонимов. Казань, 1970. С. 136.

18. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 194.

19. Седых Э. В. Контраст в поэзии ... С. 152.

20. Андреева Г. В. Процедуры анализа контекста ... С. 65.

21. Виноградов В. В. Стилль Пушкина. М., 1941.

22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000. С. 44.

23. Ковлакас Е. Ф. Интегрирующие и стабилизирующие аспекты: семантический уровень взаимодействия языка и культуры // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2. С. 109.

24. Постоловская Н. А. Использование контраста в авторских отступлениях и романах Т. Уайлдера //

Интерпретация художественного текста в языковом вузе. Л., 1981. С. 70.

25. Введенская Л. А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 1972. С. 202.

26. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. М., 2005.

27. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 2007; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.

28. Иван IV Грозный. Сочинения. СПб., 2000. С. 267. Из разных версий текста привлекаем, согласно требованиям прецедентности в источнике, одну – перевод на современный русский язык, что позволяет продемонстрировать явления, единые для старорусского и новейшего периодов, в том числе закреплённые лексикографически.

29. Там же.

30. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке. М., 2000. С. 20.

31. Иван IV Грозный. Сочинения ... С. 267.

32. Там же.

33. Там же.

34. Левонтина И. Б. Словарный фугас // Новая газета. 2008. 25 сент. № 71.

R. V. PATYUKOVA. THE PRINCIPLE OF FIGURATIVE CONTRAST IN POLITICAL DISCOURSE

The method of contrast is the fundamental compositive and stylistic principle of speech organization, which is also revealed in case of the existence both the plan of notion and the plan of expression. The principle of figurative contrast, which is realized by precise antonymy in the key position of the political message text, is supported by neighbouring means.

Key words: contrast, multiaspectivity, the principle of figurative contrast, political discourse, antonymy.

Н. Н. ОЛОМСКАЯ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

С развитием лингвистики текста важным становится его анализ с позиции ситуации реального общения. Рекламный дискурс считается одним из видов институционального, сочетающего в себе как характеристики устного, так и письменного текстов.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, рекламный дискурс, стиль речевого общения.

В последние десятилетия в науке активно развивается лингвистика текста. Особенно пристальное внимание исследователей направлено на актуальные проблемы сущности текста как феномена человеческой культуры, рассматриваемые при лингвокультурологическом анализе. С этих позиций наиболее существенным является исследование текста как процесса, при котором наиболее важным считается его анализ как с позиции ситуации реального общения (дискурс), так и за рамками такой ситуации. В этой связи исследователи обращаются к понятию «дискурс», однозначной трактовки которого в современной науке пока не существует. Лингвистическое понимание

дискурса весьма многообразно, так, к примеру, М. Стаббс выделяет три его основные характеристики: дискурс – это единица языка, большая по объёму, чем предложение; дискурс тесно связан с социальным контекстом использования языка; дискурс диалогичен [1].

П. Серию выделяет восемь трактовок термина «дискурс». Во-первых, определение понятия «речь» в сосюрловском смысле, иными словами, любое конкретное высказывание. Во-вторых, единица, превосходящая фразу по размеру. В-третьих, в рамках прагматики, – воздействие высказывания на получателя с учетом речевой ситуации, которая подразумевает субъекта высказывания,

адресата, момент и определенное место высказывания. В-четвертых, как основной тип коммуникации – беседа. В-пятых, понимание речи (по Э. Бенвенисту) с позиции адресанта в контрасте с повествованием, где мнение говорящего не учитывается. В-шестых, использование единиц языка как их речевая актуализация. В-седьмых, влияние социальной или идеологической позиции на определенные системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний, например: «феминистический дискурс», «административный дискурс» и пр. В-восьмых, теоретическая составляющая, которая предназначена для анализа условий реализации текста [2].

Поскольку дискурс понимается как речь, противопоставляемая языку, то, естественно, возникает необходимость использования понятия «текст» в категориальном значении. В данной статье мы будем выделять составляющие элементы при рассмотрении понятий «речь» и «текст». Т. ван Дейк так разделяет дискурс и текст: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [3]. Иными словами, дискурс уже не есть собственно речь, но скорее абстрактное понятие речи. «Лингвистический энциклопедический словарь» указывает на то, что дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [4]. Все это в совокупности позволяет определить понятие дискурса следующим образом: дискурс не является текстом, но при этом присутствует в тексте, который понимается как комплекс высказываний, решающих определенные коммуникативные задачи.

Если обратиться к дискурсу с позиций прагматики, необходимо обратить внимание на точку зрения бельгийского ученого Э. Бюиссанса, который определяет язык как отвлеченную систему, а дискурс как некое соединение, при помощи которого адресант использует определенный шифр языка, т. е. сему. Слово же является инструментом, дающим возможность осуществить подобный соединение, т. е. семиотический акт [5]. Таким образом, принятая в зарубежной лингвистике трактовка дискурса, восходящая к Э. Бенвенисту, определяет дискурс как некий эмпирический объект, при возникновении которого происходит разрыв с грамматическим строем языка, в результате этого дискурс воспринимается как свойственный той или иной личности индивидуальный внеязыковой код, коррелирующий с грамматическим строем языка. Для того чтобы декодировать информацию, передаваемую инди-

видуумом посредством личного кода, реципиенту необходимо направить определенные усилия для адекватного восприятия кода этого дискурса, а также логично и верно определить коммуникативную ситуацию. Существенным, на наш взгляд, является соотнесение дискурса с семиотическим процессом (по А. Греймасу и Ж. Курте), так как «все множество семиотических фактов (отношений, единиц, операций и т. д.), располагающихся на синтагматической оси языка», может быть также применено к теории дискурса [6].

С позиций социолингвистики под дискурсом следует понимать коммуникативное взаимодействие индивидуумов с точки зрения их социальной принадлежности, а также участия в той или иной социально обусловленной коммуникативной ситуации. В этой связи В. И. Карасик выделяет применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса [7]. Последнему виду дискурса уделяется пристальное внимание в различных научных исследованиях, посвященных типам общения, определенным на основе социолингвистических факторов.

К одному из видов институционального дискурса относится и рекламный дискурс. Под рекламным дискурсом принято понимать законченное сообщение с четко направленной прагматической установкой, которое сочетается в себе характеристики как устного, так и письменного текстов с определенным набором паралингвистических и экстралингвистических средств [8]. Цель рекламы – привлечь потенциального покупателя, а поскольку реклама – это прежде всего своеобразное социокультурное явление, то ее возникновение и формирование зависит от психологических, социальных, лингвистических особенностей, обусловленных культурологическим своеобразием конкретного сообщества людей, на которых направлено ее воздействие.

Как и любой другой вид дискурса, рекламный дискурс характеризуется наличием определенных целей, ценностей, стратегий, жанров, типов участников, а также дискурсивных форм. Участники рекламного дискурса – рекламодатель и потенциальный потребитель. Предполагается, что рекламодатель наделен способностью предоставить покупателю возможные выгоды от приобретения товара или услуги, а также возможности для получения дополнительной информации; он формирует определенные знания и потребности в товаре или услуге у потенциального покупателя и пр. Если основная цель рекламы заключается в том, чтобы заинтересовать и привлечь внимание потенциального покупателя к рекламируемому товару или услуге, то для достижения этого используется широкий спектр стилистических приемов, с помощью которых вызывается увеличение заинтересованности реципиента, что создает отличные предпосылки для усвоения и закрепления рекламного дискурса в сознании индивидуу-

ма. Несомненная специфика данного типа институционального общения заключается в ценности рекламного дискурса, предполагающей акцентирование в тексте той или иной характерной положительной черты предлагаемого товара или услуги, что является определяющим для подобного текста.

К специфическим речевым актам описываемого дискурса следует отнести рекламное воздействие, рассчитанное на эффект доверия и недоверия, обещания, выбора, поддержки. К базовым концептам рекламного дискурса относятся концепты «рекламодатель» и «потребитель». Концепт «рекламодатель» предполагает обладание способностью и возможностью воздействия и влияния; «потребитель», соответственно, – способностью и возможностью подвергаться воздействию и влиянию.

Наиболее значимыми аспектами рекламного дискурса, как мы полагаем, следует считать когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты рекламного воздействия. Когнитивный компонент основан на том, каким образом рекламная информация воспринимается человеком, поэтому рекламный дискурс будет осмысливаться и запоминаться реципиентом по-разному. Эмоциональный компонент напрямую связан с эмоциональным отношением к объекту рекламной информации. Он демонстрирует проявление у индивидуума симпатии, антипатии, противоречивого или нейтрального отношения к рекламируемому товару или услуге, что предполагает анализ таких сторон рекламного дискурса, в результате которых у реципиента возникает эмоционально окрашенное восприятие рекламного сообщения, а через него – интерес к товару или услуге (и в итоге – мотивация при покупке данного товара или пользование этой услугой). Поведенческий компонент заключается в осознанном и (или) бессознательном поведении индивидуума в результате рекламного воздействия. Осознанное влияет на потребности, волю, проявляется в интуиции и установке личности.

Интегративной составляющей рекламного дискурса является стиль – решающий фактор выбора и упорядочения элементов на двух взаимосвязанных уровнях дискурсивной иерархии: лингвистической структуры и содержания.

К примеру, известны случаи употребления стилистически окрашенного элемента вместе со стилистически нейтральными единицами и, та-

ким образом, формирование особо заданного тона рекламного дискурса. Нейтральный стиль не маркирован и служит своеобразным фоном для восприятия стилистически окрашенных элементов языка, к которым относятся глаголы с постпозитивами, фразеологизмы, эллиптические конструкции, употребление просторечий (для того, чтобы, например, подчеркнуть свою демократичность). Употребление усеченных форм (фонетическая редукция вспомогательных глаголов, являющихся характерной особенностью английской разговорной речи), аббревиатуры, одноморфемные слова, сленг и т. д. Стилистические средства рекламного дискурса имеют ярко выраженную прагматическую направленность, определяя его стилевую принадлежность.

В данной статье рекламный дискурс рассматривается нами как завершенное сообщение с четкими прагматическими целями и задачами, в котором успешно коррелируют устная речь и письменный текст с помощью паралингвистических и экстралингвистических средств. Реализация рекламного дискурса происходит по-разному, но цель его заключается в том, чтобы убедить потенциального покупателя (адресата) выбрать именно тот товар или услугу, которую предлагает рекламодатель (отправитель сообщения). Поскольку основная функция коммуникации не только передача информации в одном направлении, но и получение ответной реакции у получателя, необходимо взаимодействие всех участников ситуации рекламного общения.

Литература

1. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.
2. *Серво П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 26.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136.
5. *Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М., 2001. С. 45–97.
6. *Греймас А., Курте Ж.* Объяснительный словарь, М., 1983.
7. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 239.
8. *Бове К., Аренс У.* Современная реклама. Тольятти, 1995.

N. N. OLOMSKAYA. LINGUOSTYLISTIC CHARACTERISTICS OF ADVERTISING DISCOURSE

One to development of text linguistics the analysis from the point of view of real communication becomes of vital importance. Advertising discourse is considered to be a kind of an institutional discourse, combining the characteristic of oral and written texts.

Key words: *discourse, institutional discourse, advertising discourse, style of communication.*

Е. Н. ЕЖОВА

РЕКЛАМНАЯ ДИСКУРСИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

В центре внимания автора статьи – проблемы моделирования рекламного пространства посредством всех единиц языка. Это позволяет изучить механизмы формирования рекламно-информационной картины мира, а также способствует осмыслению ее значимости в современном социуме.

Ключевые слова: рекламная дискурсия, языковая картина мира, когнитивно-прагматическое исследование.

На современном витке эволюции массмедийного и лингвокультурного знания особый социально-коммуникативный статус приобретает рекламный дискурс, посредством которого осуществляется манипулирование массовым сознанием в коммерческих целях, внедряются и формируются новые культурные приоритеты и пристрастия, создается «идеальный» виртуальный мир, к которому, как утверждается в соответствующих рекламных текстах, следует стремиться каждому.

Понятия картины мира и языковой картины мира оказались максимально востребованными в последние десятилетия при развитии не только лингвистики, но и культурологии, журналистики, этнологии, политологии. Исследования в этих областях позволили значительно увеличить объемность и семантический масштаб изучения феномена информации, знаний и языка как особого ментального кода, хранящего и передающего из поколения в поколение весь континуум смыслов, сформированных в течение длительной социальной эволюции конкретного этноса. Эти термины послужили очень удобными маркерами для описания самых разных фрагментов языкового бытия, для выделения в самостоятельный объект тех или иных культурно значимых вербальных областей. Выступая родовым понятием, термин «картина мира» продуцировал множество видовых единиц, конкретизирующих ту или иную ячейку целостной мозаики – языковой картины мира как отражения русского менталитета или менталитета иного носителя языка.

Сегодня уже стало очевидным, что язык, мышление, менталитет и культура взаимосвязаны настолько тесно, что образуют практически единое ментально-семиотическое целое. Эта взаимосвязь и взаимозависимость отражаются в своеобразной иерархии способов представления знаний о мире: а) в картине мира отражены ценности культуры; б) в концептуальной картине мира представлены концепты; в) в языковой картине мира запечатлен лексикон словаря культуры [1].

К началу XXI века в лингвокультурологии уже выделяется более сорока типов картин мира, что свидетельствует о методологической стратегии исследования целостного языкового феномена посредством его пофрагментарного лингвистического сканирования и описания.

Такой подход позволил установить, что в языковой картине мира каждого этноса структурируются универсальные понятия времени, пространства, причины, изменения, количества, качества и др. Эти понятия эксплицируются в языке как в особой когнитивно-смысловой системе знаков. Разные народы по-разному интерпретируют и объясняют реальную действительность под влиянием религиозно-социальных и культурных факторов, эко-логических условий, образа жизни народа, обычаев, нравов, традиций, социального опыта и нравственных предпочтений.

Итак, человек формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности, создавая некоторую репрезентацию реальности, модель, которой он пользуется как инструментом для ориентации в окружающем мире. Естественно, любая экспликация той или иной модели будет не вполне адекватной, так как человек не в состоянии охватить и аккумулировать все богатство смысловых оттенков, коррелирующих с его жизнью. В связи с этим картина мира будет для каждой языковой личности всегда оставаться незаконченным, незавершенным семиотико-виртуальным изображением.

Контуры картины мира строятся на основе изучения представлений человека о мире. Если признать, что мир – это человек и среда в их взаимодействии, то любая картина мира – это семиотико-ментальный результат переработки информации о среде и человеке. «Еще до знакомства с языком, – пишет Р. И. Павиленис, – человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной <...> информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире» [2].

Журналистика как социально детерминированный информационно-культурологический феномен опирается в практической деятельности на этот принцип, учитывает его при исследовании проблемы создания и развития нового типа картины мира – рекламно-информационной, имеющей

огромный потенциал, воздействующий на современный социум во всех культурных, субкультурных и поведенческих аспектах.

Моделирование рекламного пространства (мира) посредством всех единиц языка является сложной проблемой, требующей для своего решения когнитивно-прагматического исследования многих факторов, одним из которых следует признать семиотико-ментальную субстанциональность рекламно-информационной картины мира (РИКМ).

Слово во всей его фоносемиотической и смысло-ассоциативной целостности в рекламной дискурсии обладает высокой степенью суггестивности, т. е. способностью прямого влияния на психику, сознание личности, поскольку всегда направлено на формирование определенной поведенческой реакции, на побуждение к действию. Однако побудительная рекламная информация проходит через определенные барьеры доверия и недоверия. Содержащаяся в рекламном тексте информация носит, как правило, характер прямого побуждения, что делает барьер доверия еще более устойчивым. Таким образом, суггестивное действие само индуцирует противодействие, психоэмоциональное ограждение – контрсуггестию.

В качестве факторов преодоления контрсуггестии и нейтрализации влияния отрицательного отношения к источнику рекламной информации на восприятие содержания рекламы исследователи выделяют, с одной стороны, принцип перехода рекламы от прямых императивных форм к скрытым, часто имплицитным формам речевого воздействия [3], с другой стороны – принцип повторяемости рекламы, позволяющий утверждаемой мысли проникнуть в глубины подсознания и придать ей статус очевидности [4].

Рекламно-информационная картина мира системно организована и включает такие информационно-дискурсивные комплексы, как экономическая реклама, маркетинговая реклама, страховая реклама, политическая реклама, а также реклама социальная и бытовая. Каждое из этих обширных рекламно-информационных пространств также системно структурируется и детализируется, отражая результаты действия особых психологических механизмов вербализации, суггестии, сублимации, проекции, идентификации, персонификации, категоризации. На адекватность и результативность восприятия рекламной информации влияют не только психологические факторы, но и ценностно-познавательные ориентации. Ключевыми понятиями современной РИКМ выступают такие, как «информация», «информационный код», «ин-

формационный канал», «образ товара», «рекламный образ», «суггестия», «гендерный стереотип», «культурная демассификация», «массмедийная глобализация». В то же время следует подчеркнуть, что глобализация не тождественна гомогенности [5]. М. Маклюэн отмечал в этой связи, что вскоре вместо одного-единственного глобального поселения мы, возможно, увидим множество совершенно разных глобальных поселений, каждое из которых впаяно в новую систему массмедиа, но все они стремятся к тому, чтобы сохранить или усилить свою культурную, этническую, государственную или политическую индивидуальность. По нашим наблюдениям, интенционально-прагматическую основу РИКМ составляет скоординированное взаимодействие двух неразрывно связанных аспектов – производителя и потребителя, причем современный рекламный бизнес ориентирован на то, чтобы реклама адресовалась ко все меньшим сегментам рынка посредством индивидуализирующихся средств массовой информации. Все большее значение в процессах формирования РИКМ начинают приобретать звук, музыка, цвет, образ, символ, слово, движение, жест. Так, еще У. Эко, изучая особенности ТВ-сообщений, выделил три главных кода: портретный (образ), лингвистический (слово) и звуковой (звук, музыка), отметив при этом, что каждый из них может включать несколько субкодов [6].

Все отмеченные аспекты формирования и развития РИКМ требуют тщательного изучения и осмысления в силу ее огромной значимости и роли в жизни современного социума.

Литература

1. Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2002. С. 12.
2. Павленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 101.
3. Шомова С. А. Другие берега российской рекламы // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 3. С. 24–33.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 204; Московичи С. Век толпы. М., 1998. С. 6; Пирогова Ю. К. Информационная безопасность и языковое манипулирование в рекламном дискурсе // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Телевизионные и рекламные коммуникации. Т. 1. М., 2002. С. 243–260.
5. Гуревич П. С. Психология рекламы: учебник для студентов вузов. М., 2005. С. 167.
6. Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. Working Papers in Cultural Studies, 1972. P. 103–121.

E. N. YEZHOVA. ADVERTISING DISCURSION AS THE FACTOR OF ADVERTISING-INFORMATIONAL PICTURE OF THE WORLD FORMING: SOCIO-CULTURAL ASPECT OF DEVELOPMENT

The article deals with the problem of advertising area modeling by means of the language units. This aspect allows learning mechanisms of advertising-informational picture of the world forming as well as thinking over its importance in the modern society.

Key words: advertising discursion, language picture of the world, cognitive-pragmatic research.

Б. ДРЕССЛЕР

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕРМИНЫ

Статья посвящена сопоставительному изучению русского и немецкого словообразования. Рассмотрены основные модели образования новых номинативных единиц в этих языках.

Ключевые слова: словообразовательная модель, эквивалент, конфикс, композит, конверсия.

Русский и немецкий языки, будучи генетически близкими, имеют много общего в своих словообразовательных системах [1]. Пути образования новых номинативных единиц в этих языках можно разделить на морфологические и неморфологические (семантические) способы словообразования, или, по терминологии немецких ученых, – на путь «внешних наращиваний» и путь «внутренней модификации». В образовании новых слов путем «внешних наращиваний» можно выделить словосложение и аффиксацию. В русской терминологии морфологический способ несколько шире: он включает еще безаффиксальный способ словообразования и аббревиацию (которые существуют и в немецком языке, но не могут относиться к способам «внешних наращиваний»).

В зависимости от словообразовательного элемента в русском языке в рамках морфологического способа различаются следующие виды аффиксации: суффиксация (*учи-тель, сил-ач, музык-ант; нож-н-ой, талант-лив-ый; рифм-ова-ть; красив-о, два-жды*), префиксация (*до-ехать, до-школьный, до-школьник*), суффиксально-префиксальный способ (*о-звуч-ить, под-зеркаль-ник*), постфиксальный способ (*учить-ся*), префиксально-постфиксальный способ (*со-звонить-ся*), суффиксально-постфиксальный способ (*толп-ить-ся*), префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (*пере-шепт-ыва-ть-ся*). Подобное мы можем наблюдать и в немецкой словообразовательной системе. В образовании существительных обычно участвуют суффиксы *-ung* и *-er / -ei*; возможен также комбинированный способ (конфикс), где префикс *Ge-* используется в комбинации с суффиксом *-e* (*die Berufung, das Geschreibe*). При этом в русских образованиях с конфиксальной структурой основную семантическую нагрузку несет начальный элемент конфикса, а финальный элемент оформляет частеречную (и/или родовую) принадлежность слова (*заречье – заречный, наушники – наушный*).

При помощи продуктивного суффикса *-er* в немецком языке образуются отглагольные существительные, обозначающие лиц и инструменты (*der Forscher, der Lehrer, der Leiter*). А в русском языке существительные, обозначающие лиц по сфере их деятельности (*водитель, строитель, учитель*), названия инструментов и действующих веществ (*закрепитель, выключатель, миноискатель, рыхлитель, загуститель*) создаются при помощи суффикса *-тель*.

Для русского языка характерны словообразовательные морфемы, имеющие обобщенное значение. Присоединяясь к корневой морфеме, они образуют новое семантическое целое, отличающееся от исходного значения оттенком. Целый ряд русских суффиксов (*-ик-, -еньк-, -очк-, -уль-* и др.) придают новому образованию дополнительное значение уменьшительности: *красивенький, мамочка, бабуля, доченька*. Особой разновидностью аффиксального способа в русском языке является префиксация с нулевой суффиксацией (*просесть, бескрылый*).

Русскому конфиксальному образованию соответствует немецкий композит (сложное слово). Обычно это характерно для субстантивной конфиксации [2]. Особенно интересны в этом плане немецкие соответствия русским структурам с конфиксом на *-ник-*: *на-лоб-ник – das Stirn-band*. Вторые части композитов – конкретизаторы первой основы (*-binde* «повязка», буквально «глазная повязка»). То, что в немецком языке выражено эксплицитно вторым компонентом сложного слова, в русском языке заложено имплицитно в семный состав лексического значения деривата.

Характерной чертой сложных слов в немецком языке является образование тематических групп лексик, объединенных общим первым или вторым компонентом. Например: *der Hochschulabsolvent – выпускник вуза, die Hochschulausbildung – высшее образование, der Hochschulhaushalt – бюджет вуза; das Auslandssemester – учебный семестр за границей, das Bewerbungssemester – семестр подачи заявки на доступ в вуз, das Diplomsemester – дипломный семестр*. В качестве первого компонента композита в немецком языке могут выступать основы разных частей речи, но вторым компонентом, как правило, является существительное. Это характерно и для русского словосложения, причем в русском языке оно может усложняться суффиксацией (*красное дерево – красно-деревицк*).

В немецком языке лингвисты выделяют различные типы безаффиксального словообразования, которые обычно подразделяют на две группы: 1) случаи, когда основы какой-либо другой части речи включаются в систему форм, характерную для существительного, например, *der Gang, der Ruhm* и 2) случаи, когда формы другой части речи превращаются в самостоятельное слово-существительное, например, *das Zahlen* (в русском языке это рассматривается как конверсия) [3]. Основа

образующего глагола становится основой имени существительного: *der Abbruch, die Auswahl*.

Конверсия, как известно, представляет собой разновидность транспозиции, переход слова из одной части речи в другую, который происходит таким образом, что форма слова одной части речи (или его основа) используется без материального изменения в качестве представителя другой части речи. Этот прием перекаатегоризации слов в русском словообразовании чаще относят к морфолого-синтаксическому способу, когда происходят изменения не только в семантике, но и в грамматических свойствах исходного слова. Конверсия в русском языке, по сравнению с конверсией в немецком, представлена более широко: 1) субстантивация – *мороженое, столовая*; 2) адъективация – *блестящие способности, изысканный вкус*; 3) прономинализация – в *определённый* момент; 4) адвербиализация – *бегом*; 5) переход знаменательных слов в служебные – *благодаря, вокруг, пожалуй*; 6) переход знаменательных слов в междометия – *батюшки!*

Другим неморфологическим способом словообразования в русском языке является лексико-семантический: новые лексемы формируются в результате распада полисемии и возникновения омонимии: *красный* (цвет) – *красный* (красноармеец). Подобное явление характерно и для немецкого языка: *der Arm* (рука) – *der Arm* (рукав, ответвление русла реки). Уникальным для русского словообразования является лексико-синтаксический способ, когда новые слова образуются

при сращении сочетаний лексем: *Иван-да-Марья, мать-и-мачеха, вверх, внизу*. При лексико-синтаксическом способе образуется новое в фонетико-морфологическом отношении слово. Этот способ в русском языке может осложняться суффиксацией – *ничегонеделание, сногшибательный*.

Таким образом, при всей общности словообразовательных систем русского и немецкого языков существует множество межъязыковых различий в образовании новых номинативных единиц, что способствует самостоятельному развитию и обогащению каждого из данных языков. Морфологический способ словообразования является основным для обоих языков, но для немецкого более характерно словосложение, а для русского – аффиксация, находящие отражение в более дробном делении этих способов на частные разновидности в каждом из этих языков.

Литература

1. Зеленецкий А. Л., Монахов А. Д. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1995. С. 34.
2. Николаев Г. А. Русская конфиксация и ее немецкие эквиваленты // *Deutsch-russischer Dialog in den Philologien: Beiträge zur Slavistik*. Bd. XLII. 1989. С. 8. Herausgegeben von Herbert Jelitte und Maria Horkavtschuk. Frankfurt am Main, 2001. S. 61–71.
3. Москальская О. И. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. М., 2005; Степанова М. Д. *Словообразование современного немецкого языка*. М., 2007.

B. DRESSLER. THE SPECIFIC FEATURES OF GERMAN AND RUSSIAN WORD-FORMATION: BASIC MODELS AND TERMS

The article deals with the comparative research of basic Russian and German word-formation. The basis models of formation of new nominative units in these languages are determined.

Key words: *model of word-formation, equivalent, confix, composite, conversion.*

И. Ю. АПАЛЬКО

ПОНЯТИЙНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ»

Изучение понятийной структуры любой совокупности терминов способствует постижению природы рассматриваемых объектов. В статье проанализированы разные виды логических и онтологических понятийных отношений терминов предметной области «Защита информации».

Ключевые слова: *понятийная структура, терминологическая сфера, логические и онтологические отношения.*

В литературе по терминологии существуют разные подходы к проблеме системности. Согласно одной точке зрения, наблюдается «изоморфизм между понятийной структурой терминологии и структурой ее терминов как знаковых (языковых) единиц; терминосистема не ориентирована ни на какой-либо формальный характер ее структуры, ни на конкретные понятийные отно-

шения между ее терминами (родовидовые, паритивные, причинно-следственные и т. п.)» [1]; терминосистема понимается как «система, элементами которой являются отобранные по определенным правилам лексические единицы какого-либо естественного языка, структура которой изоморфна структуре логических связей между понятиями специальной области знаний или де-

тельности, а функция состоит в том, чтобы служить знаковой (языковой) моделью этой области знаний или деятельности» [2].

По мнению других лингвистов, термины той или иной области знаний или человеческой деятельности связаны на разных уровнях (грамматическом, дериватологическом, лексико-семантическом и понятийном) [3], а в основе терминологической системы, согласно школе Е. Вюстера и его последователей, оказывается понятийная система (concept system).

Специалисты отмечают, что изучение понятийной структуры любой предметной области (далее – ПО) важно для понимания содержания ее терминов. Так, А. А. Зализняк отмечает, что классификация «позволяет глубже проникнуть в природу рассматриваемых объектов» [4].

Известно, что в работах ряда исследователей [5] классификация трактуется либо как регулярно применяемая процедура логически правильной деления понятий предметной области по различным (а с предметной точки зрения – еще и существенным) основаниям, либо как результат этой процедуры [6].

Для определения фиксации понятийных отношений между терминами, а через них – и понятийной структуры исследуемой ПО, мы обращались к анализу дефиниций соответствующих терминов [7].

Ученые считают, что между понятиями и репрезентирующими их терминами существуют как логические, так и онтологические отношения. В ПО «Защита информации» (далее ЗИ) выявлены все типы логических отношений. Так, примерами родовидовых отношений, лежащих в основе понятийной организации многих терминологических систем, могут служить следующие:

– родовое понятие *защита информации*, видовое – *организационная защита информации*, т. е. защита информации при ее обработке техническими средствами путем принятия административных мер (отношение суперординации);

– видовое понятие *техническая защита информации*, т. е. защита информации при ее обработке техническими средствами, осуществляемая с использованием технических средств и способов защиты, родовое понятие *защита информации* (отношение субординации).

Как логическое пересечение характеризуются отношения между следующими терминами рассматриваемой ПО: *государственная тайна* – сведения, охраняемые государством, разглашение которых может оказать отрицательное воздействие на качественное состояние военно-экономического потенциала страны или повлечь другие тяжкие последствия для ее обороноспособности, государственной безопасности, экономических и политических интересов, и *служебная тайна* – охраняемые государством сведения в любой области науки, техники, производства и управления, разглашение которых может нанести ущерб интересам государства.

Горизонтальные отношения логической координации связывают следующие термины: *коммер-*

ческая тайна – сведения конфиденциального характера из любой сферы деятельности государственного или частного предприятия, разглашение которых может нанести материальный или моральный ущерб ее владельцам или пользователям (юридическим лицам), и *личная тайна* – сведения конфиденциального характера, разглашение которых может нанести материальный ущерб отдельному (физическому) лицу (термины номинируют понятия, обозначающие конфиденциальные сведения о юридических и физических лицах).

Диагональные отношения связывают, например, следующие термины-репрезентанты: *информация акустическая*, т. е. информация, носителем которой являются акустические сигналы, и *разведывательная информация*, т. е. информация, полученная в результате отбора, сопоставления, логической увязки и обобщения разведывательных данных и сведений в соответствии с заданием потребителя.

Среди онтологических отношений в исследуемой ПО выявлены паритивные отношения, т. е. отношения части и целого, которые объединяют понятия *охраняемые сведения* и *государственная тайна*; *охраняемые сведения* и *служебная тайна*; *охраняемые сведения* и *коммерческая тайна*; *охраняемые сведения* и *личная тайна*. Согласно дефиниции, *охраняемые сведения* – это сведения, составляющие государственную, служебную, коммерческую или личную тайны, на распространение которых накладываются ограничения соответствующими заинтересованными лицами. Понятие «охраняемые сведения» составляет целое, а все другие (государственная тайна, коммерческая тайна, служебная тайна, личная тайна) – его части.

Из констатируемых авторами онтологических отношений между понятиями (предшественник – приемник, причина – следствие, производитель – продукт, материал – продукт, посылающий – получатель, орудие – функция, аргумент – функция) [8] выявлены следующие онтологические отношения понятий ПО ЗИ:

1) предшественник – приемник: *поточный шифр* – *блочный шифр*; *шифр простой замены* – *шифр сложной замены*; *криптосистема с закрытым ключом* – *криптосистема с открытым ключом*;

2) причина – следствие: *криптоаналитическая атака* (любая попытка со стороны криптоаналитика-противника дешифровать шифр-текст) – *расшифрованный (открытый) текст*;

3) производитель – продукт: *криптограф* – *шифр*;

4) посылающий – получатель: *отправитель (сообщения)* – *получатель (сообщения)*.

Разновидностью паритивных отношений можно считать выявленное в нашем материале отношение «процесс – результат»: *зашифрование (информации)* – это процесс преобразования открытых данных в зашифрованные с помощью шифра; *зашифрованный текст* – это результат шифрования исходного открытого текста, осуществляемого с целью сокрытия его смысла.

Таким образом, выявление понятийной структуры терминологии ПО ЗИ целесообразно проводить путем анализа терминологических дефини-

ций. Наше исследование понятийных отношений терминов ПО ЗИ показало их разнообразие: наличие всех типов логических (родовидовых, или «вертикальных»), отношений пересечения, «горизонтальных», отношений координации и «диагональных» отношений), а также онтологических отношений. Такая многофакторность понятийных корреляций обусловлена понятийно-категориальной сложностью самого вербального терминологического конструкта ЗИ.

Литература

1. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003. С. 91.
2. Лейчик В. М., Смирнов И. П., Суслова И. М. Терминология информатики: теоретические и практические вопросы // Информатика: итоги науки и техники. Т. 2. М., 1977. С. 42.
3. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1979.

4. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 7.

5. Лаврентьева А. Г. Связь классификации, определений и терминов в технической терминологии // Изв. АН СССР. Отд. технич. наук. 1952. № 7; Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М., 1961; Она же. Краткие формы научно-технических терминов. М., 1971; Канделаки Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники: логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970. С. 39.

6. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность ... С. 90–91.

7. Терминология в области защиты информации: справочник. М., 1993.

8. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2007. С. 143–144.

I. YU. APALKO. MEANINGFUL STRUCTURING THE TERMINOLOGICAL SPHERE OF THE SUBJECT FIELD «PROTECTION OF INFORMATION»

Researching the meaningful structuring of any cluster of terms helps to understand the nature of the investigated objects. This article dwells upon the problem of logical and ontological relations among terms of the subject field «Protection of Information».

Key words: *meaningful structuring, terminological sphere, logical and ontological relations.*

В. Ю. НОВИКОВА

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АБСУРДНЫХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена проблеме лингвистического описания понятия «абсурд» в художественной речи. Междисциплинарное значение семантического анализа абсурда на разных уровнях языка предполагает его исследование в сравнении с понятиями «смысл» и «нонсенс» для выявления логической взаимозависимости этих терминов, которая не всегда свидетельствует об их антонимичности.

Ключевые слова: *абсурд, смысл, значение, логика, интерпретация, реципиент, сигнификат.*

На протяжении всего XX века лингвистика много раз обращалась к вопросу об уровне объективности / субъективности языковых реализаций и к изучению говорящего, пишущего и воспринимающего текст человека, сделав его ключевой фигурой в различных науках: в когнитивистике, психолингвистике, лингвокультурологии. Различные исследования «человека воспринимающего», проводимые в рамках этих наук, позволяют говорить о том, что речевые особенности языковой личности тесно связаны с ее сознанием и индивидуальным восприятием. Интерпретационные возможности человека практически неограниченны, это подтверждается тем фактом, что истолковать можно любой текст. Смысл вариантов интерпретаций и их количество определяется экстралингвистическими параметрами языковой личности: уровнем образованности, собственным жизненным опытом, ассоциациями, воспоминаниями и т. д. Причем механизм интерпретирования час-

то срабатывает независимо от того, имеет ли сам текст видимый смысл. Мы имеем в виду абсурдные фразы или даже целые литературные произведения.

Абсурдом в бытовом понимании этого слова принято считать нечто настолько не соответствующее действительности, что оно воспринимается как явление бессмысленное, ненормальное в условиях реального мира. На сегодняшний день в лингвистике еще не существует четкое определение понятия «абсурд». Синонимический ряд абсурда, несмотря на традиционное включение в него понятий «бессмыслица», «нелепость», «нонсенс», «абракадабра», также не установлен лингвистикой с достаточной достоверностью [1]. И несмотря на явную склонность культуры XX–XXI веков к абсурдным формам выражения, в филологии до сих пор еще не был фундаментально исследован достаточно большой пласт алогичных образований в художественных текстах. Этим обусловлена

необходимость анализа лежащих в иных научных плоскостях работ, уделяющих внимание абсурдным субстанциям, их образованию в языке и интерпретации таких конструкций реципиентами.

Впрочем, в тех науках, которые даже числят понятие «абсурд» среди своего терминологического аппарата (философии, культурологии, логики и т. д.), сигнификации этого понятия весьма туманны. У философов-стоиков можно найти такую смысловую категорию, как «блитури» (Секст Эмпирик), символизирующую некое слово, лишённое обозначения. Интересуясь, что появляется раньше: понятие, его номинация, или его сигнификат, как «встречаются» слово и его денотат, стоики придумывали некие словоформы, по их мнению, не выражающие никакого смысла, кроме своего собственного. Если у понятия нет сигнификации, оно должно выражать исключительно самое себя, обладать замкнутой на самой себе семантикой. Это справедливо для абсурдных образований типа: «ибо блитури был скиндапсосом» [2]. Нет значения у слова «блитури». Нет значения у слова «скиндапсос». Они, по воле их создателя, выражают друг друга, потому что больше ничего не могут выражать, ибо эти имена, явления, свойства или, что бы они из себя ни представляли, прежде всего, обозначают сами себя, свой собственный смысл. Такой «философской» формулой построения абсурдных фраз и абсурдных ситуаций стали пользоваться и авторы художественных произведений, создавая собственные, практически не связанные с реальностью понятия, например:

Ибо Снарк был Буджумом, увы (Л. Кэрролл. «Охота на Снарка»).

В каждом пусике лежит 3 фарики, в каждом фарики 5 бляк, в каждой бляке по 2 хрунечка (Г. Остер. «Задачник: ненаглядное пособие по математике»).

Кажется очевидным, что абсурд представляет собой смысловую аномалию, суть которой – нарушение семантической логики на разных уровнях языка. Однако традиционное противопоставление смысла абсурду не совсем точно отражает суть этой языковой субстанции. Пусть высказывание не реализуется в плане семантики, оно может быть правильно организовано грамматически. А если рассматривать его в аспекте прагматики, то одно и то же абсурдное выражение может иметь бесконечное множество сигнификаций. С этим не соглашался М. Фуко, полагая, что истинный нонсенс должен каким-то образом соотноситься с реальной действительностью. И «фраза Хомского “бесцветные зеленые идеи бешено спят” лишена смысла только в том случае, если предположить, что некоторое число возможностей уже исключено, признать, что речь идет не об описании сна, поэтическом тексте, зашифрованном послании или словах наркомана» [3].

Нельзя сказать, что внешне кажущийся абсурдным текст обладает смыслом, не выдвинув предположения о причине видимой большинству читателей бессмыслицы. Но возможен и иной вариант. Если предположить, что читатель, не знакомый с авторской пресуппозицией, интерпретирует текст по-своему, то он может найти совсем иной смысл, в отличие от заложенного адресантом. Объяснить этот парадокс можно тем, что, если невозможно по каким-то причинам определить авторскую интенцию, реципиент заменяет ее своей, исходя из того, что любое языковое образование должно иметь смысл, чтобы отражать коммуникативную направленность речи. Абсурдный дискурс вполне может скрывать некий изначальный парадокс: создавая текст, автор не вкладывает в него какой-либо весомый смысл, он присутствует лишь прагматически, а реципиент сам видит в дискурсе то, что ему представляется более приемлемым, таким образом, «превращаясь из субъекта действия в объект, которым любителю его создатель-художник» [4].

Однако если сам автор не может определить сути своего абсурдного произведения, имеют ли право читатели и исследователи этого произведения искать в нем смысл? Не проще ли будет довериться застывшей форме, быть может, в ней заключена красота? Именно эта мысль когда-то высказывалась в лингвистике при анализе произведений футуристов и дадаистов: абсурдное произведение привлекает человека именно своей бессмыслицей, потому что она – новшество для читателя. Но на наш взгляд, более значимо то, что абсурд предоставляет читателю неограниченную свободу «смыслотворчества» вполне в духе постмодернистской теории «смерти автора», создавая, тем самым, гораздо более сложное семантическое целое, чем обычный текст.

Заведомо абсурдное высказывание неизбежно обрастает интерпретациями, потому что смысл обеспечивает связь языка с действительностью, лежащей вне его, и тем самым – понимание людьми друг друга. Бессмысленное – это обрыв коммуникации и полное непонимание. Если кто-то говорит, автоматически предполагается, что он намерен что-то сообщить, и даже «темные» места его речи воспринимаются как несущие некоторый смысл. Следовательно, изучение абсурдных форм языка и художественных текстов такого рода может приоткрыть завесу над многими загадками субъективной стороны языковой личности.

Литература

1. Новикова В. Ю. Семантика абсурда. Краснодар, 2005. С. 8.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 27.
3. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 91.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997. С. 13.

V. YU. NOVIKOVA. INTERPRETATION OF THE ABSURD DISCOURSES REVISITED

The article deals with the problem of linguistic description of the notion «absurd» in fiction. The cross-disciplinary problems of nonsense semantic analysis condition the investigation of this term on different levels of language in comparison with notions «sense» and «nonsense» trying to find the answer – what absurd really is and how its delusive diffuseness blends in with the strong logical causality.

Key words: absurd, sense, meaning, logic, interpretation, recipient, significate.

А. В. БОНДАРЕНКО

НОМО LOQUENS VS. НОМО RIDENS: ЯЗЫК И СМЕХ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена лингвофилософскому рассмотрению феноменов языка и смеха в структуре человеческого бытия.

Ключевые слова: язык, смех, лингвистика, онтология.

Человек говорящий и человек смеющийся – как сочетаются эти две способности? Для прояснения данного вопроса попытаемся выявить сущностно-бытийные характеристики языка и смеха.

Язык. Язык повсеместен, вездесущ. Язык тотален и ситуативен, общ и конкретен, нагляден и неуловимо ускользающ, отчасти постигаем, но его природа остается непознанной. Мы полагаем, что язык *эзотеричен*, ответы на фундаментальные языковедческие вопросы следует искать в онтологии – учении о бытии сущего. Приверженцы онтологизации языка – от Платона до Хайдеггера – рассматривают человека в совокупности со всей его экзистенциальной феноменологией. Действительно, необходимо взглянуть на человека в его *differentia specifica*, как на вид, по-своему укоренившийся в мироздании, как на микрокосм в макрокосмосе Бытия. Мы определяем язык как способ бытия сознания, для которого открыт смысловой континуум, – сознания созерцающего, воспринимающего, мыслящего, выраженного в поступках. Причем вербализация, как озвученная, так и оформленная графически, есть лишь одна из ипостасей языка (наряду с молчанием, мимикой, жестом, поступком).

Как устроен язык? По Хайдеггеру, он есть дом Бытия. Но какая роль отведена в нем человеку? Хозяин ли он в этом доме? Начнем с того, что человек не единственный, на кого распространяется действие языка. Способностью воспринимать действительность наделены все живые организмы. А если под языком подразумевать некий порядок, логику организации и функционирования любого сущего, то он распространяет свою мощь на все мироздание. Центральным моментом «языковости» следует считать *различие*. «Не различаю» означает «не вижу», «не понимаю», «не делаю предметом сознания». «Язык бытует как сбывающееся различие мира и вещи. Звон тиши – это не человеческое, человеческое, напротив, по своей сути говорливо. Это такое событие, человеческая сущность, которая находит себя в языке таким образом, что раскрывается сущность языка – звон тиши» [1]. Язык и есть говор Бытия.

Истинное Бытие скрыто от человека за пеленой языка и представляет собой экзистенциальный континуум – семантический вакуум, лишенный дискретных форм и атомарных смыслов. Оно есть Ничто. Бытие формирует в человеке его расположенность. Бытие «говорит» с человеком на языке своих модальностей.

Человек – «волящий» постольку, поскольку ему дарует волю Бытие через язык. Язык из модальностей Бытия и состоит для человека: то, как ему видятся вещи, что он чувствует и как себя ведет. Личность – языковая по сути – есть уникальное сочетание мироотношений, мировоззрений, ценностно-смысловых предпочтений, выражающихся в различных поступках, в поведении в широком смысле. Языковая личность с лингвистической точки зрения – это высказывание, или текст в контексте Бытия. *Вот-бытие* – это кинокадр: цветá, звуки, движения, ощущения, мысли и переживания. И все это – *сущее*, имеющее типический и ситуационный смысл. Сущее не обладает однозначным и раз и навсегда закрепленным за ними смыслом. Понятие «смысл» не означает приоритетность, важность, значимость. Здесь нет и не может быть какой-либо иерархии. Смысл – способность сущего пробуждать в нас уникальные переживания. Процесс возникновения смысла задается вероятностным распределением. Смыслы заимствуются из семантического континуума сообразно ситуации, а также с учетом априорного (личностного) опыта и апперцепции. «Если признать, что лоном Бытия являются изначально заданные на континууме (но еще не распакованные) смыслы (языковые по своей природе) <...> становится ясным, что все существующее в Бытии привносится из самого Бытия, из его языковой первоосновы» [2].

Смех. Когда люди улыбаются, шутят, подтрунивают друг над другом, смеются раскатисто или хихикают, придумывают и рассказывают анекдоты, насмеваются, кокетливо отводят взгляд, непристойно намекают, вводя в краску, умиляются, плачут от щекотки и т. д., – все это мы и называем смехом, который оказывается не просто фи-

зиологической реакцией различной эмоционально-поведенческой выраженности, но феноменом человеческой культуры. Переживание смеха во многом напоминает экстатическое состояние, близкое к нирване. Это некий транс, в котором человек на мгновение обретает эмоционально-чувственную раскованность (кураж, радость, восторг, умиление) и семиотическую свободу. Игривое настроение, заигрывание или смеховая контаминация (заразительность смехом) есть открытость человека смеху в языке Бытия. И даже состояния, сопряженные с негативом (издевка, сарказм, злая ирония, брань), связаны со смехом. Покажем, как именно.

Философская герменевтика смеха. Человек – существо амбициозное. Амбиции заложены в природе человека. А природа его заключается – в отличие от остального живого мира – в комплиментарности (избыточности) сознания, в развита воображения, в большем, чем необходимо для выживания, энергетическом потенциале, который сублимируется в различные виды активности: больше ощущать, больше преобразовывать и радоваться своим преобразованиям. Смеясь, человек властвует, человек уподобляется Богу. Он демиург, он властен над миром. Смех предстает модусом Бытия, заключающимся в принципиальном жизнеутверждающем настрое человека. Смех – как и язык – глубоко метафоричен. Знаки смеха, как и языка, «обслуживают» различные состояния. Смех способен к функциональным трансформациям, что позволяет усмотреть в нем языковое начало.

Смех человека, или смех языка. Знак сковывает, обязывает, предписывает, а освобождение от пут знака – раскрепощает. Смех – смешение языка серьезности, размывание семиотических гра-

ниц. Логика смеха – это не аристотелева, не формальная логика, а бейсовский силлогизм, предполагающий спонтанность сознания и вероятностное распределение смыслов. «Бейсовская модель позволяет нам понять природу шутки <...> человек устроен так, что он не любит серого речевого поведения, оно его утомляет. Шутка, нарушающая однообразие речи, заключается в неожиданном переводе маловероятных ассоциаций в доминирующие. Шутки основаны на использовании <...> априорной функции распределения <...> У людей, не понимающих шутку, априорная функция распределения нивелируется: они могут использовать только те значения смыслового поля слова, которые ассоциируются с данным словом с большой вероятностью» [3]. Чувство юмора, таким образом, получает вполне конкретную лингвистическую базу.

Бытие отражено в языке. Человек – языковое образование, микротекст в контексте Бытия, носитель смыслов, заимствуемых из семантического континуума. Сознанию присуща спонтанность и вероятностное мышление. Бытие полимодально. Одним из модусов говорящего Бытия можно считать смех. Смешное в языке есть стремление личности к самоутверждению. Юмор возможен благодаря языковой полисемии. Такова в общих чертах онтология языка и смеха.

Литература

1. Хайдеггер М. Язык. СПб., 1991. С. 17.
2. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1982. С. 158.
3. Он же. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979. С. 86–87.

A. V. BONDARENKO. HOMO LOQUENS VS. HOMO RIDENS: LANGUAGE AND LAUGHTER OF MAN

The article is devoted to the linguistic and philosophical study of language & laughter phenomena in the structure of human being.

Key words: language, laughter, linguistics, ontology.

А. В. ШАУЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

В статье рассматриваются вопросы фонетической интерференции, влияющей на процесс обучения русской орфографии.

Ключевые слова: билингвизм, фонетика, интерференция, орфография, геминат, фонема.

В течение достаточно длительного периода ученые-методисты занимаются проблемой обучения русской орфографии в условиях билингвизма, когда фактор неполного усвоения правил правописания осложнен явлениями фонетической

интерференции, т. е. несоблюдением звуковых и интонационных различий между контактирующими языками. Это выражается:

1. В замене звуков изучаемого языка несвойственными ему звуками (например, в устной речи

русские заднеязычные звуки [г], [к], [х] заменяются геминатами родных языков учащихся).

2. В несоблюдении количества и последовательности фонем в словах: *стреча* (вместо *встреча*), *морксой* (вместо *морской*).

3. В перенесении признаков фонем родного языка на русский (по[ш'] ёл, бо[л]ной, [л]ёд, се[р']ый). Это соответствует ошибочному написанию «пошел» (вместо «пошел»), «болной» (вместо «больной»), лод (вместо «лед»), «серий» (вместо «серый»).

Существует весьма подробно разработанная сопоставительная фонетика дагестанских языков и русского. По мнению ученых-языковедов, «в них наблюдаются определенные сходства. Это дает основание для применения общих методов и приемов обучения русскому языку детей разных национальностей» [1].

Остановимся на основных особенностях фонетических систем дагестанских языков, обуславливающих закономерности отклонения при обучении нормам русского произношения и, как следствие, – ошибки в написании слов:

1. Гласные в русском языке качественно неоднородны, они сильно изменяются в зависимости от фонетического окружения. В дагестанских языках в большинстве случаев гласные однородны и лишь отчасти видоизменяются под влиянием соседних звуков в слове.

2. Качество русских гласных, в отличие от дагестанских, определяется их положением по отношению к месту словесного ударения.

3. Гласные [э], [и] в дагестанских языках также относятся к разряду передних, но отодвинуты назад по сравнению с русскими [э], [и]. В некоторых дагестанских языках (например, в лакском) отсутствует эквивалент русского звука [э].

4. Гласные [о], [у] дагестанских языков менее огубленные, чем русские. Звук [о] представлен лишь в аварском, кумыкском, цахурском, рутульском языках. Произношение звука [о] для учащихся-кумыков возможно лишь в начальном слоге.

5. Наиболее трудным для учащихся-дагестанцев является звук [ы], поскольку они не различают его со звуком [и].

6. Для системы согласных в дагестанских языках характерно отсутствие противопоставления по твердости-мягкости. Это вызывает значительные трудности в произношении мягких согласных.

7. Определенными произносительными особенностями в дагестанских языках обладают звуки [в] и [л]: первый – губно-губной, второй не имеет коррелята по твердости-мягкости.

8. Между сходными в общих чертах русскими звуками [ц], [ж], [ш] и аналогичными дагестанскими есть различия. Эти твердые согласные произносятся как соответствующие мягкие.

9. В дагестанских языках отсутствует звук [ш']. Учащиеся на его месте произносят звук родного языка [ш].

10. Сочетаемость согласных в русском языке более свободна, чем в дагестанских. В исконно дагестанских словах нет сочетаний в начале слова «с + согласный». В начале и в конце слова не могут идти подряд две смычные. Смычная не может следовать за сонорной. Отсюда произносительные ошибки на стыке подобных согласных в виде призывков между ними.

11. Согласные дагестанских языков почти не подвергаются позиционным изменениям.

Основной трудностью при обучении правописанию является еще и то, что в родных языках учащихся произношение, в отличие от русского языка, почти совпадает с написанием, т. е. орфография построена на фонетическом принципе.

Опираясь на теории М. В. Панова, А. А. Реформатского, Л. Н. Булатова, мы считаем, что обучение орфографии русского языка необходимо строить на фонематической основе, поскольку подобный подход позволяет осуществить сразу две задачи: обнаружение слабой позиции и проверку сильной.

В настоящее время в школах Республики Дагестан принята следующая классификация ошибок учащихся начальных классов: алфавитные, каллиграфические, графические (это группа так называемых доорфографических ошибок); орфографические; пунктуационные; речевые. Среди речевых ошибок различаются: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические [2]. Фонетические ошибки мы разграничиваем на те, которые связаны с расхождением параметров: а) звуковой системы русского и родного языка; б) произношения и написания в русском языке [3].

Таким образом, характер орфографических трудностей для большинства дагестанцев вызван фонетическими несоответствиями в русском и родном языках учащихся, отражающимися на письме, что вызывает необходимость введения в технологию формирования навыка правописания этапов по предупреждению и коррекции интерферентных влияний.

Литература

1. Загиров З. М. Преодоление интерферентных ошибок в русской речи учащихся-дагестанцев // Русский язык в национальной школе. 1988. № 1. С. 26.
2. Методическое письмо «Письменные работы по русскому языку в начальных классах дагестанской национальной школы» / под ред. Н. Я. Судаковой. Махачкала, 1994; Шурпаева М. И. Лингвометодические основы обучения русскому языку учащихся начальных классов дагестанской национальной школы. Махачкала, 2000; Она же. Фонологические основы обучения русской грамоте учащихся-дагестанцев. Махачкала, 1984.
3. Шаулов А. В. Фонетическая интерференция и обучение русской орфографии // Фонетика: теория и практика обучения произношению. Махачкала, 2008.

A. V. SHAULOV. PECULIARITY OF RUSSIAN SPELLING TEACHING IN BILINGVISM CONDITIONS

The article deals with the questions of phonetic interference influencing the process of Russian spelling teaching.

Key words: *bilingualism, phonetics, interference, orthography, double consonant, phoneme.*

М. Е. КОРНИЛОВ

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

В центре внимания автора статьи – вопросы о природе понимания и истолкования текстов и связанные с этим проблемы перевода, соотношения феноменов понимания, знания и объяснения.

Ключевые слова: *понимание текста, стандарты понимания, перевод художественного текста.*

Многие исследователи проблемы понимания отмечают, что оно по своей сути является общественным продуктом. Трудовая деятельность приводит к расширению арсенала приемов и средств выражения, которые использует ее субъект, что накладывает свой отпечаток на многие виды профессиональной деятельности. Так, в юриспруденции от судьи требуется понимание не только «буквы», но и «духа» закона, в филологии понимание связано с чувством языка, в медицине опытный врач диагностирует заболевание, не сводимые к общей сумме симптомов. Нередко понимание ситуации является спасительным для «скоростных профессий», например, водителей, летчиков и т. п. Б. М. Теплов видел в быстром анализе сложной ситуации и умении мгновенно находить правильное решение свойство ума великого полководца [1]. Можно с уверенностью говорить об особенностях профессионального понимания ученого, конструктора, технолога, педагога, политика, иными словами, о привнесении дополнительного смысла, направленного на решение профессиональных задач, связанных с использованием присущих данному виду деятельности средств и приемов выражения.

Понимание текста в настоящее время является одной из наиболее актуальных проблем, обсуждаемых в междисциплинарных исследованиях. «До сих пор остается неясным, имеем ли мы здесь дело с собственно философской или же преимущественно психологической и педагогической проблемой, относится ли она к любой сфере человеческой деятельности или только к социально-гуманитарному знанию, либо исключительно к индивидуальному <...> бытию, являются ли существенно различными или в принципе совпадающими проблемы понимания человека и понимания текста, как соотносятся между собой знание и понимание, понимание и объяснение и т. д.» [2].

Понимание субъективно: разные культуры в разное время обладали неодинаковыми стандартами того, что можно считать удовлетворительным объяснением. Люди даже в одну и ту же эпоху и при одинаковом уровне знаний могут по-

разному рассматривать понятное и непонятное, интерпретировать одно и то же явление. Формы понимания также чрезвычайно подвижны, изменчивы и вариативны.

Человек склонен искать смысл в любом действии, поступке или явлении, созданном человеком сознательно, с определенной целью. Наличие цели предполагает наличие смысла.

Понимание, как правило, связано с затруднениями интерпретации какого-то культурно-исторического опыта. Иногда один и тот же текст разные интерпретаторы истолковывают прямо противоположными способами, искажая замысел автора. Эту проблему ставит и герменевтика, возникшая еще в античности как искусство преодоления трудностей понимания и истолкования текстов. Сходные задачи решали греческие переводчики, стремившиеся как можно более точно передать смысл текста, выраженного на иностранном языке. История переводческого искусства показывает, что художественные тексты переводятся с учетом особенностей морали, традиций, обычаев, специфики социальной жизни общества.

В статье Л. Е. Черкасского «“Цыганы” А. С. Пушкина на Востоке» выполнен сравнительный анализ переводов этого текста на иностранные языки [3]. Опираясь на этот материал, можно обнаружить, как меняется понимание смысла в зависимости от социокультурных традиций страны переводчика и потенциального читателя. Анализируя обратный перевод одной строфы из «Цыганов» Пушкина, мы попытаемся интерпретировать изменения в понимании смысла текста, которые вносятся переводчиками разных стран.

У Пушкина Земфира приводит Алеко в цыганский табор и заявляет своему отцу: «Его преследует закон, / Но я ему подругой буду». Эти строки отражают гордый, независимый и смелый характер прекрасной цыганки, живущей чувствами, ее безоглядную преданность любимому человеку.

Китайский поэт Цюй Цюбо перевел второй стих несколько иначе: «Но я ему защитой буду». Поскольку Алеко преследует закон, ему необходима защита. «Китайскому читателю близка идея

активности женщины, поэтому сказать "подругой буду" мало, надо сильнее: "защитой буду"» [4]. В этом отразилась общественная тенденция, направленная на повышение активности женщины, следовательно, изменение в понимании ее социальной роли.

Буквальный перевод той же строфы на язык хинди делает Земфиру и Алеко просто друзьями, в этом варианте перевода нет даже намека на любовные отношения между ними, поскольку «в переводе на язык хинди слово "подруга" передано словом "митр" – "друг", "союзник", чрезвычайно редко употребляющимся по отношению к женщине» [5]. Подобраный переводчиком синоним меняет смысл текста таким образом, что влюбленная Земфира становится другом гонимого законом Алеко и воспринимается читателем не как его возлюбленная, а как союзник, скорее всего также находящийся не в ладах с законом.

Совершенно другое толкование приобретают пушкинские строки в японском переводе: «Не знаю, противоречит ли это закону, / Но я буду женой этого человека». Для законопослушных японцев признание Земфирой того, что ее будущий муж вступил в конфликт с законом, делает этот брак нежелательным, нелогичным. Поэтому Земфира в японском варианте выражается несколько уклончиво. Но гораздо важнее интерпретация второй строки, где Земфира заявляет, что будет не просто подругой, а женой Алеко. Это отражает свободолобивый характер прекрасной цыганки, ее смелость, проявляющуюся как раз в том, что Земфира бросает вызов закону и готова соединиться в браке с возлюбленным. Отношения Земфиры и Алеко становятся в японском переводе более драматичными.

Иначе взглянул на поэму Пушкина арабский переводчик. Чрезмерная свобода женщины традиционно ограничивается, и читателю представляется такой перевод: «Но я буду его любовницей». Земфира, готовая стать не женой, а любовницей Алеко, осуждается автором перевода. Возможно, переводчик в силу социокультурных причин не мог рассматривать женщину как друга или защитника мужчины.

Непальский вариант поэмы выполнен в более романтическом ключе. Земфира становится «возлюбленной», закон противопоставляется сельской идиллии, переводчик использует деревенский, простонародный вариант этого слова, пытаясь при помощи данного приема противопоставить закон сельских жителей цивилизации.

Земфира в корейском переводе не дерзкая цыганка, которая смело вступает в конфликт с законом. Она полна сомнений и мечтает о законном браке: «Он ходит под надзором закона, / А я хочу вступить с ним в супружеские отношения». Земфира сомневается, она не уверена в своем решении. Здесь явно ощущается влияние конфуцианства. Все вокруг живут по раз и навсегда заданным законам предков, что и заставляет девушку сомневаться в правильности своего решения. В этом варианте перевода искажен смысл обеих строк. Конфликт с законом несколько смягчен, а пушкинская Земфира, в отличие от корейской, и не помышляла о супружеских отношениях. В корейском варианте нет и намека на своеволие и независимость Земфиры, что отражает роль и место женщины в конфуцианском обществе.

К этому можно добавить анализ перевода поэмы Пушкина на английский язык, где анализируемая строфа воспроизведена: «I take him» – «я беру его». Земфира, которая «берет» преследуемого законом Алеко, выглядит деловитой немногословной европеизированной бизнес-леди. Отношения Земфиры и Алеко в этом варианте перевода лишены романтики, носят характер сделки.

В каждом из рассмотренных вариантов перевода стихов Пушкина на разные языки прослеживается различное понимание смысла текста в соответствии с взглядами и установками переводчика, социокультурными традициями страны, ролью женщины в обществе. «Результатом понимания может явиться понимание других людей и самого себя, текстов культуры – эта способность лежит в основе существования человеческого сознания» [6]. Таким образом, понимание текста не только образует опосредованную цепочку, но и является основой формирования убеждений и мировоззрения отдельной личности и общества в целом.

Литература

1. Теплов Б. М. Ум полководца. М., 1956.
2. Гусев С. С. Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 7.
3. Черкасский Л. Е. «Цыганы» А. С. Пушкина на Востоке // Творчество Пушкина и Зарубежный Восток. М., 1991.
4. Филатов Г. Земфира по-восточному // Восточный свет. 2005. № 2. С. 25.
5. Там же.
6. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М., 1997. С. 71.

M. E. KORNILOV. DIMORPHISM OF TEXT UNDERSTANDING IN SOCIOCULTURAL ASPECT

The article dwells on the questions of text understanding and interpretation, the problems of translation, correlation of understanding, knowledge and explanation phenomena.

Key words: *understanding of text, norms of understanding, translation of fiction.*

М. Ю. СИМОНЕНКО

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ВВОДНОСТИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Автор рассматривает вопрос разграничения понятий вводности и обособления, обращая внимание на то, что различие этих языковых явлений чаще всего оказывается условным и ясно обнаруживает себя лишь в абсолютно противоположных случаях.

Ключевые слова: вводность, обособление, вставные конструкции, предикативность.

В грамматической литературе часто смешиваются понятия вводности и обособления, что выражается и в смешении терминов. Однако разграничение случаев вводности и обособления необходимо. Трудность вопроса обусловлена тем, что оба эти явления обладают рядом общих черт.

Не отрицая некоторого значения пунктуационного критерия при обнаружении вводности в текстах, необходимо возразить против распространенного мнения, что скобки, например, являются несомненным признаком вводности. Б. А. Ильиш пишет: «Скобки означают, что заключенный в них текст выпадает из общей синтаксической связи предложения и является лишь вставным разъяснением к нему <...> Иногда в такой же функции, как скобки, употребляются парные тире» [1]. В. Л. Каушанская в своей грамматике английского языка пишет: «To separate parenthetical words, groups of words, and clauses a comma, a dash, or brackets may be used. The comma is the most usual» [2]. В справочнике «Современный русский язык» указывается, что в качестве вставных конструкций могут оформляться придаточные части предложения с различным значением [3]. Это не всегда так. Скобки действительно выделяют заключенные в них слово или группу слов – но выделяют зачастую только интонационно и служат целям обособления. Взятые в скобки слова не перестают быть членами предложения, если они являлись таковыми. Столь же ненадежным признаком вводности является употребление тире: «*Tom's younger brother (or rather half brother) Sid, was already through with his part of the work (picking up chips) for he was a quiet boy*» [4]. Очевидно, что взятые в скобки слова вступают в пояснительную связь с предыдущими членами предложения, обнаруживая атрибутивные или оппозиционные отношения.

Более того, скобками могут выделяться даже союзные предложения, выражающие своеобразную причинность или уступительность: «*The very river moves the machinery in the mills (for they are all worked by water power) seems to acquire a new character*» [5].

В основу различения вводности и обособления следует положить синтаксические, а не интонационные (не говоря уже о пунктуационных) критерии. Вводным элементом не может считаться то, что является членом предложения. В случае обособления, как известно, речь идет исключительно о членах предложения, как бы ни были вследствие обособления модифицированы их отношения к последнему.

Ряд внешних и семантико-синтаксических признаков обособления устанавливает Л. А. Булаховский [6]. Он считает, что более сильным ударением, паузами и характерной интонацией, напеминающей интонацию целых предложений, в речи нередко выделяется тот или иной второстепенный член предложения с относящимися к нему словами; причем мы его чувствуем как бы несколько оторванным от того члена, с которым он грамматически связан. Отмечаемый Булаховским признак более сильного ударения весьма существенен для осознания внешних, ритмомелодических средств обособления нераспространенных, в том числе однословных, членов предложения. К важнейшим условиям, от которых зависит обособление, Булаховский относит: а) нарушение порядка слов; б) нагруженность обособленного члена зависящими от него словами; в) синтаксическую несочетаемость единиц, тяготеющих по смыслу друг к другу; г) необязательность, дополнительный, зачастую объясняющий характер слова (группы слов) по отношению к другим частям высказывания.

Объясняющий характер слова – это как раз и есть то, что называется предикативностью. Отмечаемая Булаховским необязательность обособленного члена предложения устанавливает еще один элемент сходства между обособлением и вводностью. В речевой практике, по мнению Булаховского, чаще всего сочетаются несколько перечисленных условий.

Большое внимание вопросам обособления уделяет А. М. Пешковский. Обособлению посвящена большая глава в его книге «Русский синтаксис в научном освещении», содержащая ряд очень интересных наблюдений и гипотез [7]. Определяющим признаком обособления Пешковский считает интонацию; интонационный момент он кладет в основу всего изложения вопроса. В методологическом отношении это естественно. Общее же определение понятия обособленного члена чрезмерно подчеркивает фонетические приметы обособления, оставляя в тени его грамматическую сущность.

Пешковский считал, что обособление связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания [8]. (Речь снова идет о предикативности обособления.) Но обособление не может разрушать границ тесно связанных по смыслу словосочетаний в предложении [9].

Если суммировать некоторые обязательные и необязательные признаки обособления, то становится очевидным, что обособляющийся член

остается второстепенным членом предложения (несмотря на утрату им некоторой части связей с другими членами предложения и переход в предикативное или полупредикативное отношение, т. е. отношение противопоставленности предложению). Утрата части связей бывает обусловлена позиционным моментом (смещением обособляемого члена) и всегда связана с моментом производительным, ритмомелодическим. Обособление предполагает отсутствие интонационной слитности, свойственной предложению без обособленных членов. Это фонетическое преобразование (этот вариант в произношении одного и того же предложения) может быть единственным показателем тех серьезных семантических (и стилистических) сдвигов, изменений, которые возникают в результате обособления. Речь идет о таком виде необязательного обособления, когда обособляются однословные члены. *Однажды осенью, он заболел.* Точно также явно необязательно наличие запятой в следующем английском примере: *It seemed, to him, a good deal,* где возможно и отсутствие запятой – тем самым – иная интонация, отсутствие обособления: *It seemed to him a good deal.* (Ссылка на пунктуационное выделение правомерна лишь постольку, поскольку пунктуация в английском языке в большей мере, чем в русском, является показателем интонационного членения речи.) Отождествление фактически-языкового аспекта (интонационного) с графически-языковым (пунктуационным), безоговорочное отнесение интонации и пунктуации к одному ряду признаков обособления представляется ошибочным.

Е. И. Шендельс, основываясь на материале немецкого языка, ставит обособление в зависимость от распространенности того или иного члена предложения. Шендельс считает, что распространенные члены предложения образуют единую по смыслу и структуре группу, поэтому они могут занимать более независимое место в предложении, чем нераспространенные. Причины и сущность обособления Шендельс трактует таким образом, что обособление (*Absonderung*) происходит тогда, когда член предложения теряет свою внешнюю связь с другими членами предложения, потому что приобретает известную самостоятельность [10].

Известная самостоятельность обособленного члена – факт неоспоримый, составляющий суть обособления. Однако обособляющийся член не теряет своей внешней связи с другими членами предложения. Обособляемый член изменяет характер существующей между ним и остальными членами связи с сторону предикативности. Ослабляя связь с отдельными членами предложения, он в большей мере, чем необособленный, соотносится со всем предложением в целом.

В. Л. Каушанская для понятия обособленного члена предложения в английском языке предлагает термин «*Detached*» или «*Loose Parts of the Sentence*» [11]. Обособленными она считает такие второстепенные члены предложения, которые получают определенную грамматическую и семантическую независимость, объясняя этот фе-

номен их слабой связанностью с определяемыми ими словами. Эта несвязанность может возникать из-за: а) позиции этих слов или словосочетаний в предложении; б) того, как они выражены; в) их значения; г) желания говорящего подчеркнуть их важность. В разговорном английском обособленные члены предложения выделяются интонацией, речевыми паузами и особым ударением, а на письме – запятыми или дефисами. Обстоятельства, определения, предложные дополнения могут быть слабо связаны со словами, которые они определяют, т. е. могут выступать в роли обособленных (несвязанных) членов предложения. Каушанская отмечает, что любая часть речи, использованная в функции обстоятельства, может быть обособлена, что влечет за собой использование запятой, отделяющей ее от остального предложения: *In her excitement, Maria jammed the bedroom-door together.* Обстоятельство, выраженное the Nominative Absolute Participial Construction (самостоятельный причастный оборот) или любой другой абсолютной конструкцией, обычно обособляется: *The train coming in a minute later, the two brothers parted and entered their respective compartments.* Как и предложное косвенное дополнение: «*Huckleberry Finn was there, with his dead cat*» [12].

Можно выделить четыре основные причины отсутствия четкого различия случаев вводности и обособления в грамматической литературе. Все они обусловлены общностью ряда черт у обоих явлений.

1. Смешению понятий вводности и обособления способствует непрочность связей на стыке обособленных членов с другими частями предложения. Однако эти связи никогда не исчезают полностью. У вводных же элементов наблюдается отсутствие традиционных грамматических связей.

2. Обособление всегда сопровождается предикативностью. Отношения предикативного свойства присущи и многим видам вводных слов, но у обособления предикативность носит вторичный, подчиненный характер, никогда не ликвидируя других грамматических связей, характеризующих член предложения. У вводного же элемента, обладающего предикативностью, последняя является единственным содержанием его отношения к предложению, его связи с ним (кроме позиционной).

3. Обособленный член носит дополнительный, необязательный, зачастую объясняющий характер по отношению к другим частям высказывания. Замечание о том, что такова функция и вводных элементов, неточно. Во-первых, потому что далеко не все случаи обособления отвечают этому условию; во-вторых, потому что критерий обязательность / необязательность сам по себе ничего не дает. Вводность в роли выразителя модальности есть обязательный элемент предложения, в котором модальность не выражена иными средствами.

4. Существует некоторый параллелизм в интонировании вводности и обособления; фонетическая обособленность, ритмомелодическое выделение того и другого. Но существенные разли-

чия имеются и здесь. Во-первых, разновидности интонации (то и другое маркировано фонетически, однако выделение может быть противоположным: усиление в случае обособления и ослабление ударности в случае вводности). Во-вторых, обособление есть всегда, в первую очередь, фонетическое, интонационное выделение (в случае однословных не инвертированных членов оно только в этом и заключается), тогда как вводные элементы могут в известных случаях не обособляться интонационно. Модальные слова внутри предложения, некоторые незначительные по объему виды синтагм и предложений могут сливаться с членами предложения и интонироваться аналогично таким единицам, как обстоятельства. При этом вводные элементы, даже не подчеркнутые фонетически, выделены из предложения в силу своей смысловой функции (лексически несовместимой с понятием о члене предложения). Обособление же является факультативным. При однословности члена оно выступает как выразительное средство, позволяющее, например, усилить потенциальную предикативность атрибута – заменить попутное упоминание о тех или иных признаках предмета прямым утверждением их наличия.

Важнейший признак обособления – то, что обособленный член есть член предложения. Ввиду отсутствия четкой охарактеризованности члена предложения этот признак остается ненадежным средством разграничения обособления / вводности. Можно, например, сказать, что второстепенный член предложения есть лексически значимый элемент, характеризуемый смысловой, позиционной и интонационной отнесенностью к одному из главных (или второстепенных) членов предложения, вступающий с ними в отношения атрибутивности (неразвернутой предикации), которая грамматически дифференцируется как собственно атрибутивность, адвербиальность или объектность.

Мы уже указывали, что вводные элементы могут обособляться подобно членам предложения – и это обособление вносит изменение в их функцию. Так, неодинакова стилистическая, экспрессивная роль *really* в двух следующих примерах: *It is really amazing.* / *It is amazing really.*

Существуют виды вводных элементов, обособление которых – единственное средство превращения данной синтагмы (предложения) во вводное. Такова сущность Appended Clauses, о которых можно сказать, что это главные предложения, поставленные после придаточных дополнительных.

В целом по вопросу о границах между понятиями «вводность» / «обособление» можно констатировать, что различие природы соответствующих языковых явлений становится явным в крайних, противоположных случаях. На практике они переплетены и переходят одно в другое, и их различие является условным. Обособление часто достигает значительной степени смысловой чужеродности предложению и становится в предикативное отношение к последнему, приближаясь тем самым к вводности. Наоборот, во вводности нередко можно обнаружить отношения (причинные и т. п.), не исчерпываемые предикативностью или модальностью: своего рода эквивалентность члену предложения. Итак, вопрос, следует ли причислять ко вводности подобные примеры, может быть решен как положительно, так и отрицательно. Условимся решать его отрицательно.

В таком случае к числу вводных элементов будут отнесены:

а) модальные слова вероятности и очевидности;

б) эквиваленты модальных слов – лексические (собственно слова) и синтаксические (синтагмы и предложения с модальной семантикой);

в) Appended Clauses («присоединенные» предложения);

г) потенциальные главные, введенные внутрь потенциального придаточного дополнительного;

д) слова, синтагмы и синтаксические конструкции междометного характера, еще не ставшие междометиями;

е) случайные замечания, введенные в состав предложения и не обнаруживающие атрибутивно-тяготения к какому-либо члену предложения.

В ряде случаев термин «вставные» применим к предложениям. Однако причисление слов (словосочетаний и предложений, оформляющих добавочные сообщения, попутные замечания и т. п.) к особому разряду вставных неубедительно, поскольку отличительным критерием вводных единиц является их принадлежность тому же лицу, что и основная часть высказывания. Это предопределяет наличие единой смысловой линии повествования. Вставные же слова и конструкции синтаксически связаны с тем или другим членом предложения и имеют формы главных или второстепенных членов (часто – приложений), но обычно принадлежат другому лицу. И нарушают линию повествования. Вводные предложения могут относиться как ко всему основному составу высказывания в целом, так и к его отдельным членам, в результате чего различают общую и частную субъективную модальность. Вставные предложения, в отличие от вводных, не являются средством выражения субъективной модальности.

На основании изложенного нам представляется последовательным узкое понимание вводности, включающее в себя самое бесспорное. Все, что выходит за эти пределы, можно считать не более чем близкими к вводности явлениями. Удобность такого решения очевидна, хотя ограничения необходимы и часто бывают неизбежными при рассмотрении разных аспектов такого текучего, проницаемого объекта, каким является язык. Ведь и само понятие предложения не имеет резко очерченных границ – по причине невозможности наложить метафизические рамки на то, что изменяется и переосмысливается в историческом плане и в повседневности индивидуального употребления. Условность границ между вводностью и обособлением вытекает из

свойств изучаемого предмета, которые нельзя обойти.

Литература

1. Ильин Б. А. Современный английский язык. М., 1972. С. 278–283.
2. Каушанская В. Л. A Grammar of the English Language. Л., 1973. С. 313.
3. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. М., 2001. С. 462.
4. Twain M. The Adventure of Tom Sawyer. L., 1994. С. 9.
5. Dickens Ch. American Notes. М., 1950. С. 70.
6. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1949. С. 287–296.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 373–392.
8. Там же. С. 389.
9. Там же. С. 392.
10. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М., 1991. С. 348–352.
11. Каушанская В. Л. A Grammar of the English ... С. 261–263.
12. Там же.

M. YU. SIMONENKO. SYNTACTIC POSITION OF PARENTHESIS IN THE SENTENCE

The article deals with the differences between the notion of parenthesis and dangling. The author stipulates that the differences of these language phenomena is often relative and can be found out only in completely opposite cases.

Key words: parenthesis, dangling, inserted constructions, predicativity.

Трибуна молодого ученого

С. И. МАЛЬБАХОВА

**КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В БИБЛИОТЕКАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

В статье анализируются кадровые проблемы, имеющие место в библиотеках Кабардино-Балкарской Республики, даются рекомендации, направленные на успешное разрешение ситуации.

Ключевые слова: библиотечные кадры, Кабардино-Балкария, подготовка библиотечного персонала, библиотечное образование.

Как известно, решающим условием модернизации библиотек является обновление кадрового ресурса библиотечной отрасли. Это связано с тем, что работа в условиях рынка предъявляет высокие требования к уровню квалификации персонала, знаниям и навыкам работников. Те знания и навыки, которые помогали персоналу успешно работать еще вчера, сегодня уже теряют свою действенность. Очень быстро изменяются как внешние, так и внутренние условия функционирования библиотек, что вызывает необходимость подготовки персонала к сегодняшним и завтрашним изменениям.

Функциональный анализ содержания библиотечного труда показывает, что современной библиотечной системе Кабардино-Балкарской Республики требуются три вида специалистов: *библиотекари* – работники средней квалификации, используемые преимущественно в отделах обслуживания, организации и хранения фондов библиотек; *библиотекари-библиографы* – специалисты высшей библиотечной квалификации, обеспечивающие содержательную обработку литературного потока и осуществляющие библиографическое обслуживание сложных читательских запросов; *менеджеры информационных ресурсов* – специалисты высшей квалификации, областью профессиональной деятельности которых выступает теория и практика управления библиотечно-информационной деятельностью. Также ощущается потребность в специалистах по библиотечной экономике, информационному праву, веб-дизайну и другим специальностям, образовательная подготовка которых не предусмотрена имеющимся Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования в области культуры и искусства.

Все еще остается проблематичным и вопрос формирования социального заказа на подготовку кадров для автоматизированных библиотек: каких и сколько специалистов готовить – определить не так просто. Решение данного вопроса усугубляется несоответствием присваиваемых выпускникам вузов квалификаций и номенклатуры должностей, на которые они могут реально претендовать в библиотеках.

В штатном расписании библиотек республики сегодня практически все места заняты, и вряд

ли их количество увеличится, но, что отрадно, и свертывание библиотечных сетей тоже не намечается. Поэтому речь идет о воспроизводстве существующих функциональных категорий, но не в виде полностью профессионализированных коллективов, где не должно быть работников без специальной библиотечной подготовки. Вряд ли удастся заменить людей без библиотечного образования выпускниками библиотечной школы. Даже если бы это было возможно, удовлетворения кадровых потребностей не произойдет, поскольку при подготовке кадров библиотечная школа не ориентируется на функциональные категории [1]. Поэтому для решения данной проблемы предлагается следующее.

1. Поднять статус специалистов с библиотечным образованием. Наряду с должностями «библиотекарь» и «библиограф», требующими профессиональной подготовки, ввести в штатные расписания должность «помощник библиотекаря», предназначенную для сотрудников без библиотечного образования. Библиотечное дело России обременено громадным балластом непрофессионализма: каждый третий библиотекарь попал на занимаемое место случайно [2]. Такая картина характерна и для библиотек Кабардино-Балкарии [3]. Профессионализация библиотечных коллективов должна предполагать фронтальное обучение и соответствующую аттестацию всех библиотечных работников.

2. Для специалистов с неблиотечным образованием разработать моральные и материальные стимулы и предоставить им условия для профессионального обучения: курсы, заочные колледжи, факультеты, экстернат и т. д.

3. Провести реквалификацию дипломированных специалистов прошлых лет.

Речь идет не о повышении квалификации, а именно о реквалификации, т. е. *обновлении* профессиональной подготовки. Дипломы, полученные до 90-х годов XX века, девальвировались и в настоящее время не могут служить гарантией профессиональной компетентности специалистов. Данной категории работников нужно многому учиться, прежде всего – повышать экономическую, правовую компетентность, осваивать основы современного хозяйственного расчета, компьютеризации и информатизации.

Другими словами, возникает труднейшая задача поэтапной реквалификации зрелых и опытных специалистов-практиков библиотечного дела (главным образом – без отрыва от производства).

Принимая во внимание особенности кадрового потенциала библиотек Кабардино-Балкарии (по данным на 1 января 2008 года только 29,9% сотрудников библиотек Министерства культуры и информационных коммуникаций КБР имеют среднее библиотечное образование), надо отметить необходимость активизации набора на заочное обучение факультета «Библиотечное образование» Нальчикского колледжа культуры и искусств.

Кроме того, внедрение в работу библиотек современных технологий не будет плодотворным при фактической ставке на категорию кадров со средним специальным образованием. Здесь важно то, что Министерство культуры и информационных коммуникаций КБР осуществляет целевое обучение библиотечкарей в Краснодарском государственном университете культуры и искусств, который является одним из ведущих вузов страны в области подготовки кадров библиотечных работников высшей квалификации. Но этого сегодня явно недостаточно для обеспечения библиотек республики профессиональными кадрами (высшее библиотечное образование имеют только 13%). В самой Кабардино-Балкарии отсутствует система профессиональной подготовки библиотечкарей-библиографов высшей квалификации.

Рассмотрим особенности, характерные для библиотек Министерства культуры Кабардино-Балкарии. Они заключаются в следующем:

– высокий уровень образования работников (44,1%) обеспечивается за счет специалистов других отраслей;

– отсутствие ярко выраженной текучести кадров (вроде бы положительный момент – стабильность коллективов) и, вследствие этого, малый приток молодых специалистов (отрицательный момент);

– молодые специалисты, пришедшие работать в библиотеки, пассивны в профессиональной жизни.

Отсутствие ярко выраженной текучести кадров не означает, что ее совсем нет. Из-за того, что в библиотеках практически все места прочно заняты специалистами со стажем (очень часто – пенсионерами), нет вакантных мест, чтобы предложить их молодым.

Технологическая модернизация (пусть и медленно идущая) библиотечного дела и повышение социального статуса библиотек выдвигают необходимость разработки принципиально новой кадровой политики библиотек КБР с учетом рассмотренных выше факторов. Эта кадровая политика, несомненно, должна быть направлена не только на сохранение отраслевого профессионального потенциала, но и на создание корпуса специалистов новой формации, отвечающих современным требованиям социального заказа на профессиональные знания библиотечных работников. В свою очередь, решение этой задачи предусматривает формирование соответствующей кадровой инфраструктуры, в которой важное место отводится системе дополнительного профессионального библиотечного образования.

Резюмируя сказанное, отметим, что, на наш взгляд, необходимо:

1) решить вопрос повышения престижа библиотечной профессии в республике;

2) стимулировать профессиональную творческую среду молодежи (используя научно-практические конференции, стажировки за пределами библиотеки, конкурсы и др.);

3) удержать перспективных сотрудников, не дав им утратить интерес к работе;

4) обеспечить молодым сотрудникам возможность перехода на более важные и сложные участки, чтобы они имели шанс успешно построить свою библиотечную карьеру;

5) на государственном уровне обеспечить развитие и процветание библиотечного дела, стимулирование трудовых ресурсов библиотек. Ведь давно известно, что культурно-образовательный уровень общества (от которого напрямую зависит социально-экономическое развитие) во многом определяется уровнем развития библиотечно-информационного дела, поскольку библиотека – образ современного общества.

Литература

1. Соколов А. В., Афанасова Л. Н. Сколько и каких библиотечкарей нужно России? // Науч. и технич. б-ки СССР. 1991. № 11. С. 10.

2. Сукиасян Э. Р. Библиотечная профессия. Кадры. Непрерывное образование: сб. ст. и докл. М., 2004. С. 56.

3. Мальбахова С. Библиотечный балласт // Газета Юга. 2007. 19 июля.

S. I. MALBAKHOVA. THE PERSONNEL SITUATION IN THE LIBRARIES OF KABARDINO-BALKARIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article analyzes the personnel problems taking place in the libraries of Kabardino-Balkaria. Recommendations for their successful solution are given.

Key words: library personnel, Kabardino-Balkaria, training of library personnel, library education.

З. Ю. КУБАШИЧЕВА

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу этнического состава Северо-Западного Кавказа в начале XIX века и характерным для данного региона способам сосуществования представителей различных этносов.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, адыги, греки-урумы, черкесские армяне (черкесогаи), евреи, ногайцы, абазины.

Для воссоздания этнической картины, сложившейся к началу XIX века на Северо-Западном Кавказе, необходимо изучение всего народонаселения исследуемого региона. В изучаемый период этническая территория западных адыгов, называемая в русских, турецких, английских и других источниках Черкесией, была достаточно обширной. Автохтонное население с самоназванием «адыги» (иноназвание «черкесы») именовало свои земли «Адыгэ хэку». По мнению С. Г. Кудавой, адыги составляли около 1,7 млн. чел. [1], являясь самым многочисленным этносом Северо-Западного Кавказа.

Владения адыгов начинались от Черного моря на западе и продолжались до реки Уруп на востоке. На Черноморском побережье их земли пролегали между реками Кубань и Шахе. На севере границу обрамляла река Кубань, на северо-западе – Лаба.

Характерной чертой Северо-Западного Кавказа в начале XIX столетия был полиэтничный состав населения. В адыгской среде гармонично уживались представители других этносов – черкесогаи, греки-урумы, горские евреи, абазины, ногайцы. У Ф. А. Щербины упоминается, что в среде черкесов находилось немало армян, евреев и греков, это были торговцы, занимавшиеся своим делом на правах вольных и независимых людей [2].

Возникновение таких микроэтносов, как греки-урумы и армяне-черкесогаи, имеет многовековую историю. Армян и греков объединяла общая религия, выделявшая их на фоне исламизированных адыгов. Источники свидетельствуют о частых межнациональных браках [3], что указывает на миксацию этих народов. Длительное проживание среди адыгов привело к частичной ассимиляции и черкесогаев, и урумов. Они усвоили адыгейский язык, ставший для них уже единственным коммуникативным средством. По своим культурным признакам черкесские греки и армяне практически не отличались от адыгского населения. Они соблюдали все правила адыгского этикета – адыгэ хабзэ, жили в саклях, не отличались от адыгов ни одеждой, ни системой питания, даже соблюдали все пищевые запреты, которые с принятием ислама получили распространение среди адыгов. Единственным внешним отличием греков и армян от адыгов оставалась иная этноконфессиональная принадлежность. Греки яв-

лялись православными христианами, черкесогаи исповедовали армяно-григорианскую христианскую веру. Это проявлялось в сохранившихся у них обрядах похоронно-поминального цикла, наиболее тесно связанных с религиозными установлениями: усопших хоронили в гробу, на могилу ставили крест.

В документах начала XIX века упоминаются аулы Эдипсукай, Гадьхабль, Понежукай, Гагукай, аул на реке Сухупс, аул Беберды Батока, аул Султан Сагат-Гирея, аул Хамышеевского дворянина Салимкирея, Черчинеевские владения, где проживали греки-урумы [4]. Черкесские армяне к концу XVIII века жили как в адыгских аулах, так и в собственных поселениях на территории Шапсугии, между реками Абин и Афипс, среди натухайцев в селениях Эним, Шокон, Хаджихабль. И среди темиргоевцев черкесогаи имели собственные поселения – Егерухай, Хакубхабль, Хагукай, Адепсухай, Гяурхабль, на левом берегу реки Белой [5]. Г. С. Аракелян указывает, что общая численность черкесогайских семей составляла 2700–3000 чел. [6]. Таким образом, черкесогаи являлись единственным субэтносом армянской диаспоры в Черкесии в рассматриваемый период.

Пророссийская ориентация черкесогаев и урумов к началу XIX века (ее следствием был миграционный отток их из Черкесии) непосредственно влияла на этнический состав Северо-Западного Кавказа. Шел и внутренний процесс миграции данных этнических групп в Закубанье. Ф. А. Щербина свидетельствует о переселении черкесогаев с территорий «демократических» субэтносов в местности, где был силен «аристократический» обычай. В силу характера своей экономической деятельности черкесогаи нередко имели статус дворян, что ставило их в один ряд с привилегированной частью черкесского общества. Являясь представителями торговой сферы, черкесогаи, урумы, горские евреи заполняли определенную лакуну: налаживали торговые отношения в Черкесии (для адыгов торговля являлась не традиционным, редким занятием).

Заметное место в этническом составе Северо-Западного Кавказа занимало еврейское население. О евреях, проживающих среди адыгов, упоминает И. А. Сливницкий (статья «Кавказские евреи», 1853), отмечая, что они проживают среди натухайцев. О евреях Северо-Западного Кавказа

пишут немецкий путешественник К. Тунманн, француз Ферран [7]. Еврейские поселения были не только среди адыгов, но и на территориях, занимаемых северокавказскими абазинами-шкарауа и ногайцами [8], а когда абазин в 1863 году переселился на левобережье Кубани, горские евреи поселились в станице Усть-Джегутинской.

Горские евреи Северо-Западного Кавказа мало чем отличались от кавказских народов: «то же жилище <...> нигде нет ничего этнически маркированного, кроме тончайшего слоя культуры, непосредственно зависящего от идеологии иудаизма» [9]. Имена и фамилии евреев Северо-Западного Кавказа, фигурирующие в источниках, в основном аналогичны именам кавказского типа, например: Абрек Бирсеев, Мурзахан Поплиев, Белхия Гайнатоев, Садык Эльдаров и др. И только лишь самосознание, а также профессиональная ориентация сохраняли их этническую самобытность. В начале XIX века горские евреи одни из первых, наряду с черкесскими армянами и греками, проявили пророссийскую ориентацию.

В 30–40-х годах XVII столетия соседями адыгов с северо-востока стали кубанские ногайцы. Л. Я. Люлье отмечает, что ногайцы, жившие между Лабой и Кубанью, являются остатками монгольской орды Кипчак [10]. Всего на Кубани во второй половине XVIII века проживало 37 тыс. ногайцев. В 1771 году перед военным вторжением в Крым Екатерина II переселила на правобережье Кубани около 30 тыс. представителей этой народности с территории Крымского ханства. Их этнолокальная группа, чаще именуемая ордынцами, вытеснила кубанских ногайцев за реку Кубань [11]. Миграция за Кубань, носившая массовый характер, вынудила Екатерину II издать Указ от 11 февраля 1778 года, в котором она обещала создать Ногайскую независимую область. К 1780 году по берегам Кубани и ее притокам насчитывалось 30–35 тыс. ногайцев.

В 1783 году А. В. Суворов осуществляет депортацию ордынских ногайцев в Уральскую степь. Процесс уничтожения и переселения ордынцев не коснулся кубанских ногайцев, не являвшихся российскими подданными. Уцелевшие ордынцы попытались спастись в верховьях Лабы, присоединившись к кубанским ногайцам, часть их покорилась царским властям, но на правобережье Кубани их не допустили, там было поселено Черноморское казачье войско [12]. Указ Екатерины II от 27 декабря 1782 года положил начало массовой колонизации степей русским населением.

Локальными группами в крайних пределах этнической территории западных адыгов проживали абазины. Северокавказскую группу сформировали представители абазин-шкарауа: башильбай, баракай, баговцев, тамовцев, чаграй, населявшие берега рек Уруп, Лаба по соседству с бесленевцами и между ними. Южная группа была пред-

ставлена приморскими садзами (джигетами), которые жили между адыгами и абхазами в междуречье Мзымта – Бзыбь [13], и горскими абазинами из обществ Аигба, Ахчипсоу, Псху [14]. До начала XIX века были известны абазинские поселения по реке Фарс. Они постепенно слились с абадзехами, в среде которых обитали.

Итак, в первой половине XIX века наиболее многочисленным народом Северного Кавказа с самой обширной территорией расселения являлись адыги, занимавшие ряд областей Причерноморья, Закубанья и Центрального Предкавказья. В адыгской среде и по соседству с ними жили представители других этносов – черкесские армяне, греки-урумы, евреи, ногайцы, абазины. Но изменения внешнеполитической ситуации, связанные с осуществлением военно-колониционной политики Российской империи, затем значительно изменили этнический облик Северо-Западного Кавказа.

Литература, источники и примечания

1. *Кудаева С. Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006. С. 97.
2. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. С. 14.
3. *Аракелян Г. С.* Черкесогаи // Кавказ и Византия. Т. 4. Ереван, 1984. С. 71.
4. Государственный архив краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 1335(а). Л. 288; Ф. 774. Оп. 2. Д. 139(а). Л. 1–5; Ф. 249. Оп. 1. Д. 904. Л. 10–11.
5. Формирование армянской диаспоры: переселенческие волны, численность, зоны расселения URL: <http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty>
6. *Аракелян Г. С.* Черкесогаи ... С. 71.
7. Цит. по: *Колесов В., Сень Д.* Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспора. М., 2000. № 3. С. 199.
8. Там же. С. 198–199.
9. ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
10. *Люлье Л. Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абадзехами (азеге) и другими смежными с ними // Черкесия. Ист.-этнографич. ст. МЦТК «Возрождение», 1990. С. 10.
11. *Сенютин М.* Военные действия донцов против ногайских татар в 1781–1783 годах // Черкесы и др. народы Северо-Западного Кавказа в период правления Екатерины II. 1781–1786 гг.: сб. архивн. док. Т. 3. Нальчик, 2000. С. 242.
12. *Дебу И.* О Кавказской линии // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 76.
13. *Есадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 20.
14. *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в VIII – начале XX века: М., 1974. С. 75.

Z. YU. KUBASHICHEVA. ETHNIC COMPOSITION OF NORTH-WESTERN CAUCASUS
AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

The article is devoted to the analysis of the ethnic composition of North-Western Caucasus at the beginning of the XIX century and the ways of coexistence of different ethnos representatives.

Key words: North-Western Caucasus, Adygeis, Circassian Armenians, Greeks, Hebrews, Nogais, Abazins.

А. В. ДЕЧЕВА

ТЕАТРАЛЬНАЯ РУБРИКА НА СТРАНИЦАХ КУБАНСКОЙ ПРЕССЫ
1970–1980-х ГОДОВ И ЕЕ ВЕДУЩИЕ АВТОРЫ

В статье прослежен знаменательный этап эволюции театральной рубрики в массовой прессе Кубани, анализируется становление жанра театральной рецензии на примере творчества театроведа А. Г. Колесникова.

Ключевые слова: региональная пресса, театральная рубрика, театральная рецензия.

Говоря о месте и роли театральной рубрики в массовых периодических изданиях Кубани 1970–1980-х годов, об активности журналистского и литературно-критического цеха Краснодара того времени, следует напомнить об основных этапах становления жанра театральной рецензии в предшествующий период: выделить как временные пласты, так и круг постоянных авторов, занимавшихся вопросами театра, в более широком смысле – анализом театральной ситуации.

Одним из ведущих исследователей этого периода отмечено, что среди писавших на театральную тему в 1930–1950-е годы неоднократно встречаются имена А. Вахрамеева и М. Аметистова (Краснодар), П. Алякринского (Новороссийск), М. Мазанова (Армавир), А. Демешина (Николаев), Е. Грибулина (Сочи), в 1950–1970-х в Краснодаре «эту работу активно вели: режиссер В. Смирнов, педагоги В. Доронкин и И. Духин, композиторы В. Пономарев и Е. Алабин, работники культуры С. Ольгин, А. Чечельницкий и В. Епифанцев, писатели и поэты Н. Винников и В. Бакалдин. Особое место в этом ряду принадлежит также А. Ломоносову, работавшему одно время заведующим литературной частью Краснодарского театра оперетты, он оставил большое количество публикаций об актерах, проблемных статей, репортажей. В начале 1970-х годов в критику приходит Р. Кушнарв и становится крупной фигурой самого художественного процесса, во многом формулируя представления о современном театре и выдвигая перед работниками искусства серьезные требования сценической культуры. В 1980-х годах начинают печататься критики нового поколения: А. Колесников, С. Малахова; а чуть позже – А. Слепов, И. Кирьянова, Е. Петрова, И. Белова» [1].

Даже беглый обзор краевой печати, в первую очередь, двух главных газет – «Советская Кубань» и «Комсомолец Кубани» – свидетельствует о достаточном представительстве театральной рецензии на их страницах. Практически

каждая премьера в театрах Краснодара рецензировалась. Это входило в привычку с 1930-х годов, наблюдалось и после войны и стало правилом в 1970–1980-е годы. Таким образом, расцвет краснодарской критики произошел не на пустом месте. Несмотря на жесткие идеологические установки, театральная критика призвала в свои ряды очень достойных авторов, большей частью филологов Краснодарского педагогического института (И. Духин, С. Шишман, В. Доронкин, В. Пономаренко, Э. Иваницкая и др.).

С появлением в Краснодаре Р. А. Кушнарва местная театральная критика более тесно сблизилась с наукой о театре. В его рецензиях раскрывался феномен спектакля как специфического художественного языка. Критические работы Кушнарва в значительной степени повлияли на рост профессионального сознания нового поколения критиков, в первую очередь – А. Колесникова. Нам представляется важным проследить профессиональное становление этого яркого автора, чье тонкое знание специфики театра способствовало расцвету жанра театральной рецензии на страницах региональной печати в условиях отсутствия специальных трибун для музыкальной и театральной критики.

Александр Геннадиевич Колесников, ныне известный в России театральный и музыкальный критик, родился в Краснодаре в 1960 году. Здесь же начал трудовую деятельность как журналист в газетах «Комсомолец Кубани» и «Советская Кубань». Эти издания служили благодатной почвой для профессионального становления молодых авторов, особенно газета «Комсомолец Кубани», где издавна существовала и традиция, и потребность в гуманитарной тематике, и постоянный поиск новых имен. Здесь много лет трудились И. Ждан-Пушкин, А. Мхитарян, Т. Василевская. Именно сюда по рекомендации известного артиста Станислава Гронского начинающий автор принес свои первые опыты. Его встретили бла-

гожелательно. По заданию редакции им был написан репортаж с репетиции пьесы «Кочубей» А. Первенцева в Краснодарском драматическом театре им. М. Горького, превратившийся в итоге в простую информацию о премьере [2], затем – рецензия на детский спектакль «Чиполлино» по Дж. Родари в этом же театре [3]. За ними последовали публикации, которые отличались попыткой аналитического взгляда на предмет. Например, в статье о выставке французского плаката помимо репортажных, презентационных задач явственно дала о себе знать способность сочетать исследовательский аспект с доступностью для читателя [4].

Колесников в конце 1970-х много работал по заданию редакции, и это была настоящая школа. Газета издавна имела традицию воспитания собственных кадров, подающий надежды автор сразу попал в поле зрения руководителей. После двух-трех лет службы внештатным корреспондентом ему предложили перейти в штат: сначала стажером и через очень короткое время – сотрудником отдела литературы и искусства.

Работа редакции «Комсомольца Кубани» тех лет строилась на четком структурировании направлений и приоритетов. И вопросы театрального искусства, к счастью, никогда не отодвигали на задний план. Театральной тематике всегда находилось место на полосах, зачастую – на первой странице газеты (что говорило как об общих идеологических приоритетах редакции, так и об уровне профессиональной компетенции немногочисленных сотрудников отдела и сложившегося вокруг него творческого актива).

Освещаемые А. Колесниковым проблемы были широки, но все же театральная, а затем и музыкальная критика всегда были в центре его творческих интересов. Пространные выступления, затрагивавшие цеховые театроведческие проблемы, могли бы показаться не к месту в массовой печати. Но профессионализм и компетентность, поддержанная общей редакционной политикой – приоритетом гуманитарного подхода, исключали любые сомнения в необходимости и уместности таких выступлений на страницах молодежной газеты той поры. Достаточно вспомнить двухчастный очерк под рубрикой «Театральные мечтания» о положении дел на драматической и музыкальной сцене Краснодара [5]. Обращали на себя внимание и его выступления о гастролирующих коллективах из Москвы, Ленинграда, Перми, Новосибирска и других городов [6]. И, конечно, проблемные, острокритические работы, связанные с художественной жизнью. В их числе можно назвать газетную акцию «Связь времен» – об охране культурно-исторического наследия Кубани [7], цикл об агитбригадном движении, давшем в то время интересные художественные открытия, которые заставили говорить о себе общественность и специалистов [8].

1970–1980-е годы для театральной критики Кубани следует признать наилучшими и самыми результативными. Вдохновленные примером старшего поколения, в профессию приходили но-

вые имена. Разнообразие жанров, иллюстрирование статей, многочисленные рубрики, под которыми могла появиться театральная тема, система обратной связи – отклики на публикации (по сегодняшним меркам, рейтинг), ежедневные обзоры газет по радио, творческие конференции по рецензируемым спектаклям – все это способствовало творческому росту журналистов. Они ощутили планку высоких требований.

Неоспоримым было большое воспитательное значение театральной рубрики: по сути, аудитория через печатное слово, через предварительные публикации могла серьезно готовиться к восприятию сценического искусства, к приезду театров на гастроли и т. д.

Профессиональная карьера А. Колесникова сложилась счастливо. Закончив театроведческий факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС, ныне РАТИ) в Москве, он стал дипломированным специалистом. Школа, полученная им в краснодарской газете «Комсомолец Кубани», по его собственному признанию, дала возможность чувствовать себя уверенно в любом формате СМИ, что он прекрасно продемонстрировал в дальнейшем.

Еще будучи сотрудником «Комсомольца Кубани», он начал публиковаться в центральной и специальной прессе. Вспоминаются его аналитический очерк о русском театре в Грозном в «Театральной жизни» [9], заметка о гастрольном спектакле Маргариты Тереховой в «Литературной газете» [10], репортаж со съемок телебалета «Пиковая дама» в журнале «Телевидение и радиовещание» [11].

В 1989 году А. Колесников начал работать собственным корреспондентом по Краснодарскому краю, затем (1990–1992) заведующим отделом литературы и искусства газеты «Комсомольская правда». С трибуны крупнейшей тогда газеты мира (ежедневный тираж 26 млн. экз.) стал еще более заметен творческий подход этого журналиста к вопросам театральной и художественной критики, его знания в самых широких областях. Он дебютировал на страницах «Комсомольской правды» несколькими проблемно-аналитическими статьями (о рок-фестивале в Новороссийске, о новом кинофестивале приключенческого кино «Золотой Дюк» в Одессе) и отчетом по критическому сигналу из подмосковного Киржача о работе местного клуба [12]. В каждой из этих работ он был убедителен и компетентен, не случайно они привлекли внимание, вызвали читательские отклики, которые развивали поднятые темы и говорили столько же о проблеме, сколько и об авторе, их осветившем. Всего за время своей работы в «Комсомольской правде» Колесниковым написано более ста статей. Их героями становились известные деятели культуры и искусства – Станислав Говорухин, Михаил Ульянов, Юрий Григорович, Роман Виктюк; театры Москвы и Ленинграда, гастролирующие зарубежные коллективы.

Неожиданным, но в сущности закономерным был переход А. Г. Колесникова на работу

начальником литературно-издательского отдела Государственного академического Большого театра России (1992–1995); а позднее – первым заместителем главного редактора журнала «Балет» (1999–2001).

Он публиковался в «Литературной газете», «Российской газете», газетах «Комсомольская правда», «Известия», «Век», «Трибуна», «Версты», «КоммерсантЪ», «Московские новости», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Большой театр», «Парламентская газета», «Время МН»; в журналах «Театральная жизнь», «Музыкальная жизнь», «Музыкальная академия», «Московский наблюдатель», «Театр», «Сезоны Большого театра», «Балет», «Персона», «Телевидение и радиовещание», «Мелодия», «Планета “Красота”» и др. Талантливый журналист плодотворно сотрудничал с Российским радио и Радио «Маяк», телеканалом «Культура».

Постепенно личные творческие планы А. Колесникова, как, вероятно, и профессиональные интересы, претерпевали изменения. Он заканчивает аспирантуру Российского государственного института искусствознания (1996) и начинает активную научную и издательскую деятельность. Издает ряд книг: «Соединение природы и искусства. Театральная эстетика И. С. Тургенева». (М., 2003); «Евгения Белоусова. Судьба актрисы – судьба жанра» (М., 2004); «Оперетта в Краснодаре» (М., 2005); «Юрий Григорович. Путь русского хореографа» (М., 2007). В число направлений его деятельности входит драматургическая, переводческая и сценарная работа. А. Колесников – автор русского текста и сценической редакции либретто оперетт Ф. Легара «Петер и Пауль едут в сказочную страну» (первая постановка в Краснодарском музыкальном театре, 2000), И. Штрауса «Калиостро в Вене» (первая постановка в Екатеринбурге, 2004); сценарист и ведущий ряда торжественных церемоний, гала-концертов и иных творческих акций.

Его критическая деятельность отмечена рядом наград. Он лауреат премии «Золотое перо» (газета «Трибуна», 1998), премии Российской Академии художеств (1999), премии Администрации Краснодарского края в области науки, образования и культуры (2008) и, наконец, лауреат Национальной премии «Книги и издательства года» в номинации «Альбомы» за книгу «Незабываемая – Наталия Бессмертнова» (М., 2008).

Перегруппировка интересов А. Колесникова с периодики в область фундаментальных искусствоведческих исследований объясняется, без сомнения, кардинальными изменениями в массовой и специальной печати, в том числе и статусом театрального жанра на страницах современной прессы.

За последние годы произошли перемены к худшему: исчезновение идеологической монополии парадоксальным образом подтолкнуло к облегченному взгляду на назначение газет и журналов. Сегодня стал редкостью аналитический жанр театральной рецензии. Превалируют фельетон, репортаж, интервью, поверхностные информаци-

онные заметки. Появились десятки новых органов печати, профессиональный уровень которых вызывает серьезные сомнения. По мнению самого А. Колесникова, «новые газетные площадки не заполняются адекватным содержанием. О театре пишется много, но поверхностно и бессистемно, аналитические статьи практически ушли со страниц, главенствуют информационные жанры, преимущественно интервью» [13].

В этих обстоятельствах обострилась потребность «удержать» театральную критику как жанр, чтобы не исчез этот необходимый инструмент профессиональной оценки, эта незаменимая составляющая театральной жизни.

Сегодня А. Колесников занят, помимо издательской деятельности, экспертной работой. Он член Творческой комиссии по музыкальному театру Союза театральных деятелей РФ, экспертного совета Московского отдела СТД РФ; с 1995 по настоящее время – приглашенный специалист Краснодарского Творческого объединения «Премьера». Такая позиция позволяет ему наблюдать работу многих театральных коллективов страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иркутска, Красноярска, Барнаула, Новосибирска, Саратова, Самары, Ижевска, Волгограда и других городов. Это дает, по его мнению, широкий обзор, проясняющий проблемное поле для дальнейшего погружения в профессию.

Будучи членом трех творческих союзов – Союза писателей РФ, Союза театральных деятелей РФ и Союза журналистов РФ, Колесников реализует разные ипостаси своей профессии. Он выступает председателем и членом жюри региональных и всероссийских театральных фестивалей, членом жюри Национального театрального фестиваля «Золотая маска» (раздел музыкального театра, 2008–2009). Участвует в международных творческих проектах как пресс-секретарь: «Балетный Бенуа» (Москва, Варшава, Париж, Берлин, Штутгарт, 1992–2007); фестиваль «Д. Шостакович и мировая музыкальная культура» (Москва, Краснодар, 1995); Сочинские музыкальные выставки (1997, 1999); «Не нам, не нам, а Имени Твоему» (концерты М. Ростроповича в пользу Фонда воссоздания Храма Христа Спасителя в Москве, 1995); фестиваль современной российской культуры в Каннах (2000); фестиваль Юрия Григоровича «Молодой балет России» (2003, Краснодар); Первый Всероссийский конкурс артистов балета и хореографов «Молодой балет России» (2004, Краснодар); Международный конкурс Юрия Григоровича «Молодой балет мира» (Сочи, 2006, 2008).

А все начиналось три десятилетия назад, в тот день, когда молодой автор рискнул предложить свои театральные критические заметки для публикации в газете «Комсомолец Кубани».

Литература

1. Колесников А. Г. Оперетта в Краснодаре: Летопись творческого пути. Воспоминания. Библиография. М., 2005. С. 208.
2. Путь в революцию // Комсомолец Кубани. 1977. 11 нояб.

3. Что рисуют дети // Там же. 1977. 23 нояб.
4. Знакомьтесь: французский плакат // Там же. 1978. 6 янв.
5. Ожидаю открытий: Классика: обретения и потери // Там же. 1984. 27 нояб.; Ожидаю открытий: Оперетта: вчера, сегодня, завтра // Там же. 1984. 28 нояб.
6. См.: «Комедианты» // Там же. 1981. 18 авг.; У подъезда старого дома // Там же. 1981. 18 июня; «По Гоголю», «По Чехову» // Там же. 1985. 19 июня; Звуки и отзвуки темы // Там же. 1985. 27 июня; Фантазии на темы Булгакова // Там же. 1986. 20 июня; «Орфей и Эвридика» 10 лет спустя // Там же. 1986. 23 июня.
7. Ко двору ли узоры? // Там же. 1982. 17 авг.; Минувших дней сегодняшняя боль // Там же. 1982. 14 сент.; Что сохраним, что приумножим // Там же. 1983. 5 янв.
8. Право голоса // Там же. 1981. 12 февр.; Шире шаг, агитбригада! // Там же. 1982. 22 дек.; Поищем вместе, поищем вновь // Там же. 1985. 12 февр.; Девять пламенных // Там же. 1985. 22 февр.
9. «...И начнется игра» // Телевидение и радиовещание. 1983. № 8. С. 22–23.
10. Должно быть все прекрасно // Театральная жизнь. 1986. № 15. С. 24–25.
11. «Актеры, правьте ремесло!..» // Литературная газета. 1987. № 4. 21 янв.
12. Наедине с анонимкой // Комсомольская правда. 1987. 20 сент.; Умный в гору не пойдет // Там же. 1987. 22 окт.; Кому он нужен, этот вестерн // Там же. 1987. 25 окт.
13. Колесников А. Г. Оперетта в Краснодаре ... С. 208.

A. V. DECHEVA. THEATRE IN THE COLUMNS OF THE KUBAN PRESS OF THE 1970–1980-s, AND ITS LEADING AUTHORS

The article retraces an important stage of evolution of the dramatic columns in the Kuban mass media, and dwells upon formation of the dramatic review on the example of the reviews written by A. Kolesnikov.

Key words: regional press, dramatic column, dramatic review.

С. Г. ГРИГОРЕНКО

СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОППОЗИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Статья посвящена исследованию пространственно-временной оппозиции как одной из ключевых категорий художественного нарратива. На материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» показаны особенности языковой репрезентации пространственно-временных оппозиций, их стилеобразующий потенциал.

Ключевые слова: пространственно-временная оппозиция, нарратив, стиль.

В связи с актуальностью преодоления текстоцентрического подхода в современной филологии (Г. А. Золотова, А. Ф. Папина и др.) [1] представляется перспективным исследование оппозиций, направленное на выявление иерархии онтологических смыслов в сфере художественного языка. Этому, в частности, может служить анализ пространственно-временной семантики нарратива. Цель данной статьи – показать функционирование оппозиции как центральной текстовой категории, играющей ключевую роль в репрезентации пространственно-временных отношений в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Указанный метод дает возможность путем анализа взаимодействий между членами оппозиции описать определенные динамические процессы (см., например, труды В. Г. Руделева, А. Л. Шарандина) [2]. По нашему мнению, особенно продуктивно работает методологический посыл о том, что время как смысловая категория стро-

ится на соотношении, реализующем отношения предшествования, следования, одновременности (а значит, и на оппозиции этих смыслов), а пространство как смысловая категория базируется на сорасположении (например, вертикальное – горизонтальное, верх – низ) и оппозиции предметов. Например, в языке романа «Белая гвардия» более акцентирован смысл временных оппозиций, в «Мастере и Маргарите» – пространственных. Можно даже утверждать, что такие оппозиции выступают главным фактором пространственно-временной организации этого произведения.

Семантика пространственных антитез относительна: она непосредственно зависит от субъективно-авторского мироощущения. В индивидуально-авторской картине мира Булгакова она передает динамику изменений аксиологической системы. В этом последнем крупном произведении писателя аксиология передается посредством «трехмирного» измерения реалий. Три словесно-

художественных мира – Москва, Ершалаим, владения потусторонних сил – пребывают в постоянной противопоставленности друг другу, будучи при этом взаимозависимы и взаимообусловлены. Это находит непосредственное выражение в языковой ткани произведения.

Выражению пространственно-временной антиномии Москва – Ершалаим служит торжественный, приподнятый слог ершалаимских глав. Созданию иерархически выстроенных смыслов служат различные типы пространственно-временных оппозиций, каждая из которых характеризуется специфическим набором актантных признаков. Назовем главные из них.

Фантастическое – бытовое с точки зрения аксиологии выступают как полюса, а в пространственном смысле оказываются тесно переплетенными. Бытовое часто надевает на себя маску фантастического, а фантастическое (ирреальное) притворяется бытовым. Угаданный творческим воображением Мастера Ершалаим воспринимается как безусловная реальность, а город, где живет автор романа, выглядит призрачным, населенным не столько людьми, сколько химерами примитивно обывательного сознания.

Даже пруд – не просто место привычных прогулок, обрамленное Чистопрудным бульваром, зеркало пруда усиливает семантику «волшебного», мистического. Так же «отражают» реальность и стекла домов: «Он остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное солнце» [3]. Земное «лмоает» – искажает астральное, но это и аллюзия взаимопересекающихся, парадоксально взаимодействующих миров. «Зеркальность» (мотив зеркала и аллюзии на взаимоотношения между сущим и мнимым) – важный элемент семантики не только произведений М. А. Булгакова, она традиционно сопутствует приемам мистического и философского символизма в европейской и мировой литературе. Субъективность манеры нередко соседствует с многозначностью, понимаемой именно как «многогранность отражений».

Важной характеристикой «волшебного» мистического пространства является его способность к преобразению, изменению: «Теперь регент нацепил на нос явно ненужное пенсне <...> От этого клетчатый гражданин стал еще гаже, чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь на рельсы» [4]. Словосочетание «указывал путь» в данном случае выступает как иронический перевертыш высокого смысла, «передергивание» самого мотива «жизненный путь». Для Берлиоза этот путь в описываемом эпизоде, на самом деле, измеряется расстоянием до трамвайных рельсов. По аксиологической переакцентуации, проступающей посредством сужения (локального сдавливания) понятия «пространство», хорошо виден прием, помогающий автору подчеркнуть плоско-приземленный уровень персонажа, которому предстоит быть казненным за примитивный скепсис по отношению к высшим материям. Берлиозово пространство-время иллюзорно, оно неотвратимо и мгновенно превращается в точку небытия.

Актуальны в тексте романа и оппозиции *вертикальное – горизонтальное*, *верх – низ*. Для характеристик Воланда и его свиты релевантно вертикальное измерение пространства, для «свиты Берлиоза» (заседателей МАССОЛИТа и завсегдаев, обедающих «у Грибоедова») – горизонтальное. Вертикально освоенное пространство свойственно и сценам, изображающим Понтия Пилата. Мы неоднократно видим этого персонажа движущимся вверх или вниз, причем, нередко – по лестнице: «Тут все присутствующие тронулись вниз по широкой мраморной лестнице»; «Пилат повернулся и пошел по помосту назад к ступеням» [5]. Замечаем направление взгляда героя, также характеризующееся посредством значений *вверх – вниз*: «Прокуратор поглядел на арестованного, затем на солнце»; «Пилат поднял мученические глаза на арестанта»; «поглядел в землю, потом, прищурившись, в небо» [6]. В этих эпизодах, как и в других частях романа, мотив «лестница» реализует архетип, символику связи верха и низа как разных космических зон: «на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу, встретились прокуратор и <...> Иосиф Каифа»; «путешествия вверх по лестнице луны» [7].

Обращает на себя внимание то, что в «древней» ипостаси романного повествования все локусы сюжетного действия строго выстроены по вертикали: низ (Иуда жил в Нижнем Городе, как и Низа, дворец Каифы расположен у подножия храмового холма) – верх (дворец Ирода находится на возвышенности, на вершине холма происходит казнь осужденных). Даже дворец Ирода Великого имеет вертикальную структуру: упоминаются его верхняя и нижняя террасы, лестница.

В отличие от ершалаимского пространства, представленного в подсветке «строго вертикальных» смыслов, пространство московских глав содержит изломанную, тревожно искривленную, «скачущую» амплитуду отношений между горизонтальным и вертикальным измерениями мира. На полюсах этой антиномии полуподвальное окно и квартира, из окна которой вылетает на шабаш Маргарита. Эту вертикаль перевертывает следующий сюжетный ход: героиня громит верхние этажи, где проживает критик Латунский.

Многообразно выражена в романе антиномия *динамичное – статичное*. Необходимо отметить, что эта оппозиция позволяет достаточно четко разграничить мистическое и фантазмагоричное. В целом за быстрой сменой динамических состояний все явственнее проступают несходства между «калейдоскопом» московских похождений и вечной поступью ершалаимских глав. Пространственные трансформации как семантика обманчивого движения вносятся Воландом и его свитой: «Иван устремился за злодеями вслед и тотчас убедился, что догнать их будет очень трудно. Тройка мигом проскочила по переулку и оказалась на Спиридоновке» [8]. В этом и аналогичных ему фрагментах очевидно, что земному герою не угнаться за перемещениями «потусторонних» участников событий.

Относительно антиномии *открытое – закрытое* следует отметить, что особое значение имеет расположение дома МАССОЛИТа. Он как бы отгорожен от внешнего мира, хорошо заметная в следующем отрывке текста градация усиливает семантику закрытости пространства, в которое помещен «старинный двухэтажный дом кремового цвета»: «на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резной чугунною решеткой. Сначала решетка, потом сад, и только в глубине – дом» [10].

Итак, передача ценностных смыслов вписана художником в сложную динамику очертаний и форм (сужение, расширение, перемещение по горизонтали и вертикали), причем с асимметрией связаны не пространственные, а ценностные ориентиры.

Оппозиция *заполненное – незаполненное (пустое)*. Реалии «московского» пласта романа перенасыщены бытовыми деталями и упоминаниями предметов, имеющими подчеркнута статичный, безжизненный характер: «В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой, под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные ее уши свешивались вниз» [10]. Все это не столько предметы, сколько «тень от предметов». Избыточность подробных описаний связана с мифопорождающей функцией. Пространство мифологического мира всегда заполнено и насквозь вещно. Вне вещей оно не существует.

Однако вещьность может быть свидетельством истинного (очевидного) и ложного («калейдоскопического», иллюзорно видимого). Заполненность монументальными предметами характерна для дворцового интерьера: крытая колоннада, каменная стена, медная статуя, золотой потолок, мозаичный пол, круглая беседка, крыльцо дворца, флигели, кресло, фонтан, бронзовая статуя, лестница.

Философское понимание проблемы «вещь и тень от вещи» автор вложил в уста своего центрального героя-резонера: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?» – изрекает Воланд [11].

Всех героев романа можно разделить на имеющих свой дом и на «бездомных». В оппозиции *дом – бездомье* М. А. Булгаков опирается на традиционный для русской культуры архетип дома. Возникает некая идеальная (как и дом с кремовы-

ми шторами Турбиных) отсылка от быта к Бытию, и материальный вещный мир одухотворяется.

В «Мастере и Маргарите» отчетливо репрезентирована семантика трансцендентной границы между реальным и фантазмагорическим. Это граница внутренняя, она не подвластна внешнему мельканию мнимостей, постоянно превращающихся друг в друга. Границу намечают поступки и мысли, не теряющие связи с нравственными категориями.

Немалое место в романе отведено метафорическому осмыслению дороги. По словам В. П. Топорова, «путь, не совпадая с пространством, выступает как его квинтэссенция, его интенсифицирующая сумма, его линейный одномерный образ»; это «внутреннее становление, выражаемое в категориях пространства» [12]. Булгаков показывает призрачную мечту Понтия Пилата: это прозрачная голубая светящаяся дорога. Движение Пилата по лунному лучу – один из инвариантов мотива пути, несомненно связанный с эмоциональной оценкой духовных поисков этого персонажа.

Таким образом, семантическую оппозицию можно классифицировать как стилеобразующую категорию. Именно так работают пространственно-временные антиномии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Анализ и описание соответствующих языковых механизмов дают богатый материал для суждений об особенностях индивидуально-авторской стилистики, об аксиологическом, текстопорождающем и нравственно-философском потенциале творчества как об определенном единстве.

Литература

1. Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3; Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М., 2002.
2. Руделев В. Г. Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995; Шарандин А. Л. Оппозитивный подход в филологических исследованиях // Принципы и методы исследования в филологии. Конец XX века: сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 6 // под ред. К. Э. Штайн. СПб.; Ставрополь, 2001. С 56–61.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Барнаул, 1989. С. 8.
4. Там же. С. 42.
5. Там же. С. 20, 22.
6. Там же. С. 25, 26, 39.
7. Там же. С. 39, 310.
8. Там же. С. 43.
9. Там же. С. 50.
10. Там же. С. 45.
11. Там же. С. 261.
12. Топоров В. П. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 271, 441.

**S. G. GRIGORENKO. SPACE-TIME OPPOSITION IN FICTION NARRATIVE
(ON THE MATERIAL OF THE NOVEL «MASTER AND MARGARITA» BY M. A. BULGAKOV)**

The article investigates the space-time opposition as one of the major categories of the fiction narrative. On the basis of the novel «Master and Margarita» the characteristic features of the language representation of space-time oppositions are shown, their text- and style-forming abilities are indicated.

Key words: space-time opposition, narrative, space and time in fiction, style-forming creativity.

Ю. Ю. БЕКУЗАРОВА

**РОМАН П. ОСТЕРА «ПРИЗРАКИ»
КАК «НЕОКОНЧЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ»**

Данная статья представляет собой анализ одного из аспектов постмодернистского детективного нарратива романа Пола Остера «Призраки», обозначенного как «неоконченное произведение». Представление о романе как о «неоконченном произведении» воспроизводит его «уровни чтения» как постмодернистского детектива (жанровой модификации, сформировавшейся в контексте постмодернистской литературы и представляющей собой деконструкцию жанра классического детектива).

Ключевые слова: постмодернизм, «неоконченное произведение», детектив.

Роман П. Остера «Призраки» (1986) является второй частью так называемой «Нью-Йоркской трилогии». По отношению к остальным частям он занимает позицию интермедии, или антракта в двухактной пьесе. При чтении романа бросается в глаза «протокольное повествование», упрощенное до состояния схемы, благодаря чему произведение обретает вид наброска, этюда, «заметок на полях» или даже чернового варианта киносценария. Уильям Литтл и Джеймс Пикок связывают это упрощенное повествование (bare-bones story) с концепцией, изложенной Остером в эссе «Искусство голода» (The Art of Hunger): «Единственное, что я пытаюсь сделать во всех своих книгах, это оставить для читателя достаточно пространства (room), чтобы жить в нем. Потому, что я верю, что книгу пишет читатель, а не писатель» [1]. «Незавершенный» текст произведения обращен к читателю и содержит лишь «материал» для написания истории.

С первой и третьей частью трилогии роман «Призраки» связан прежде всего тематически: как продолжение детективной темы «Стеклянного города» он является в то же время «комментарием» к ней. С другой стороны, он предваряет роман «Запертая комната», в котором детективная тема воспринимается уже на другом уровне. В сущности, «Призраки» – это, как и «Стеклянный город», «роман без героя» (Д. Николич) [2], поскольку действующих лиц в привычном для нас понимании в нем нет. Об этом свидетельствуют как имена персонажей – Синькин (Blue), Белик (White), Черни (Black) и т. д., так и упрощенность, узнаваемость их образов, представляющих собой скорее идеи, «цветовые» – весьма прозрачные для читателей произведений П. Остера – ассоциации, чем «живых» персонажей. К примеру, Белик соотносится с метафорой «белого листа», «чистой страницы», исследованию которой

посвящена первая часть трилогии – «Стеклянный город». Литературовед Уильям Литтл связывает ее с началом акта письма [3]. Черни выступает в романе в качестве персонифицированного образа «черного» текста культуры, заполняющего «белый лист». В этом контексте расследование Синькина может быть рассмотрено как школа писательства. «Детективная» интрига выражена в произведении весьма условно, в качестве метаязыка или легко разгадываемого кода. С его помощью автор пытается раскрыть то, что волнует его самого, – тайну творчества.

С точки зрения детективной фабулы, в романе «Призраки» «ничего не происходит», как считал У. Литтл. Она представляет собой упрощенную историю приключений Квинна, героя романа «Стеклянный город». Некто Белик нанимает Синькина, чтобы тот следил за Черни и регулярно присылал ему, Белику, отчеты о результатах своих наблюдений: «Дело кажется простым. Белик хочет, чтобы Синькин понаблюдал за неким Черни, чтобы не спускал с него глаз до дальнейших распоряжений. Под началом Желтовски Синькин не раз выполнял филерскую работу, и это задание представляется ему не лучше и не хуже прочих, пожалуй, даже более легким» [4]. Но Синькин – частный сыщик и «жанровый» персонаж американского детектива («Я не Шерлок Холмс, говорил он Желтовски всякий раз, когда надо было протирать штаны, выполняя какое-нибудь задание. Мне бы что-нибудь посочнее, такое, чтобы вонзиться зубами»), сталкивается с ситуацией, в которой «жанровый» подход «не срабатывает». По мнению ряда исследователей, слежка Синькина за Черни может быть интерпретирована с точки зрения феноменологической рефлексии. Как и Квинн, Синькин пытается «вжиться» в образ Другого через отождествление себя с ним. Раздвинув занавески, он видит в доме напротив

Черни, сидящего за столом. Похоже, он что-то пишет. Взгляд в бинокль подтверждает это предположение. Конечно, линзы не настолько сильные, чтобы разглядеть слова, но в любом случае прочитать строчки вверх ногами едва было бы возможно. Ясно одно: Черни пишет в тетради красной ручкой. Синькин достает собственную тетрадь и делает первую запись: «3 фев. 15.00. Черни пишет за столом». Иногда Черни встает из-за стола и исчезает (отошел в угол? скрылся в ванной?), но ненадолго. Это продолжается несколько часов, и ситуация яснее не становится. В шесть вечера Синькин записывает в тетради: «Это продолжается несколько часов». Синькин испытывает – нет, даже не скуку, скорее это можно назвать обманутыми ожиданиями.

Тема «горизонта обманутых ожиданий» (В. Изер), ставшая актуальной для литературы постмодернизма, реализуется в «Призраках» через поиск формы детективного романа. В романное повествование включены «неудачные» детективные линии, повествующие о неразгаданных тайнах: история мальчика, чей труп был найден, но никому так и не удалось ни опознать его, ни найти убийцу, рассказ о пропавшем в горах альпинисте, которого спустя много лет находит его сын.

Но заполнение «чистого листа» детективной историей, которого ждет от Синькина Белик, иными словами, написание «нежанрового» детективного романа, не происходит, так как объект его наблюдений – писатель. «Совершенно пустое "дело"! А как это еще назвать, если твой клиент только пишет да читает? Чтобы уяснить для себя ситуацию, надо залезть в черепную коробку подозреваемого, понять ход его мыслей, а это пока не представляется возможным» [5]. И, как бы в насмешку сыщику, Черни обыгрывает каламбур «залезть в черепную коробку подозреваемого», рассказывая Синькину историю со вскрытием «черепной коробки» Уолта Уитмена, завещавшего потомкам свой мозг в качестве объекта исследования. «Многие считали его гением, и им хотелось взглянуть, нет ли в его мозге чего-то особенного. И вот на следующий день после его смерти прозектор извлек мозг Уитмена и отправил его в Американское антропометрическое общество, где его должны были обмерить и взвесить <...> В лаборатории, еще до начала работы, кто-то из ассистентов роняет мозг на пол <...> Мозг величайшего американского поэта сметают в совок и выбрасывают на помойку» [6]. Еще более обескураживающим выглядит сравнение мозга Уитмена с его экскрементами, которое проводит Черни: «Если задуматься, между ними есть формальное сходство. Выпуклости и изгибы. Мозг и кишки – человеческие внутренности». И завершается пассаж Черни выводом: «Мы часто говорим: чтобы лучше понять писателя, надо проникнуть в его нутро. Но при ближайшем рассмотрении мы не обнаружим ничего особенного, во всяком случае, ничего такого, чего нет у простых смертных» [7]. Этот своеобразный вывод должен был послужить для Синькина подсказкой на пути его «расследо-

вания», откровением писателя, побуждающего его написать историю, начав ее с «белого листа». Отказавшись от привычных для Синькина «жанровых» установок и взаимодействуя с «текстом» культуры, создать собственное произведение. Но Синькин упорно «не понимает» своего визави и продолжает писать отчеты, ни на шаг не приближающие его к разгадке. «Уолден» Генри Торо, который, по замыслу Черни, должен был навести Синькина на мысль о писательстве, тоже введен в ряд текстов-ключей, содержащих историю отказа от стереотипов культуры и цивилизации и попытку «переписать» текст культуры.

В то же время Синькин не так прост, как нам его преподносит повествователь. С одной стороны, он представляется совершенной *tabula rasa*, «чистой доской» с точки зрения интеллектуального опыта – как читатель детективов, являющихся для него единственным источником познания мира. С другой стороны, разыгрывая перед Черни роли бродяги и коммивояжера, Синькин вынужден притворяться невеждой, не знающим ни Торо, ни Уитмена, человеком, вообще не знакомым с литературной традицией. Создается впечатление, что роль «крутого парня» нужна ему для того, чтобы ввести в заблуждение читателя. «Перевоплощения» персонажей романа «Призраки» вообще выглядят для читателя довольно прозрачными, или даже призрачными. Детективная интрига произведения строится не вокруг этой легко разоблачаемой «игры масок», воспроизводящей жанровый канон, а вокруг более существенного для Пола Остера вопроса – узнаваемости текста культуры для читателя. Синькин, как и Квинн в начале расследования «дела Стиллмена» («Стеклянный город»), играет роль «наивного читателя» ради создания пространства диалога, в котором нейтрализуются привычные для адресата стереотипы восприятия литературы.

Писательство для героев Остера связано со стремлением «раствориться» в чужой субъективности, выразить непостижимую «инаковость» через феноменологическую эмпатию, выходящую на уровень отношений «автор – герой». Писатель для Остера – прежде всего человек, способный к перевоплощению, к «вживанию» в чужую роль, поэтому его субъективность «распадается» на множество личин, чтобы стать материалом для создания произведения.

Остер выстраивает диалоги персонажей романа «Призраки» с точки зрения «двойной оптики». С одной стороны, диалог Синькина и Черни выглядит как философская беседа двух людей, достигших полного взаимопонимания, как Квинн и Остер (писатель Пол Остер – персонаж, а не автор) в «Стеклянном городе», и воспринимается Синькиным как «диалог с самим собой»; с другой стороны, Синькин, как и Квинн, продолжает упорствовать в своем нежелании понимать собеседника, «переводя» диалог на язык детектива: «Да, Черни был более дружелюбен и приятен в обращении, но сыщик не мог отделаться от мысли, что он у Черни под колпаком. Выходит, объект

состоит в заговоре, иначе зачем бы он стал вести с ним эти задушевные беседы?» «Двойная оптика» в данном случае означает интерпретацию диалога с точки зрения двойного жанрового кода, прочитывающегося в романе, – кода американского детектива и производного от него жанра *gotan noir* – и диалога с текстом культуры.

Жанровый код детектива прочитывается в романе на уровне языка. Норвежский писатель Хяртан Флэгстад в своем эссе о детективе [8] обращал внимание на «сочный» язык персонажей данного жанра, избыливающий «житейской мудростью» пословиц и поговорок и в буквальном смысле создающий особый род лексики и фразеологии. Язык детектива служит «обрамлением» интриги «Призраков». В то же время столкновение двух типов мировоззрения – писателя и детектива, двух разных типов дискурса, производит на читателя комический эффект, как диалог жанров в романе Сервантеса «Дон Кихот», к которому апеллирует роман «Стеклянный город». Но в отличие от «Стеклянного города», где противостояние двух типов героев завершается синтезом (писатель-детектив в образе Квинна), в «Призраках» идет последовательное размежевание двух типов рефлексии, ни один из которых не достигает своего завершенного состояния.

Метаморфозы, происходящие с Синькиным: «Жизнь замедлилась до такой степени, что вдруг открылись вещи, прежде ускользавшие от его внимания. Траектория светового луча, блуждающего по комнате. Отблеск снега на потолке. Стук сердца. Шум дыхания. Движение ресниц. Эти мелочи автоматически фиксируются в его сознании, и, как бы Синькин ни старался игнорировать их, они все равно остаются в памяти, как какая-нибудь абсурдная, многократно повторенная фраза. Проще всего от нее отмахнуться, но понемногу в ней начинает открываться какой-то смысл» [9], – значимы для понимания главной особенности писательского мировосприятия, а именно, умения видеть мир иначе, чем другие. Но для Синькина эти метаморфозы оборачиваются «падением в небытие», которое он испытывает, входя в квартиру

Черни в конце произведения: «Едва он переступил порог, как в глазах у него темнеет, такое ощущение, будто ночь придавила его к земле, проникла во все поры, а голова увеличилась, словно накачаный воздухом шар, и вот-вот оторвется от тела и улетит. Он делает еще шаг, другой и, потеряв сознание, грохается оземь, словно труп» [10].

Развязка в духе *gotan noir*, жанра, создающего «детективный код» романа «Призраки» и представляющего собой продолжение семантического ряда, связанного с именем Черни, знаменует собой «смерть героя» и «смерть жанра» как способа репрезентации Слова («поединок» Синькина и Черни). Данная метафора становится еще более понятной, если обратиться к началу романа, представляющему собой аллюзию на Священное Писание: «Вначале был Синькин. Позже появился Белик, а за ним Черни» [11]. Синькин – персонифицированное Слово, появившееся, чтобы «отделить Свет от Тьмы» – не оправдывает ожиданий автора и исчезает во Тьме, не в силах «перечитать / переписать» текст культуры.

Иначе говоря, Слово обречено блуждать среди «чужих текстов», так и не став самим собой.

Литература

1. Цит. по: *Little W. G. Nothing to Go On: Paul Auster's City of Glass // Contemporary Literature. 1997. № 1. P. 133.*
2. *Nicoliu D. Deconstructing Aristotle's Poetics in Paul Auster's The New York Trilogy // www.bluecricket/auster/auster.com.html*
3. *Little W. G. Nothing to Go On ... P. 133.*
4. *Остер П. Нью-Йоркская трилогия. М., 2005. С. 225.*
5. Там же.
6. Там же. С. 229–230.
7. Там же. С. 231.
8. *Флэгстад Х. Диалектический детектив // Скандинавия: Литературная панорама. М., 1989. С. 533–546.*
9. *Остер П. Нью-Йоркская трилогия ... С. 197.*
10. Там же. С. 245.
11. Там же. С. 187.

YU. YU. BEKUZAROVA. PAUL AUSTER'S NOVEL «GHOSTS» AS «UNFINISHED WORK»

This article analyzes one of the basic aspects of postmodern detective narrative of Paul Auster's «Ghosts» which we denote as the «unfinished work». The concept of «unfinished work» forms its «levels of reading» as a postmodern detective story (the modification of the detective genre formed in the context of postmodern fiction and representing the deconstruction of the classical detective story).

Key words: postmodernism, «unfinished work», detective.

Е. В. ДЕРЮГИНА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ «ЖИВОТНОЕ – БОЛЕЗНЬ» И «ЖИВОТНОЕ – ИСЦЕЛЕНИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Номинации животных, используемые в русских заговорах при обрядах исцеления, исследуются автором статьи как метафорические модели, содержащие зоонимический компонент, и как модели, опосредованно связанные с названием животного.

Ключевые слова: языковая картина мира, зооморфные черты, семантическая модель, номинация, заговор.

Изучение наследия народной медицины представляет большой интерес для лингвистических исследований, в частности для детального описания такого концепта в языковой картине мира, как «фауна».

В современном русском языке слова, обозначающие животных, вызывают у носителей языка представление о ряде болезней и выступают в качестве внутренней формы их названий. Можно утверждать, что в русском языке функционирует достаточно продуктивная семантическая сфера «животное – болезнь». Ее формирование в русской языковой картине мира часто связано с мифологией и широко отражено в диалектах. В литературном русском языке известны названия некоторых болезней, образованных по номинации представителей фауны: жаба (обычно грудная жаба), рак, свинка. В говорах встречаются названия болезней: мышка («опухоль, воспаление подчелюстных желез у лошадей»), ящер («шероховатое воспаление языка у крупного рогатого скота и лошадей») и др. [1]. Обращаясь к народной медицине, в частности к названиям болезней, мы находим свыше двадцати наименований, содержащих компонент зооним или опосредованно связанных с концептом «фауна».

Как критерий разграничения названий болезней мы использовали метафоризацию. Лингвисты традиционно выделяют в значении метафоры не модус, а функциональность. Исходя из этого, метафора либо описывает объект как таковой (идентифицирующая метафора) или его признаки (предикатная метафора), либо выражает отношение субъекта к обозначаемому (оценочное – оценочная метафора; эмотивное – оценочно-экспрессивная метафора), либо представляет объект как существующий в некотором художественно выстроенном мире (образная или образно-эстетическая метафора) [2].

В процессе номинации в данной сфере обнаруживаются ассоциативные связи: выраженные непосредственно, проявляющиеся в самом названии болезни, номинация которой основана на аналогии с определенным видом животного, и опосредованно выраженные, возникающие при описании течения болезни или ее свойств.

В первом случае речь идет об идентифицирующей, или индикативной, метафоре, порождающей тот тип значения, который принято называть дескриптивным (конкретным, портретирующим и

т. п.). Спецификой этого типа метафоры является сходство ее обозначаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения. При этом подобию здесь придается вид тождества, т. е. реализуется принцип фиктивности. К данной группе мы относим следующие названия болезней или пороков развития.

Заячья губа. Врожденное расщепление средней части неба (иногда вместе с верхней губой). Номинация дана по аналогии со строением морды у зайца.

Волчья пасть. Врожденное незаращение твердого неба и верхней челюсти. Номинация дана по аналогии с пастью волка.

Гусиная кожа. Появление на коже человека множества мелких пупырышек, напоминающих кожу ощипанного гуся, из-за сокращения мышц в результате пиломоторного рефлекса.

Волчанка красная. Тяжелая болезнь кожи, получившая название «волчий лишай» из-за своего характерного признака – красной сыпи на переносице и щеках, пятна которой, как считали раньше, похожи на волчьи укусы.

Тюленья лапа. Патологическая деформация конечности, вызываемая параличом мышц кисти и предплечья после травм нервов. Напоминает строение лап тюленя.

Куриная слепота. Гемералопия (авитаминоз или гиповитаминоз А, В1 и РР) – ослабление сумеречного зрения, т. е. люди ничего не видят в это время суток, как куры.

Рак. Существует точка зрения, что название болезни (карцинома) дал Гиппократ на основании схожести с панцирем рака корки, покрывавшей опухоль груди у обратившейся к нему больной.

Второй тип номинаций представляет собой когнитивную метафору, приводящую к формированию абстрактного значения. Принцип фиктивности, лежащий в основе такой метафоры, мешает значению имени выполнять идентифицирующую функцию, поэтому живой образ в таком наименовании стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации [3]. Прямая ассоциативная связь в таком случае отсутствует. Рассмотрим некоторые названия болезней.

Лепра. По-русски болезнь называется проказой. Обозначение одного из симптомов болезни восходит к миру фауны, так называемая «львиная морда» (искажение черт лица и нарушение мимики из-за утолщения кожи) [4]. Болезнь, по-види-

тому, в сознании носителя русского языка связана с проклятием, поскольку название «проказа» родственно слову «наказать».

Сучье вымя – так в народе называют гидраденит, гнойное воспаление потовых желез в подмышечных впадинах. Воспаленные железы с отеком и покраснением могут превращаться в абсцесс и значительно выступают из-под мышки, создавая впечатление набухшего молоком вымени оценившейся суки.

Интересно, что названия новых болезней также содержат компонент зооним, например, *птичий грипп*. Однако способ номинации здесь связан с тем, что источником и разносчиком эпидемии являются птицы.

Обращение к фольклорной традиции славян позволяет обнаружить их убежденность в том, что болезни человека происходят от проникновения в его тело животных (онтологические взгляды), что легло в основу названий многих болезней («рак», «свинка», «грудная жаба» и т. п.). Небезынтересно отметить, что шаманство возникло частично на этой почве. Окружающий мир делился в соответствии с представлениями наших предков на две части. Одной из них считался «наземный» мир людей, упорядоченный и безопасный. Другая часть – мир незнакомый, а значит, и враждебный человеку, населенный некими сущностями, духами. Однако эти сущности, по представлению наших предков, могли проникать в мир человека и вносить в него дисгармонию, которая иногда проявлялась как болезнь [5].

Необходимость глубинного анализа семантической сферы «животное – болезнь», в которой народные названия самих болезней довольно разнообразны и не всегда прозрачны с точки зрения их внутренней формы, заставила нас обратиться к русской заговорной традиции. Эмпирическое знакомство с заговорами показывает, что их систематизация основывается на функциональном принципе [6]. При этом самыми многочисленными и не вызывающими сомнений являются лечебные заговоры, в которых часто используются названия из мира фауны.

Для русской традиции очень характерны случаи, когда фактически одни и те же заговоры носят полифункциональный характер: применяются для лечения разных, нередко сразу нескольких болезней.

Согласно одному из наиболее известных заговорных сюжетов, в мифологическом центре (в чистом поле, синем море и на белом камне) находится животное (ворон, собака, змея и др.), которое либо лечит, либо принимает недуг на себя, либо является олицетворением самой болезни.

Заговор от грыжи:

*Грызь-грызунья, сорока-болтуня,
Отнеси подальше в темный лес,
в глубокое болото*

Грызоту, маету с тела бела.

Аминь. Аминь. Аминь.

Заговор от мигрени:

*Баба шла по дороге, собаку вела за собой;
Баба пала, собака пропала;
Руда, стань, большие не кань.
Аминь. Аминь. Аминь.*

Заговор от пьянства:

*Свинья и то водку не пьет, а помои жрет.
Так и ты, раб Божий, водку не пей,
Через нее не болей.*

Большой интерес вызывает представление о болезни как о животном-хищнике; основу номинации составляет зооним с отрицательным коннотативным значением.

Заговор от кровотечения:

*За каменными палатами,
За железными цепями,
Там лежит черный ворон,
У этого ворона во рте печень запеклась.
А у раба Божьего (имя) кровь запеклась,
остановилась.*

Аминь. Аминь. Аминь.

Заговор от болей в пояснице:

*Змея, свернись, вокруг рабы Божией обернись.
Ляг на пояс, стань подмогой, отвяжись дорожкой,
упади, уползи, боль-хворобы прочь унеси.
Аминь. Аминь. Аминь [7].*

Приведенные примеры доказывают, что часто в заговорах болезнь принимает вид опасного для человека или питающегося падалью животного. В этом случае недуг уничтожает сам себя.

Некоторые мифологи склонны считать, что развитие соответствующего фольклорного жанра шло от молитвы к заговору. А. А. Потебня, однако, отвергнул, что заговоры возникли из чар, а чары – из приметы («Действие, сопровождающее заговор, представляет простейшую форму чар»); чара – это «первоначально-деятельное умышленное изображение первого члена заранее готовой ассоциации (именно того, с чем было сравнено желанное), имеющее целью вызвать появление второго члена, т. е. сравниваемого и желанного» [8].

Рассматривая с такой позиции семантическую сферу «животное-болезнь», необходимо отметить, что и наименования многих целительных продуктов связаны с животными, т. е. в русской языковой картине мира активна и семантическая сфера «животное – исцеление». Например, «змеиная кожа» (используемая в сушеном или измельченном виде, она, как считалось, полезна при болезнях внутренних органов). Жир сурка – «сурочье масло» – используется в лечении воспалений простудного и гнойного характера. Под номинацией «источенный горностай» в народе подразумевается средство из высушенной и истолченной тушки горностая, излечивающее некоторые болезни, включая сифилис. Издавна для лечения тяжело больных совершали обряд, в котором использовалось гнездо сороки (после этого ожидался решительный исход: смерть или полное исцеление).

Выражение «кукушкино счастье» возникло также не случайно. Женщина преклонного возраста, желавшая родить здорового ребенка, должна, по народным поверьям, съесть мозг кукушки [9].

Таким образом, зоонимы выступают компонентами названий болезней и элементов исцеляющего обряда, поскольку одним из путей избавления от недугов, согласно народному пониманию, является перенесение чар болезни на животных. Древние мифологические представления о болезнях как о частично одушевленных зооморфных сущностях с течением времени практически не изменились, что и находит отражение в семантической сфере «животное – болезнь».

Литература

1. *Кривошапова Ю. А.* Об одной мифологической семантической модели («животное – болезнь») //

Ономастика и диалектная лексика. М., 2003. Вып. 2. С. 23.

2. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 19.

3. Там же. С. 25.

4. *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 44.

5. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознание и культура. М., 2002. С. 23.

6. Там же. С. 75.

7. *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1994. С. 198.

8. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Киев, 1993. С. 23.

9. *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые ... С. 32.

E. V. DERYUGINA. SEMANTIC SPHERES «ANIMAL – ILLNESS» AND «ANIMAL – HEALING» IN RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The nominations of animals used in Russian magical tradition in ceremonies of healing are analyzed as the metaphorical models containing zoonym component and also as the names of an animal.

Key words: language picture of the world, zoomorphic features, semantic model, nomination, spell.

М. А. КИРЮХИНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются вопросы теории художественного текста, его интерпретации и проблемы языка текста как особой знаковой системы.

Ключевые слова: художественный текст, парадигматические и синтагматические отношения, смысл, интерпретация, композиционно-речевые формы.

Единицей художественной речи следует считать законченное сообщение – целый текст, завершенное произведение. Как и все сообщения любого функционального стиля, художественный текст можно рассматривать как результат последовательности актов выбора, осуществляемых адресантом речи на различных этапах формирования текста и обусловленных целым рядом объективных, субъективных и личностных факторов.

Терминологически проблема осложняется тем, что одно и то же понятие «текст» охватывает разные объекты: текст как продукт естественного языка (первичная моделирующая система) и текст как произведение художественного творчества (вторичная моделирующая система). Естественный язык называют первичной моделирующей системой, так как с помощью языка человек познает окружающий мир и дает определения явлениям и предметам реальной действительности. Художественный текст называют вторичной моделирующей системой, так как в нем сочета-

ются отражение объективного мира и авторский вымысел, а естественный язык представляет собой лишь строительный материал для художественного текста.

Язык художественного текста – особая знаковая система. Он характеризуется амбивалентностью семантики и множественностью интерпретаций. Эти свойства в тексте тесно связаны с языковым оформлением, для которого характерно использование словесных знаков в их вторичном кодовом значении. В художественном тексте складываются особые отношения между тремя основными величинами – миром действительности, миром понятий и миром значений. Если для текста как продукта речи универсальной является формула «действительность – смысл – текст», то в художественном тексте, по мнению Г. В. Степанова, эта формула модифицируется в иную триаду: «действительность – образ – текст». Это отражает такие глубинные характеристики художественного текста, как сочетание отражения

объективной действительности (сложного, зеркального, непрямого) и фантазии, сочетание правды и вымысла.

Эти особенности художественного текста и порождают семантическую многоплановость. В связи с упоминанием семантики текста следует определить такие понятия, как «план содержания» и «смысл текста». Под планом содержания текста понимается результат взаимодействия значений языковых единиц, входящих в текст. Смысл текста – явление более высокого уровня. Он складывается из взаимодействия плана содержания текста с контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информацией [1].

Особенно важную роль при осмыслении художественного текста играет энциклопедическая информация. Она зависит от фоновых знаний читателя, от его социального, культурного, образовательного статуса, от того, что принято называть тезаурусом. Именно тезаурус определяет те ассоциативные ряды, которые порождает то или иное слово в сознании читателя. Естественно, эти ассоциации заданы текстом. Однако ассоциации, рождаемые им у читателя, не всегда подконтрольны автору [2].

Парадигматические и синтагматические отношения, складывающиеся в художественном тексте как знаковой системе, также характеризуются определенными особенностями. Синтагматика художественного текста (в повествовании это отношение между эпизодами в сюжетном пространстве) задана навсегда, выражена эксплицитно и конечна, как конечен сам текст. Парадигматика художественного текста (ассоциативные отношения, в которые он вступает) слабо задана, практически бесконечна и имплицитна. Второй ряд корреляции в тексте отсутствует. Предполагается лишь возможность его возникновения. Структура литературного языка значительно сложнее, чем плоскостная система языковых соотношений.

Множественность интерпретаций художественного текста может быть обусловлена рядом факторов:

– законных автором при создании дискурса (например, в текстах малого размера: афоризмах, парадоксах, баснях; сама модель жанра предполагает неоднозначность семантики);

– зависящих не от воли автора, а от модели мира, существующей в сознании читателя [3].

Поднимая вопрос о парадигматических отношениях, определяющих направление истолкования художественного текста, уместно вспомнить и о методике изучения текста, предложенной В. В. Виноградовым. Он охарактеризовал ее как сочетание проекционного и имманентного методов. Методика имманентного анализа предполагает исследование внутритекстовых структур. Сущность проекционного метода заключается в рассмотрении художественного текста в сопоставлении с другими произведениями. В тексте действуют как центростремительные, так и центробежные силы. Это связано с проблемой завершенности-незавершенности текста. Основой цен-

тростремительной силы, которая в наибольшей степени ответственна за связность художественного текста, является последовательное сюжетное развитие. Диффузность сюжета, отражающаяся в рыхлости структуры, наоборот, способствует активизации центробежных сил.

Решение о законченности текста принимается его автором, который обязательно информирует читателя о том, считает ли он сообщение законченным или предполагает его продолжить, для чего и существует формула: «продолжение следует». Можно даже утверждать, что из всех выражений замысла автора именно это решение о начале и окончании, т. е. целостности текста, является наиболее обязательным для читателя.

Главным конституирующим фактором художественного текста является его коммуникативное назначение, т. е. прагматическая сущность, поскольку текст предназначен для эмоционально-волевого и эстетического воздействия на тех, кому адресован, а прагматическим в лингвистике называется функционирование языковых единиц в их отношении к участникам акта общения.

Внутренняя смысловая цельность текста и внешняя законченность его формы, обеспечивающие выполнение текстом его основного назначения передачи и хранения информации, создаются связностью логической, тематической, структурной и прагматической. Как и на всех других уровнях языка, смысл целого не является простой суммой смыслов компонентов; только в тексте эта идиоматичность сложнее, чем у единиц других уровней [4].

Форматом выражения оценочного, эмоционально-экспрессивного содержания текста (что составляет понятие «стиль») выступает и тональное оформление художественного текста, которое может быть высоким, нейтральным, сниженным. В письменно-фиксированных жанрах оно реализуется через связь самостоятельных предложений внутри композиционно-речевых форм, порядок слов, размеры предложений и словосочетаний. Все эти микроструктурные носители тональности текста связаны в композиционно-речевых формах; монтаж этих элементов в рамках жанра определяется специфической тональностью каждого функционального стиля и интонаций конкретной ситуации общения.

Формализованный язык позволяет сосредоточить главное внимание на изучении устойчивых, инвариантных черт внешней языковой оболочки речевого произведения. Он формирует нормативную базу коммуникативного исследования художественного текста [5].

Художественный текст существует в реальном пространстве / времени как обычный материальный объект, физическая вещь (книга, рукопись и т. д.). Этот физический объект, как любой другой элемент действительности, имеет свое индивидуальное время. Оно конечно, так как конечно индивидуальное время других материальных объектов. Желтеют и рвутся страницы книги, осыпаются краски полотна картины, но для

художественного текста как произведения речи и феномена культуры это несущественно [6]. Духовная же сущность текста, его идеальная сторона, реализуется в иной пространственно-временной форме: в концептуальном пространстве / времени. Концептуальное пространство / время есть отражение свойств реального времени на уровне понятий и представлений каждого интерпретатора текста.

Идеальная сторона художественного текста, мир образов, создаваемых в нем, реализуется в особом концептуальном художественном пространстве / времени. Художественное время и пространство есть форма бытия идеального мира эстетической действительности, форма существования сюжета. Эта пространственно-временная форма присуща только художественному тексту – не как элементу материального мира, который существует в реальном времени, а как образной модели действительности, которая создается в произведении. Художественное время идеально. Это особая форма познания мира, характеризующаяся присущими только ей особенностями, своеобразным переплетением свойств реального, перцептуального индивидуального времени.

Общность свойств художественного и реального времени свидетельствует о связях художественного мира и мира объективной реальности. Расхождения являются показателем специфического характера художественного времени, его особой природы как формы существования мира художественной действительности, в котором сочетаются отражение объективной действительности как основы социального функционирования искусства и ирреальность.

Литература

1. *Беляева Т. М., Хомяков В. А.* Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985. С. 197.
2. *Лескис Г. А.* Синтагматика и парадигматика художественного текста // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. № 5. С. 26–32.
3. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. М., 1986. С. 15.
4. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1981. С. 39.
5. *Иванова Т. П., Брандес О. Л.* Стилистическая интерпретация текста. М., 1991. С. 12.
6. *Тураева З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979. С. 58.

M. A. KIRYUKHINA. LITERARY TEXT AS THE UNIT OF LITERARY SPEECH

This article deals with questions of the theory of literary text, its interpretation and the problem of the language as the system of signs.

Key words: *literary text, paradigmatic and syntagmatic relations, sense, interpretation, compositional and speech forms.*

М. В. РЕПИНА

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Исследование посвящено некоторым психологическим аспектам подготовки будущих переводчиков. Характеризуются различные виды барьеров аудирования и способы их преодоления.

Ключевые слова: *барьеры аудирования, подготовка переводчиков.*

В процессе профессиональной подготовки студентов-переводчиков достаточно часто приходится сталкиваться с психологическими барьерами, связанными с таким видом речевой деятельности, как аудирование.

Аудирование представляет собой восприятие и понимание речи на слух. Оно является достаточно сложной психической деятельностью. Известно, что пропускная способность звукового канала значительно меньше зрительного. Кроме того, звуковая память у большинства студентов развита хуже зрительной. А. Р. Лурия указывал на то, что «для уточнения состава слышимого слова (особенно если это слово иностранного происхождения) полезно слышать его звучание в записи. Артикуляция незнакомого слова дает при этом новые – на этот раз кинестетические – опоры для

его лучшего усвоения» [1]. Поэтому при обучении студентов аудированию следует сочетать как аудитивные, так и аудиовизуальные источники.

В аудировании большую роль играет не только заинтересованность в содержании сообщения, но и положительное к нему отношение. В этом случае у слушающего создается установка на прием информации, ее предугадывание, прогнозирование.

Анализируя процесс обучения аудированию, необходимо выделить следующие компоненты структуры деятельности: первичная антиципация (предвосхищение), анализ информации, завершающий синтез (извлечение из текста новой информации и собственная оценка услышанного).

По нашему мнению, при обучении студентов-переводчиков необходимо учитывать ряд трудностей, которые возникают в процессе аудирования.

Они, как правило, могут быть связаны с языковой формой сообщения, его смыслом, условиями предъявления сообщения, источником информации и зависят от наличия незнакомого или сложного для восприятия на слух языкового материала. При подборе текстов и составлении упражнений значительную роль играет и интерес к содержанию речи. Студенты лучше запоминают сложные, но содержательные тексты, чем легкие, но примитивные по содержанию в языковом плане. Н. В. Комиссарова отмечает, что объем предъявляемых студентам текстов должен соответствовать психологическим возможностям обучающихся, чтобы аудирование не вызывало информационной перегрузки [2].

Многократное прослушивание текстов при обучении аудированию улучшает понимание его содержания. Однако в условиях реальной коммуникации аудитор лишен возможности повторного прослушивания информации. В этом случае в обучение целесообразно вводить однократное прослушивание аудиофрагмента, в процессе которого происходило бы развитие способности смыслового восприятия на слух.

Затруднения при аудировании может вызвать слишком быстрый или слишком медленный темп предъявления текста. Оптимальной для слушателя считается такая скорость аудируемой речи, которая соответствует темпу его собственного говорения [3].

Работа с аудиотекстом состоит из трех этапов: предтекстового, текстового и послетекстового. Предтекстовый этап предназначен для подготовки студентов к прослушиванию аудиофрагмента и формулирует для слушателя определенную коммуникативную задачу. Происходит создание ситуации общения, снимаются языковые трудности восприятия текста. На предтекстовом этапе рекомендуется выполнение упражнений, включающих введение и объяснение новых слов, что разрешает проблему непонимания, например, страноведческой информации. Для этого этапа характерна постановка вопросов к наиболее сложным предложениям аудиотекста (Before you listen and read the text, please answer the following question); аудирование фрагментов текста с целью определения правильности или неправильности предварительного утверждения, определения контекста употребления слова, формулирование ответа на вопрос; аудирование осложненных в лексичес-

ком, грамматическом и фонетическом отношении отрывков.

Текстовый этап – главный в работе с аудиозаписью. Он заключается в прослушивании и понимании текста, извлечении из него нужной информации. Упражнения на текстовом этапе включают в себя выполнение заданий на завершение фрагмента аудиотекста, использование языковой догадки. Также рекомендуются упражнения на дискретное аудирование – приглушение звука в различные моменты прослушивания текста, для того, чтобы обучаемые могли угадать недостающие элементы; определение верных или неверных высказываний (Now say whether the statement is true or false).

На третьем, послетекстовом этапе осуществляется контроль понимания студентами содержания текста, а также использованных в аудиотексте языковых и речевых средств. Это могут быть ответы на вопросы к тексту или пересказ его содержания (Do you agree in general with the opinion expressed in this text?).

В обучении аудированию целесообразно использовать два типа упражнений: тренировочно-коммуникативные и коммуникативно-познавательные. В профессиональной подготовке переводчиков необходимо особое внимание уделять последнему типу заданий, так как они предполагают оперирование усвоенным языковым материалом в речевой ситуации, приближенной к условиям естественного общения.

Владение аудированием как видом речевой деятельности обеспечивает успешный процесс коммуникации, развивает профессиональные умения будущих специалистов по восприятию и переводу иностранной речи. Регулярные занятия, направленные на формирование механизмов аудирования, непременно помогут преодолеть психологический барьер и трудности, возникающие при восприятии и понимании содержания иноязычной речи.

Литература

1. Лурия А. Р. Мозг и психика // Природа. 1970. № 2. С. 20–22.
2. Комиссарова Н. В. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих переводчиков: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2003. С. 74.
3. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб., 2008. С. 65.

M. V. REPINA. THE TEACHING TO AUDITION IN THE FUTURE INTERPRETERS' TRAINING

The article dwells upon some psychological aspects of the future interpreters training. Various kinds of audio barriers and the ways of their overcoming are characterized.

Key words: audio barrier, interpreters' training.

Л. Г. НОВАК

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ» В СФЕРЕ ТУРИЗМА

(на материале французского языка)

Статья посвящена выявлению лексико-семантического поля «путешествие» и определению лексических средств, формирующих и описывающих его в национальной языковой картине мира. Поле «путешествие» имеет высокую социальную значимость и играет особую роль в межкультурном общении в настоящее время.

Ключевые слова: путешествие, прогулка, дорога, достопримечательности, транспорт.

Лексико-семантическое поле «путешествие», как и любое другое, объединяет соответствующие понятия, представления, образы, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, а также системы социокультурных отношений, традиций, обычаев. Понятийные сферы (взаимоотношения, внешность, одежда, свойства характера, уклад жизни, пейзаж и климат) содержат значительный объем социо- и этнокультурной информации и обладают культурно-когнитивной направленностью. Путешествие – это не столько пересечение пространства, сколько стремление к открытиям и переменам; по Юнгу – символ неудовлетворенного желания, в принципе недостижимого, но могущего быть искомым [1]. Полет, плавание и бег, мечты, грезы и фантазии являются символическими значениями слова «путешествие» [2].

Рассмотрим подробнее лексическое наполнение лексико-семантического поля «путешествие» во французском языке.

Voyage (путешествие).

Ядро данного семантического поля – слово *voyage* и его синонимический ряд. В «Dictionnaire encyclopédique Larousse» *voyage* толкуется как «faire un long voyage, partir ailleurs, faire un parcours, aller, changer de place» (совершать длительную поездку, уезжать в другое место, передвигаться, ездить, проезжать) [3]. Этому соответствует толкование: *voyage m* – action de se rendre ou d'être transporté en un autre lieu, action de se rendre dans un lieu lointain ou étranger (путешествие – передвижение из одного места в другое, в далекое или чужое место). Это позволяет нам еще раз подчеркнуть, что к основным составляющим понятия «путешествие» относится расстояние, которое может измеряться в метрах, километрах, милях и т. д. Другим составляющим данного понятия является время, исчисляемое часами, днями, неделями, месяцами, годами (нередко слово «путешествие» употребляется с прилагательными «длительное», «короткое»). Синонимический ряд *voyage* составляют следующие слова: *tour m* (поездка, прогулка), *circuit m* (путешествие), *séjour m* (местопребывание), *trajet m* (путь), *parcours m* (маршрут, перелет),

auto-stop m (путешествие автостопом), *tournée f* (турне, поездка), *tourism m* (туризм).

Tour (прогулка).

Всевозможные прогулки в новой стране – одна из основных задач путешественника, целью которого является осмотреть и изучить новую местность. Если это город, то можно отметить следующие единицы, обозначающие прогулки: *excursion f* (экскурсия), *visite f* (посещение), *promenade f* (прогулка), *promenade f a pied* (пешеходная прогулка), *tour m* (прогулка, поездка), *randonnée f* (длинная прогулка). Если подразумевается выезд на природу, то можно выделить такие слова, как *voyage m* (поход), *promenade f a ski* (прогулка на лыжах), *promenade f sous voiles* (прогулка под парусами), *course à cheval / chevauchée* (прогулка верхом), *voyage m en bateau* (прогулка в лодке).

Route (дорога).

Понятие «дорога» связано с лексико-семантическим полем «путешествие» и является одним из центральных единиц данного семантического поля, так как дорога – это специально отведенное место для передвижения пешеходов и транспортных средств. В энциклопедическом словаре дается следующее определение понятия «дорога»: *route f* – voie carrossable, aménagée hors agglomération, espace a parcourir, itinéraire a suivre pour aller d'un endroit a un autre (проезжая дорога, находящаяся за пределами города, место для проезда, маршрута, чтобы держать направление в ту или иную местность) [4]. Лексико-семантическую парадигму формируют также слова *trajet m* (путь), *itinéraire m* (маршрут), *grande route f* (главная дорога), *chaussée f* (шоссе), *chemin m vicinal (communal)*, *de traverse* (проселочная дорога), *croisée f de route* (перекресток). Намеченный маршрут – это один из наиболее значительных факторов путешествия, предопределяющий знакомство со страной: осмотр достопримечательностей, прогулки по городу или сельской местности, наблюдение за образом жизни людей [5].

Curiosités (достопримечательности).

В лексической группе «достопримечательности» выделяются следующие тематические элементы. Во-первых, общие понятия *sculpture*

f (скульптура), *architecture f* (архитектура). Вторых, лексические единицы *rues f pl* (улицы), *places f pl* (площади), зеленые зоны, такие как *parcs m pl* (парки), *squares m pl* (скверы), *allées f pl* (аллеи), что характеризует пространство. Также к достопримечательностям необходимо отнести слова *musée m* (музей), *théâtre m* (театр), *exposition f* (выставка), *galerie f* (галерея), *bibliothèque f* (библиотека), *centres commerciaux m pl* (торговые центры), *tavernes f pl* (таверны), *cafés m pl* (кофейни), *restaurants m pl* (рестораны), *bars m pl* (бары), *clubs m pl* (клубы). Данные лексические единицы характеризуют не только лингвистическую сторону, но и культурно-историческую.

Transport (транспорт).

Роль транспорта в современной жизни очень велика. Мы видим прямую связь составляющей «транспорт» с полем «путешествие». В лексико-семантическом ряду «транспорт» отмечаются следующие лексические единицы: *train m* (поезд), *avion m* (самолет), *automobile f* (voiture), *f* (автомобиль), *vaisseau m*, *navire m* (корабль), *vapeur m* (пароход), *yacht m* (яхта), *liner m* (лайнер), *motorship m* (теплоход), *autobus m* (автобус), *trolleybus m* (троллейбус), *taxi m* (такси), *bicyclette f* (велосипед), *motorcycle m* (мотоцикл). В зависимости от вида транспорта турист отправ-

ляется в путешествие из разных пунктов, таких как *aéroport m* (аэропорт), *gare f* (вокзал), *gare f routière* (автовокзал), *gare f maritime* (морской вокзал), *gare f fluviale* (речной вокзал) и т. д.

Исследуя лексическую единицу «транспорт», необходимо выделить группу предикатов, которые представляют способ путешествия. Например, *aller en bateau* (плыть на лодке), *faire passer la rivière* (перевезти через реку), *aller* (идти, ехать), *aller a cheval* (ехать верхом), *conduire une automobile* (вести машину), *voler* (лететь), *se promener* (прогуливаться), *errer*, *vaguer*, *vagabonder*, *voyager* (блуждать, странствовать).

В свою очередь вокруг каждого из этих ключевых понятий образуются самостоятельные смысловые поля, которые получают определенное лексическое наполнение.

Литература

1. Jung C. G. Symbols of transformation (Collected works, 5). London, 1956.
2. Керлом Х. Э. Словарь символов. М., 1994. С. 427.
3. Dictionnaire encyclopédique Larousse. Paris, 2001. С. 1670.
4. Там же. С. 1394.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 633.

L. G. NOVAK. LEXICO-SEMANTIC FIELD «TRAVEL» IN TOURISM

The article deals with the revelation of lexico-semantic field «travel» and determining of lexical means, forming and describing it in the national linguistic picture of the world. The field «travel» is of high social significance and currently plays an important role in cross-cultural communication.

Key words: *travel, walk, road, sights, transport.*

Т. А. КУЛИКОВА

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА

Важнейшей областью документоведения является изучение факторов, влияющих на комфортность восприятия и чтения документа. В статье отражены установленные экспериментальным путем принципы его создания, активизирующие восприятие и не создающие препятствий к пониманию текста.

Ключевые слова: *деловой документ, эстетика делового документа, документопроизводство, цикличность восприятия.*

В современной социокультурной коммуникации практически каждый акт в любой сфере деятельности подвержен документированию. Для оформления документов в помощь служащим ежегодно издается множество разнообразных пособий, по-разному трактующих ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов». Однако ни пользователю, ни профессионально заинтересованному лицу научного обоснования таких рекомендаций

не предлагается. В настоящее время любой документ оформляется по заданной структуре, выбор средств оформления традиционен, опирается исключительно на обыденно-практическое знание. Научное объяснение этого выбора относительно цвета шрифта, его формы, размера, цвета бланка документа, на наш взгляд, будет способствовать эффективности донесения информации.

Понятию «культура» при оформлении делового документа традиционно присваивается значение, аналогичное понятию «нормативная и ре-

чая грамотность». Однако деловой документ в коммуникации не только объект фиксации информации, реализующий функцию управления, но и объект, доступный чувственному созерцанию, т. е. эстетический. Эстетический фактор делового документа отвечает за степень комфортности визуального восприятия документа в целом, а также восприятия зафиксированной в нем информации.

Эстетическое воздействие документа можно разделить на стадии, соответствующие стадиям восприятия.

Первое знакомство субъекта с документом происходит на физиологическом уровне через зрительное восприятие. На этом уровне решающее значение имеют цвет, размер документа, его общие физические характеристики, посылающие сигнал воспринимающей стороне. Зрительный образ формируется в сознании субъекта путем отражения формы документа, складывается первое общее оценочное впечатление о документе [1].

Второй эстетический уровень можно назвать композиционным. Так как документ – объект создаваемый, требующий не только регулятивных знаний для его составления, но и в некоторой степени умений творческих, должна быть соблюдена логика формуляра, логика оформления (выбор цвета, размера, гарнитуры шрифта, интервалов, полей, отступов и т. д.). Все это необходимо ориентировать на психологию субъекта и на свойства зрительного восприятия (полученный зрительный образ уточняется, происходит его оценка субъектом). Здесь оценивается комфортность восприятия документа, делаются первые выводы об адресанте (свойства восприятия являются общими для большинства людей, но зависят от индивидуальных особенностей отдельного человека) [2].

Зрительное восприятие всегда предметно: образы соотнесены с определенными предметами реального мира, отдельные части предмета объединяются в целое на основе обобщения знаний об отдельных его свойствах и качествах, получаемых в виде зрительных ощущений. Предметность сначала проявляется в выделении объекта из фона (в деловом документе этому служит использование контрастных цветов бумаги и текста). Это способствует скорости чтения, «до-страиванию» слова, фразы по установкам и стереотипам [3]. Однако это не должно работать в ущерб элементам нового смысла, присутствующим в тексте документа.

С целью активизации мышления в тексте документа могут быть расставлены акценты с помощью графических приемов: используется изменение размера, цвета, гарнитуры шрифта, чтобы выделить нужное слово или фразу.

Зрительное восприятие константно (что обеспечивает узнавание предметов в различном их представлении), а также структурно (узнавание предметов происходит благодаря устойчивой структуре их признаков). Это позволяет пользоваться варьированием шрифта (форма, цвет, размер) и других параметров документа, не теряя

при этом традиционного смысла, закрепленного за понятием «документ» [4].

Надо отметить, что интерпретация текста документа существенно зависит от цветовосприятия. Цвет способен пробудить эмоции и акцентировать внимание. Выбывающийся из общей цветовой гаммы дескриптор или цветной бланк может заострить внимание читающего при традиционном черно-белом оформлении документа. Самым активным цветом считается красный [5].

Восприятие носит циклический характер. Любая информация воспринимается наиболее эффективно, если смысловую доминанту располагать во второй трети сообщения. Поскольку общее содержание психической жизни человека, его опыт, интересы, установки, эмоции, индивидуальная скорость восприятия и активность мышления различны, при оформлении делового документа необходимо ориентироваться на обобщенную форму, комфортную для людей с различными особенностями психики.

Нами была эмпирически разработана оптимальная форма делового документа с целью определения модели, комфортной для восприятия большинства пользователей. Такая модель представляет собой фиксацию информации:

- на белом бланке формата А4 знаками черного цвета нормальной насыщенности;
- кегль 14 пунктов;
- выбор шрифта – пропорциональный с засечками (типа Times New Roman);
- начертание литер в ключевых словах – полужирный черного цвета;
- особый акцент придается с помощью красного цвета.

Созданная модель нуждалась в проверке на практике. С этой целью в 2007 году было проведено письменное анкетирование 37 специалистов, задействованных в документопроизводстве. Респондентам предлагались образцы деловых документов, оформленных по-разному. Посредством опроса выявлялись элементы оформления документа, комфортные и некомфортные для восприятия.

К ранжированию были предложены следующие варианты формы делового документа:

- акцентируемое слово выделено: 1) подчеркиванием, 2) полужирным курсивом, 3) красным цветом;
- текст документа: 1) не разбит на абзацы, 2) разбит на абзацы;
- кегль шрифта текста 11 пт, вместо традиционного 14 пт;
- в тексте документа используется непривычная гарнитура шрифта (Bangkok Cyr) вместо стандартного шрифта с засечками (Times New Roman);
- текст набран с межстрочным интервалом 1,5 вместо традиционного одинарного;
- бланк документа цветной;
- бланк документа содержит рисунок.

Изложим результаты исследования, исчисляя процент в зависимости от количества ответивших.

Эксперимент выявил следующее. Большинство респондентов (92%) подтвердили, что слова, выделенные полужирным шрифтом и курсивом, активизируют восприятие. Это дает основание считать выделение шрифтом основным приемом активизации восприятия.

Также 92% были уверены в том, что информация, разделенная абзацами на смысловые части, воспринимается быстрее и легче.

Только 50% респондентов восприняли факт выделения подчеркиванием как акцентуацию декриптора.

Многие опрашиваемые назвали следующие факторы, мешающие восприятию текста:

- мелкий шрифт (67%);
- непривычную гарнитуру (78%);
- наличие на бланке рисунка (69%).

Увеличенный размер межстрочного интервала признали лишним 44% опрашиваемых, только 8% указали, что он повышает скорость чтения.

Несмотря на то, что (теоретически) цвет должен стимулировать к прочтению (вызывать определенные эмоции), половине опрашиваемых использование цвета при оформлении документа показалось отвлекающим элементом (50% высказались против цветного шрифта, 53% – против цветного бланка). Они подчеркнули, что цвет настраивает на неформальный лад. Треть респондентов (33%) ответили, что цвет не влияет на восприятие. Лишь единицы сочли цвет настораживающим, привлекающим внимание к выделенному слову (11%) или ко всему документу (3%). Этот результат явился единственным не подтвердившим себя на практике в разработанной нами модели документа.

Таким образом, оптимальная модель делового документа по результатам практического исследования должна иметь следующие параметры:

- цвет бланка – белый;
- текст разбит на абзацы;
- межстрочный интервал – 1 пт.

Оформление символов текста комфортно для восприятия при следующих условиях:

- гарнитура – пропорциональный шрифт с засечками (Times New Roman);
- кегль 14 пт;
- цвет символов черный;
- цвет бланка белый;
- начертание литер в ключевых словах – полужирный черный.

Результаты проведенного исследования позволяют оптимизировать форму делового документа и будут полезны в практической работе специалистов любой сферы деятельности.

Литература

1. *Аллахвердов В.* Сознание как парадокс: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1999. С. 422–423.
2. *Шапиро Э. Л.* Психологические проблемы понимания текста // Социология и психология чтения. Т. 15. М., 1979.
3. *Алюшин А. Л.* Скорость восприятия // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 135–149.
4. *Кандинский В. В.* Избранные труды по теории искусства: в 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 210–235.
5. *Брызгов Н. В.* Традиционные и научные представления о восприятии цвета // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 3. С. 11–16.

T. A. KULIKOVA. ON SOME RESEARCH ASPECTS OF THE BUSINESS DOCUMENT PERCEPTION

The major part of record management is the study of factors affecting the perception and reading the document. The article represents the main principles of its creation, which stimulate perception and help to understand the text.

Key words: business document, aesthetics of the business document, document production, cycling perception.

Э. В. ВЫБИВАНЕЦ

РАЗВИТИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ГУМАНИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам гуманизации сознания общества, воспитанию Человека Культуры, мышление которого характеризуется историко-культурной направленностью.

Ключевые слова: гуманизация, историко-культурное мышление, музыкальное исполнительство.

Повсеместное усиление позиций технократического сознания привело к недооценке значимости категорий нравственности, совести, человеческого переживания и личностного достоинства. Действенной альтернативой этим негативным тенденциям может стать гуманизация всех облас-

тей жизнедеятельности общества. Существенная роль в этом принадлежит образованию. И в соответствии с таким «социальным заказом» его высшее звено ставит стратегической целью воспитание целостной личности, обретающей индивидуальность и характеризующейся как Человек

Культуры – наследник гуманистических традиций и духовных ценностей, субъект культурно-исторической памяти.

Направленность современной высшей школы к раскрытию личностного потенциала обучаемых подразумевает не только приоритетное развитие интеллектуально-когнитивной сферы. На уровне современных проблем в интегральной характеристике мышления на первое место выходит гуманистическая ориентированность. Это особенно значимо в сфере профессионального художественного и, в частности, музыкального образования.

Технократизм и прагматическое отношение к искусству пытаются подчинить жизнь музыкальной культуры духу коммерции, пропитать этим сознание художественной интеллигенции. Однако не может быть значительных достижений в музыкальном искусстве без духовного богатства личности музыканта. Яркая артистическая индивидуальность неизбежно погружена в широкий контекст гуманистических смыслов и ценностей. Эта предпосылка становления культуры личности важна не только как показатель общего развития, но и как необходимый компонент профессиональной образованности. «Чем выше культурный уровень – тем шире кругозор, способность к ассоциативному мышлению, тем реальней возможность четко сформулировать и решать проблему» [1].

Гуманизм, постулирующий высшую самодостаточную и самоосознающую значимость человека, образует аксиологическую систему координат, в рамках которой интеллектуальный рост, мыслительные процессы и действия личности направлены на пробуждение «истинной человечности» и духовного начала. Такое позитивное развитие человеческого потенциала возможно в творчестве, акцентирующем жизненные смыслы и высшие ценности человеческого мира, воплощающем общечеловеческую культуру как универсальный социально-генетический код, процесс и результат духовного восхождения. Для антропоцентристской интерпретации культуры главное – непрерывность, преемственность и постоянное становление, неослабевающая связь прошлого – настоящего – будущего. Культура мыслится как «связь людей в пространстве и времени» [2], а история культуры – как «летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего» (О. Фрейденберг) [3]. В данной связи «знание истории – это неотъемлемое свойство культурного человека. Историческая память питает <...> задала некое эмоционально-окрашенное ядро личности. Это ядро укрепляется чувством исторических параллелей <...> Новые социальные коллизии видятся как воспринявшие историческую тенденцию. Появляются критерии для различения исторически-характерного и нетрадиционного <...> При возвращении исторической памяти осуществляется обогащение значений и смыслов сознания. Осваивая культурно-исторический пласт, человек достигает значительной дифференцированности поля значений <...> Выбирая же между ними <...> формирует собственные смыслы. Развивается более зоркое

видение события, полное нюансов и красок» [4]. Можно утверждать, что фундаментальным фактором гуманизации общества является формирование историко-культурного сознания и мышления как важнейшей ипостаси человеческого разума.

Методология историзма – инструмент, позволяющий осознать и осмысливать феномены культуры в их культурно-историческом своеобразии и одновременно – в движении, совершенствовании, в инновационной динамике, включенной в контекст общего культурно-исторического процесса. Следовательно, функциональным свойством сознания и мышления Человека Культуры является историзм, определенная историко-культурная направленность. В данной связи справедливо замечание о том, что «аисторизм сознания современной молодежи» представляет собой серьезную проблему [5]. Ученые напоминают о том, что лишь фундаментальное культурно-историческое образование является фактором выработки целостного мировоззрения.

Историко-культурная направленность – метапрофессиональное свойство мышления, имеющее особую значимость для успешной деятельности в сфере музыкального исполнительства. Решающая роль этого фактора связана с тем, что опора на культурно-исторические корни:

- формирует эрудированность артиста в разных сферах духовной культуры;

- способствует системной организованности знаний и уровня мыслетехнических умений;

- дает музыканту целостное видение музыкально-исторического процесса в русле общекультурной динамики, восприятие музыкального искусства в диалектике взаимодействия и развития многообразных форм его существования (создается тот контекст, в котором лишь и может быть прояснена глубина содержания музыкального произведения, запечатленные в нем общекультурные смыслы);

- повышает оснащенность исполнения различными методами раскрытия образного содержания музыкального произведения (обусловленными эстетическими идеалами, стилевыми нормами и своеобразием их индивидуального претворения в различные эпохи);

- прививает вкус к подлинности (адекватной исполнительской интерпретации авторского замысла), а также к ведущим художественно-эстетическим требованиям современного исполнительского искусства;

- противостоит техницизму (по выражению А. Кудряшова, виртуозной унификации интерпретационного творчества), который действует в ущерб художественно-содержательной стороне произведений;

- способствует воспитанию высоких этических качеств артиста – художественной честности и ответственности перед искусством.

Отечественная теория и методика обучения музыканта-профессионала достаточно хорошо развита, а практическая педагогика искусства имеет богатейший опыт подготовки артистов

мирового уровня. В данной сфере не прекращается поиск путей и методов, неуклонно ведущих к воспитанию высокообразованного музыканта-художника, творческой личности. Тем не менее нерешенность чрезвычайно важной и актуальной для музыканта проблемы – гуманизации сознания и мышления на базе освоения культурно-исторического опыта и методологии историзма – делает актуальным рассмотрение ее в качестве одной из целей образовательного процесса, требующей мобилизовать усилия на создание педагогических условий ее достижения.

Литература

1. Педагогика и психология высшей школы / отв. ред. С. И. Самыгин. Ростов н/Д, 2002. С. 105.
2. Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 195.
3. Цит. по: Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994. С. 41.
4. Там же. С. 270.
5. Громыко Ю., Давыдов В., Никандров Н. и др. Изменение в содержании и оценке качества образования и образовательных технологий (очередной этап) // Alma mater. 1998. № 3. С. 18.

E. V. VYBYVANETS. DEVELOPMENT OF HISTORIC-CULTURAL DIRECTIVITY OF THE STUDENTS' THINKING AS THE FACTOR OF MUSICAL EDUCATION HUMANIZATION

The article covers the problem of society's consciousness humanization, upbringing of the cultural person whose thinking is characterized by the historical-cultural aspect.

Key words: humanization, historical-cultural thinking, musical performance.

О. Ю. АФОНИНА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

На основе обобщения современных психологических, культурологических, музыковедческих концепций формирования творческой активности определяются признаки, характеризующие специфику и уровни развития личности в художественно-творческой деятельности.

Ключевые слова: художественная деятельность, развитие личности, творческая активность.

Недавно пройденная граница веков и тысячелетий отмечена социальными конфликтами, расслоением в материальном и духовном уровне жизни российского общества. Все большее число людей начинает понимать, что решение проблемы выживания нашего общества будет неразрывно связано с состоянием культуры, науки, искусства, образования. Оно зависит от нравственных отношений между людьми. Ориентиры и духовные устремления личности могут благотворно воздействовать на изменение социума в периоды, когда в центр перспективного цивилизационного развития ставится органично развитый человек. Следовательно, эстетическое воспитание, художественно-творческое развитие личности не снимается с повестки дня, а наоборот, оказывается важнейшей задачей современной науки.

Ученые обращают пристальное внимание на творческую деятельность как путь, на котором наиболее полно представлен процесс становления личностной активности. Творчество не считают, как ранее, уделом избранных, начинают признавать творческую деятельность особым фактором формирования личности.

Во многих отраслях профессиональной деятельности присутствуют элементы творчества.

Художественная деятельность отличается тем, что творчество является ее основой. Оригинальными самобытными результатами (продуктом) художественной деятельности являются художественные произведения. Процесс создания художественного произведения является творческим, формирующим и активизирующим творческие способности и эмоциональную сферу проявлений личности. Таким образом, художественная деятельность, основанная на принципах творчества, является особым видом активности человека, который мы и рассматриваем как художественно-творческую деятельность.

В чем же заключается сущность художественно-творческой деятельности? В научной литературе смысл этого понятия раскрывают через ряд характерных признаков, а именно:

– социальная процессуальность, связанная с духовно практическим освоением действительности, способствующим воплощению содержания деятельности в эмоционально-образной форме и обеспечивающим эстетическое восприятие действительности (А. Я. Зись, А. А. Мелик-Пашаев, З. Н. Новиянская и др.) [1];

– культурологическая функция личности, характеризующаяся как способность «творить культуру» (М. С. Каган, Б. М. Неменский и др.) [2];

– эмоциональная активность личности в сочетании со сложной познавательной-оценочной и коммуникативной мотивацией (И. С. Левшина и др.);

– самореализация и самовыражение личности, включающие все физические и духовные силы человека (А. В. Бакушинский и др.) [3];

– создание духовных ценностей, обладающих как объективно общественной, так и субъективно-личностной значимостью (Д. Б. Кабалецкий, Б. П. Юсов, Д. Б. Богоявленская и др.) [4].

Исследователи проблемы художественно-творческой деятельности подчеркивают сложность, многоаспектность и полифункциональность данного явления. Эта точка зрения перекликается с мнением Д. Б. Богоявленской, выделяющей три уровня творческой деятельности по их качественным характеристикам: стимульно-продуктивный, эвристический, креативный.

По ее концепции, стимульно-продуктивный уровень соответствует минимальному участию человека в творчестве, когда деятельность осуществляется через внешние стимуляторы и не связана с внутренней потребностью. Показателем данного уровня является адаптивность личности к условиям художественно-творческого дела. Эвристический уровень характеризует действия человека по поиску и обобщению закономерностей однотипных явлений. Показателем эвристического уровня выступает активность, связанная с лично-ценностным выбором. Креативный уровень самый сложный, на нем осуществляется обобщение, раскрытие важнейших закономерностей и создание новых творческих решений. Для данного уровня значима новизна профессионально-личностных и индивидуальных достижений участников художественно-творческой деятельности [5].

Анализ научной литературы по проблеме художественно-творческой деятельности позволил констатировать, что художественно-творческая деятельность развивается как стройная система различных видов, взаимосвязанных между собой. Видами художественно-творческой деятельности являются исторически сложившиеся формы, обладающие способностью художественной реали-

зации жизненного содержания и различающиеся по способам ее материального воплощения. Их многообразию обуславливается структурой объективного мира, многогранность которого не может быть в полной мере решена средствами одного какого-либо вида. Разделение художественно-творческой деятельности на виды заключается в самом ее предмете и носит глубоко закономерный характер, а также представляет собой объективную зависимость от его выразительных средств.

Многие исследователи отмечают общие черты, присущие развитию художественно-творческой деятельности, которая:

– является выражением человеческой активности и направляется определенными мотивами для достижения конкретных целей;

– представляет собой сложное, полиструктурное образование;

– носит осознанный характер: личность способна ставить перед собой цели и достигать их.

Проблема развития и функционирования художественной деятельности как условие формирования художественной личности является весьма важной для теоретических и экспериментальных исследований.

Литература

1. Зись А. Я. Искусство и эстетика. М., 1974; Мелик-Пашаев А. А., Новиянская З. Н. К проблеме «общего» и «специального» в художественно-творчестве одаренности человека // Искусствознание и психология художественного творчества. М., 1988. С. 317–320.
2. Каган М. С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974; Неменский Б. М. Мудрость красоты. М., 1989.
3. Бакушинский А. В. Исследования и статьи. М., 1981.
4. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983; Юсов Б. П. Проблема художественного воспитания школьников: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1984.
5. Богоявленская Д. Б. О диагностике художественного творчества // Художественное творчество. Л., 1983. С. 220–224.

O. YU. AFONINA. ARTISTIC AND CREATIVE WORK AS THE IMPORTANT CONDITION OF FORMING THE CREATIVE PERSONALITY

On the basis of modern psychological, cultural and museum concepts of creative personality the author forms the signs characterizing special features and levels of personality development in artistic and creative work.

Key words: creative work, personality development, creative activity.

А. Ю. ГАЛИЧЕНКО

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ (на материале профессиональной подготовки руководителей музыкальных коллективов)

Статья посвящена особенностям реализации принципа междисциплинарной интеграции в профессиональной подготовке руководителей музыкальных коллективов в вузах культуры и искусств.

Ключевые слова: интегративные процессы, профессиональная подготовка специалистов, междисциплинарная интеграция.

Сегодня в России предпринимаются заметные шаги, направленные на повышение качества преподавания в учебных заведениях различных видов и типов. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к институтам культуры и искусств. На повестку дня выходят проблемы, связанные с современной трактовкой содержания и форм обучения, методов и технологий педагогической работы, особенно важное место занимают вопросы интегративного подхода к обучению.

Практика свидетельствует о достаточно серьезных противоречиях между задачами учебных заведений культуры, готовящих специалистов универсального профиля, способных к разносторонней деятельности, и разобщенностью учебных дисциплин, входящих в комплекс профессиональной подготовки специалиста. Указанное противоречие все более ошутимо: при постоянно возрастающем объеме учебного материала, подлежащего усвоению современным студенчеством, все более заметна несостыкованность отдельных звеньев учебно-образовательного процесса.

Острая необходимость преодолеть стереотипы и консервативные тенденции в обучении делает актуальным обоснование современных методологических подходов в подготовке специалистов высшей квалификации. Особый интерес представляет реализация принципа междисциплинарной интеграции в профессиональной подготовке руководителей музыкальных коллективов.

Практически все современные инновационные идеи и концепции – модульное обучение, блочная подача учебного материала, системно-синергетический принцип изучения и ассимиляции в сознании студентов новых комплексов знаний – предполагают и предписывают опору на интегративный подход к обучению, вне которого инновационные процессы в сфере образования оказались бы бесперспективными.

Необходимо уточнить, что интегративные процессы в образовании не носят характер аддитивного (полученного путем простого сложения, в результате прибавления одного к другому) соединения различных компонентов знаний, устанавливающего линейные взаимосвязи между ними. Педагогическая интеграция в ее современном по-

нимании предполагает системно-синергетическую организацию обучения; речь в этом случае идет о синтезе, об усилении когнитивного потенциала, способного поднять сознание учащегося на более высокий уровень.

Современная дидактика отмечает, что при интегративном методе обучения результат слияния («диффундирования») различных знаний выходит за рамки суммарного действия его отдельных частей («слагаемых»). В этой связи подчеркивается, что совокупность компонентов, входящих в указанные общности, должна обладать интегративными свойствами, не замещаемыми свойством ее отдельных компонентов: «изменение одного из элементов или компонентов системы должно приводить к определенным изменениям и в других элементах, а значит, и к изменению всей системы в целом» [1]. Это свидетельствует о необходимости рассматривать интегративные процессы в обучении как приоритетные по своему значению и статусу.

Интеграция в образовании – это деятельность, имеющая своей целью придать единство и целостность комплексу знаний студента. Отсюда следует, что неправомерно и ошибочно ставить «частное предметное» впереди целого, как это случается в практике. Сама педагогическая ментальность, обуславливающая подобную направленность мышления и реальной деятельности преподавателя, неэффективна.

Интегративность как стратегический принцип актуальна в профессиональной подготовке любых специалистов и особенно важна при подготовке руководителей музыкальных коллективов. Этот принцип моделирует многоуровневую, системно выстроенную структуру деятельности, объединяющую разноплановые компоненты: организаторские, менеджерские, собственно музыкальные (профессионально-исполнительские), психолого-педагогические и др.

Руководитель музыкального коллектива должен быть хорошо осведомлен о принципах формирования и эффективных методах управления творческим сообществом музыкантов; обеспечивать условия успешного творческого функционирования своего коллектива, вести поиск опти-

мальных решений в ситуации жесткой рыночной конкуренции, которая существенно влияет на современную музыкальную жизнь. Руководителю также необходимо владеть техникой межличностных контактов и взаимоотношений с музыкантами (оркестрантами, хористами, исполнителями-солистами), без этого не сложится его профессиональный авторитет. Ему надлежит поддерживать высокую творческую планку в работе, обеспечивать создание благоприятного психологического климата.

По указанным причинам подготовка руководителя музыкального коллектива – одна из наиболее сложных в спектре музыкальных специализаций. В ней должны быть соединены виды деятельности и навыки в различных сферах применения знаний (профессиональное исполнительство, психология, педагогика, менеджмент и пр.). На руководителя возлагаются функции организатора, он несет основную долю ответственности за эффективность работы вверенного ему коллектива. При этом ни одно из перечисленных направлений нельзя определить как основное: каждое играет свою специфическую роль как необходимая составляющая комплекса обязанностей. Поскольку этот вид профессиональной деятельности является интегративным по своему содержанию и структуре, интегративной следует быть и профессиональной подготовке специалиста в процессе занятий в институтах культуры и искусств.

Руководитель должен свободно ориентироваться в подборе репертуара: составлять концертные программы соответственно возможностям музыкантов и запросам слушателей. От него в решающей степени зависит, насколько интересной и творчески содержательной будет интерпретация исполняемых музыкальных произведений. Важно и то, насколько умело решает он кадровые проблемы, как выстраивает межличностные взаимоотношения с членами коллектива, какую создает психологическую атмосферу: инициирует или, напротив, предотвращает возможные конфликтные ситуации. Разумеется, для него принципиально значимо обладать качествами лидера, способного вести за собой людей, пользоваться профессионально-личностным авторитетом у коллег и успехом у публики.

Многообразный спектр обязанностей, которые взаимосвязаны и тесно переплетены друг с другом, может быть обеспечен достаточной подготовкой лишь при создании в период прохождения вузовского курса в университете культуры и искусств условий обучения, адекватных специфике трудовой деятельности, которая предстает будущему руководителю.

Интегративный подход к организации учебного процесса способствует формированию принципиально важных качеств будущего специалиста. Таких как склонность к широким, обобщающим суждениям и умозаключениям, «стереоскопическое видение» окружающей действительности; универсализм мыслительных действий и операций, интеллектуальная зоркость при диагности-

ке разного рода профессиональных (и иных) проблем; умение преодолевать «умственные барьеры» и «перегородки» (способность к образованию и синергетическому взаимодействию компонентов внутри сложных умозрительных структур).

Методики, отвечающие идее междисциплинарной интеграции, повышают интерес учащегося к занятиям, ускоряют его общее и профессиональное развитие. Однако преподавание музыки – та специфическая отрасль педагогики, в которой переходу к преподаванию, основанному на принципе интеграции, в значительной мере мешает ригидность профессионального сознания определенной части преподавателей-музыкантов (привычка к стереотипным формам деятельности, консервативным установкам в обучении, превратно понимаемым традициям и т. п.).

В специальной литературе неоднократно указывалось, что в области обучения музыке еще преобладает междисциплинарная разобщенность, раздробленность. Каждая базовая музыкальная дисциплина изучается, как правило, сама по себе, автономно, вне реальных контактов с другими родственными ей дисциплинами. Это касается, например, истории и теории музыки, обучения игре на различных музыкальных инструментах: перегородки между ними существуют не только по формальному признаку, но и вполне реально. Подобная практика берет начало в деятельности детских музыкальных школ и продолжается затем в музыкальных училищах (колледжах), иногда и в вузах.

Анализируя сложившееся положение дел, педагог-исследователь В. Я. Новоблаговещенский писал: «Есть все основания говорить в данном случае о комплексе причин. Среди них – и несогласованность учебных программ по различным дисциплинам, и некоторые отнюдь неплодотворные традиции в музыкальной педагогике. Можно говорить здесь о своего рода профессиональном эгоизме педагогов, исходящих в работе с учащимися из интересов только своей узкой специализации и не желающих видеть то, что происходит в других сферах музыкальной педагогики, демонстрируя тем самым сугубо ремесленнический подход к делу» [2].

Общепринятая практика, с ее односторонностью и локальной замкнутостью, не раз подвергалась критике авторитетных отечественных специалистов – Б. Л. Яворского, А. Д. Алексеева, Л. А. Баренбойма и др.

К примеру, Г. Г. Нейгауз указывал, что учитель музыки не вправе ограничивать свою деятельность узкоцеховыми рамками. Он должен быть универсалом. Важно пользоваться комплексным методом обучения, при котором преподаватель, по мере необходимости, выступает историком музыкальной культуры и теоретиком, мастером-исполнителем и учителем сольфеджио, гармонии, контрапункта [3].

То, к чему призывал Нейгауз, может быть определено как внутрицикловые связи в обучении: знания из одного сектора (учебной дисциплины),

входящего в данный цикл, экстраполируются во все другие.

Что же касается интегративных связей, то они представляют собой более сложный и многоаспектный комплекс межотраслевых контактов и корреляций. Соответствующий комплексный подход встречается в практике музыкантов еще реже, чем внутрицикловой.

Утвердившиеся в массовом педагогическом обиходе негативные тенденции, обусловленные внутридисциплинарными локализациями и самоограничениями в работе, неблагоприятно сказываются на подготовке руководителей музыкальных коллективов. Одна из актуальных задач – воспитание новой генерации вооруженных современным педагогическим инструментарием молодых специалистов, которые бы владели необходимыми профессиональными технологиями в области музыки, умело применяя их на практике.

A. YU. GALICHENKO. INTEGRATIVE PROCESSES IN THE INSTITUTES OF CULTURE AND ARTS EDUCATIONAL PRACTICE (ON THE MATERIAL OF MUSICAL GROUPS' LEADERS' PROFESSIONAL TRAINING)

This article covers the peculiarities of realization the principle of interdisciplinary integration in musical groups' leaders' professional training in institutes of culture and arts.

Key words: *integrative processes, specialists' professional training, interdisciplinary integration.*

Таким образом, опора на принцип интегративности при обучении музыкантов различных специализаций существенно расширит профессиональные горизонты, обогатит когнитивный потенциал обучаемых. Сказанное напрямую относится к подготовке специалистов в области руководства музыкальными коллективами и дает основание рассматривать интегративные процессы в обучении как приоритетные на современном этапе развития отечественного образования.

Литература

1. Исследовательские подходы: хрестоматия по методологии педагогического исследования / под ред. П. Е. Решетникова. Белгород, 2006. С. 8.

2. Новоблаговещенский В. Я. Проблема интегративных связей в обучении в трактовке преподавателей музыкальной педагогики. М., 1997. С. 1–2.

3. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепьянной игры. М., 1958. С. 196.

В. М. ПОДАЮРОВ

ДЕРЕВЯННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: КЛАРНЕТ И САКСОФОН

В статье осуществлен исторический обзор становления, развития и взаимодействия кларнетной и саксофонной педагогики и исполнительства.

Ключевые слова: *кларнетное исполнительство, кларнетная педагогика, саксофонное исполнительство, саксофонная педагогика.*

Изучение истории древних музыкальных инструментов расширяет наши представления о современных инструментах, обогащает слушательское и исполнительское восприятие их звучания.

В начале XVIII века (1701) на базе старинного древнего инструмента, свирели шалюмо, которая к тому времени широко использовалась в симфонических оркестрах (что отражают партитуры Г. Телемана, К. В. Глюка и других композиторов), появляется новый – кларнет. Его создателем был нюрнбергский музыкальный мастер Иоганн Кристоф Деннер.

Корпус шалюмо был деревянным, цилиндрического сверления. Все отверстия, кроме одного, располагались на его лицевой стороне. Образователем звука был одинарный надрезной тростниковый язычок в форме буквы П, находящийся в верхней части специальной деревянной камеры. Иоганн Деннер, совершенствуя свирель, убрал деревянную камеру, поставил клювообразный мундштук, заменил надрезной язычок на одинарный, увели-

чил корпус на 20 сантиметров, добавил бочонок и колоколообразный раструб, расширил количество отверстий до десяти. В результате этого и появился прообраз современного кларнета [1].

В 1710–1720-х годах Якоб Деннер снабдил инструмент отделяющимся бочонком и передвинул выше дуодецимный клапан, что положительно отразилось на интонации и технических возможностях кларнета.

Позже шло совершенствование всего механизма, завершившееся к концу столетия. Первоначально трость располагалась на верхней стороне мундштука, который не отделялся от бочонка, но далее, совершенствуя конструкцию, немецкие музыканты Мангеймского оркестра и Парижской консерватории стали играть на кларнете, прикрепляя трость к мундштуку в нижней его части. Такая постановка требовала меньших физических губных затрат, улучшала дыхание играющего, артикуляцию звука и исполнение музыки в различных штрихах.

Появление кларнета значительно обогатило исполнительские возможности, внесло в оркестровую палитру своеобразный необыкновенной красоты тембр. Партитуры приобрели полную связь между деревянными и медными инструментами оркестра. В XVIII веке виртуозы игры на кларнете были столь искусны, что в 1764 году Моцарт, впервые услышав кларнет в Лондоне, был совершенным им покорен и начал активно применять его. Это значительно упрочило позиции кларнета в оркестровой музыке и окончательно сформировало состав духовых в симфоническом оркестре. Кларнет стал необходимым инструментом рококо, а затем и классического стиля.

Выдающимся произведением, открывшим новые тембральные возможности инструмента, особенно его нижнего регистра, звуки которого достигаются с помощью трех добавочных клапанов и при небольшом расходе воздуха звучат густо, с некоторым оттенком звона и гудения, является Концерт для кларнета с оркестром A-dur Моцарта. Тональность Ля мажор придала тембру кларнета поистине солнечный блеск.

В XIX веке духовые инструменты переживают следующий этап совершенствования. Мастера предложили новые конструкции клапанов, что расширило технические возможности кларнета. В XIX–XX веках формируется так называемая система Клозе – Бюффе – Бема. Парижский кларнетист-виртуоз Г. Э. Клозе совместно с инструментальной фирмой Л. Бюффе развивает систему немецкого флейтиста Т. Бема, который предложил кольцевые клапаны, плотно прикрывающие отверстия [2]. В результате этого кларнет зазвучал ровнее на всем протяжении звукоряда, качественнее стала интонация и исполнение легато. Был ликвидирован разрыв звукоизвлечения и значительно увеличен оркестровый диапазон, позволяющий композиторам создавать различные образы в нижнем, среднем и верхнем регистрах духовых.

Затем совершенствования корпуса и механики кларнета приводят его к современным формам: появляются малая, альтовая, теноровая, басовая и контрабасовая его разновидности [3]. Не все они нашли применение в оркестровой практике. Использовались большой кларнет (стройка си-бемоль), малый (стройка ми-бемоль) и бас-кларнет (стройка си-бемоль, звучащий большой ноной ниже написанного).

С этого момента композиторы оказывали инструменту особое внимание – начали писать для него сольную музыку. Интереснейшим произведением для духовых явился концерт для кларнета строя ля с оркестром В.-А. Моцарта.

Важную роль в развитии кларнета сыграл представитель Венской классики композитор Людвиг ван Бетховен, музыка которого впитала атмосферу своего времени, отобразила знаменательные сдвиги в духовной жизни общества. Среди многочисленных ансамблевых сочинений этого композитора важное место занимает Трио Си-бемоль мажор для фортепиано, кларнета и виолончели (Op. 11, 1798). В наши дни оно пользуется боль-

шим успехом, входит в репертуар выдающихся кларнетистов.

Особого внимания заслуживает Карл Мария фон Вебер (1786–1826), поскольку написанные им сочинения для кларнета, фагота и валторны ознаменовали новую эпоху в музыкальном искусстве. Произведения этого мастера до настоящего времени считаются основополагающими в профессиональной практике музыкантов-духовиков. В них хорошо показаны все регистры этого удивительного инструмента, его специфический колоритный тембр, положительно влияющий на эмоциональный настрой. Качественно новое звучание в музыкальных произведениях Вебера получил нижний регистр. Особенно популярны следующие сольные сочинения: Концертино для кларнета с оркестром Op. 26 (до минор); Тема с вариациями для кларнета и фортепиано, Op. 33; Квintет для струнных инструментов с кларнетом, Op. 34 (Си-бемоль мажор); Большой концертный дуэт для кларнета и фортепиано, Op. 48 (Ми-бемоль мажор); Первый концерт для кларнета с оркестром, Op. 73 (фа минор); Второй концерт для кларнета с оркестром, Op. 74 (Ми-бемоль мажор). Сольные музыкальные произведения Вебера нашли применение и в учебном классе в качестве педагогического репертуара.

Композитор был великолепным знатоком кларнетной техники, что, в частности, подтверждает концертное выступление в 1811 году в Мюнхене. Тогда Концертино для кларнета с оркестром звучало в исполнении Генриха Бермана. Знаменитый солист придворной капеллы имел виртуозные данные, что позволило ему передать тонкую нюансировку и красоту звука, обеспечив полный успех произведению.

Позднее Вебер в течение короткого времени пишет два концерта для кларнета с оркестром. Один концерт (фа минор) тоже был исполнен Г. Берманом. Второй – Ми-бемоль мажор, в котором широко использованы все регистры инструмента и выявлены его богатейшие выразительные возможности, – как и первый, навсегда вошел в золотой фонд классического кларнетного репертуара. Этот фонд расширялся и за счет оркестровых сочинений, где кларнету поручаются виртуозные мелодии, различного рода пассажи и отдельные сольные моменты.

С 1770 года кларнет появляется в России, сначала в военных оркестрах и придворных капеллах дворянских домов. Первым отечественным кларнетистом-виртуозом был П. И. Титов, выступавший с сольными концертами в Москве и Петербурге. Особо важная роль в становлении русского кларнетного исполнительства принадлежит артистам оркестров при Императорских театрах. Это в первую очередь относится к известному исполнителю Н. Е. Филипповскому. В начале 1850-х годов в оркестрах Императорских московских театров работали Вербицкий, Генель, Матвеев, Семенов, Самойлов, Шеффер, Штрейт, Голиков [4].

В 1884 году в оркестр Большого театра пришел известный музыкант Сергей Васильевич Розанов,

ставший основоположником российской исполнительской школы. Розанов, как и П. И. Титов, выступал с сольными концертами, поражая мастерством слушателей.

К этому времени в России уже существовали Петербургская и Московская консерватории, которым и надлежало закрепить развитие оркестровых коллективов. Первыми преподавателями кларнета в консерваториях были приглашенные из-за рубежа Э. Каваллини (Петербург), В. Гут (Москва), а также И. Беер, И. Брунер, К. Манштейн [5]. Они начали подготовку в России исполнителей-кларнетистов, ставших впоследствии учителями музыкантов, которые составили ядро национальной исполнительской школы. Она получила широкую известность у зарубежных мастеров музыки.

Появление современного кларнета с усовершенствованной механикой, варьирующей ритмической рисунок сложных мелодий, усилило его ценность и престиж как в оркестровом, так и в сольном исполнении. Кроме того, кларнет послужил базой для изобретения (в 1840 году) нового инструмента: он получил название по имени создателя – мастера Антуана Сакса, запатентовавшего свое детище в 1846 году.

По механике (аппликатуре) и по конструкции саксофон весьма близок к кларнету. У них много общего: одинаковый принцип извлечения звука, тождественная артикуляция, атака звука и приемы дыхания (а следовательно, единая начальная методика обучения).

Внешний вид и тембр у этих инструментов разные, но постановка и амбушюр схожи. Исследуя историю создания инструментов, мы убеждаемся, что «бесприжимная» постановка вообще предполагает и одну методику. Труды С. Левина и Ю. Усова, в которых описана история создания саксофона, подтверждают нашу мысль о развитии, которое претерпела практика обучения игре на этом престижном инструменте. Напомним, что в первой половине XIX столетия возникла новая разновидность инструмента – кларнет-саксофон, тесно связанный с представителями язычковых, а также с наиболее близким к ним семейством мундштучных.

Итак, знаменитый бельгийский мастер и исполнитель Адольф Антуан Сакс (1791–1865) специализировался главным образом на производстве кларнетов и мундштучных инструментов. Сведений о его работе по созданию саксофона не сохранилось, но можно предположить, что он вел экспериментальный поиск нового звучания, тем самым приближаясь к созданию нового инструмента, который бы заполнил промежуток тембрального звучания между группой медных и деревянных.

Изобретенный при этом саксофон теперь занимает заметное место в современной музыке, особенно в джазе.

Работая в Московском государственном областном педагогическом институте – обучая студентов игре на саксофоне и кларнете, мы убедились, что методы постановки амбушюра при игре на этих инструментах одинаковы, что еще раз под-

тверждает ближайшее их родство. Поскольку создатель саксофона был кларнетистом-исполнителем, он сделал идентичными их мундштуки (следовательно, предполагалась и одинаковая постановка амбушюра). О схожести техник игры на них свидетельствует и применение во времена Сакса малого кларнета строя С (который был идентичен саксофону сопранино).

Параметры кларнета строя В совпадают с параметрами саксофона сопрано, а альтовый кларнет (бассетгорн) тождествен саксофону-альту. В свое время изготавливались и другие кларнеты – соответствовавшие саксофону-тенору и саксофону-баритону. Мастер Сакс, создавая новый инструмент (саксофон), исходил из возможностей кларнета с его механикой, принципами исполнительства и такими специфическими закономерностями, как например, октавное передувание [6]. Это наталкивает на мысль о том, что нет отдельной «кларнетной» и «саксофонной» постановки – она едина, и потому желательна (но не обязательно) вести обучение игре сразу на этих двух инструментах. Это даст возможность исполнять и классику и джаз.

По мысли мастера-создателя, саксофон предназначался для духовых оркестров. Но с первых лет своего существования этот инструмент обогатил состав оркестров симфонических (начало положено во Франции). Тогда семейство саксофонов четко делилось на две группы. Одна участвовала в симфоническом оркестре, другая – в духовом. Далее эта практика не получила развития: применением альты и тенора не оправдалось.

Сейчас саксофон полноправный участник джазового оркестра и широко применяется как сольный инструмент. Современный саксофон обладает большим диапазоном – четыре полных октавы (от *си-бемоль* малой до ноты *до* пятой октавы). Но этот масштаб звучания используется преимущественно в сольных произведениях. В оркестровом и ансамблевом музицировании задействованы, как правило, две с половиной октавы (от *си-бемоль* малой до *фа-диез* третьей октавы).

Диапазон семейства саксофонов можно разделить на четыре типа регистров: нижний, средний, высокий и высший. Каждый тип имеет характерный тембр [7]. Это отметил еще французский композитор Гектор Берлиоз, охарактеризовавший звучание саксофона в разных регистрах. Он говорил о саксофоне: мягкий и трогательный вверху, полный и маслянистый внизу, а в среднем регистре особо глубоко выразительный. Металлический оттенок звука вызывает ассоциации между саксофоном и виолончелью, кларнетом, английским рожком.

Саксофон является транспонирующим инструментом. Его звучание не совпадает с нотной записью музыки и зависит от строя, которым обладает инструмент. Композиторы применяют разновидности семейства саксофонов, объединяющего 6 видов (сопранино, сопрано, альт, тенор, баритон, бас) в различных тембровых сочетаниях. Это обычно для репертуара симфонических, духовых и джазовых оркестров. Есть и более низ-

кие по звучанию саксофон-контрабас и суб-контрабас, но они используются редко.

Несмотря на общую звуковую однородность семейства саксофонов, не все его виды равноценны при использовании в оркестре. Самым распространенным является саксофон-альт. Богатство и многокрасочность звука определяют его широкое применение. Он отлично зарекомендовал себя как один из ярких солирующих голосов духового, симфонического, джазового оркестров, а также различных камерных ансамблей. Эти качества саксофона-альта привлекают внимание многих композиторов, которые в своих произведениях поручают ему исполнение напевных кантиленных мелодий и сложных технических пассажей.

Так же, как и альт, саксофон-тенор очень заметен в сольной, оркестровой и камерно-ансамблевой музыке. Благодаря полному «грудному» сочному звуку за саксофоном-тенором закрепились определенные преимущества в музыкальной практике.

Саксофон-баритон обладает густой и сильной звучностью, особенно в нижнем и среднем регистрах. Ему поручают в основном исполнение мелодий кантиленного характера. Хотя по техническим возможностям этот инструмент скромнее саксофона-альта, ему вполне доступно исполнение пассажей различной сложности.

Саксофон-бас имеет объемное и насыщенное звучание в нижнем и среднем регистрах; в верхнем звучит тускло, хрипло и применяется крайне редко.

Завершая экскурс в историю возникновения и развития саксофона, нельзя не отметить его важность и для музыкальной классики. Семейство этих инструментов объединило разные оркестровые группы (язычковые с группой медных духовых) и обеспечило переход звучания между ними. Саксофон украсил сольные и оркестровые сочинения, придав им теплое дыхание.

Кларнетное и саксофонное исполнение полиинструментальных вещей имеет некоторые различия в зависимости от задач, решаемых в оркестровом классе, но несомненно идентичность особенностей постановки при игре. В сольной практике оба инструмента одинаково эффективно передают чувства и настроения от исполнителя к слушателям.

В классификации музыкальных инструментов кларнет и саксофон относят к группе с одинар-

ным бьющимся язычком. Это предполагает одинаковые принципы звучания и сходство методик звукоизвлечения.

Напомним, что в апреле 2005 года исполнилось 300 лет изобретению кларнета, а саксофону в 2014 году исполнится 150. Саксофон не звучал в музыкальных произведениях до 1864 года, но позже композиторы (Дебюсси, Глазунов и др.) создали ряд выдающихся произведений для него. Он приобрел значимость в академической музыке XX века, а в джазе стал незаменим. Наибольшее распространение получили саксофон-альт и -тенор. Общая «биография» кларнета и саксофона повлекла за собой сходные методические принципы обучения игре на них.

Надеемся, что проделанный экскурс в историю создания инструментов будет иметь не только познавательный интерес, но и послужит методическим пособием для изучения исполнительских возможностей, овладения техническими пассажами и мелодическими линиями при игре на кларнете и саксофоне. В дальнейшем считаем необходимым выделить специфические закономерности тембрового звучания и постановки, присущие кларнету и саксофону отдельно.

Литература

1. *Артемьев И. Л.* Искусство игры на духовых инструментах: вопросы истории, теории, методики. Тамбов, 2005.
2. *Боровский В. С.* Искусство игры на духовых инструментах (фагот, саксофон): учеб. пособие. Рига, 1984.
3. *Михельсон Г.* 16 школ для всех ныне употребительных в русской армии медных, деревянно-духовых и струнных инструментов: Тетрадь 10. Полная школа для кларнета. М., 1880.
4. *Баранцев А. П.* Из истории духовых классов Петербургско-Ленинградской консерватории (1862–1987 гг.): деревянные духовые. Петрозаводск, 2007.
5. *Косенко А. А.* Рациональное применение аппликатуры как выразительное средство кларнетиста: учеб.-метод. пособие. Саратов, 2003.
6. *Скорыходов В. П.* Пособие для класса деревянных духовых инструментов. М., 1977.
7. *Хотенцев А. А.* Формирование профессиональной компетентности музыканта-исполнителя в процессе обучения игре на различных видах кларнета: дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.

V. M. PODAYUROV. WOODWINDS: CLARINET AND SAXOPHONE

The article represents the historical survey of forming, improving and co-operation of clarinet and saxophone pedagogy and performance.

Key words: *clarinet performance, clarinet pedagogy, saxophone performance, saxophone pedagogy.*

Л. В. ШУМНАЯ

СТРУКТУРА ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ ЮНЫХ ПИАНИСТОВ

В статье рассматриваются мотивационно-потребностный, операционально-творческий и эмоционально-ценностный компоненты творческого воображения младших школьников.

Ключевые слова: структура творческого воображения, начальный этап обучения игре на фортепиано.

Проблемы творческого воображения, играющего особую роль в становлении музыканта-профессионала, привлекали внимание ученых с давних времен. Идея развития этой способности сформировалась еще в эпоху Просвещения. В XIX веке творческое воображение становится предметом научного интереса психологов и других специалистов. В XX веке работа велась в двух направлениях: с одной стороны, изучалось развитие воображения в онтогенезе (Л. С. Выготский, И. Р. Батаев, А. В. Дидецкий, О. М. Дьяченко, Г. А. Кирилова, А. В. Петровский, А. Б. Эльконин и др.), с другой – функциональное развитие данного процесса (Е. И. Игнатъев, Э. В. Ильенков и др.).

Развитие творческого воображения в младшем школьном возрасте происходит в рамках предметной деятельности и в процессе овладения навыками игры на фортепиано. Рассматривая творческое воображение младших школьников в классе фортепиано, необходимо прежде всего определить составляющие его компоненты. В сфере исполнительской деятельности в классе фортепиано нами выделены мотивационно-потребностный, операционально-творческий и эмоционально-ценностный компоненты.

Мотивационно-потребностный компонент определяет совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение и потребности человека, его профессиональную ориентацию. Мотивационного объяснения при формировании творческого воображения требуют следующие стороны поведения учащегося: возникновение, продолжительность, устойчивость, направленность поставленной цели, настрой на будущую деятельность, ее продолжительность и целостность. Рассматривая мотивационно-потребностный компонент, необходимо характеризовать мотивы, потребности, цели, намерения, желания и интересы обучаемого в классе фортепиано.

Тот или иной мотив отражает определенную направленность деятельности учащегося в классе фортепиано, определяет его потребности и положительно влияет на развитие творческого воображения. Если, например, ребенок, занимаясь музыкой, учит пьесу для того, чтобы выступить на академическом концерте, а в целом его исполнительская деятельность стимулируется лишь внешними атрибутами – оценками, нельзя, как отмечает А. Н. Леонтьев, говорить о подлинно музыкальной деятельности [1]. Разучивание пьесы учеником есть лишь действие в структуре деятельности по подготовке к академическому концерту. Музыкальная деятельность является поли-

мотивированной, независимо от того, на какой ступени обучения находится исполнитель, поэтому необходимо учитывать весь сложный комплекс мотивов, который способствует развитию творческого воображения и самоутверждению личности исполнителя.

С формированием профессиональных навыков учащихся и пробуждением творческого интереса к занятиям тесно связан операционально-творческий компонент. Здесь следует обратить внимание на развитие музыкального восприятия учащихся, формирование правильных навыков игры в классе фортепиано. Важно ставить перед младшими школьниками определенные задачи, направлять учеников на достижение результата.

На первом и втором году обучения в контексте операционально-творческого компонента воображения закладываются основы интерпретации музыкального произведения, чему способствует использование метода моделирования творческого процесса, применение проблемных, развивающих методов обучения. На третьем году занятий в классе фортепиано педагог также обращается к сюжетно-ролевым играм [2], например, помогает юному пианисту представить, что его две руки – это два персонажа, вступающих в гармоничный диалог или, наоборот, противоречащих друг другу.

Формой продуктивной деятельности детей младшего школьного возраста является сочинение музыки – целенаправленный творческий процесс создания определенного результата [3]. Креативная деятельность требует особых операционально-технических навыков. В процессе конструирования музыкального сочинения ребенок учится соотносить различные выразительные средства: мелодию, гармонию, музыкальный ритм, размер, динамику, форму. В идеальном варианте сочинение должно соответствовать поставленной задаче и тематике, которую хочет выразить ребенок. Формирование операционально-творческого компонента музыкального воображения позволяет расширить возможности учащихся в овладении теоретическими и практическими навыками, необходимыми для обучения в классе фортепиано.

Эмоционально-ценностный компонент творческого воображения может быть охарактеризован с точки зрения его силы и глубины проявления. Чем большее значение имеет для учащегося исполняемая пьеса, тем ярче, полноценнее будет отражено в исполнении содержание исполняемой музыки. Различные пьесы должны отличаться не только контрастным характером, но и обладать яркими, образными характеристиками звучащей

музыки. Педагогу следует подготовить ученика к разнообразному репертуару и обратить его внимание на формы и методы работы над музыкальным произведением.

Эмоциональное восприятие музыки способствует ее лучшему усвоению, установлению закономерных связей между звуками мелодии, порождает в сознании первые яркие образы. Эмоциональная отзывчивость поддается развитию и ее планомерная тренировка должна начинаться уже в раннем детском возрасте. Следует помнить, что, работая с учащимися 1–4-го классов, необходимо учитывать их возрастные особенности. Ключевыми моментами эмоционального развития детей младшего школьного возраста являются:

- художественно-образное освоение воспринимаемых и исполняемых сочинений;
- двигательное отображение музыкального образа;
- осознание роли средств музыкальной выразительности.

Таким образом, развитие каждого из компонентов творческого воображения – операционально-творческого, мотивационно-потребностного, эмоционально-ценностного – в той или иной мере

влияет на его развитие в целом и на формирование у учащегося следующих качеств:

- 1) продуктивности воображения – способности генерировать максимальное количество идей в ответ на проблемную ситуацию;
- 2) оригинальности воображения – способности выдвигать новые, оригинальные идеи (все задания в классе фортепиано должны быть направлены на проявление творческого воображения);
- 3) гибкости воображения – способности быстро и легко находить новые стратегии решения, устанавливать необычные ассоциативные связи.

Все вышеперечисленные компоненты творческого воображения формируются в процессе развития индивидуальных способностей ребенка, в результате создания благоприятной атмосферы творчества в классе фортепиано.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 57.
3. Дьяченко О. М. Пути активизации воображения дошкольников // Вопросы психологии. 1987. № 4. С. 23.
3. Николаева Е. И. Психология детского творчества. М., 2006. С. 53.

L. V. SHUMNAYA. THE STRUCTURE OF YOUNG PIANISTS' CREATIVE IMAGINATION

The article examines the motive-required, operative-creative and emotional-valuable components of young pianists' creative imagination.

Key words: *creative imagination structure, the first stage of pianists' training.*

А. И. ЩЕРБИНА

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ САМОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье обобщаются подходы к интерпретации компонентов самосознания, выделению анализа его «нормы» и «отклонений».

Ключевые слова: *личность, структурные компоненты самосознания, самопознание, идентификация.*

Одним из основоположников изучения личности в отечественной психологии является С. Л. Рубинштейн. Изданный в 1935 году его фундаментальный труд «Основы общей психологии» стал отправной точкой развития многих направлений в исследовании человека. Самосознание личности ученый рассматривал в контексте жизненного пути. «Психология, – писал он, – является чем-то большим, чем поприще для досужих упражнений ученых книжных червей <...> стоит того, чтобы живой человек отдал ей свою жизнь и силу, не может ограничиться абстрактным изучением отдельных “функций” самих по себе; она должна, проходя через изучение функций, процессов и т. д., в конечном счете приводить к действительному познанию реальной жизни» [1].

Личностью является человек, который достаточно полно осознает и строит свое отношение к

миру. Личность самоопределяет себя, и это выражается в ее самосознании. «Самосознание человека не дано непосредственно в переживаниях, оно является результатом познания, для которого требуется осознание реальной обусловленности своих переживаний <...> Самосознание человека – это вообще не только теоретическое, познавательное, но и моральное сознание. Корнями своими оно уходит в общественное бытие личности» [2].

Подобные идеи мы находим и у Л. С. Выготского, который полагал, что личность можно постичь через ее самосознание. В то же время психолог придавал большое значение познанию социальных условий: «Овладеть правдой о личности и самой личностью нельзя, пока человечество не овладело правдой об обществе и самим обществом» [3]. Идеи ученого о предпосылках личностного

развития человека приняты в отечественной психологии как основополагающие. А. Н. Леонтьев развил их в своей работе «Деятельность, сознание, личность» (1977).

В более позднее время значимость самосознания как самостоятельного объекта исследования в отечественной психологии стали обсуждать ученые И. С. Кон (1978), М. И. Лисина (1986), В. С. Мерлин (1970), В. С. Мухина (1975–1995), И. И. Чеснокова (1977), В. В. Столин (1983), Д. В. Ольшанский (1984) и др.

В. С. Мерлин под самосознанием понимает свойство человека осознавать себя субъектом деятельности со специфической психологической и социально-нравственной характеристикой. Рассматривая самосознание как сложное синтетическое образование, он путем сравнительного психопатологического анализа деперсонализаций при различных заболеваниях выделил следующие его компоненты: «сознание тождественности», сознание «Я», осознание своих психических свойств, социально-нравственная самооценка. Связь этих составляющих определяет структуру самосознания. Ее источниками являются направленность личности и предметное сознание. Важнейшую роль во взаимовлияниях компонентов структуры самосознания играет самооценка. По мнению автора, четыре компонента самосознания находятся в определенной генетической связи: первый из них формируется к 11–12 месяцам жизни ребенка, второй – к 2,5–3 годам и последние два – в подростковом возрасте. В. С. Мерлин ставит вопрос об отклонениях в развитии структурных компонентов самосознания. В качестве таковых выступают: отчуждение от собственного тела в целом или его частей, отчуждение от своей личности (чужими кажутся мысли, чувства, представления и вся психическая деятельность) [4].

И. И. Чеснокова рассматривает самосознание как особый интегрирующий процесс психики и видит в нем центральное образующее в структуре личности. Сущность этого процесса сводится к формированию понятия «Я» как субъекта, отличного от других. В структурном отношении самосознание представлено единством трех сторон: познавательной (самопознание), эмоционально-ценностной (самоотношение), действенно-волевой (саморегуляция). Названные компоненты самосознания прослеживаются на уровне «Я – другой», когда человек для познания себя использует приемы самовосприятия и самонаблюдения, и на уровне «Я – Я», где применяются приемы самоанализа и самоосмысления. В онтогенетическом плане самосознание представлено в качестве постепенно развертывающегося во времени интегративного процесса психики, в основе которого лежит все более усложняющаяся деятельность самосознания, эмоционально-ценностное отношение к себе, способность регулировать свое поведение. Новообразования в самосознании «привязаны» к кризисным возрастам, выделяемым согласно принятой в отечественной психологии периодизации [5].

Д. В. Ольшанский сделал акцент на анализе структурных компонентов самосознания и их фун-

кций при ориентировании человека в комплексе собственных внутренних установок и целей своей деятельности. Для построения схемы экспериментального исследования психики автор выделил как основные составляющие самосознание и самооценку. Под первым понимается преимущественно рациональный процесс, результатом которого выступает знание о себе. Ольшанский считает, что самосознание изучается неравнозначно с точки зрения представленности в нем рационального и эмоционального компонентов. Поэтому он подробнее останавливается на анализе и исследовании эмоционально-смысловой самооценки, которая далеко не всегда осознается человеком. Каждый компонент самосознания выполняет свои специфические функции, в целом связанные с программированием поведения личности. Но эмоционально-смысловая самооценка в большей степени участвует в этом процессе, тогда как рациональная преимущественно связана с регулированием и корректированием поведения [6].

Экспериментальное изучение структуры самосознания осуществил В. В. Столин. Под самосознанием автор прежде всего мыслит процесс познания себя и формирования отношения к себе. Самосознание характеризуется своим продуктом – представлением о себе («Я-концепцией»). В составе этой содержательной единицы конфликтный смысл «Я» вбирает в себя когнитивную, эмоциональную и отношенческую компоненты. Развивая идею об уровне строения самосознания, автор предлагает в соотнесении с видами активности человека выделять организмический, индивидуальный и личностный уровни. Столин вводит понятия «горизонтального» и «вертикального» строения самосознания [7]. Для описания «горизонтального» уровня самосознания ученый использует два понятия: «самоотношение» и «самопознание». Самоотношение – это довольно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и образ «Я». Оно первично в процессе генезиса относительно самопознания, и его развитие зависит от детско-родительских взаимоотношений.

Особое место в ряду исследования самосознания занимает концепция В. С. Мухиной, которая под ним подразумевает психологическую структуру, представляющую понятие в самой себе единство, находящее свое выражение в каждом из ее звеньев. В свою очередь, структура самосознания личности есть совокупность устойчивых связей, обеспечивающих ее целостность и тождественность во все периоды развития человеческой истории. Она строится во временном и социальном пространстве. В основу закладываются те образования, которые обеспечивают эмоционально положительное отношение индивида к самому себе (оно формируется людьми, особенно близкими, на ранних этапах онтогенеза). Это изначальные звенья структуры самосознания, которые можно определить как систему следующих притязаний: признание своего «Я» (своего имени, внешних физических данных и внутренней психической сущности); социальное признание; признание своей сущности как представителя пола (половая идентификация). Это

сфера изначальных основ самосознания. Еще два ее звена формируются в онтогенезе личности позднее: психологическое время личности (психологическое прошлое, настоящее и будущее); социальное пространство личности (формирование долга перед самим собой, а также формирование права личности на все ценности современного мира, в том числе и на самоуважение). В основе функционирования самосознания, согласно данной концепции, – механизм идентификации (обособления), обеспечивающий освоение человеком своей сущности (родовой и одновременно индивидуальной) [8].

Отличительная особенность изложенной концепции состоит в универсальности предложенной структуры и соблюдении традиционного для психологической науки подхода к изучению любого феномена, в описании и обосновании структурных звеньев, рассмотрении их генезиса, отклонений в развитии, а также в наличии оригинальных методов их диагностики и коррекции. Тезаурус рассматриваемой концепции в отличие от других отечественных теорий содержит понятие «звенья структуры самосознания», которое дает возможность наглядно представить схему «устройства» самосознания.

Отечественные концепции самосознания по сравнению с зарубежными четче ориентированы на саму жизнь и более единодушны в использовании тезауруса, описывающего реальность, лежащую за терминами «самосознание» и «структура самосознания». Большинство разделяет определение самосознания как основной и производной части сознания, направленного на себя как самоотражающее. Оно понимается как процесс познания человеком самого себя, в результате которого образуется представление о себе как субъекте переживаний и действий, складывается отношение к самому себе.

Таким образом, мы можем акцентировать внимание на двух подходах в отечественной психологии к изучению самосознания.

Первый характеризуется тем, что каждая авторская концепция вводит «новый» компонент в содержание самосознания. И хотя формально признается единство и целостность функционирования всех его структур, однако сами они изучаются традиционными методами в отрыве друг от друга (в модификациях, соответствующих задачам исследования). Единица анализа самосознания не выделяется. Проблема коррекции либо не ставится, либо сводится к общим рекомендациям по созданию благоприятной психологической обстановки для развития самосознания (В. С. Мерлин, И. И. Чеснокова, М. И. Лисина и др.).

Для второго подхода характерно выдвигание оригинальных концепций структуры самосознания. Делаются попытки показать ее феномены в динамике, разработать новые методы изучения и коррекции последних (В. С. Мухина, В. В. Столин). Формулируются понятия «единицы анализа и «отклонений» самосознания.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2003. С. 634.
2. Там же. С. 640.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. СПб., 1997.
4. Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности // Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та. Т. 77. Вып. 6. Пермь, 1970. С. 8–212.
5. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
6. Ольшанский Д. В. Об экспериментальном изучении структуры самосознания // Новые исследования в психологии. М., 1984. С. 17–21.
7. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
8. Мухина В. С. Личность: Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург, 2007.

A. I. SHCHERBINA. THE MAIN RESEARCH APPROACHES TO THE PROBLEM OF SELF-CONSCIOUSNESS IN HOME PSYCHOLOGY

The article generalizes the approaches of self-consciousness' components' interpretation and indicates the analysis of its «norm» and «deviations».

Key words: *personality, structural components of the self-consciousness, identification.*

П. Ю. РЫБАЧУК

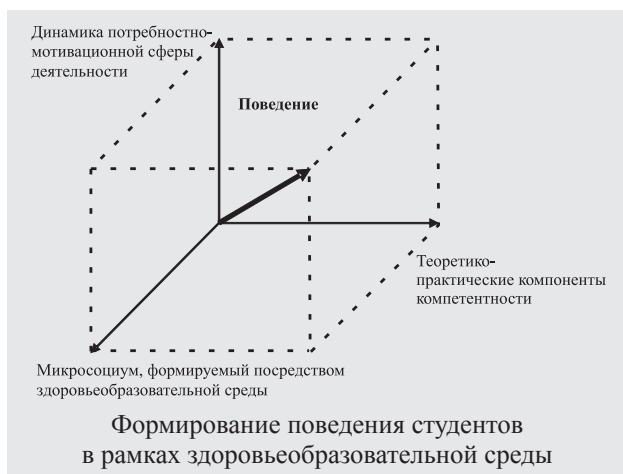
ЗДОРОВЬЕОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В статье рассматривается реализация здоровьесберегающих моделей и основных тенденций физического воспитания, формирование умений, компетенций в образовательном пространстве.

Ключевые слова: *компетенция, здоровьесбережение, здоровьесберегающая среда.*

По мнению разработчиков «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», система универсальных знаний,

умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся представляют собой комплекс ключевых

компетентностей, определяющих качественное образование.

Существуют различные подходы к понятию компетентности. Дж. Равен подчеркивает ее основополагающую роль в трудовой деятельности, основываясь на результатах исследований квалифицированного труда [1]. Лемещук характеризует компетентность как возможность добиться высоких результатов в работе [2]. Это понятие используется в бизнесе, менеджменте, образовательной среде. Целесообразен компетентностный подход и к обеспечению здоровьесобразования студентов.

Цепочка построения модели образовательного процесса физического воспитания *цель – задача – деятельность – результат – результативность* в нашем исследовании представлена как *развитие – потенцирование – адаптивная среда (взаимодействие в программах) – здоровье – компетентность*.

Признавая многогранность понятия «компетентность», обозначим ее как мыследеятельную способность к анализу, актуализации и мобилизации собственных потенциалов здоровья и физического развития. Особая логика организации мыслительной деятельности заключается в преобразующей, поисковой, креативной функциях, обеспечивающих перевод потенциальных физических и психических ресурсов студента в актуальные. Одним из критериев является эффективное поведение по охране и восстановлению собственного здоровья.

Уровень физической активности может быть трансформирован с помощью поведенческих воздействий, схему которых мы представляем на рисунке.

По мнению С. В. Дмитриева и др., поведение – система взаимосвязанных биологических реакций, осуществляемых организмами для адаптации к среде с целью достижения полезного результата [3].

Моделируя педагогический социум как оздоровительно-ориентированный, мы учитываем его

условия, способствующие эмоциональной мотивации деятельности и отношений к здоровьесобразованию. Изучение условий здоровьесобразования в студенческой среде позволило разработать адаптивно-элективный курс, модель здорового питания. Система мероприятий разбита на несколько блоков – диагностический, образовательный, мотивационный.

В состав образовательного блока входит тема «Педагогика здоровьесохранения». Дискуссионная программа включает беседы и инструктаж по следующей тематике: аэробный тренинг, аутогенная тренировка, модельно-профилактическая практика социальных болезней средствами физического воспитания и путем моделирования рационального питания. Селективный тест содержит вопросы по терминологии, основам оздоровительной тренировки и энергообеспечения человеческого организма в процессе выполнения двигательных действий. В ходе исследования здоровьесобразовательной среды мы разработали образовательную профилактическую модель и апробировали ее в конкурсе «Создай себя».

Программа конкурса «Создай себя» включает фотосессию, отражающую проблему здоровьесобразования глазами студенчества. Выполняются творческие задания на проектирование индивидуальной модели физического совершенствования студента (реклама «проблемы здоровьесобразования») и на лучший сценарий образовательно-оздоровительного праздника.

Итак, система здоровьесобразующей среды призвана помочь молодому человеку найти себя и построить собственную деятельность [4]. Молодые люди «ищут те виды двигательной активности, в которых они могут реализовать свой потенциал» [5].

Литература

1. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. М., 2002. С. 52.
2. Лемещук Р. Практики разработки и внедрения компетенций // Генеральный директор. 2006. № 3. С. 14–17.
3. Дмитриев С. В., Оленев Д. В., Лемаев С. В. Проблема социокода в теории двигательных действий // Совр. информац. технологии в физич. культуре и спорте: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2001. С. 61–63.
4. Виленский М. Я. Физическая культура как образовательная дисциплина в современной высшей школе // Физич. культура и спорт как фактор информац.-воспитател. пространства совр. вуза: сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2001. С. 19–25.
5. Андриющенко Л. Б. Спортивно ориентированная технология обучения студентов по предмету «Физическая культура» // Теория и практика физич. культуры. 2002. № 3. С. 51.

P. YU. RYBACHUK. HEALTH-SAVING OF STUDENTS IN SPECIALIZED SECONDARY EDUCATION INSTITUTIONS

The article deals with the realization of health-saving models, contents of the main tendencies of physical education and forming the competence in the field of education.

Key words: *competence, health care, field of healthy.*

М. Н. ДЕГТЯРЕВА

ПЛЕТЕНИЕ ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дано описание техник плетения из рогоза и чакана, применяемых цехом «Каспийские умельцы».

Ключевые слова: *ремесло плетения, камыш, тростник, цех, артель.*

Изготовление плетеных изделий из разнообразных растительных материалов является одним из традиционных ремесел, характерных для Астраханской области и многих других районов нашей страны. В условиях южного климата бывает богато представлена разного рода болотная растительность – чий, рогоз, чакан, камыш или так называемая куга (*typha latifolia* – семейство рогозовых), которые служат основным материалом для производства плетеных изделий. Тростник издавна был незаменимым материалом для обустройства крестьянского хозяйства, не требующим каких-либо дополнительных затрат на заготовку или приобретение. Известно, что в прошлом плетение из рогоза было распространено у многих народностей: казахов, калмыков, белорусов, русских, украинцев.

В начале XX века в Астраханской области растение рогоз, как и везде в других регионах, шло на различные практические нужды. Молодые побеги использовали для кормления домашних животных, а зрелые стебли камыша еще до недавнего времени повсеместно применялись для изготовления разнообразной бытовой утвари и заготов для скота, а также для строительства жилищ – так называемых мазанок.

Для их сооружения камыш при срезке плотно связывали в небольшие снопы. Затем устанавливали эти снопы, формируя тем самым каркас дома, и накладывали на них глиняную массу с примесью навоза, разведенную водой. Так получались камышовые стены. Спустя некоторое время глиняной массой повторно обмазывали стены жилища снаружи и внутри. Такое жилище было наиболее приспособлено к местному климату: теплое, легко отапливаемое, не продуваемое степными ветрами зимой и сохраняющее прохладу под палящим астраханским солнцем.

Плетение необходимых в повседневном быту вещей требовало минимальных трудовых навыков в обращении с растительным материалом. Для удовлетворения нужд крестьянской семьи из перевитых между собой стеблей молодого чакана выплетались разнообразные по размеру и форме корзины, циновки и т. п. Сделать их в большинстве случаев не представляло сложности для любого человека. Однако во всяком деле накап-

ливается мастерство. В Астраханской области в начале XX века, как и в других районах России, возникли ремесленные цеха и артели по производству «прекрасных плетеных изделий по zahraniчным образцам» [1].

Подобные заведения не требовали «ни оборудования особых помещений, ни приобретения специальных и значительных по стоимости машин и других технических приспособлений» [2]. Изобилие и простота заготовки поделочных материалов служили залогом успешного развития промысла. По свидетельству современников, и «сбыт на плетеные изделия был вполне обеспечен», спрос на такой товар во всех регионах России был столь велик, что «не покрывался отечественным производством, и ежегодный ввоз этих изделий в Россию исчислялся миллионами рублей» [3].

В 1936 году была создана артель инвалидов, занятых изготовлением «зембелей» (ручных корзин сплюсненной формы с двумя ручками) и циновок из рогоза. Просуществовав 20 лет, артель получила свое нынешнее название – «Каспийские умельцы». С 1996 года она приобрела права государственного унитарного предприятия народного художественного промысла. Постановлением губернатора село Кармадан Володарского района, где располагается цех «Каспийские умельцы», было определено местом традиционного бытования этого народного промысла на территории Астраханской области.

В одноэтажном здании в больших светлых комнатах, где находятся несложное оборудование и инвентарь, несколько работниц, быстро перебирая пальцами, превращают обычную солому в изящные ручные поделки. Благодаря таким свойствам материала, как эластичность, стойкость, легкость и красивый цвет, мастера создают множество простых вещей, необходимых в домашнем обиходе, и изделия высокой изысканности.

В настоящее время мастера-плетельщики используют несколько общеизвестных техник для создания изделий. Техникой плетения на колодках (колодкой называется модель предмета, выточенная из дерева) выплетают корзины для рынка, шляпы, подносы, коробка различных форм и размеров. Таким же способом выполняется обвивка стеклянных бутылок в целях защиты стекла от

ударов. В традицию плетения из рогоза входит и изготовление специальной обуви. Однако самым распространенным изделием из чакана по-прежнему остается зембель – кузов, сплетенный из травы. Эта мягкая корзина или большая сумка, имеющая форму полушара, – незаменимая вещь для походов на базар.

Заготовка материала для работы в мастерских производится в период с середины сентября до середины октября. Как и в прошлом, так и сегодня ее ведут в низких заболоченных участках дельты реки Волги в тростниковых зарослях, раскинувшихся на сотни тысяч гектаров. Высокое, достигающее четырех и даже шести метров водолюбивое растение украшает берега ильменей непролазными зарослями-крепями.

Для плетения пригодны лишь растения с особенно гибким стеблем. Изделия крупных размеров изготавливают из камыша-рогоза с длинными стрелообразными листьями; на миниатюрные вазочки и шкатулки идет более мелкий стрелоллист. Он декоративен и позволяет выполнить тонкое плетение.

Чтобы плести изделие, мастера отделяют сердцевину от верхней оболочки. Оболочка используется для основы изделия, которую оплетают мягкой сердцевиной.

Из рук опытной работницы небольшой коврик выходит за 2 часа, а на самый сложный в исполнении зембель тратятся 1–2 дня работы.

С 2000 года артель «Каспийские умельцы» является постоянным участником специализированных выставок в Москве, Санкт-Петербурге и

других городах России. Изделия мастеров неоднократно заслуживали самую высокую оценку специалистов, работники артели награждались дипломами за возрождение народных художественных традиций Прикаспия [4].

Сувенирная продукция «Каспийских умельцев» сегодня хорошо известна и столичным жителям, и любителям незатейливой экзотики в разных уголках нашей страны.

Литература и примечания

1. Сведения о таких предприятиях публиковались в ряде изданий. Это «Обзоры деятельности земств по кустарной промышленности» за 1897–1898-й (Т. 2. СПб., 1899. С. 276–281, 329–330, 349), 1913-й (Т. 1. СПб., 1913. С. 234, 250), 1914 год (Т. 2. СПб., 1914. С. 2, 43, 50, 108, 139); журнал «Кустарные ремесла в России» (СПб., 1900. № 1. С. 5, 26); книга «Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г.» (С. 70) и др.

2. *Богоявленский В.* О поддержании и развитии корзиночного промысла в связи с производимыми при содействии казны работами по укреплению песков и оврагов // Труды Съезда деятелей по кустарной промышленности в Санкт-Петербурге. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1910. С. 299–300.

3. Труды съезда деятелей по кустарной промышленности ... С. 301, 320.

4. *Маркина М.* Талантливых мастеров наградили: Итоги конкурса декоративно-прикладного творчества «Русь мастеровая» // Известия. 2003. 27 июня. С. 11.

M. N. DEGTARYOVA. THE CANING OF ASTRAKHAN REGION'S PLANT MATERIALS

The article is devoted to description of cane plating technique used by association «Caspian hands».

Key words: *plating, rush, cane, association, artel.*

Библиография

Б. А. ИВЧЕНКО

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ ДИЛЕТАНТСТВА

Черников В. В. Без срока давности. М., 2007. 244 с.

Книга В. В. Черникова «Без срока давности» посвящена политике советской власти по отношению к казачеству. Следует сразу же отметить, что ее автор не получил высшего исторического образования и не является профессиональным историком.

Сама структура работы вызывает недоумение. Часть книги, названная «Фактология», скроена из ранее уже опубликованных материалов [1], причем не очень удобно для чтения. Поскольку нет четкой системы ссылок, трудно определить названия цитируемых статей по истории казачества, уточнить их выходные данные. В большинстве случаев остается неясно, где собственно авторский (В. Черникова) текст, а где цитата из чьих-то других сочинений. Из-за частого цитирования предшественников (которое уместнее назвать почти полным перепечатыванием их трудов) начало книги более всего похоже на хрестоматию историографических наработок по избранной автором теме.

Часть под заголовком «Аналитика» представляет собой размышления о возрождении казачества в современных условиях. При этом для автора книги центральной выступает идея о геноциде казаков в СССР. Не будем отрицать, что советская власть проводила жесткую политику по отношению к казачеству, которая на одних этапах приобретала формы террора, репрессий, а в 1919 году вылилась в целенаправленную ликвидацию казачества как социальной группы: от экономических санкций был сделан шаг к физическому уничтожению казаков. Однако для обоснования своих идей В. В. Черников не стесняется прибегать к откровенной подтасовке фактов, как это сделано, например, на с. 19. Здесь в якобы цитируемую статью Троцкого 1923 года вставлен отрывок из циркулярного письма по отношению к казачеству от 24 января 1919 года [2]. Тем самым у непосвященного читателя создается искаженное представление о позиции известного политического деятеля.

Кроме того, автор допускает, на наш взгляд, спорные и противоречивые утверждения о числе жертв «геноцида казачества». На с. 89 читаем, что за время существования советской власти «общее число истребленных казаков по всей России оценивается примерно в 10 миллионов человек», а на с. 121 называется цифра 7–10 млн. Методика подсчета, с помощью которой автор исчисляет потери, к сожалению, остается неизвестной. Однако если учитывать, что к 1917 году все казачье население России составляло приблизительно 4,5 млн. человек обоого пола [3], то приведенные цифры кажутся сомнительными и даже фантастически-

ми. Книга изобилует антикавказскими (с. 62–63, 125–126 и др.), антисемитскими, шовинистическими высказываниями, имеющими мало общего с серьезным научным исследованием.

Автор сетует на то, что в современных учебниках истории представители «новой демократической власти» (так именуется руководство страны после распада СССР) не рассказали о «геноциде казаков» (с. 123). Сам упрек свидетельствует о некомпетентности – незнании азов учебно-научной литературы и непонимании задач такого дидактического жанра, как учебники истории. В целом мысль В. Черникова о том, что необходимо как-то осветить проблему политики советской власти по отношению к казачеству в учебной литературе, неплоха. Однако в учебниках по истории вполне достаточно сказать об этом всего несколько слов. Подробно освещать эту проблему – задача не школьного и даже не вузовского курса истории.

Вопреки утверждениям В. Черникова, элементарное знакомство с современной учебной литературой, как общей, так и специальной в рамках курса «История казачества России» (и ему подобных, учитывающих региональный компонент), показывает совсем иное. Попытки освещения этой темы были сделаны сразу после распада СССР, например, в учебном пособии М. П. Астапенко [4], изданном в 1992 году. В этом пособии, охватывающем исторический период с 1550 по 1920 годы, уделено внимание политике советской власти по отношению к казачеству в период Гражданской войны. Кроме того, в 2000 году в Ростове-на-Дону вышло учебное пособие для вузов «История России (IX–XX вв.)» [5], три года спустя переизданное с небольшими дополнениями в Москве под названием «История России: IX–XXI века. От Рюрика до Путина» [6]. Главы об истории СССР периода власти Ленина и Сталина для обоих этих изданий написал известный казачковед А. И. Козлов [7]. Политика советской власти по отношению к казачеству объективно показана и в учебном пособии «История казачества России», изданном в 2001 году [8].

Дав волю фантазии, В. Черников видит «старого казака» в Илье Муромце (с. 209), уверяет, что «Россия» – это искаженное название страны «Россовё Русичей» (с. 124), что Сталин хорошо изучил работу Адольфа Гитлера «Моя борьба» и применял его методы на практике (с. 133). Самые пафосные страницы уделены заявлениям о том, что вследствие рассказывания «уничтожено национальное самосознание русского народа» и что долгое время осуществлялся геноцид русско-

го народа в целях физического истребления людей ради «золотого миллиарда» «Соединенных Штатов Израиля» (с. 198).

Следует признать, что, несмотря на благие намерения комплексно осветить заявленную тему, В. В. Черников не справился с задачей на должном научном уровне.

Литература

1. См.: *Безансон А.* Лихо століття. Про комунізм, нацизм та унікальність голокосту. Киев, 2007; *Кузнецов Ф.* Неразгаданная тайна «Тихого Дона». 05.03.2001. URL: <http://www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/01/379/81.html>; *Трут В.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007 и др.
2. Письмо ЦК РКП об отношении к казачеству от 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.
3. *Щетнев В. Е.* Рассказывание как социально-историческая проблема URL: http://synopsis.kubsu.ru/new_n/004_97.html
4. *Астапенко М. П.* Донские казаки. 1550–1920: учеб. пособие. Ростов н/Д, 1992.
5. История России (IX–XX вв.): учеб. пособие. М.; Ростов н/Д, 2000.
6. История России: IX–XXI века. От Рюрика до Путина: учеб. пособие. М., 2003.
7. См.: *Козлов А. И.* Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 4–19; *Он же.* Владимир Ильич Ленин. Иосиф Виссарионович Сталин // История России (IX–XX вв.) ... С. 427–498; *Он же.* Владимир Ильич Ленин. Иосиф Виссарионович Сталин // История России: IX–XXI века ... С. 463–536.
8. История казачества России: учеб. пособие / отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Анохина Светлана Владимировна** – аспирант кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств (КГУКИ), тел. 8-(928)-043-10-49
- Anokhina Svetlana Vladimirovna** – postgraduate of Theory and History of Culture department, Krasnodar State University of Culture and Arts (KGUKI)
- Апалько Ирина Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент Краснодарского высшего военного училища им. генерала С. М. Штеменко (КВВУ), i-apalko@mail.ru
- Apalko Irina Yuryevna** – candidate of Philology, assistant professor of Krasnodar military college after the name of general S. M. Shtemenko (KWWU)
- Арцимович Ирина Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент Армавирского государственного педагогического университета (АГПУ), art-94@mail.ru
- Artsimovich Irina Vladimirovna** – candidate of Pedagogy, assistant professor of Armavir State Teachers' Training University (AGPU)
- Афонина Оксана Юрьевна** – преподаватель дирижерско-хорового отделения Сочинского музыкального колледжа, oksana_afonina@mail.ru
- Afonina Oksana Yuryevna** – assistant lecturer of Conducting-choral department, Sochi musical college
- Барагамян Анжела Ашотовна** – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (КубГУ), старший преподаватель кафедры делового английского языка Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ), bangela_2008@mail.ru
- Baragamyan Anzhela Ashotovna** – candidate for a degree of French philology department of Kuban State University (KubGU), senior lecturer of Business English department of Kuban State Technological University (KubGTU)
- Бекузарова Юлия Юрьевна** – аспирант кафедры зарубежной литературы Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ), clue-puzzle@.rambler.ru
- Bekuzarova Yulia Yuryevna** – postgraduate of Foreign Literature department of the Institute of Philology of Kabardino-Balkarian State University (KBGU)
- Бондаренко Артем Владимирович** – кандидат филологических наук, докторант кафедры ближневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва), artibond@mail.ru
- Bondarenko Artyom Vladimirovich** – candidate of Philology, assistant professor, doctoral candidate of Middle-Eastern languages department, Military University of Russian Federation, Ministry of Defence (Moscow)
- Бошук Галина Анатольевна** – кандидат педагогических наук, проректор по учебной работе КГУКИ, boshuk58@mail.ru
- Boshuk Galina Anatolyevna** – candidate of Pedagogy, vice-principal of the educative work, KGUKI
- Бурмагин Александр Геннадьевич** – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КубГУ, начальник отдела департамента по связям с общественностью администрации муниципального образования г. Краснодар, burmagin@krd.ru
- Burmagin Alexandr Gennadyevich** – candidate for a degree of Contemporary History department of KubGU, the Section Chief of the Public Relations department of Krasnodar city administration

- Васильченко Наталья Николаевна** – преподаватель кафедры актерского мастерства КГУКИ, duo-kuban@rambler.ru
- Vasilchenko Natalya Nikolaevna** – assistant lecturer of Acting Skill department, KGUKI
- Ветошкина Зинаида Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы КГУКИ, тел. 8-(909)-446-77-85
- Vetoshkina Zinaida Anatolyevna** – candidate of Philology, assistant professor of Literature department, KGUKI
- Выбыванец Элеонора Васильевна** – ст. преподаватель кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования КГУКИ, тел. 8-(918)-980-70-66
- Vybyvanets Eleonora Vasilyevna** – senior lecturer of Musicology, Composition and Musical education methods department, KGUKI
- Галиченко Анджела Юрьевна** – зам. декана по учебной работе факультета музыкального творчества Белгородского государственного института культуры и искусств, anzhelika-galichenko@yandex.ru
- Galichenko Andzhela Yuryevna** – dean assistant of the educative work of Musical Arts faculty, Belgorod State Institute of Culture and Arts
- Голуб Владимир Витальевич** – кандидат педагогических наук, доцент Ростовского военного института ракетных войск, тел. 8-(909)-414-18-06
- Golub Vladimir Vitalyevich** – candidate of Pedagogy, assistant professor of Rostov Military Institute of rocket forces
- Григоренко Сергей Геннадиевич** – зам. директора Центра довузовской подготовки КубГТУ, sergei_k-media@list.ru
- Grigorenko Sergey Gennadievich** – assistant director of Pre-high school education Centre, KubGTU
- Гусарова Елена Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии творчества КГУКИ, gusarova.en@inbox.ru
- Gusarova Elena Nikolayevna** – candidate of Pedagogy, assistant professor of Pedagogy and Psychology of Arts department, KGUKI
- Данилюк Марина Юрьевна** – аспирант Дагестанского научного центра РАН, тел. 8-(988)-290-04-06
- Danilyuk Marina Yuryevna** – postgraduate of Dagestan Scientific Center RAN
- Дегтярева Мария Николаевна** – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования КГУКИ, тел. 8-(918)-607-69-14
- Degtyaryova Maria Nikolaevna** – postgraduate of Theory and Methodology of professional education department, KGUKI
- Дерюгина Елена Владимировна** – соискатель кафедры русского языка и общего языкознания КБГУ, H2S043@yandex.ru
- Deryugina Elena Vladimirovna** – candidate for a degree of Russian Language and General Linguistics department, KBGU
- Дечева Алла Владимировна** – ст. преподаватель кафедры народного танца КГУКИ, cl2002krasn@rambler.ru
- Decheva Alla Vladimirovna** – senior lecturer of Folk dance department, KGUKI
- Джанхотова Зауризат Хасановна** – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного КБГУ, djanhotova@mail.ru
- Dzhankhotova Zaurizat Khasanovna** – senior lecturer of the Russian language department, KBGU
- Дресслер Бригитте** – зав. кафедрой русского языка Университета прикладных технических наук (г. Берлин)
- Dressler Brigitte** – chief of Russian language department of the University of Applied Technical Sciences (Berlin)

- Ежова Елена Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой СМИ Ставропольского государственного университета, докторант кафедры СМИ, Lub_prof@mail.ru
- Yezhova Elena Nikolaevna** – candidate of Philology, doctoral candidate, assistant professor and chief of Mass-media department, Stavropol State University
- Зайцев Андрей Алексеевич** – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КубГУ, director@krasnodar-ivesep.ru
- Zaytsev Andrey Alekseevich** – candidate of History, assistant professor, professor of Contemporary History department, KubGU
- Зуева Ольга Борисовна** – ст. лаборант-исследователь Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала), тел. 8-(909)-478-26-61
- Zuyeva Olga Borisovna** – senior laboratory assistant and researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Science (Makhachkala)
- Ивченко Богдан Анатольевич** – студент 5-го курса исторического факультета Харьковского национального университета, bogdanio@mail.ru
- Ivchenko Bogdan Anatolyevich** – senior student (5th year) of History faculty, Kharkovskiy State University
- Каширина Елена Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга КГУКИ, kasir@kubstu.ru
- Kashirina Elena Ivanovna** – candidate of History, assistant professor of Marketing department, KGUKI
- Киндзерская Марина Александровна** – кандидат культурологии, доцент Дмитровского филиала Российской международной академии туризма, marinakult@rambler.ru
- Kindzerskaya Marina Alexandrovna** – candidate of Cultural Studies, assistant professor of the Dmitrov branch of Russian International Academy of Tourism
- Кирюхина Марина Александровна** – соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, Zheniamarina@inbox.ru
- Kiryukhina Marina Alexandrovna** – candidate for a degree of General and Slavic-Russian Linguistics department, KubGU
- Колесов Владимир Игоревич** – зав. отделом этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (КГИАМЗ), тел. 8-(861)-262-53-76
- Kolesov Vladimir Igorevich** – chief of Ethnography department of Krasnodar State History and Archeological Museum after the name of YE. D. Felitsyn (KGIAMZ)
- Корнилов Михаил Евгеньевич** – аспирант кафедры философии КубГТУ, тел. 8-(918)-390-23-83
- Kornilov Mikhail Evgenyevich** – postgraduate of Philosophy department, KubGTU
- Костылев Сергей Васильевич** – кандидат философских наук, доцент, ст. преподаватель кафедры социальной техники КВВУ им. С. М. Штеменко, Kostilevsv@rambler.ru
- Kostylev Sergey Vasilyevich** – candidate of Philosophy, senior lecturer and assistant professor of Social Technics department, KWWU after the name of general S. M. Shtemenko
- Ктиторов Сергей Николаевич** – доцент кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин АГПУ, belaleks@bk.ru
- Ktitorov Sergey Nikolaevich** – assistant professor of Region science and Special historical disciplines department, AGPU

- Кубашичева Зарема Юрьевна** – преподаватель кафедры истории и права Майкопского государственного технологического университета, тел. 8-(918)-925-93-43
- Kubashicheva Zarema Yuryevna** – assistant lecturer of History and Law department of Maikop State Technological University
- Кулаков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, декан факультета рекламы и социально-культурной деятельности КГУКИ, V_Kulakov@mail.ru
- Kulakov Vladimir Vladimirovich** – doctor of History, professor, dean of Advertising and Socio-cultural activities faculty, KGUKI
- Куликова Татьяна Александровна** – аспирант кафедры документоведения и информационной культуры КГУКИ, room723@mail.ru
- Kulikova Tatyana Aleksandrovna** – postgraduate of Documentary and Informational Culture department, KGUKI
- Курицына Татьяна Николаевна** – декан факультета менеджмента Академии маркетинга и социально-информационных технологий, аспирант кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования КГУКИ, TNK_krasnodar@mail.ru
- Kuritsyna Tatyana Nikolaevna** – dean of Management faculty of the Academy of Marketing and Socio-informational Technology, postgraduate of Musicology, Composition and Methodology of Musical Education department, KGUKI
- Луконина Оксана Игоревна** – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки Волгоградского института искусств и культуры, maxoks@mail.ru
- Lukonina Oksana Igorevna** – candidate of Art, assistant professor of Music History department in Volgograd Institute of Arts and Culture
- Мальбахова Саратина Исмаиловна** – соискатель кафедры библиотечно-библиографической деятельности, зав. отделом инноваций и маркетинга Государственной национальной библиотеки КБР им. Т. К. Мальбахова, saratina2007@yandex.ru
- Malbakhova Saratina Ismailovna** – candidate for a degree of Bibliothecal-bibliographical department, head of the department of Innovations and Marketing of State National Library of Kabardino-Balkaria named after T. K. Malbakhov
- Нагапетова Анжела Герасимовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии АГПУ, anagapetova@yandex.ru
- Nagapetova Anzhela Gerasimovna** – candidate of Philology, assistant professor of Philosophy and Cultural Sciences department, AGPU
- Новак Любовь Геннадьевна** – соискатель кафедры французской филологии КубГУ, com09@kubzsk.ru
- Novak Lyubov Gennadyevna** – candidate for a degree of French Philology department, KubGU
- Новикова Валерия Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы КГУКИ, gandzi@yandex.ru
- Novikova Valeria Yuryevna** – candidate of Philology, assistant professor of Literature department, KGUKI
- Оломская Наталья Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии КубГУ, olomnat@mail.ru
- Olomskaya Natalya Nikolaevna** – candidate of Philology, assistant professor of the English Philology department, KubGU
- Патюкова Регина Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций КубГУ, patukovaregina@rambler.ru
- Patyukova Regina Valeryevna** – candidate of Philology, assistant professor of Public Relations and Social Communications department, KubGU

- Петьков Валерий Анатольевич** – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики АГПУ, belaleks@bk.ru
- Petkov Valery Anatolyevich** – doctor of Pedagogy, professor of Pedagogics department, AGPU
- Подаюров Владимир Михайлович** – аспирант кафедры пения и хорового дирижирования Московского городского педагогического университета, podajurov2009@rambler.ru
- Podayurov Vladimir Grigoryevich** – postgraduate of Singing and Choir Conducting department of Moscow City Teachers' training Institute
- Приймак Юрий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории АГПУ, priymak1975@mail.ru
- Priymak Yury Vladimirovich** – candidate of History, assistant professor of General and Regional History, AGPU
- Репина Марина Валерьевна** – ст. преподаватель кафедры методики и практики преподавания иностранных языков и культур КГУКИ, RepinaMarina@yandex.ru
- Repina Marina Valeryevna** – senior lecturer of Methodology and Practical training of Foreign Languages department, KGUKI
- Рыбачук Павел Юрьевич** – соискатель кафедры теории и методики физического воспитания Майкопского института дзюдо, тел. 8-(861)-248-77-05
- Rybachuk Pavel Yuryevich** – candidate for a degree of Theory and Methodology of Physical Culture department of Maikop Judo Institute
- Свитенко Наталья Вячеславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы КубГУ, svitenko@list.ru
- Svitenko Natalya Vyacheslavovna** – candidate of Philology, assistant professor of History of Russian Literature department, KubGU
- Сень Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, зам. директора по научной и выставочной деятельности КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, тел. 8-(861)-262-53-76
- Sen Dmitry Vladimirovich** – candidate of History, assistant director in Science and Exhibition Work of KGIAMZ after the name of YE. D. Felitsyn
- Симоненко Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, docsimon@yandex.ru
- Simonenko Mikhail Yuryevich** – candidate of Philology, doctoral candidate of General and Slavic-Russian Linguistics department, KubGU
- Синько Вячеслав Максимович** – соискатель кафедры педагогики АГПУ, директор профессионального училища № 58 г. Армавира, belaleks@bk.ru
- Sinko Vyacheslav Maximovich** – candidate for a degree of Pedagogy department AGPU, the headmaster of professional college № 58 (Armavir)
- Скороходов Максим Владимирович** – кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник, ученый секретарь Есенинской группы Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук (г. Москва), тел. 8-(903)-729-50-34
- Skorokhodov Maxim Vladimirovich** – candidate of Philology, senior research assistant and Esenin's group academic secretary of Institute of World's Literature (Russian Academy of Science) after the name of M. Gorky (Moscow)
- Скрипкина Алина Вячеславовна** – кандидат педагогических наук, зав. отделом грантов КГУКИ, cl2002krasn@rambler.ru
- Skripkina Alina Vyacheslavovna** – candidate of Pedagogy, chief of Grants department, KGUKI

- Стражникова Татьяна Ивановна** – кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования КГУКИ, тел. 8-(961)-587-91-20
- Strazhnikova Tatyana Ivanovna** – candidate of Pedagogy, professor of Musicology, Composition and Methodology of Musical Education department, KGUKI
- Танкиева Лидия Хусейновна** – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета, зав. отделом ингушской литературы НИИ им. Ч. Э. Ахриева, тел. 8-(962)-637-67-33
- Tankieva Lidiya Khuseynovna** – candidate of Philology, professor of Russian and Foreign Literature department of Ingush State University, head of Ingush Literature department at the Research Institute after the name of Ch. E. Akhriev
- Федина Татьяна Юрьевна** – кандидат исторических наук, докторант кафедры теории и истории культуры КГУКИ, cl2002krasn@rambler.ru
- Fedina Tatyana Yuryevna** – candidate of History, doctoral candidate of Theory and History of Culture, KGUKI
- Чумаченко Виктор Кириллович** – кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы КГУКИ, vchum@rambler.ru
- Chumachenko Viktor Kirillovich** – candidate of Philology, professor, chief of the of Literature department, KGUKI
- Шаулов Алексей Валерьевич** – кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник сектора русского языка и литературы Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А. А. Тахо-Годи (г. Махачкала), avshsuper@mail.ru
- Shaulov Aleksey Valeryevich** – candidate of Pedagogy, senior research assistant of Russian Language and Literature section of Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy after the name of A. A. Takho-Godi
- Шумная Людмила Васильевна** – соискатель кафедры теории и истории музыки и композиции КГУКИ, тел. 8-(918)-472-23-48
- Shumnaya Lyudmila Vasilyevna** – candidate for a degree of Music Theory, History and Composition department, KGUKI
- Щербина Анна Ивановна** – ст. преподаватель кафедры дошкольной педагогики и психологии КубГУ, sofbel@mail.ru
- Shcherbina Anna Ivanovna** – senior lecturer of Pre-school Pedagogy and Psychology department, KubGU
- Юрьева Марианна Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы КубГУ, VetaSolo@mail.ru
- Yuryeva Marianna Vladimirovna** – candidate of Philology, assistant professor of History of Russian Literature department, KubGU

ПАМЯТКА АВТОРУ

Материалы предоставляются в редакцию на дискетах стандартного формата в текстовом редакторе Word с распечаткой в одном экземпляре. Оформление материалов стандартное (электронный адрес: cl2002krasn@rambler.ru).

В начале статьи автор помещает аннотацию (не более 3–4 строк) и ключевые слова на русском языке, а в конце статьи (после списка литературы на русском языке) свою фамилию и инициалы, название статьи, аннотацию, ключевые слова – на английском языке.

Сноски проставляются в тексте в квадратных скобках (с клавиатуры) и выносятся в конец статьи в раздел «Литература». Автоматическая постановка сносок не допускается. Сноски располагаются не по алфавиту, а по мере цитирования литературы. Они должны содержать следующую информацию: сведения об авторе, полное название книги, место и год издания, указание на конкретную страницу.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, диаграммы) должны быть высокого качества и подписаны.

Статья дополняется сведениями об авторе на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес и номера телефонов для связи, адрес электронной почты).

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Предлагаемые к изданию рукописи проходят обязательное рецензирование.

Рукописи не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с авторами по поводу отклоненных материалов, а лишь сообщает мотивированное заключение научных рецензентов или решение редколлегии.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с согласия редакции.

Редакция не рассылает авторские экземпляры. Журнал распространяется только по подписке (см. каталог Роспечати).

Стоимость одной журнальной страницы (чуть более двух страниц обычного компьютерного текста, набранного 14 кеглем через полтора компьютерных интервала) составляет в 2008 году – первой половине 2009 года 1656 руб. 43 коп.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ
Региональный научный журнал
№ 2 (31), 2009

Сдано в набор 10.04.2009. Подписано в печать 24.04.2009. Формат 60x90¹/₈. Бумага Sveto Copy.
Печать офсетная. Объем 19,53 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 9123.

Тираж изготовлен в типографии ООО «Просвещение-Юг».
350059, г. Краснодар, ул. Селезнева, 2. Тел.: 239-68-31.